ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ДВЕ СИЛЫ

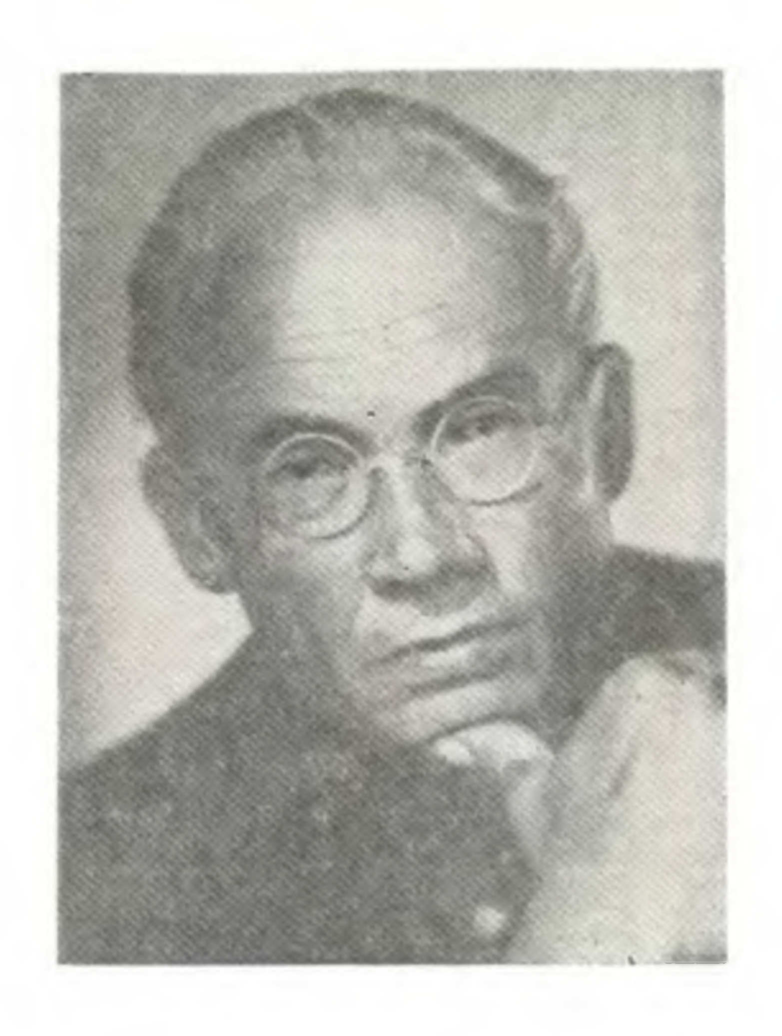
РОМАН ИЗ СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ

БОРЬБА ЗА АТОМНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО НАД МИРОМ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Издание журнала
„СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ"
С.Ш.А., Нью Иорк, 1968.

Адрес Издательства:
"FREE WORD"
P. O. Box 992.
Newark, N. J. 07101, U.S.A.

PRINTED BY: EAST SIDE PRESS. 166 FIRST AVENUE. NEW YORK 9. N. Y.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ АВТОРА

Автор этого романа, Иван Лукьянович Солоневич, родился 1 ноября 1891 года в глухой деревне Гродненской губернии — сердце Белоруссии. Его отец, Лукьян Михайлович, из крестьянской семьи, напряженной учебой добился звания народного учителя. И из деревни стал писать статьи и заметки в газеты города Гродно. Губернатор Гродно, П. А. Столыпин, заметил способности скромного деревенского учителя, помог ему перебраться в город, основать там „Белорусское Общество" и газету „Белорусская Жизнь", — для борьбы против ополячивания и окатоличивания белоруссов. Впоследствии Лукьян Михайлович был кандидатом в Гос. Думу.

Отец Ивана еще в деревне женился на девушке-белорусске Юлии Ярушевич. Там же родились трое его сыновей, (в будущем все получили высшее образование). У всех была чисто славянская кровь (белоруссы — самые чистые славяне), а среди родных — два деда и пять дядей были священниками . . .

Иван, уже студентом, энергично помогал своему отцу в издании газеты — эта близость к прессе отразилась на всех братьях.

Февральская революция застала всех Солоневичей в Петербурге, но гражданская война развеяла их по всему лону Матушки России. Будучи в Одессе, Иван заболел сыпняком и не смог эвакуироваться. Средний брат, Всеволод, погиб в 1920 г. в армии Врангеля. Младшему, Борису, тоже не удалось эвакуироваться, и братья свиделись только в 1925 г. в Москве. В тот период оба брата занимали очень видное положение в спорте: Иван был инспектором физкультуры ВЦСПС (профсоюзов), а Борис — инспектором физической подготовки Военно-Морских Сил.

Иван еще накануне первой мировой войны в Минске женился на преподавательнице французского языка Тамаре Воскресенской.

Ей, блестящей лингвистке, удалось в период НЭП получить командировку в советское торгпредство в Берлин, где она с сыном Юрием провела 3 года. Но Ивана туда не выпустили — тем более, что Борис за подпольное руководство скаутским движением был сослан на Соловки.

Потом наступила эпоха коллективизации, и стало все яснее, что поворот к „зажиму" неизбежен. Когда Борис отбыл Соловки и ссылку в Сибири, братья решили бежать из „социалистического рая". Предварительная разведка показала, что только побег в Манджурию и Финляндию дает гарантию — не быть выданным советам. Решено было бежать через Карелю в Финляндию. Тамаре

удалось познакомиться с немецким техником, годным ей в сыновья, и, заключив фиктивный брак, она получила немецкое подданство и в 1932 году законно уехала в Берлин.

Первая попытка побега состоялась в 1932 году. Но братья не знали, что в Карелии есть магнитные аномалии, и что там компасы врут, как нанятые. Группа заблудилась, Иван заболел, и пришлось вернуться из карельских лесов, района водопада Кивач. Но ГПУ уже кое что заподозрило, и при следующей попытке побега, в 1933 г., все были арестованы в поезде на пути к Мурманску . . . Братья получили по 8 лет конц-лагеря. 18-летний сын Ивана, Юра — 3 года. Но им всем чудесно повезло — вместо отправки в Сибирские лагеря, их эшелон был направлен в Карелию — откуда они (из разных лагерей) благополучно ушли в Финляндию в 1934 году. Эта эпопея побега ярко описана всеми „тремя мушкетерами": Иваном в „Россия в концлагере". Юрой в „22 несчастья" и Борисом в „Молодежи и ГПУ".

Из Финляндии Иван начал печатать главы своей книги „Россия в конц-лагере" в парижской газете „Последние Новости" — эти очерки имели необычайный успех. Но братьям очень „не хотелось" жить по соседству с СССР. Борису удалось продать рукопись своей книги о русских скаутах шведскому издательству, и в 1936 братья начали издание газеты „Голос России" уже в Софии. Было много „триумфальных" поездок с докладами по всей Европе. Но трагедия уже сгущалась над Солоневичами. Получены были сведения о смерти (или расстреле) отца в советском концлагере, в феврале 1938 года в редакцию газеты был принесен пакет с книгами — оказавшийся адской машиной. Братья и Юра случайно уцелели, но секретарь редакции, студент Михайлов, был разорван буквально в клочки, а взрыв оторвал обе руки Тамары. Через два часа она умерла . . .

Начало войны застало Ивана с сыном в Берлине, а Бориса — в Брюсселе. Были и аресты и лагеря и опасности. И напряженная работа в прессе.

После войны Иван с сыном переехали в Аргентину, где Иван стал выпускать газету „Наша Страна", существующую и поныне. Как раз там, в этой газете, фельетонами, „между делом", начал печататься этот роман — „Две Силы".

По доносу „друзей" Ивана выслали в Уругвай, и там в апреле 1953 года после операции желудка он неожиданно умер. Обстоятельства его смерти и по-сейчас остаются весьма таинственными. . .

Так в расцвете своей творческой жизни умер Иван Солоневич — один из крупнейших журналистов и литераторов нашего Русского Зарубежья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОБЕГА ЕРЕМЕЯ

Из всех людей, наполнявших собою верхнюю комендатуру, майор Иванов первым пришел в себя. Он слышал стон, вой и крики в выходящей в коридор двери, видел, как там зажглась и потухла спичка, слышал падение чьих то тел, и потом быстрые шаги, бегом удалявшиеся по коридору. В том, что Еремея тут же поймают, у товарища Иванова не было никаких сомнений. Не было также и никаких сомнений в том, так что же делать в столь необычном случае.

В верхней комендатуре царила кромешная тьма. Но так как учреждение, в котором действовал товарищ Иванов, питало к электрической станции не больше доверия, чем все остальные обитатели города, то во всякой комнате хранился запас свечей и керосиновых ламп. Товарищ Иванов прислушался еще раз: слышались крики и стоны, но ударов и прочего слышно не было. Он осторожно чиркнул спичкой, на всякий случай снова вжимаясь спиной в свой угол. Спичка осветила весьма неутешительное зрелище. Переступая через людей еще стонавших, тов. Иванов добрался до шкафа и извлек оттуда несколько свечей. Когда свечи были зажжены, товарищ Иванов снял телефонную трубку, — телефон работал. Был вызван приемный покой и из приемного покоя хирурги, носилки и все такое. Где то по бесконечным коридорам уже мелькали огоньки свечей и ламп, и в комендатуру ворвался дежурный взвод внутренней охраны.

— Арестованный бежал — вон туда по коридору, — сказал товарищ Иванов.

Охрана бросилась по коридору, держа в руках — кто свечу, кто карманный электрический фонарик. Кроме двух дверей, ведущих в коридор, все остальные были заперты: дверь в верхнюю комендатуру и почти соседняя с ней дверь в следовательский кабинет. У этой последней лежал труп одного из следователей, но кабинет был пуст. Взвод внутренней охраны так же стремительно вернулся обратно, требуя от товарища Иванова более конкретных приказаний или указаний. Но в этот момент товарищ Иванов был занят более срочными делами.

На полу, прикрытый чьим то телом, лежал и стонал товарищ Медведев. Под проломанной верхней доской стола лежал товарищ Берман, — но он даже и не стонал.

— Тут поважнее — сказал товарищ Иванов, — арестованного все равно поймают, вы пока помогите здесь.

Товарища Медведева освободили от неизвестного пока тела, которое очевидно было вполне безжизненным — вероятно, был переломан позвоночник. Тов. Бермана осторожно извлекли из под обломков стола: товарищ Берман не показывал никаких признаков жизни. Остальные жертвы катастрофы не вызывали в данный момент никакого внимания со стороны товарища Иванова. По телефону он дал распоряжение монтерам — привести в порядок освещение. Через несколько минут в верхней комендатуре появились монтеры, врачи и носилки. Появился и заместитель товарища Медведева, которому товарищ Иванов сделал краткий, но обстоятельный доклад:

— Доставлен был арестованный по фамилии Дубин. Порвал наручники, схватил скамейку — вот позвольте вам доложить, что получилось.

Заместитель товарища Медведева огрызнулся:

— Что получилось, так это я и без вас вижу, а где арестованный?

— Побежал вправо по корридору. Разрешите доложить еще — товарищ Берман без сознания и товарищ Медведев, кажется, ранен.

Заместитель товарища Медведева только свистнул.

— Дали сигнал тревоги?

— Точно так, как только зажег свет.

— Ну, арестованному бежать некуда. Вот — сукин сын!

— Точно так, товарищ начальник.

ЧЕЛОВЕК ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЯ???

Товарищ Берман пришел в себя от невыносимой головной боли. Ему показалось, что кто-то то сжимает его череп раскаленными щипцами, то рвет его изнутри. Около него хлопотал все тот же жовиальный врач.

— Кажется, маленькое сотрясение мозга, товарищ Берман.

— Дайте инъекцию морфия, — сквозь зубы простонал Берман.

Жовиальный врач чуть развел руками, но протестовать не стал. Морфий несколько утишил боль.

— Что, собственно, случилось, — я не помню.

— Этот арестованный, кажется, бежал — ищут по всему зданию.

— А что Медведев?

— Ранен, перелом локтевого сустава.

— Вызовите мне дежурного.

Жовиальный врач снова хотел было развести руками, но снова воздержался. Через несколько минут в палате хирургического отделения появился товарищ Иванов.

— Что случилось?

Товарищ Иванов так же кратко и так же обстоятельно доложил: арестованный порвал наручники, схватил скамейку. Убито семь человек, ранено шесть — в том числе и товарищ Медведев.

— Поймали?

— Никак нет.

— Куда же он делся?

— Обнаружены проломанные выходные ворота — проломаны автомобилем, автомобиль еще и сейчас горит. Обнаружена взломанная решетка кабинета номер 62. В кабинете обнаружен труп следователя Печкина. Товарищ Печкин вел допрос арестованного американского гражданина — тот тоже исчез.

Несмотря на боль и на морфий, товарищ Берман даже приподнялся.

— Вы не пьяны?

— Никак нет, товарищ Берман. Пока установлено, повидимому, следующее: арестованный вырвался в коридор. Из первой же двери появился следователь — фамилия еще не установлена, и был убит. Потом арестованный завернул по коридору вправо до кабинета № 62. Повидимому, следователь Печкин в этот момент вышел из кабинета и тут же был убит — его труп обнаружен в кабинете. Затем арестованный закрыл за собою дверь, выломал решетку, спустился во двор, взял арестантский автомобиль, проломал им выходные ворота и исчез. Вместе с ним исчез и американский гражданин. Город объявлен на положении тревоги.

— Еще шприц, — приказал товарищ Берман.

— Разрешите доложить, это у меня последний, я сейчас позвоню в главную аптеку.

— Раньше вызовите заместителя Медведева.

— Он тут, ожидает у двери.

— Пусть войдет.

Товарищ Меснис, старый и уже обрюзгший латыш, заместитель товарища Медведева, мрачно вошел в палату. Берман с трудом приподнял голову.

— Ну, что еще?

— Телефонограмма: аэродром горит и снаряды взрываются.

—Разрешите доложить еще, — вставил товарищ Иванов: — в кабинете № 62 тоже что-то горит.

Товарищ Меснис проявил некоторое беспокойство.

— Там вещественные доказательства.

— Какие?

— Взрывчатые вещества. Товарищ Печкин допрашивал этого американца, технически я не в курсе дела. Но товарищ Печкин, кажется, пытался установить у арестованого...

В этот момент от глухого удара вздрогнули стены приемного покоя, с потолка посыпалась штукатурка и свет погас.

— Я сейчас — свечу, — торопливо сказал жовиальный доктор.

Берман сжал зубы и со стоном откинулся на подушку.

— Товарищ Меснис, прикажите прекратить всякие дальнейшие поиски в этом направлении — я говорю об арестованном. Там сейчас мы ничего не найдем. Банду спугнули. Нужно искать... — тут товарищ Берман слегка запнулся... — нужно искать в другом месте.

— Слушаюсь, товарищ Берман, — не без некоторого удивления сказал Меснис. — Однако, разрешите доложить...

— Скорей.

— Если мы сейчас же пошлем самолеты...

— Они уже все знают по радио. Поздно. Объявите город на военном положении. Как Медведев?

— Ничего опасного, — утешительно и торопливо заговорил доктор, — перелом локтевого сустава, очень неприятно, но опасности никакой.

— Вас, товарищ Меснис, я уполномачиваю на проведение военного положения. Есть у вас еще морфий? — спросил Берман доктора.

— Я сию минуту закажу, сию минуту, если только работает телефон.

— Придите через полчаса, — сказал Берман Меснису.

— Слушаюсь.

Доктор Шуб, держа перед собою зажженную свечу, семенящими шагами пробежал по корридору и вошел в свой кабинет. Усевшись за стол, он снял телефонную трубку. Телефон, к его удивлению, работал.

— Центральная аптека? Дайте заведующего товарища Писарева! Немедленно. Говорят от товарища Бермана.

Кто-то в центральной аптеке пошел разыскивать заведующего. Доктор Шуб вынул из кармана пахнувший одеколоном и аптекой носовой платок и вытер лоб. Через минуты две кто-то откликнулся в телефонную трубку.

— Товарищ Писарев? Говорит доктор Шуб. Немедленно нарочным прислать двенадцать ампул морфия, — это для

товарища Бермана, понимаете? Запишите кроме того рецепт. Вы слушаете? Рецепт:

Ursus liber est — 0,01.

Доктор Шуб пытался собрать воедино все остатки своих латинских познаний.

— Дальше, persecutio prohibito *)— пять порошков.

— И, вот, еще — для товарища Медведева... — Доктор Шуб снова напряг свои давно забытые, познания в области латинских экстемпоралий и наскреб кое-что еще.

— Записали? Изготовить немедленно. Понимаете — немедленно. — Доктор Шуб откинулся на спинку кресла и еще раз вытер лоб. Почему-то оглянулся; в кабинете не было, конечно, никого, и во всем Неелове едва ли было больше трех человек, хотя бы кое-как знающих латинский язык. И все-таки сердце доктора Шуба колотилось, как сердце канарейки. Он встал, сделал несколько глубоких вдыханий. Сердце стало биться, как у воробья.

Из кабинета по тому же коридору, доктор Шуб прошел в отдельную палату, где лежал товарищ Медведев. В палате уже горели свечи. Товарищ Медведев уже очнулся от легкого наркоза. Его левая рука, забинтованная, лежала поверх одеяла.

— Ну, что. Эскулап Самуилович? — спросил Медведев доктора Шуба.

Доктор Шуб не любил ни юмора товарища Медведева, ни его антисемитских шуточек, ни его самого. Но сейчас доктору Шубу было не до этого.

— Товарищ Берман пострадал — сотрясение мозга...

— **Что вы говорите?** — В голосе товарища Медведева слышалось столько радости и надежды, что даже доктор Шуб посмотрел на него с некоторым недоумением.

— Опасно? — с тою же надеждой в голосе спросил товарищ Медведев.

— Н-не думаю. Его спасла доска стола, иначе, конечно... Слегка повреждено плечо, но, в общем, ничего опасного.

— Для товарища Бермана, — как бы объясняясь, сказал товарищ Медведев, — это будет первый опыт. Я, вот за советскую власть уже восемь раз был ранен, — сейчас девятый, ни черта, заживет, больно только, чорт его раздери, а что этот медведь?

— Бежал. Да еще какого-то американца с собой прихватил. Взорван и горит аэродром.

Товарищ Медведев даже приподнялся ,но со стоном опустился назад.

---

*) „Медведь освободился. Преследование запрещено".

— Ну, это уж ни к каким чертям! Не мог же все это сделать он один!

— В этом, я полагаю, и заключается проблема. Во всяком случае, товарищ Берман приказал поиски — я не знаю какие — прекратить и объявить город на военном положении.

— А какого ему чорта с военного положения?

— Не знаю. Можно только констатировать, что у арестованного были сообщники здесь.

Товарищ Медведев посмотрел в потолок. Дело, конечно, пахло сообщниками. Сообщники — в его, Медведева, учреждении!

— Товарищ Берман в полном сознании? — спросил он.

— Да, пока. Нужно опасаться потери сознания, на время, конечно.

— А что капитан Кузин?

— Не опасно. Перед ранением пил кумыс, это способствует заживлению кишечных ран.

— Та-ак, — сказал Медведев. — Не было печали, так черти накачали. Не хватило нам этого Светлова, вот теперь и расхлебывай... Ну, пока, Эскулап Беркович...

Доктор Шуб собирался было покинуть палату, но в самой двери столкнулся с товарищем Ивановым. Лицо товарища Иванова, как всегда, не выражало решительно ничего, но самый факт его появления был тревожным симптомом.

— Ну, что еще там? — раздраженно спросил Медведев.

—Так что, разрешите доложить — найден генерал-майор Завойко.

— Что это значит — найден? — Пропал он куда-нибудь, что ли?

— На улице, без сознания.

— Жив?

— Жив. Ранений не обнаружено.

Товарищ Медведев посмотрел на доктора Шуба — то ли как будто в поисках сочувствия или объяснения, то ли — с выражением окончательного недоумения. Но доктор Шуб только пожал плечами.

***

Самолет с Еремеем и неизвестным человеком мчался над алтайскими хребтами со скоростью около шестисот километров в час. Нееловский аэродром был, как гигантский фейерверк: догорали самолеты, пылал бензин, с чудовищным грохотом рвались бомбы, и легкая трескотня ружейных и пулеметных патронов почти не была слышна. Дом номер 13 по улице Карла Маркса горел, и все пожарные команды в Неелове делали самоотверженный вид, что они его тушат. Сера-

фима Павловна лежала в том же корридоре, что Берман. Лежать ей приходилось на животе: характер ранения не позволял ни лежать не спине, ни сидеть на иных местах. В мечтах Серафимы Павловны проявленная ею инициатива и пролитая ею кровь открывали ей дорогу к каким то ослепительным верхам „настоящей жизни", — а не то, что с каким-то Голобовым... В какой то там мужицкой дыре...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дарья Андреевна и Дуня — обе и одновременно, — висели на шее Еремея Павловича и ревели ревмя. Федя стоял около и все утирал нос и глаза рукавом рубахи. Потапыч, как и всегда в последнее время, норовил как-то стушеваться. Валерий Михайлович не совсем верил глазам своим. По радио он кое что уже знал о происшествиях в доме номер тринадцать, но этот дом был в расстоянии около восьмисот километров. Еремей сумел как то добраться до самолета. Но — как? Еремей был, повидимому, в полном порядке, если не считать шишки на лбу, да и той в темноте не было видно.

— Ну, давайте, публика, в избу, — сказал Еремей, — тут замерзнуть можно, на нас обоих и нитки сухой нету.

Федя оставил в покое глаза и нос и поднял неизвестного человека, который все еще лежал без чувств. Население заимки, перебивая друг друга, засыпало Еремея вопросами.

— Завтра все расскажу. Побил там кого из чекистов, вырвался на двор, тут вот этот человек помог — автомобилем высадил ворота. Потом мы на самолет — и кончено. Приехали. Самолет там, в озере, утоп. Понятно?

— Разойдись, ребята, по домам, — сказал какой-то степенный мужской голос, — жив и цел, завтра все досконально узнаем.

— И Богу помолитесь, — сказал отец Паисий.

— Помолимся, батюшка, — ответил тот же голос.

Небольшая пропессия двинулась в избу. Впереди саженными шагами шагал Еремей Павлович, с его платья, волос и бороды текла на землю ледяная вода. Сам же Еремей Павлович был в приподнятом настроении духа.

— Вот это так происшествия, доложу я вам, — гудел он. — Ежели бы не этот человек, — пропал бы я ни за понюшку табаку. Ведь, вот, всегда добрая душа найдется. Только, видимо ,не нашей нации человек, как то не совсем по нашему говорит — то есть по-русски, как то не так.

— Дома расскажешь, Еремеюшка, — прервала его Дарья Андреевна, — ветер то тут такой, застудишься...

— Когда ж ты видала, чтобы я застуживался?...

— Ну, идем, идем.

— А баня то готова?

— Готова, готова, идем скорей.

— Ты мне, Дарьюшка, белье и все такое приготовь, — мы уж сразу в баню. А обо всем этом происшествии я уже сразу всем расскажу — а то если поодиночке — языка не хватит.

— Раньше вот этого человека нужно посмотреть, — сказал отец Паисий, — кто его знает, что с ним случилось.

— Это правда, отец Паисий, — согласился Еремей, — вот, ей-Богу, только и думает человек ,что о своей шкуре, а чтобы о ближнем своем... Мало вы меня, отец Паисий, учили...

В избе было тепло и светло. Неизвестного человека положили на лавку. Вода с него текла струями и образовывала лужицу на полу. При ярком свете двух ламп „Молния", Валерий Михайлович разглядел: неизвестному человеку было на вид лет за сорок. В его твердо очерченном и очень интеллигентном, но давно уже небритом лице не было ни кровинки. Костюм измятый, изорванный и мокрый был явно не советского происхождения. Отец Паисий послал обеих женщин за сухим бельем, а Федю — за какой то коробкой.

— У меня там, под образами, коробка такая, — отец Паисий показал руками размер коробки. — Аллюминиевая. Там всякие лекарства; живо, а то по шее получишь!

Федя довольно хмыкнул и исчез. Отец Паисий стал раздевать неизвестного человека. Валерий Михайлович и Еремей помогали ему. Неизвестный человек был все еще без чувств. Его тело оказалось все в ссадинах, кровоподтеках и следах ожогов. Все это было кое как заклеено пластырем. Оба голеностопных сустава были опухшими. Все тело носило признаки крайнего истощения.

— Пытали, — кратко пояснил отец Паисий.

— Это у них называется допрос первой очереди.

— Кажется. Без особенного пролития крови. Я кое что понимаю и во врачевании тела человеческого. Полагаю, что особого вреда организму не принесено, только очень истощал человек.

Отец Паисий, придерживая рукой наперстный крест, приложил ухо к груди неизвестного человека.

Несколько минут в комнате царило полное молчание.

— Благодарение Богу — с сердцем все в порядке.

— Тоже нужно сказать, — гулким шопотом прогудел Еремей. — Вел человек самолет, ночь лунная, и летим мы выше облака ходячего — я вужу: в лице ни кровинки, как скатерть. Я все спрашиваю, — выдержишь ли,

а он мне — „нужно выдержать". Очень душевный человек.

Дарья Андреевна просунула голову в дверь:

— Можно войтить?

— Тебе, матушка, можно, — сказал Еремей Павлович, — больной человек, что тут стесняться, вот помоги отцу Паисию, а мы с Валерием Михайловичем, значит, в баню!

— Вы в самом деле идите в баню, — после такого купанья и медведю простудиться можно. А мы тут с Дарьей Андреевной перевязку сделаем.

— Тут и вам белье, Валерий Михайлович, — сказала Дарья Андреевна, а то у вас по холостому вашему положению, должно быть, ничего чистого нет.

При словах о холостом положении Валерий Михайлович как то посерел, но не ответил ни слова. Молча он взял связку с бельем. Федя зажег фонарь.

—Пошли, — сказал Еремей Павлович.

Банька была тут же, во дворе. И даже не банька, а баня — как оказалось впоследствии, для всего населения заимки. В предбаннике Федя зажег лампы. Баня была чистенькая, оструганные сосновые бревна поблескивали светло-желтыми отливами, в баньке стоял какой то особенный запах. Валерий Михайлович слегка повел носом.

— В бане дух — это тоже не последнее дело, — пояснил Еремей Павлович, — дерево нужно умеючи подбирать — сосна, кедр, можжевельник, вот и дух — легкий и приятный . . .

Федя быстро распилил кольца наручников, которые еще болтались на руках Еремея, и тот стал раздеваться. Когда он стянул с себя нижнюю рубаху, Валерий Михайлович даже и раздеваться перестал: ничего подобного он в своей жизни не видел. Чисто эстетическое восхищение смешивалось у него с первобытной тягой к физической силе, и за всем этим было еще что-то, что Валерий Михайлович не очень сразу смог формулировать: ощущение страшной, исконной, неистребимой и поэтому непобедимой силы — силы добра. Валерию Михайловичу, как ни мало он был знаком с Еремеем Павловичем, было бы трудно представить себе эту силу на службе зла. Но это, конечно, была страшная сила.

Валерий Михайлович хорошо знал искусство, как он знал и очень много иных вещей. Античная атлетическая скульптура всегда казалась ему преувеличением. Теперь вот, образчик такого преувеличения сидел перед ним в деревянной баньке, затерянной в тайге заимки. Под его гладкой слегка загорелой кожей стальными прутьями, пластами и узлами при каждом движении переливались мускулы. Дельтовидные мышцы сливались с грудными мышцами без всякого

перехода, а грудным мышцам, казалось, некуда было деваться: они лезли друг на друга. Когда Еремей начал стягивать с себя сапоги, то между этими мышцами образовалась щель пальца в два глубины. При каждом движении торса — Валерию Михайловичу было бы трудно назвать это туловищем — брюшные мышцы выскакивали полосами и тяжами. Геркулес Фарнезский? Нет, не Геркулес Фарнезский — тот просто глыба, так сказать, абстрактной мускулатуры, да еще и не очень пропорциональной. Здесь была, так сказать, живая сталь, — сухая, эластичная и как это ни странно — совершенно гармоничная. Валерий Михайлович знал, что при данном объеме тела его сила пропорциональна его гармонии. И что гармония это тоже выражение силы.

— Ну, знаете, Еремей Павлович, силенка у вас, действительно, есть, — медведя вы ломать не пробовали?

Еремей Павлович, скидывая свои мокрые вещи на пол, сказал:

— У мужика, Валерий Михайлович, самое главное — голова. Сила и у медведя есть. Только в нем пудов двенадцать, а во мне, дай Бог, чтобы восемь набралось. Да еще и зубы и когти... Уж если против медведя, так лучше головой, а не руками.

— А вы пробовали?

— Пробовал. Больше не буду. Был у меня штуцер, хороший штуцер. Двуствольный. У манзы выменял. Бог уж знает, как он к нему попал. Должно быть — очень дорогой, а манзе он к чему? Пошел на медведя. А патроны-то советские — две осечки. А? Раз — осечка! Два — осечка! А зверь на меня . . . Ну, тут опять же — без головы не обойтись. Нужно зверя или сзади схватить или спереди — да так, чтобы руками ему под подбородок или под передние лапы. Ну, схватил. Еле жив выбрался. Это еще ничего — а вот, как Федя-то мой псу хвост откусил . . .

Федя хихикнул и скрылся в баню.

— А с медведем-то — как? — спросил Валерий Михайлович.

— Да, вот так, — не очень охотно ответил Еремей Павлович: — я как то сбоку и сзади его перехватил. Ну, кости поломал. Да и меня помяло — еле жив выкрутился. Тринадцать пудов было в звере. А одни когти чего стоят . . . Айда париться . . .

Федя уже сидел на полке и наслаждался.

Он был, так сказать, смягченной копией своего отца — с перспективами стать впоследствии его значительно улучшенным изданием. Еремей Павлович, вооружившись ряжкой и веником, сразу полез на самую верхнюю полку. Валерий Михайлович, будучи человеком, вообще говоря, весьма патриотически настроенным, никогда не мог поднять своего патриотизма до самой верхней полки.

Усевшись под самым потолком, Еремей Павлович обратился к Феде:

— А ты, все таки, расскажи, как ты это псу хвост откусил. . .

Федя, сидя на той же полке, залился детским смехом. Окруженный клубами пара, он был похож на юного Зевса, восседающего в облаках Олимпа . . . Только вместо пучка молний, в руке у него был березовый веник.

— Вот это так история! — Федя снова залился смехом: — Пошел я это на охоту — за тетерями, и песик со мною, Жучком прозывается, вот завтра сами увидите; ну, двустволка дробовая. Идем это мы по тайге и вдруг Жучок то — залаял, залаял, да и ко мне. Смотрю, — там тигр, — забегает сюда из Уссурийского края. Шагов так сорок. А у меня дробь. Куда тут деться? Деревья — так больше кустарник, а на сосну не залезешь — толстые они у нас. Смотрю — впереди, шагов с десяток, — дубок. А Жучка-то куда? Тигры собак любят, самое им разлюбезное дело пса есть. Ну — времени мало. Я Жучка за шиворот, да зубами за хвост и прямо к дубку. А тигр — на нас. Как сиганет! А я это уже на ветке. Дубок гнется. Стою на ветке, одной рукой за другую ветку, а в другой руке двустволка, в зубах, значит, Жучок. А тигр все прыгает. Я ему, значит, дробью — прямо в морду. Жучок как рванется, я зубы стиснул — смотрю, Жучок уже в кусты шмыгнул, а хвост у меня в зубах остался, — вот завтра посмотрите . . . Без хвоста Жучок бегает, — Федя снова залился смехом.

— Ну, а тигр? — спросил Валерий Михайлович.

— Тигр? Ну, тигр — ничего. У меня в мешке пулевые патроны были, — тигр — ничего . . .

— Потом продал китайцам, леденцов детворе накупил . . . — пояснил Еремей Павлович.

Валерий Михайлович снова посмотрел на Федю — снизу вверх. Тот, видимо, был страшно доволен историей с собачьим хвостом — тигр интересовал его гораздо меньше. Валерий Михайлович, по складу своего математического ума, стал подсчитывать. Сорок шагов. Из них десять навстречу — до дубка. Остается двадцать. Это значит, что в распоряжении Феди было секунды две-три. Это значит, что в течение двух-трех секунд Федя успел оценить обстановку, найти самый разумный выход из нее, спасти Жучка и спастись самому. Валерий Михайлович припомнил некоторые детали их совместного путешествия, в том числе и прыжок Еремея к выходу из пещеры, когда ветер сорвал полотнище палатки, и в математическом уме Валерия Михайловича стал складываться план, который показался ему совершенно фантастическим. Но разве не фантастическим был побег Еремея Павловича из дома номер тринадцать? Нужно будет подумать . . .

ВСТРЕЧА

Когда все трое вернулись из бани в избу, отец Паисий уже закончил свою медицинскую деятельность.

— Ну, и мучили же этого человека, — сказал он. — До чего, прости Господи, озверели люди. Истинно не ведают, что творят.

— Ну, эти то ведают, — прогудел Еремей Павлович. — Тоже, подумаешь, дети! Очень даже прекрасно ведают, такую организацию развели ... Арканы из проволоки? А?

— А как он? — спросил Валерий Михайлович.

— Вероятно, спит. Очень сильное нервное истощение, я думаю. А так — как будто опасного ничего.

— Ну и пусть спит, — радостно сказал Еремей Павлович, — отоспится — поправится. Воздух у нас такой, что мертвецы выздоравливают ...

— А ты, Еремей Павлович, не кощунствуй.

— Да я и не кощунствую ... Леса то тут такие ... Ветер как пойдет с гор ... Помирать не надо ... Мы тут его откормим, как следует.

Валерий Михайлович только сейчас обратил свое внимание на стоявший посередине комнаты стол. На него была навалена такая масса всякой снеди, которая по приблизительной оценке Валерия Михайловича могла бы хватить на целую роту после сорокаверстного перехода. Дарья Андреевна, в сослужении с Дуней, все еще что то таскали из огромной русской печи: какие то пироги, шаньги, что то жареное, что то вареное, и все это сваливалось на стол. Надо всем этим высились несколько бутылок. Валерий Михайлович начинал чувствовать прилив аппетита.

— После бани, — гудел Еремей Павлович, — выпить и закусить — первое дело. Баня для тела — как исповедь для души.

— Пожалуйста, пожалуйста, что уж Бог послал. Рассаживайтесь, как кому удобнее.

Дарья Андреевна, вытирая передником руки, низко кланялась. Потапыч стоял у стола, с вожделением взирая на еду и еще с большим — на питье. С момента прибытия на заимку вид у Потапыча был вечно неуверенный и неприкаянный. Ему не нравилось наличие отца Паисия с его молитвами и вероятный контроль над потреблением водки и — еще более — неопределенное будущее в связи со Светловым, Берманом и всякими такими вещами. Нет, в Лыскове было все таки лучше: начальство было далеко, кооп был близко и в коопе была водка бесплатная и в практически неограниченном количестве. По этому всему — пока отец Паисий читал молитву, Потапыч стоял этаким чурбаном, — не выражая на своем лице никакой насмешки ,но не выражая и никакого сочувствия.

— Да ты уж не томи, Еремушка, — сказала Дарья Андреевна, когда все расселись, — скажи, так как же это тебя Бог спас?

— Ты уж, старуха, подожди, дай людям выпить, — видишь, голодные все.

Валерий Михайлович только сейчас сообразил, что, в сущности, он весь день ничего не ел, что день был наполнен чрезвычайно острыми переживаниями, что переживания — в особенности острые, — вызывают такой же острый аппетит, — что, в общем, он, действительно, голоден, как волк. Валерий Михайлович произвел зрительную рекогносцировку стола. Посередине его стояло нечто вроде глиняного корыта, наполненного жареными дикими утками. Никакая выпивка Валерия Михайловича в данный момент не интересовала. Он выбрал утку покрупнее и пожирнее и сам поймал себя на мысли о том, как бы не остаться без второй. Потапыч отложил в сторону свой нейтралитет и с чрезвычайною предупредительностью стал разливать водку, маневрируя так, чтобы против его собственного прибора оказался бы сосуд наибольшей емкости. Маневры прошли удачно: Потапыч оказался обладателем глиняной кружки, емкостью по меньшей мере в поллитра. Еремей Павлович вооружился бараньей ногой, а отец Паисий наблюдал это истинно языческое пиршество с истинно православной снисходительностью.

— Валерий Михайлович, а, Валерий Михайлович, вы бы бруснички подложили!

Валерий Михайлович оторвался от утки. Только сейчас он заметил Дарью Андреевну. На вид ей можно было бы дать и тридцать лет и пятьдесят. Есть тип женщины, который как то не стареет, ибо его очарование не в красоте лица. Дарья Андреевна имела совершенно счастливый вид: вся ее семья была, наконец, в сборе, был еще и ученый человек — Валерий Михайлович, о котором Дуня уже успела прожужжать все уши, был Потапыч, который, наконец, на этой заимке может быть, угомонится, — Дарья Андреевна понимала с трудом, как это Дунька ухитрилась влюбиться и выйти замуж за такое бревно,—был и ужин, которого, действительно, стыдиться было нечего. Материнские и кормительные инстинкты Дарьи Андреевны были вполне удовлетворены. Горы мяса, птицы, рыбы, грибов, солений, огурцов и прочего в этом роде, таяли с магической быстротой. Дальнейших происшествий Дарья Андреевна еще не предчувствовала.

— Вот это, — спасибо, Дарья Андреевна, — сказал Валерий Михайлович, смотря на нее почему то веселым и радостным взором, — брусничка к утке — это есть вещь.

— И грибки тут . . . А утки — так в печке новые дожариваются.

—Дарья Андреевна, голубушка, вы уж не все сразу, — а то ведь разорваться можно — как бомба.

— Да где же, Господи, разорваться, сколько дней были в тайге, да еще и страхи какие! Возьмите грибков, а вот тут яблоки моченые . . .

— Возьму, Дарья Андреевна, ей Богу, возьму, вот только с уткой справлюсь . . .

Еремей испытующе посмотрел на баранью ногу, от которой осталась одна кость, и сказал:

— Ну, теперь можно и антракт. Доклад по международному положению. Значит — Бог спас. Вот только одна обида — сойот-то этот. Думал — друг, а вот в ловушку заманил.

— Никакой ловушки, — сказал Валерий Михайлович, — сойота самого обманули. Он сам прискакал сказать, кажется, был ранен и, кажется, ранил начальника команды. Убит.

— Как убит? кто убит?

— Сойот этот. По дороге на заимку он ехал впереди. Нас предупредил о засаде, а сам погиб.

Еремей Павлович положил на тарелку баранью кость и перекрестился.

— Ну, слава Тебе, Господи, — сказал он.

Потапыч оторвался от своей кружки.

— То-есть, почему это, слава Тебе, Господи? Убит человек, чего тут, слава Тебе, Господи?

— Упокой, Господи, душу его, — Еремей Павлович перекрестился еще раз. — А слава Тебе, Господи, это, как сказать. Что лучше? Жить сволочью или помереть человеком. Упокой, Господи душу его.

— Так ведь он, по вашему, язычник.

Еремей Павлович посмотрел на Потапыча с нескрываемым презрением.

— Язычник по нашему — это ты. Потому, что ты ни в какого Бога не веруешь. А сойот верил. Человек он, конечно, дикий, твоей политграмоты не проходил, а отдал душу за други своя. А у тебя, кроме, как брюхо, никакого Бога нету. Ну, и дура же Дунька, прости Господи, — довольно неожиданно закончил он.

— И вовсе — это неправда, — вступилась Дуня. Она стояла у края стола, держа в руках какую-то новую посудину, нагруженную какою-то новой снедью, только что вытащенной из печи. — И вовсе это неправда. Хорошо вам было тут на заимке жить — а попробовали бы вы на советчине, там по честному ни дня прожить невозможно.

— Бог есть везде. Вот у того же сойота — дикий, ведь, человек . . .

— Не трещи, Дуня, — вмешалась Дарья Андреевна, — так что же дальше то было?

— Да вот так и было. Заарканили. Очутился я только на самолете. Связанный. Потом надели на шею целых два аркана — из проволоки — пошевелись — задушат сразу. Потом привезли в эту самую чеку. Стали вроде как допрашивать — тут ваши оба были, Валерий Михайлович . . .

— Да, я знаю: и Берман, и Медведев — оба лежат.

— Как лежат?

— Да вот так — лежат — у одного сотрясение мозга, у другого — перелом руки.

— Вот это жаль. Вот это, ей Богу, жаль. Ну, темно было. Промахнулся, значит . . . Одним словом, — за скамейку, разбил электричество, ну, побил должно быть, кое-кого — а нацеливался как раз на этих двоих. Жаль, ей Богу, жаль. Потом, значит, — в корридор. Какая-то комната, кабинет, что ли. Сидит там вот этот самый неизвестный человек. Скованный. На окне решетка. Ну, решетку я выломал. Спустились мы оба вниз. Ворота. На воротах — тоже решетка. Тут уж — никакая сила, не выломать никак. А неизвестный этот человек и говорит мне, вы уж, Еремей Павлович, не сомневайтесь . . .

— А откуда же он твое имя узнал? — удивилась Дарья Андреевна.

— Ну, может, и не так сказал — разве все упомнишь? Словом, он это — в гараж, завел машину — агромаднейшая машина, вроде как будто в ней меня и привезли — ка-а-к ахнет он — неизвестный этот человек, этой самой машиной — да в решетку, высадил, как пробку. Ну, там остальное — пустяки Повстречали еще машину, какой то должно быть генерал сидел. Ну, я его смазал по кумполу, сели мы в машину — шоффер там веселый парень, хороший парень, хотели мы его с собой взять, да не вышло — семья, говорит, на учете. Жаль. Неизвестный человек и говорит: „шпарь на аэродром, я летать умею". Ну, приехали на аэродром. Шоффер то этот, ох, подходящий парень, и говорит: „вы себе летите к чортовой матери, а я тут иллюминоцию устрою", самолеты поджег, все бомбы повзрывались — иллюминация, действительно, на полный ход. Ну, мы и прилетели. Самолет в озере утоп. Ты мне, Потапыч, налей-ка еще. По такому поводу и выпить вовсе не грешно. А вы, отец Паисий, что ж это вы так пригорюнились?

— Ничего, Еремей Павлович, я и ем и пью и на вас смотрю, вы продолжайте.

— Да и продолжать то больше нечего — вот сидим, едим, — все в порядке.

— Не совсем все, Еремей Павлович, даром вам все это так не оставят.

— То-есть, что это может обозначать? — забеспокоилась Дарья Андреевна.

— Да, вот только то, что сидели мы до сих пор тихо и благо-

лепно, а теперь они вцепятся в нас. Впрочем, — все равно вцепились бы. Сейчас они к Китаю подбираются, а мы — по дороге.

— Так что ж это, Господи Боже мой! — Дарья Андреевна даже и руки опустила, — что ж это, заимку то нашу бросать?

— Сколько народу бросили дома свои? Вот — и наша очередь пришла.

— Еще не совсем пришла, — сказал Валерий Михайлович. — Может быть, не скоро и придет. Завтра я еще кое что узнаю. В данный момент всякие поиски прекращены, — это распоряжение Бермана.

— Это того, что вы там на перевале цукали?

— Того самого. Он у меня, так сказать, на привязи. Но и он тоже не всесилен. Как это отец Паисий говорится: довлеет дневи злоба его?

Отец Паисий слегка развел руками.

— Времена наступили истинно антихристовы, — вот этот человек — отец Паисий показал на комнату ,где лежал неизвестный, — как, ведь, человека измучили!

— Это — отец Паисий не в первый раз. Ведь была и инквизиция, да еще все таки и христианская. А что — этот? Спит или в обмороке?

— Спит.

— Нужно все таки посмотреть, — сказал Валерий Михайлович. Он поднялся и прошел в соседнюю комнату. Еремей Павлович, стараясь итти на цыпочках, последовал за ним. Неизвестный человек открыл глаза.

— Скажите мне, пожалуйста, — спросил он слабым голосом, — где именно я нахожусь?

— У друзей, — ответил кратко Валерий Михайлович.

— А вы — кто? — спросил неизестный человек.

— Это довольно длинная история, — ответил Валерий Михайлович уклончиво, — как вы себя чувствуете?

— Слабость. Кажется, больше ничего. Ах, это вы! — сказал он обрадованным тоном, увидев вырисовывающуюся из-за спины Валерия Михайловича мощную фигуру Еремея, — так мы с вами все-таки живы?

— Как будто бы и в самом деле живы, — сказал Еремей Павлович, — мы вот даже и закусываем и водку пьем, на том свете этого, кажется, нету, а за вас я — век Бога буду молить.

— Почему это? — изумился неизвестный человек.

— Пропал бя я без вас. Как швед под Полтавой. Пропал бы начисто! . . .

— А я — без вас?

— Ну, этого я не знаю; как вы, чтобы поесть, что Бог послал?

Неизвестный человек слабо улыбнулся. В полутьме ком-

наты, освещенной только светом лампадки, его лицо казалось совершенно безжизненной маской, по которой каким-то чудом от времени до времени появлялось нечто вроде мимики.

— Поесть? Да. Я голоден. Я очень голоден.

— Когда вы ели в последний раз? — спросил Валерий Михайлович, — вы знаете—после долгой голодовки нельзя сразу.

— Да, я это знаю. Нет, долгой голодовки не было. Последний раз меня накормили сегодня днем — или это было не сегодня?

— Вероятно, сегодня.

— Но я в тюрьме долгое время голодал. Вы, вероятно, тоже знаете.

—Лично — не приходилось, но, конечно, знаю. Так я вам чего-нибудь принесу.

— Зачем нести, — запротестовал Еремей Павлович, — что ж тут человек будет в одиночку сидеть, давайте в горницу, всем вместе всегда веселей. Дуня! — заорал он вдруг таким голосом, что Валерий Михайлович вздрогнул, а огонь лампадки зашатался и чуть не погас. — Дунька, тащи сюда халат, китайский, тот, что висит над моей кроватью. Живо.

— А это, пожалуй, правильно! сказал Валерий Михайлович. — Встать вы можете?

— Встать я, вероятно, могу, но могу ли я стоять, этого я еще не знаю. Голеностопные суставы . . .

— Выворачивали?

— В этом роде. Боюсь, что разрыв связок. Остальное — пустяки.

— Мне об этих пустяках отец Паисий рассказывал.

—А кто такой отец Паисий?

— Вот сейчас познакомитесь, он вас только что перевязывал.

— А могу ли я спросить — где я, собственно, нахожусь.

— Это тоже длинная история. В тайге и в безопасности. Простите, а как все-таки вас звать.

Неизвестный человек слегка замялся.

— Называйте меня . . . ну, хотя бы, Питером, или Паркером.

— Тоже имя! — возмутился Еремей Павлович. — Питер — город такой есть, а чтобы имя — такого не слыхал.

— Ну, можно и другое придумать.

Дуня просунулась в дверь комнаты с халатом в руках.

— Я, Валерий Михайлович, вот этого Питера подержу, чтобы ему на ноги не становиться, а вы уж на него халат наденьте. Дунька! А туфли-то где? Вот девка безголовая, давай туфли.

Еремей Павлович взял Питера под мышки и поднял его на воздух.

— Вам очень хорошо было бы, — сказал все тем же слабым

голосом Питер, — поехать в Америку, там вы сделали бы очень большие деньги.

— А мне они зачем? У меня самого тут вот пудов пять золота валяется — беспокойство одно.

— Почему беспокойство? — спросил Валерий Михайлович, напяливая халат на висящего в воздухе неизвестного человека.

— А — что с ними? Можно через сойотов как нибудь продать золотопромышленному кооперативу, потом слежку заведут, откуда, и кто, и зачем — а больше девать некуда. Попали мы как-то на жилу — а толку никакого.

— У вас, в России, бывают все-таки довольно странные люди, — сказал Питер, все еще вися в воздухе.

— Люди, как люди; наденьте теперь ему туфли. Пошли.

Еремей Павлович держал перед собою Питера, как икону или как блюдо: впереди себя и на вытянутых руках. Валерий Михайлович следовал сзади. Потапыч суетливо зашевелился, придвинул к столу нечто вроде кресла, обтянутого медвежьей шкурой:

— Вот, пожалуйте, сюда, тут очень способно сидеть будет.

Еремей Павлович осторожно водрузил Питера в кресло.

— Ой, Господи, — сказала Дарья Андреевна, — кровиночки-то на лице нету, вот сейчас я утку из печи . . .

— Ты, Дарьюшка, погоди, сама знаешь, человек, может быть, месяцами голодал, а ты сразу — утку, так и помереть можно. Ему бы что-нибудь полегче, баранины что ли . . .

— Нет, если вы позволите, кусок рыбы . . .

— Да разве-ж рыба это еда? — Это только так себе, на закуску!

— Нет, уж я раньше, если позволите, кусок рыбы . . .

Валерий Михайлович внимательно и пристально всматривался в лицо неизвестного человека.

— Вы, вероятно, не русский? — спросил он.

— Почему это вы подумали?

— Во-первых — вы сказали „у вас в России", и, во-вторых, у вас есть небольшой акцент. Английский. Или, скорее, американский.

— А вы английский язык знаете?

— Знаю.

Неизвестный человек перестал ковыряться в куске рыбы, положенном ему заботливыми руками Дарьи Андреевны и так же внимательно и пристально посмотрел на Валерий Михайловича. Потом он положил на стол вилку, и в его глазах появилось почти сумасшедшее выражение.

— Что с вами — плохо? — спросил Валерий Михайлович.

— Н-нет, нет, не плохо. Но — только скажите, вообще можно в этом обществе говорить?

— Так мы ведь разговариваем.

— Ах, нет, не то, можно ли говорить. Или спрашивать. Простите. Это действительно . . . Никто не выдаст?

— Вот только что Еремей Павлович рассказывал о вашем общем спасении. Подозреваю, что врал, как сивый мерин.

— Это я-то врал? это я? — Еремей Павлович даже поднялся со стула, угрожающе держа в руке вторую баранью ногу.

— Конечно, — засмеялся Валерий Михайлович, — если вам поверить, то выходит так, что это мистер Питер ломал решетки, ломал кости и все такое, а вы были не при чем . . .

— Почему вы назвали меня мистером? И могу ли я повторить свой вопрос?

— Какой вопрос?

— Никто не выдаст?

Лицо у мистера Питера было полубезумным.

— Ну, вам, кажется, совсем плохо, — сказал Валерий Михайлович.

— Нет, не плохо. Наоборот. Мне очень удивительно. Скажите . . . Ну, я все-таки буду соблюдать осторожность.

— Зачем вам, собственно говоря, соблюдать осторожность? — спросил Валерий Михайлович.

— Я недостаточно знаю местные условия. Никто не выдаст?

— Полагаете ли вы, что, вот Еремей Павлович, после всех ваших приключений, пойдет в дом номер тринадцать каяться и доносить?

— Нет, я не то . . . — Мистер Питер обвел глазами всех присутствующих за столом. Валерию Михайловичу показалось, что особенно внимательно он посмотрел на Потапыча. Но Потапыч был занят своим собственным делом: перед ним стояла кружка с водкой и в руке он держал целый поросячий бок.

— Тогда позвольте спросить, — я постепенно, — ваше имя не Валерий?

— Валерий, — подтвердил Валерий Михайлович.

— И отчество — Михайлович?

— Совершенно верно.

Мистер Питер провел ладонью по лбу.

— Это значит, что я имею удовольствие видеть Валерий Михайловича Светлова, вероятно, крупнейшего ученого современности. Так?

Валерий Михайлович уставился на мистера Питера, как баран на новые ворота. Вот только что на днях, в самой глуши алтайской тайги, какой-то случайно спасенный бродяга назвал его по имени и отечеству. Потом этот поп — отшельник. Теперь — может быть, в еще большей глуши, на заимке, какой-то совершенно неизвестный ему человек делает тоже самое, да еще и прибавляет несколько слов о науке. Что после

этого стоит вся конспирация, так тщательно разработанная Валерием Михайловичем?

Еремей Павлович от удивления положил на тарелку ногу и изобразил собою гигантский вопросительный знак. К Валерию Михайловичу он питал искреннее уважение, но о научных его заслугах слышал в первый раз: „так вот что это за птица Валерий Михайлович, а я то думал . . ." Отец Паисий переводил глаза с мистера Питера на Светлова и обратно. На Дарью Андреевну и Дуню научные заслуги Валерия Михайловича не оказали заметного действия. Потапыч был погружен в свои собственные дела, но все-таки на минутку оторвался от поросенка. Валерий Михайлович спросил не без некоторого раздражения:

— А — позвольте узнать — откуда вам это известно?

— Это сравнительно просто. То-есть не просто. Это, просто, совершенно невероятно. Мое имя, видите ли, Бислей. Джордж Двайт Бислей — би, ай, си . . .

—Не надо, — сказал Валерий Михайлович медленно, — я вас, конечно, знаю. Действительно, совершенно невероятно.

— Самое невероятное, может быть, в том, что я пробрался в Советский Союз со специальной целью . . .

— Какой, — если можно спросить?

— Можно. Со специальной целью встретиться с вами.

Валерий Михайлович, не спуская взгляда с мистера Джорджа Двайта Бислея — с видом какой-то беспомощности развел руками.

— В Америку посланы люди для встречи с вами. Там они вас, конечно, не встретят. Что вы думаете о роли случая в человеческой жизни? У меня бывали случаи. Но такого я себе представить не мог.

— Случай в человеческой жизни? Наш случай может быть случаем для всего человечества.

— Истинно сказано, пути Господни неисповедимы! — отец Паисий перекрестился.

— Ну, а я — я тут не понимаю совсем уж ничего, — сказал Еремей Павлович, окончательно отставляя баранью ногу.

— И понимать тебе нечего, — сказала Дарья Андреевна, — на то есть образованные люди.

— Образованные? — сказал Еремей Павлович с горечью. — Вот эти то образованные вот до чего довели. Теперь из тайги, с заимки и то тикать придется.

— Куда тикать? — тревожно спросила Дарья Андреевна.

— А это — уж и образованным неизвестно.

— Об этом рано еще говорить, — сказал Валерий Михайлович. — Еще подождем. Наша встреча с мистером Бислеем многое может изменить.

— Я предлагаю, Валерий Михайлович, чтобы серьезные

темы оставить, допустим, на завтра. Я все таки очень устал. И эта встреча... Насколько мы здесь находимся в безопасности?

— На ближайшее время — в полной безопасности.

— А как вы определяете это ближайшее время?

— В пределах двух недель.

— Две недели? Да, двух недель может оказаться достаточным.

— Да что ж это такое, о, Господи? — Дарья Андреевна всплеснула руками. — Чего тикать, отчего тикать?

— По двум причинам, Дарья Андреевна, — сказал Валерий Михайлович. — Во-первых, — меня постараются поймать, во-вторых, Еремею Павловичу постараются отомстить.

— За что же мстить то? Ни за что, ни про что схватили человека...

—Ну, все-таки не совсем ни за что, ни про что, — но это другое дело. Пока что, Дарья Андреевна, можно сидеть спокойно. А там посмотрим.

— Вот, — сколько лет все смотрим, смотрим — и ничего не видать, — мрачно констатировал Еремей Павлович. — А теперь — неизвестно, куда и смотреть. Вот — ты говоришь — образованные. А кто царя сместил? Кто царя сместил, спрашиваю?

Валерий Михайлович собирался было что-то ответить, но опасную тему прервал какой-то малыш, с перепуганным видом вбежавший в комнату.

— Дяденька, ай, дяденька, там у тебя в сумке что-то пищит!

Валерий Михайлович вскочил и побежал к своим вьюкам.

— Образованные, —еще раз мрачно повторил Еремей Павлович, — а скажите мне... — вот имя ваше запомнить трудно...

— Зовите меня Питером ,или Паркером.

— Ну, хорошо, скажем — Паркер. У вас, в Америке, коммунисты есть?

— Есть.

— А революции нету?

— Революции нету.

— И коммунисты по улицам ходят?

— Ходят. И даже газеты издают.

— Ну, — вот. Тоже, значит, образованность. Как и у нас. Заместо того, чтобы вешать сразу — вы, вот, тоже образованность показываете. И будут потом и вам в Америке суставы выворачивать.

— Это, я думаю, затруднительно. Но может быть.

—Может быть? Будут. Не будете вешать — будут вам и в Америке суставы выворачивать... — На лице Еремея Павло-

вича вздулись свирепые желваки... — Тут нужно вешать сразу — ах, ты коммунист, — раз — и на виселицу. Рррраз! — Сколько они людей перебили и перепортили!

Еремей Павлович протянул вперед свою мощную длань и сжал ее в кулак — так что мистер Бислей слегка отшатнулся назад.

— Что ж это вы, папаша, — вмешалась в спор доселе малчавшая Дуня, — такие страхи говорите!

Потапыч сидел молча, углубившись в водку и поросенка, и делал вид, что все это его не касается.

— Что ж, — продолжала Дуня, — так и моего Потапыча на виселицу, что ли?

— Твоего Потапыча нужно было пороть. Снять штаны и выпороть: не лезь, ежели ты дурак. (Потапыч еще больше углубился в водку и поросенка). Однако — кто ж его тогда знал? А потом, — куда было податься? Потапыча твоего и выпороть довольно было. А у вас, в Америке, — Еремей Павлович снова угрожающе посмотрел на м-ра Бислея, — что это у вас делается?

— У нас демократия, — слабым голосом сказал м-р. Бислей.

— Демократия? Это, значит, как у нас при Керенском? Вот помяните мое слово — будут и у вас суставы выворачивать... Это — как пить дать.

— По моему — не успеют.

— Успеют, — мрачно сказал Еремей Павлович. — Эти — они успеют. Вот нам бы успеть отсюда смотаться. А то пришлют бомбовозы, — и наше вам почтение — ни одного куренка тут не останется...

— Господи, Боже мой, — еще раз всплеснула руками Дарья Андреевна. Отец Паисий перебирал рукой свой наперстный крест и внимательно посматривал на спорящих.

— Конечно, по христианскому завету и врагов прощать надо, но можно ли прощать врагов Бога и человека? Не думаю, — жестко сказал Еремей Павлович. — Но: оставляя жизнь безумцам и преступникам, не губят ли люди разумных и невинных?

Появление Валерия Михайловича прекратило эту дискуссию. Вид у Валерия Михайловича был недоуменно веселый.

Ну, и наделали вы там всяких дел, — в Неелове. Чека почти сгорела, аэродром совсем уничтожен. Бермана и других перевезли в какой то другой госпиталь. Берман, действительно, отдал приказ нашей заимки не трогать — но я не совсем уверен, что этот приказ будет выполнен. Правда, сейчас без самолетов и без аэродрома они, если бы и хотели, то ничего сделать не могут. Нужно подумать. В сущности, самое простое: забрать всех и все и дня на три уйти в тайгу. А они пусть прилетят

и установят, что никого нет, Берман мотивировал свой приказ именно тем, что заимка уже все равно покинута.

— Как же вы синхронизируете все это? — с недоумением спросил мистер Бислей.

— У меня с товарищем Берманом есть некоторые, я бы сказал, личные отношения. Я могу его, так сказать, шантажировать, но только до известного предела . . . И то с некоторой оговоркой.

— Какой?

— Во всю эту историю Москва может вмешаться непосредственно. Может прислать своего человека взамен вышедшего из строя Бермана. Тогда наше положение может принять иной характер. Впрочем, если такой человек прибудет в Неелово — я об этом буду знать в тот же день. Думаю, что пока лучше пойти спать. О наших делах поговорим завтра. У меня есть все-таки некоторая привычка к вот такому образу жизни, — для вас это, вероятно, несколько ново?

— Да, еще не привык, — мистер Бислей пытался улыбнуться, но у него ничего не вышло. — Все-таки здесь, в этом доме, несколько спокойнее, чем в других местах в России . . .

Валерий Михайлович оглянулся кругом. В далеком углу тихо мерцал огонек лампадки. Стол был освещен висячей лампой. Каким-то таинственным образом чудовищное нагромождение всякой снеди, почти растаяло, — главную роль тут играли Еремей Павлович, который все-таки принимал участие в разговоре, Федя, который не принимал никакого, и Потапыч, который взял на себя благородную роль виночерпия. Его лицо приняло меднокрасный оттенок, и Дуня посматривала на него не без некоторой тревоги. Лицо Дарьи Андреевны тоже выражало тревогу, — но по иному поводу.

Предложение итти спать Потапыча, видимо, не устраивало. Он не без некоторой торопливости принялся снова наполнять довольно разнокалиберные сосуды, стоявшие перед участниками пиршества. Валерий Михайлович подумал еще раз о том, какая, в сущности, страшная угроза нависла над этой тихой заимкой. И как, в сущности, проблематичны возможности, путем давления на Бермана, эту угрозу отстранить. Он уже знал о мотивировке Бермана — птички все равно улетели в иные края — но Валерий Михайлович знал и другое: тот стиль беспощадной — хотя бы и бессмысленный, но все-таки мести, которым был проникнут весь государственнй строй.

Они будут мстить — если не людям, то скоту, если не будет скота, то строениям. Эту месть, вероятно, можно будет отсрочить. Но можно ли ее отвести?

Мистер Бислей отхлебнул из рюмки.

— Странная водка, но вкусная. Если бы это было можно, я попросил бы тарелку супа . . .

— Ах, Господи, вот, болтаем, болтаем, а про гостей то и забыли! Вот тут цыплята жареные, может быть, вам цыпленка? А, вот, грибки, сазан.

— Цыпленка мне, вероятно, можно.

Потапыч успокоился — пиршество прервано еще не будет. Еремей Павлович молчаливо и мрачно догрызал свою баранью ногу, но до конца еще не догрыз. Валерий Михайлович тоже соблазнился цыпленком. Словом, некоторое будущее у Потапыча еще было. Он незамедлительно опрокинул в глотку основательный стакан и что-то зашипел на Дуню, которая попыталась было несколько замедлить поступательное движение Потапыча. Опрокинутый стакан, повидимому, явился той каплей, которая переполнила чашу молчания.

— Вот, папаша, — сказал Потапыч, загробно укоризненным тоном, — вы, вот, говорите, вешать и пороть. Так, во-первых, сколько мильёнов вам перевешать придется — никаких веревок не хватит, а, во-вторых, за что, спрашивается? Мне, вот, сорок лет, так разве же это я революцию делал? А вы, папаша, вы-то где были?

— В тяжелой гаубичной, — промычал Еремей Павлович сквозь баранью ногу.

— Так что же вы-то своих гаубиц в ход не пустили?

Еремей Павлович развел руками — в одной из них была баранья нога, в другой — стакан водки.

— Вот это, брат, вопрос. Был я унтером. Думал: есть министры, есть генералы, есть образованные люди — а я человек темный, лесной человек, медведя переломать — это я могу. А гаубицы? Для этого у нас командиры были.

— Мне этот спор очень интересен, — сказал м-р Бислей, — — это я слышу в первый раз.

— Услышите, вероятно, и в сто первый, — сказал Валерий Михайлович. — Потом — на эту же тему люди будут спорить еще тысячу лет. И через тысячу лет ничего не поймут и ни до чего не договорятся.

— А по вашему мнению — кто виноват?

— По моему мнению виновата история.

— Это, конечно, не ответ — историю делают люди.

— Историю делает Господь Бог, — прервал свое молчание отец Паисий, — а путей Божиих нам знать не дано.

Мистер Бислей слегка пожал плечами.

— Может быть, человечество для того и создано, чтобы понять пути Бога — но это уже теология. Мы сейчас с совершенной точностью устанавливаем химический состав звезд. Мы можем как-то установить и химический состав истории.

— Ты перестань, — огрызнулся Потапыч на какое-то тихое замечание Дуни, — ты это оставь. Я, конечно, на взводе — ну, что-ж, приехали на заимку — с заимки надо бежать. Приехали

к родителю, а родитель хочет пороть. Так, может быть, было лучше в Лыскове оставаться? Так, вот, я и спрашиваю родителя: так кто же революцию сделал? Конечно, в партии я был...

— А сейчас? — спросил Валерий Михайлович, — то есть, не сейчас, а еще в Лыскове?

— Вышибли. По пьяному делу. Да еще и морду набил. Ну, и всякое там. Словом, все-таки был. Каждому жить хочется. А ходу без партии никакого и никуда. Можно, конечно, медведем в берлоге сидеть — так это тоже до поры до времени, вот и до этой берлоги добираются. Так за что-ж, папаша, — еще раз спрашиваю, меня пороть-то? Вот, в этом самом семнадцатом году у вас-то, папаша, хоть гаубица была, у меня кроме рогатки — никакого оружия. Так я-то тут при чем?

Было довольно очевидно, что никакого ответа Еремей Павлович не мог высосать даже и из бараньей ноги.

— А в тридцать первом — пулемет был?

— Пулемет, не пулемет, а винтовка, действительно, была. Ну — изворачивался. Призвали. Там я и в партию попал. И даже безбожные курсы проходил. Ну, и что?

— Вот от безбожия-то все это и произошло, — сказал отец Паисий.

— Ну, это мне тоже вовсе неизвестно. Я, конечно, по части там постов или попов... ну, это другое дело. Только есть попы, кто против коммунизма, а есть, кто и за коммунизм — даже и епископы — так ведь? В Бога-то я, может, и верю, а только чего Он от меня хочет — понять не могу.

— Пренебрегаешь церковью, потому и понять не можешь.

— Опять же и церкви-то разные: одна — так, другая — этак. Образованные люди? Так тоже — одни так, другие — этак, а десятые и вовсе по десятому. А пришел вот к папаше — а он пороть. Отлезь, Дунька, вовсе я не пьян, я только на взводе, дай человеку свое сердце выговорить. Вот, тут образованные люди, даже и американцы. И, вот, отец Паисий. А что пьян ли я, или не пьян, так это не ответ. Я и спрашиваю — за что же меня пороть-то?

— По моему — не за что, — сказал Валерий Михайлови.

— А! — торжествующе воскликнул Потапыч. — И то уж слава Богу, прощение, значит, заслужил. А прощать то меня — за что? Оно, конечно, вот, например, Медведева, того я по службе знаю. Вот, папаша говорит — повесить. А я говорю: и повесить его мало. А вдруг, может, и он, вот, вроде меня — сидит и думает: вот бы всю эту сволочь — перевешать — всех, кто сверху над ним сидит.

— Очень интересно, — сказал мистер Бислей. — Скажите, так, как вы, думают многие?

— Кто что думает, дорогой мой мистер, так этого никто не

знает. Это только тут на заимке можно язык распустить. Вот, Дунька может подтвердить — убивать я не убивал, а воровать приходилось. Ну, там арестовывал — приказано, что поделаешь. Так вот, Дунька подтвердить может — сколько разов я ей говорил — вот бы эту сволочь перевешать! А потом думаю: если бы не пьяное дело, если бы оставался я в партии, — вот так, раз за разом — может, тоже вроде Медведева стал бы. Ведь вот — сколько таких медведевых расстреляно было. Значит, тоже что то там крутили, кого то тоже вешать собирались? Так, может, и наш Медведев — вот, придет к себе домой, надуется водки и зубами скрипит? Почему нет? Молод я был, тоже думал: образованные люди, всякие там ораторы, писатели, профессоры, — учились, ведь, чорт их раздери! Так, может, их вешать и пороть, а не Жучкиных и Медведевых?

— Вот, это, пожалуй, правильно, — слегка торжествующе заявил Еремей Павлович, — рыба с головы воняет. Я своему Феде сколько раз говорил: ты, брат, учись, да только не переучивайся . . . А то такому научишься, что на отца доносить побежишь — был, говорят, и такой молодец.

— И такие были, — подтвердил Потапыч. — Вот, натаскивают парнишку на всяких там врагов народа — а что он, парнишка, понимает? А разве со мной на много лучше было? Тут тебе и Маркс, и Ленин, наука всякая, и вот насчет Бога, мощей и всего такого. Совсем было в шатание пришел. Ну, думаю, сейчас, действительно, плохо, голод, холод, ну, ничего, вылезем на мировой простор. Вот тебе вылезли, — сидим тут, как мышь под метлой, а, может, и ночью то этой бахнут нас с самолетов.

— Сегодня ночью не бахнут, — сказал Валерий Михайлович.

— Ну, завтра. Или послезавтра.

Дарья Андреевна, наконец, не выдержала:

— Да скажите же вы мне, да куда же нам податься?

— Вот, что, Дарья Андреевна. На этих днях — приблизительно послезавтра — я буду знать, как дела стоят. Вы, Дарья Андреевна, не очень уж меня вините . . .

— Да, Господи Ты, Боже мой, да разве ж я вас виню, судьба уж такая!

—Ну, а все таки из-за меня. Дело, однако, в том, что вам все равно вашу заимку пришлось бы бросить. Советы фактически занимают Китай, и рано или поздно вас все равно раскулачили бы. Да так, что, как снег на голову, ничего вы не успели бы спасти, да, может быть, и сами не успели бы спастись. Что поделать — во всей России такая же передряга. Да и не только в России.

— Когда же, Господи, с ними то покончат?

— Не покончат — мрачно сказал Потапыч, — крепко въелись. И кто покончит?

— А вы знаете кто? — спросил Валерий Михайлович. — Вот этот самый мистер Бислей — он и покончит.

— Это — он то? — Потапыч от удивления поставил на стол стакан, который он совсем уже было поднес ко рту. — Это он то? Почище дяди были, — да и те не покончили . . .

— А вот мистер Бислей покончит.

— То есть, простите, — прервал мистер Бислей, — не только мистер Бислей, но и господин Светлов.

— Допустим. Вот поэтому то, Дарья Андреевна, за мною так и гоняются. Мистер Бислей, в Америке, и мы тут, в России, работаем над одной такой штучкой. У мистера Бислея кое-чего не хватает, и у нас кое-чего не хватает — вот почему я послал к мистеру Бислею, а он и сам сюда попал. Теперь ясно?

Еремей Павлович положил на стол то, что еще оставалось от целой бараньей ноги — оставалось мало — и переводил свои глаза — со Светлова на Бислея и с Бислея — на Светлова.

— Ну, — это уж бабушкины сказки, — категорически отрезал Потапыч.

— Заткнись, — строго сказал Еремей Павлович. — Я, кажись, кое-что кумекаю. Не будет ли ваша штука атомной бомбой?

— А вы откуда об атомной бомбе слышали?

— Слышал. Газеты попадались. Люди тут кое-какие попадались. Слышал.

— Правильно, — атомная бомба.

— Господин Светлов эти изыскания начал, а мы продолжаем, — подтвердил мистер Бислей. — У нас это, конечно, несколько удобнее . . .

— Угум — так вот это что! Ну, давай вам Бог, давай вам Бог! Вот такую бомбочку ляпнуть на матушку Москву, чорт с ней, с матушкой, — отстроим, а так, чтобы от сволочи то этой и мокрого места не осталось. Вот по всей России была бы радость — Светлое Воскресенье!

— Вот — это так! — почти заорал Потапыч. — Вот это здорово. Вот это, значит, образование: раньше нам всем революцию устроили, а теперь нас всех, значит — бомбой — к чортовой матери, — отстань, Дунька, — я, может, двадцать лет молчал, теперь давай уж и мне поговорить. Те, кто в Москве живут, в семнадцатом году, может быть, и рогатки не имели. Вот вроде того взвода, который вы, Валерий Михайлович, перебили на полный ход. Конечно, понимаю, дело житейское, своя шкура, за вами гнались, ну вы и того . . . Однако: чем эти парнишки виноваты? А у каждого отец и мать есть. Так. Папаша тот, вот, пороть собирается — это еще по-божески. А вы вот с этим самым мистером — хотите от нас и мокрого места не оставить

— Никто о тебе не говорит, — пробурчал Еремей Павлович.

— Нет. Примерно обо мне. Остался бы я в партии — был бы я сейчас в Москве.

— Так ты, значит, — за советскую власть?

— Я, папаша, советскую власть почище вас знаю — двадцать лет в этом соку варился. А вы на заимке сидели. Власть, прямо говорю, — сволочь, сволочная власть. А кто она есть, — вот эта власть? Вот шоффер, что вас вез — и аэродром поджег? Ведь вот же на чекистской службе состоит, на чекистской машине ездит . . . — Или, скажем, вот, сидим мы с вами, Валерий Михайлович, и вот поросенка уписываем и водочку потягиваем. А, если бы, вот там, в лесу, помните? Будь у меня мой винт под рукой, да не будь Дуньки — какое недоразумение вышло бы? А?

— Да, недоразумение вышло бы, — согласился Валерий Михайлович, — дело только в том, что это у вас в руках винтовки не было. У меня — была.

— Ну, значит, такое у вас благородство характера, что вы меня сразу не ухлопали. Значит — недоразумение было бы. А вдруг вся эта революция наша — вся она только недоразумение? Вот, если бы как нибудь сказать всему, значит, народу: братцы, завтра в полдвенадцатого — плюньте — и все: нету больше никакой советской власти?

— А как вы это скажете? — спросил Валерий Михайлович.

— Это уж ваше дело — образованное. Как революцию устроить — образования у вас хватило, а теперь только на атомную бомбу хватает? А? Как царя свергать, так образованности у вас и без атомной бомбы хватало, а как Сталина свергнуть, так всю матушку Москву ко всем чертям? А, может, за матушку Москву вся Россия встанет? Сталин там, не Сталин, — чорт с ним, а Москва — Москвой?

— Очень, очень интересная беседа, — сказал мистер Бислей. — Однако, можно понять так, что вы, господин . . .

— Зовите просто Потапыч . . .

— . . . Что вы, господин Потапыч, за монархию стоите.

— Монархия — это мне точно неизвестно, а чтобы был царь. Конкретно и обязательно. И чтобы не нас, а образованных пороть. Мутили-мутили народ, сбивали с толку, да извините, — Потапыч привстал и кому то погрозил в пространство кулаком, — да только, извините, с толку не сбили.

— Это — правильно, — подтвердил Еремей Павлович — за такие разумные речи, чорт с тобой, налей еще по баночке.

— Налей, Дунька, делать тебе все равно нечего . . . Вот, вы гражданин американский, думаете, что я сапогом сморкаюсь. Это — извините. И Маркса читал, и Энгельса читал, и Ленина-Сталина читал — все, как полагается.

— Я Ленина, собственно, не читал, — признался мистер Бислей.

— Ага! И не читали Ленина и не жили при Ленине. А я и читал и жил. Образованный был человек? Образованный! Сколько миллионов с голоду при нем передохло — так этого никакая наука не знает. Так что, если вы и ученый, так и я Ученый. И партия меня учила, и голод меня учил. А таких как я, — миллионы. Сто миллионов. Двести миллионов. Что ж это мы, с нашими рогатками, советскую власть устраивали? Каждому жить хочется, а живешь один раз . . . Вот папаша говорит — я, де, на ворованном хлебе отъелся. Не буду врать — на ворованном. А вот, только Дунька, может быть, скажет, сколько я этого ворованного хлеба для мужиков спас, — а? Дунька, подтверди!

— Опасное было дело, — сказала Дунька, — вспоминать не охота.

— Опасное было дело . . . А сколько таких опасных делов на Руси делается? А ведь каждому охота жить.

— Каждому охота жить, — сказал отец Паисий, — да только жизнь то не в животе одном — есть ведь и душа у человека?

Потапыч грузно и пьяно возвышаясь над столом, сверху вниз посмотрел на отца Паисия.

— Вы, батюшка, я вижу, в Бога веруете — не то, что этот колдун там, в пещере, так что о душе и о Боге поговорим после. Я, может, безбожные курсы проходил, так о Боге по пьяной лавочке даже и мне говорить совестно. Может, как раз безбожные курсы к Богу то и привели?

Валерий Михайлович медленно, в растяжку, скручивал себе папиросу и смотрел на Потапыча с чувством несколько неприятного изумления. А также и с выражением некоторой беспомощности. Мистер Бислей, потягивая из маленькой рюмки душистый самогон, казалось, забыл и пытку и усталость.

— Это все очень интересно, что вы говорите, очень интересно. Однако, кроме атомной бомбы, я никакого выхода не вижу. Кажется, не видит и господин Светлов.

Валерий Михайлович пожал плечами.

— Выход может быть комбинированным. Потапыч, во всяком случае, ставит вопрос не совсем правильно: сейчас дело идет не о том, чтобы атомной бомбой уничтожить Москву, а о том, чтобы Москве не дать в руки атомной бомбы.

— Москве? — Это — никак, — сказал Потапыч все еще стоя и стоя уже не совсем уверенно. — А, вот, что я вам скажу, а вы скажите вашим там американцам. Сколько стоит атомная бомба?

— Очень много . . .

— Так вот — заместо того, чтобы бросать бомбы, атомные

там, или какие, нужно сбросить над Россией винтовки, сто миллионов винтовок. Ну, не сто, так двадцать...

— Но, ведь, винтовки у вас есть?

— Это у нас — есть. У мужика, можно сказать, и рогатки поотбирали. Так вот — винтовки. И чтобы на каждой винтовке был штамп „от русского царя — русскому народу".

— Почему от царя?

— Потому, что народ больше не поверит никому. Кто там у вас? Керенский? Труман? — Я ведь тоже газеты читал. Никому не поверит. Вот, думали, — Германия, образованная страна. Теперь будут думать — вот, Америка, — тоже образованная страна. Не поверят. Царю поверят. И чтобы было сказано — вот в такой то день в полдвенадцатого советской власти больше нет. Кончено. Кончилась. Так вот, в полдвенадцатого, может, и товарищ Медведев станет петь „Боже, Царя Храни". А вешать, — вешать не нужно никого.

— И даже Бермана?

— И даже Бермана. Этот — сам повесится. Все эти — сами повесятся, — куда им будет податься? Что у нас в России? Навождение — и больше ничего. Навели навождение, и, вот, плутаем. Вот, Валерий Михайлович — тот, ясно, за „Боже, Царя храни". А, может, и те пограничники, которых Валерий Михайлович, как рябков, перебил — те тоже за „Боже, Царя храни". А что получилось? Призвали парнишек, в строй поставили, приказали — что делать? А мне — что было делать?

— Я все таки еще раз спрошу — вот так, как думаете вы, господин Потапыч, много ли людей в России думают так же, как вы?

— Я, гражданин американец, никакой всенародной переписи не производил. А глаза у меня есть. И народу я видел — уйму. Всякого народу. Народу в России много. Разные люди есть. А как припомню, все таки полагаю, что вроде меня — процентов так под сто.

— Вот это здорово, — заорал Еремей Павлович, — ай да, Потапыч, а я то думал — дура, Дунька, нашла в кого втемяшиться!, А это совсем здорово. — Винтовки и чтобы от царя! И тогда советской власти крышка враз.

Ай да, Потапыч! Дай лапу!

Потапыч протянул через стол свою мясистую руку и сейчас же взвыл:

— Пусти, чорт таежный, пальцы переломаешь!

— Это я от души, — извинился Еремей Павлович, — очень здорово вот ты сказал: Царя и винтовки. Нам без царя, — продолжал Еремей Павлович, обращаясь к мистеру Бислею, — никакого ходу нет — не одна, так другая нечисть на шею сядет. А с царем мы тысячу лет жили.

— Это мне мало понятно, — сказал Бислей. — Но, если царя нет?

— Если нет — выдумайте, самозванца найдите...

— Не нужно самозванца, — пояснил Валерий Михайлович, — некоторые великие князья спаслись заграницу...

— Это, Валерий Михайлович, — в самом деле? — недоверчиво спросила Дарья Андреевна, до сих пор предпочитавшая не вмешиваться в мужской разговор.

— В самом деле.

Дарья Андреевна перекрестилась:

— Ну, тогда, может быть, Бог нас еще спасет...

Потапыч воспользовался перерывом для новой стопки.

— Ну, вот, — сказал он очень медленно, — ну, вот, если есть, так о чем же разговор? Двадцать миллионов винтовок — стоить будет пустяки — и чтобы от царя. И чтобы было сказано: в полдвенадцатого. И чтобы всякий, кто после полдвенадцатого еще шебаршить будет, тогда уж пусть на себя пеняет. Тогда, може быть, и Медведев уже в одиннадцать часов переменится. Так сказать, досрочное выполнение и перевыполнение. Побоится опоздать.

— А если без царя? — спросил мистер Бислей.

—Ничего не выйдет, — подтвердил Еремей Павлович — все уж мы перепробовали — и Керенского, и Колчака, и Ленина, и Троцкого, — хватит. Опять атаманщина пойдет. Мужик — тот пахать станет, а атаманы снова грабить начнут — хватит. Такие Степки Разины пойдут, что упаси Господи.

Лицо мистера Бислея выражало некоторое недоумение.

— Ведь, вот, живем мы в Америке без царя...

— Так это в Америке, а это — в России, — сказал Еремей Павлович. — А чем у вас в Америке кончится, так это еще тоже неизвестно. Америка нам не указ. А мы с царями тысячу лет прожили и еще десять тысяч лет проживем. Что у вас там в Америке, это мне вовсе неизвестно, а тут, в России, нам без царя — невозможно никак, — это я доподлинно знаю. Да, чего уж там — вот сколько лет мыкаемся. Да вы любого сойота спросите — так и он вам то же самое скажет.

—План нашего Потапыча, — сказал Валерий Михайлович, — идеальный план. В нем есть только один недостаток: он невыполним.

— То есть, это почему же? — удивился Потапыч. — Наши советские газеты, я знаю, врут, да не на все сто процентов. Сколько денег Америка уже убухала — а винтовки будут стоить совсем пустяки.

— Не в том дело, Потапыч, дело в том, что если американцам о царе говорить, то они просто глаза вытаращат.

— Совершенно верно, — подтвердил мистер Бислей.

Потапыч развел руками и грузно сел на свой стул.

— Тогда дело и вовсе дрянь может быть. И для нас дрянь, и для Америки дрянь. Потому, что, если уж у нас до кулаков

дойдет, то кулаки у нас покрепче — вот, немцы на что уж крепкий народ, что и говорить, сам с ними воевал, — ну и что? Берлин брал. А теперь, даже с заимки драпать приходится. Потом — Америку заберем, а сами в тундру зароемся. Тоже — удовольствие будет . . .

— Не так все это страшно, — сказал Валерий Михайлович. — И Америки мы брать не станем и в тундру зарываться не будем. Вот, будет война и нам нужно будет не Берлин, а Москву брать — второй раз на Берлин вы, Потапыч, не пойдете.

— Я то не пойду, а другие . . .

— Другие тоже не пойдут. Но это дело не завтрашнее. Сейчас нам нужно вырвать вот эту бомбу из советских рук.

— Это — обязательно, — сказал Еремей Павлович.

— Совсем обязательно, — подтвердил Потапыч. — Ежели бомба будет у Сталина, тогда только и остается — пойти в лес и повеситься.

— Вот в том то и дело. А для того, чтобы вырвать бомбу из сталинских рук, мне, Еремей Павлович, нужен ваш Федя.

— Федя? — изумился Еремей Павлович, — да у него молоко на губах не обсохло.

— О молоке и о Феде давайте поговорим завтра.

— Да, лучше завтра, согласился мистер Бислей. Я все таки очень, очень устал . . .

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА БУЛАНИНА

Заместитель товарища Медведева на посту чекистского диктатора Средней Сибири, товарищ Меснис был пожилым латышом, пробившимся на этот пост своим собственным горбом: старый службист, не слишком обуянный жаждой власти и чинов, совершенно равнодушный к какой бы то ни было партийной догме и предпочитавший ни с кем не ссориться и не брать на себя никакой ответственности. Так сказать, тот же майор Иванов, только достигший предельной для данного сорта людей ступеньки. Сейчас, когда Берман и Медведев временно выбыли из строя, товарищ Меснис оказался в состоянии полного душевного одиночества. Сейчас ответственность автоматически падала на него. Военное положение, которое объявил товарищ Берман, было совершенно понятно: это старая система массовой репрессии — репрессии, при которой не было речи ни о вине, ни о невиновности — репрессия, которая террором и страхом должна компенсировать очередное поражение власти. Но приказ прекратить поиски Светлова? Конечно, поиски в данном направлении были уже безнадежны, но принцип репрессии все таки оставался: нельзя же было оставить безнаказанным такое почти беспримерное происшествие,

как побег Дубина и Паркера, как пожар дома номер тринадцать, как взрыв аэродрома. По тем спискам, которые на всякий случай лежали в каждом отделе НКВД, было произведено несколько сот арестов — товарищ Меснис был совершенно убежден, что никаких следов они не дадут — но страх наведут совершенно достаточный. Однако — дальнейшие шаги оставались неясными. Что то нужно было предпринимать — но что именно?

Товарищ Меснис приказал разбудить заведующего шифровальным отделом и долгое время просидел у прямого провода в Москву. Но в Неелове было уже под утро, — в Москве была еще ночь. Только после полудня товарищ Меснис получил краткий ответ:

„Ждите прибытия генерала Буланина".

Этот ответ внес полное успокоение в смятенную душу товарища Месниса. Он еще раз осмотрел еще дымившиеся развалины части дома номер тринадцать и еще раз выслушал полуизвинение начальника пожарной команды: люди, де, боятся еще одного взрыва и, вот, поэтому тушение пожара так затянулось. Товарищ Меснис сделал вид, что верит этому объяснению, но он знал, что тушить дом номер тринадцать никому не было никакой охоты, — да и он сам не стал бы из кожи лезть вон. Во всяком случае, пожар был потушен, кое что еще дымилось, вокруг стояла усиленная стража и запасные сотрудники соответствующих отделов еще рылись в дымящихся развалинах, делая вид, что они что то стараются разыскать и спасти. Товарищ Меснис знал тоже и то, что даже гибель ведомственных материалов этих сотрудников не интересует вовсе — но никаких дальнейших философских выводов из этого знания не сделал.

На аэродроме, куда поехал товарищ Меснис, картина была еще более простой: там вообще ничего не осталось. Ямы от взрывов, обожженные и изуродованные скелеты самолетов, развалины караулки, из которых команда пограничников и санитары извлекали обожженные трупы. В лесу, неподалеку от аэродрома, был найден связанный и почти бесчувственный красноармеец. От него нельзя было добиться ничего: стоял, де, на часах, потом прыгнуло что-то вроде медведя, а больше не помнит ничего. Немного нового внес и шоффер, который оказался около остатков аэродрома. Его показания были очень просты — то же что-то вроде медведя, схватили, связали, по дороге у самого аэродрома выбросили вон, он кое-как развязался, и, вот, пришел сюда, итти почти не может, рука почти исковеркана, ноги были перекручены веревкой, вот, посмотрите: на ногах, действительно были ссадины. Тов. Меснис хорошо понимал, что если этот Дубин мог выломать решетку на окне дома номер тринадцатый, то с человеком этот Дубин

мог обращаться, как с куском сырого теста. Так что и тут — ничего нового. Товарищ Меснис поехал домой на свою холостую и пустую квартиру, выпил полбутылки водки и лег спать.

***

Генерал Буланин, вопреки своему чину, оказался совершенно штатским человеком: — без мундира, погон, орденов и всего такого. По внешности он очень походил на чеховского интеллигента из старинного дворянского гнезда. Был одет тщательно и даже изысканно. И костюм и галстух были явно заграничного происхождения — вероятно, немецкого. Его профиль указывал на „породу", и в учреждении говорили, что генерал Буланин происходит от рюриковичей. Но спереди это было лицо дегенерата: ассиметричный подбородок и нос, — отчего генерал Буланин предпочитал смотреть на своего собеседника в три четверти, если и не совсем боком. И в глазах его от времени до времени появлялось выражение — то ли презрения ко всему окружающему, то ли озлобленности, то ли, может быть, безумия. Говорили, что он долгое время был в эмиграции. Знали, что его и Бермана разделяет лютая ненависть, — но это было обычным явлением в данном учреждении. На вид ему было лет под шестьдесят. Был у него высокий и узкий лоб, давно поседевшая, но все-таки холеная бородка и на носу — пенсне, на тесемке образца прошлого века. Пенсне и тесемка казались вызовом всей современности, демонстрацией остатков девятнадцатого века всем достижениям двадцатого. Говорил он медленно, спокойно, с каким то барственными нотками, от которых Медведев приходил в состояние близкое к бешенству.

Прибыв на самолете в Неелово, генерал Буланин прежде всего вызвал к себе товарища Месниса. Беседа происходила в одной из уцелевших частей дома номер тринадцать, и чад пожарища еще висел в воздухе комнаты. Генерал Буланин очень изысканным жестом пригласил товарища Месниса сесть, но руки ему не подал. Товарищ Меснис испытал некоторый прилив медведевских чувств: вот, аристократ, сукин сын, барина из себя корчит.

— Ну-с, — сказал генерал Буланин, — вы, я надеюсь, объясните мне, что, собственно, у вас произошло?

Товарищ Меснис по возможности кратко и обстоятельно передал всю фактическую сторону событий этой достопамятной ночи и от всяких иных объяснений уклонился:

— Разрешите доложить, что я не знаю, как товарищ Медведев, — но лично я — абсолютно не в курсе данного происводства.

— Это, конечно, я знаю, — спокойно сказал генерал Бу-

ланин. — Полагаете ли вы, однако, что побег арестованного находится или может находиться в какой либо связи с какой бы то ни было местной организацией?

Вопрос о „местной организации" был для товарища Месниса, как и для Медведева, ножом в сердце: наличие этой организации было бы непосредственным служебным упущением среднесибирского отдела.

— Организация? — товарищ Меснис недоуменно пожал плечами. — Если она и существует, то только, как филиал какой то центральной... Вы сами, товарищ Буланин, знаете: до происшествия вот с этим самым Светловым у нас в отделе все было спокойно. Что же касается побега арестованного, то предварительное обследование показало, что ни о какой организации и речи быть не может.

— Почему это?

—Разрешите доложить. Арестованный доставлен в верхнюю комендатуру. Это человек, действительно, геркулесовой силы. Он рвет на себе наручники и в темноте — заметьте: в темноте, бьет дубовой скамейкой налево и направо. Если бы в комендатуре и находился какой нибудь член организации, — как арестованному было бы это установить? Дальше: арестованный выбегает в коридор. Куда ему деваться? В первую же попавшуюся открытую дверь следовательских кабинетов. Он ударом кулака убивает вышедшего в коридор следователя, выламывает решетку, подхватывает с собой вызванного на допрос американского шпиона, оба заводят автомобиль, проламывают им решетку ворот. Нет, для теории организации нет никаких оснований!

— Ну, а Лысково и прочее в этом роде?

— Об этом я положительно не информирован.

— А как сейчас положение товарищей Бермана и Медведева?

— Как я полагаю, с товарищем Медведевым можно установить контакт. У товарища же Бермана, кажется, сотрясение мозга...

Генерал Буланин снял свое пенсне и близорукими глазами посмотрел на товарища Месниса, стараясь, впрочем, смотреть несколько искоса.

— Тэкс... Ну что ж, — проводите меня к товарищу Медведеву.

***

Товарищ Медведев лежал на койке с загипсованной и подвязанной на кронштейн рукой. Его жирное лицо как то пожелтело и осунулось. Физическая боль в раздробленной руке доставляла ему сравнительно небольшое беспокойство. Го-

раздо хуже был тот факт, что Берман приказал прекратить дальнейшее преследование Светлова и его сообщников, что призрак ,,организации" с каждым происшествием вырисовывается все яснее и яснее, и что его, Медведева, служебное положение принимает очень шаткий характер — а товарищ Медведев достаточно точно знал, чем пахнет провал такого служебного положения, какое занимал он. Малейшее колебание — и сразу вцепятся все. И тогда? Тогда можно рассчитывать на самое худшее.

Товарищ Меснис из простой служебной корректности уже доложил ему о предстоящем приезде генерала Буланина. И если товарищ Медведев не питал никаких симпатий к товарищу Берману, то его отношение к генералу Буланину было еще более сложным: — какой то бывший чуть ли не белогвардеец, аристократ, смотрит свысока... Встречи с генералом Буланиным товарищ Медведев ждал еще с меньшим удовольствием, чем встречи с товарищем Берманом.

Товарищ Меснис раскрыл дверь комнаты, в которой лежал товарищ Медведев, и пропустил генерала Буланина вперед. Войдя в комнату, генерал Буланин осмотрел ее как то искоса и так же искоса посмотрел на Медведева. Того передернуло: вот, сволочь, даже и смотреть прямо не хочет... Буланин как будто искал глазами стула, но не сделал ни одного движения, чтобы пододвинуть его к кровати. Товарищ Меснис уловил этот ищущий взгляд и не без служебной почтительности поставил стул у кровати. Настроения товарища Месниса приблизительно соответсвовали медведевским. С той только разницей, что товарищ Меснис ясно понимал закономерность этого ,,рюриковича" в стенах дома номер тринадцать: нужно было сопоставлять людей, питающих друг к другу максимальную антипатию. И так как местные советские источники всех этих антипатий были по необходимости ограничены, то, вот, в чисто советскую среду всажен этот бывший белогвардеец, который как то продал своих и который на какие бы то ни было симпатии в этой среде не имел никаких шансов. Говорили, кроме того, что он — бывший дипломат, знает иностранные языки и что он, в частности получил от Вождя задание навести на данное ведомство хоть какой нибудь внешний лоск.

— Вот... заноза, — подумал товарищ Меснис и предпочел при дальнейшем разговоре не присутствовать.

— Разрешите отлучиться, товарищ Буланин?

— Пожалуйста.

Генерал Буланин сел на стул у кровати и так же искоса осмотрел Медведева еще раз.

— Сильно ранены?

— Не в первый раз, товарищ Буланин — на советской службе имел уже семь ранений — это восьмое...

Генерал Буланин чуть чуть поджал губы: он не имел ни одного ранения, и ссылка Медведева на его личные заслуги перед властью была в данный момент несколько бестактной.

— Я знавал одного прапорщика, — сухо ответил он. — Тот имел восемнадцать. Однако, дальше прапорщика он все таки не пошел. Но — сейчас, вы в состоянии вести деловой разговор?

— Сколько вам будет угодно. — Медведев хотел ответить, что прапорщик то, вероятно, был белогвардейский и что в советской армии ранения расцениваются иначе, — но не ответил. — Я к вашим услугам, — сказал он, по мере возможности, великосветски.

— Так вот, товарищ Медведев. Всякое из происшествий, случившихся здесь за последнее время, взятое в отдельности — вы понимаете: **взятое в отдельности,** может быть объяснено — скажем, случайностью. Но — как вы объясняете себе их взятых вместе?

— У меня есть только одно удовлетворительное объяснение: вместе с этим Светловым — или немного перед ним — сюда, в наш отдел, прибыл летучий отряд.

— Какой летучий отряд?

— Какая то группа, которой до приезда Светлова у нас здесь не было. Если бы была — она чем то дала бы о себе знать.

Генерал Буланин снял пенсне и посмотрел куда то в угол комнаты.

— Тэ-экс... Так что вы полагаете, что, например, товарищ Жучкин, начальник охраны на станции Лысково, он тоже прибыл совместно со Светловым?

— Разрешите доложить — этот самый Жучкин, как сейчас установлено, ограбил лысковский кооператив. Я очень сильно сомневаюсь в том, что в программу атомного заговора входило бы также и ограбление кооперативов.

— А вовлечение конного отряда в засаду?

— Жучкин, вероятно, спасся случайно, знал, что его призовут к ответственности, ограбил кооператив и скрылся.

— И скрылся как раз на заимку своего тестя. Согласитесь, что это как то не совсем укладывается в теорию летучего отряда.

— Я уже докладывал товарищу Берману: обо всем этом деле мы не имели никакого понятия. Я лично просматривал в картотеке личную папку этого Светлова, там, собственно — **ничего.** Позвольте сказать совершенно откровенно: я тут

совсем с толку сбился, а — что бы вы ни говорили о моих ранениях — служебный опыт у меня все таки есть.

— Не спорю, не спорю, мне только хотелось бы знать вашу точку зрения.

— Даже и точки зрения нет. Вот, например, товарищ Берман приказал прекратить дальнейшие розыски. Само собой разумеется, что у товарища Бермана есть для этого достаточно веские основания. Но только я о них и понятия не имею. Если, конечно, не говорить, что у человека сотрясение мозга. Товарищ Берман вел все дело лично сам. Нам, по крайней мере, этого Дубина удалось захватить — кто ж его знал, что так выйдет?!

— Так что этого Дубина вы захватили не по распоряжению товарища Бермана?

— Никак нет.

Генерал Буланин надел свое пенсне и посмотрел на Медведева en face.

— Так сказать, работа по двум линиям? — иронически спросил он.

— Мы работаем по нашей линии, — слегка раздраженно ответил Медведев. — Впрочем, арест этого Дубина был произведен в порядке личной инициативы одного из наших работников, он, кстати, ранен пулей в живот.

Генерал Буланин снова надел свое пенсне.

— А что эта жена, или вдова, Гололобова, что ли, кажется, Серафима Павловна?

— Дура, — просто отрезал Медведев.

Генерал Буланин вопросительно поднял брови.

— В этом можно сомневаться. Если товарищ Берман нашел нужным иметь с ней какое то дело, то, очевидно, что качества этой Гололобовой не исчерпываются только глупостью . . .

— Можно предполагать, что товарищ Берман хотел ознакомиться с положением в Лыскове, так сказать, по первоисточнику.

— А что ВЫ знаете о положении в Лыскове?

Товарищ Медведев хотел было пожать плечами, но во время удержался: левая рука была в гипсе.

— Полагаю, товарищ Буланин, решительно то же, что и вы. О Лыскове у нас до этого происшествия не было вообще никаких данных, все было совершенно спокойно. А о происшествии в центр было доложено во всех подробностях.

— Что ВЫ предприняли бы сейчас, если бы не было распоряжений товарища Бермана?

— На это трудно ответить, не имея данных. А данных, повторяю еще раз, наш отдел не имел никаких. Я бы, ко-

нечно, послал бы парашютистов на эту таинственную заимку.

— Там, я думаю, никого уже нет.

— Вероятно. Но какие то следы мы могли бы, может быть, найти, — вот нашла же эта дура телефонный провод.

— Телефонный провод, дорогой товарищ Медведев, указывает на существование организации. В этом, мне кажется, не может быть никакого сомнения.

Товарищ Медведев понимал: сомнений оставалось очень мало. Но если существует организация, то вина за ее существование падает главным образом на него, Медведева. И тут, вот этот дурацкий перелом руки... Берман убежден в существовании организации, в том же убежден и генерал Буланин. От этого убеждения только один шаг к обвинению в том, что он, Медведев, как то прикрывал организацию, или, по крайней мере, проявил недостаточную служебную бдительность. Теперь — Буланин, а через некоторое время и Берман, вцепятся в него, Медведева, с двух сторон. Товарищ Медведев решил пойти на риск.

— Видите ли, товарищ Буланин. У меня есть достаточно оснований предполагать, что товарищ Берман находится в какой то связи вот с этим самым Светловым. — Тон товарища Медведева был сух и деловит. Генерал Буланин снял свое пенсне и уставился в товарища Медведева почти в упор.

— Связь? У Бермана со Светловым? Какие у вас есть основания?

Товарищ Медведев продолжал все так же сухо и деловито:

— Товарищ Берман во главе достаточно сильного конвоя отправился обследовать этот перевал. Они там снова наткнулись на какую то засаду, впрочем ,вы об этом уже информированы.. После товарища Бермана туда же отправился и я, — с целью усилить охрану перевала, хотя он, собственно, находится вне территории Союза, — но это неважно. Там я совершенно случайно установил тот факт, что товарищ Берман сидел и разговаривал с этим Светловым. Минут, вероятно, десять — двадцать.

Генерал Буланин повертел в воздухе своим пенсне. На его высоком и узком лбу вырисовались глубокие морщины.

— Позвольте вас спросить — как вы это могли установить?

— Будьте добры, товарищ Буланин — вот тут, в ящике ночного столика, мой портсигар — мне трудно шевелиться.

Генерал Буланин встал и достал из ящика медведевский портсигар.

— Будьте добры, — откройте его, — мне одной рукой трудно.

Генерал Буланин открыл портсигар.

— Вот здесь — окурки, которые я подобрал на месте этой

беседы. Часть их от папирос товарища Бермана — таких больше, кажется, нет ни у кого. Остальные — от папирос этого самого Светлова. Такого табаку здесь в Сибири тоже нет. И кроме того, этот обрывок записки написан именно Светловым — я сравнивал почерк по его личной папке. Обрывок я нашел почти там же. Выводы мне совершенно неясны.

Генерал Буланин снова надел свое пенсне и тщательно осмотрел и окурки и обрывок.

— Тэ-э-эк-с... Вы, конечно, товарищ Медведев, понимаете, что может значить ваше заявление. Или ваше открытие.

— Я приблизительно понимаю. Но, как я полагаю, в отношении этих окурков и этого обрывка сомнений быть не может. Место беседы находилось шагах в ста от самолета, у которого сидел товарищ Берман. Светлов был не один: повидимому, с ним был этот геркулес, но он лежал, вероятно, с винтовкой, шагах в тридцати от места беседы. У самолета товарищ Берман сидел совершенно один — я это установил путем конфиденциального и косвенного опроса команды. Полагаю, что в этом факте не может быть никаких сомнений, но объяснений у меня нет никаких.

— Вы вполне уверены, что это почерк Светлова?

— Вполне. Повторяю, — я специально проверял по его личной папке. Да и вообще такой почерк не так уж часто встречается.

Генерал Буланин закрыл портсигар и откинулся на спинку стула.

— Т-э-экс... Товарищ Берман, конечно, не в курсе ваших... изысканий?

— Нет, не в курсе.

Генерал Буланин посмотрел на товарища Медведева понимающим взором.

— Вы, конечно, понимаете мое положение, — продолжал товарищ Медведев. За отдел отвечаю я. В отделе — то ли организация, то ли, чорт его знает что. Никакой активности этой организации, если она и в самом деле существует, мы до сих пор не замечали. Информации из центра обо всем этом деле мы практически не имели никакой, да и сейчас, собственно, тоже не имеем. Лично я не знал даже и о том, что этот самый Светлов направляется сюда из Москвы; если бы я это знал, мы могли бы встретить его совершенно иначе. Все таки, я на этой работе больше двадцати лет, кое что понимаю...

Генерал Буланин не отвечал ничего и только шевелил морщинами на лбу.

— Дело получается совсем дрянь, — продолжал товарищ Медведев, но уже не столь сухим тоном. Едет этот Светлов.

По дороге ликвидирует двух или даже трех филеров. Высаживается в Лыскове — почему, в самом деле, в Лыскове? Истребляет целый конный взвод, — не мог же он один это сделать? Исчезает начальник железно-дорожной охраны. Кто-то грабит кооператив — имейте ввиду, что участие в этом грабеже Жучкина или только Жучкина, еще вполне не установлено. Очень вероятно и так: Жучкин сбежал и кто-то ограбил кооператив, чтобы свалить вину на сбежавшего. Потом — совершенно непонятное происшествие на мосту. Потом — вот этот перевал. И все это на моей территории. Я отвечаю, а информации у меня нет никакой. И вот — этот разговор со Светловым. Кто его знает, был, вот, во Франции такой министр полиции — забыл как его...

— Фуше, — любезно подсказал генерал Буланин.

— Ну, да, Фуше, так чорт его знает. Вот была же история с Ягодой. А кто бы мог подумать?

— Так что вы предполагаете, что товарищ Берман собирается итти то ли по путям Фуше, то ли по путям Ягоды?

— Я, товарищ Буланин, — сказал Медведев несколько раздраженным тоном — не предполагаю решительно ничего. Чорт его знает! Вот вы говорите: организация. И товарищ Берман говорит: организация. Да еще и какая: научная и атомная. А я сижу тут, как дурак. Поймал все таки этого бродягу — и тот сквозь пальцы выскользнул. Потом поймал этого Дубина — ну, Дубин, — тот, конечно, обошелся и без организации. Теперь — эта беседа — посмотрите на окурки и записку еще раз...

— Нет, спасибо, если они, действительно, аутентичны, то это кое-что может значить.

— Что значит „если"? Что ж, выдумал я все это? Откуда мне было взять светловскую записку...

— Вот всяком случае, — сказал генерал Буланин — эту таинственную заимку нужно все таки прощупать.

— По моему — совершенно ясно. Только самолетов у нас нет — армейских на такие дела, знаете, пускать не следует...

— Но могут быть армейские самолеты и наши пограничники, — это вопрос чисто технический. Но только, я думаю, что в тот момент, когда мы начнем посадку команд на самолеты — эта организация или как ее там — будет об этом знать. А, может быть, и на заимку дадут знать — радио связь у них налажена хорошо.

— Ну, вот, — еще более раздраженным тоном сказал Медведев, — вы говорите: радиосвязь, а я об этой радиосвязи ни тютельки не знал. Если радиосвязь, тогда многое понятно — вот хотя бы на мосту: дали знать, кому следует, устроили засаду. Если бы я об этой радиосвязи знал, то

в засаду попали бы эти голубчики. Согласитесь сами — все это несколько странно.

Генерал Буланин снова снял пенсне и посмотрел куда-то в угол комнаты.

— Н-да... Конечно... Предположения могут быть разными. Например: жена этого Светлова, как вы знаете, находится в изоляторе. Может быть, между Берманом и Светловым шел какой то торг? Такая возможность тоже, ведь не исключена?

— Думаю, что перевал — самое неподходящее место для такого торга. Это одно. И, второе, как, собственно говоря, могли они там встретиться? Тоже — по радио договорились? Светлов исчез в тайге, как иголка в стоге сена — и вдруг он оказывается как-то связанным: и с этим бродягой, и с Дубиным, и даже с Берманом. Предположения, конечно, могут быть разными...

Генерал Буланин снова собрал все свои морщины. Медведев смотрел на него уже с несколько меньшим чувством ненависти: нет, с этим дядей можно разговаривать: он все равно чужак. Как-то купленный чужак и в партии, и в ведомстве. Ни на какой риск он не пойдет и будет доволен, если Берман его не съест. Положиться, конечно, нельзя, а разговаривать можно.

— Тэк-с, — еще раз сказал генерал Буланин. Вынул из кармана чистенький батистовый носовой платок и стал протирать им стекла своего пенсне. — Тэк-с. Я попытаюсь все-таки поговорить и с товарищем Берманом и с этой, как вы ее называете, дурой. Полагаю, однако, что заимку нужно проверить и осветить, — что-то там можно будет, вероятно, установить. Мне очень жаль, но я не уполномочен передать вам все подробности этого атомного заговора. Сегодня я поговорю с Москвой... Заимку нужно осветить. Но — организация, или не организация, — операция должна быть предпринята не отсюда; здесь, в Неелове, какие то опорные точки у Светлова есть.

— Из Иркутска или Читы?

— Я еще не решил. Среди тех пограничников, которые вернулись после ареста Дубина, есть, вероятно, люди, которые знают местность?

— Есть. Да, местность не так трудно установить и по карте.

Генерал Буланин наклонился над кроватью, что привело в некоторое изумление товарища Медведева. Но изумление оказалось напрасным: над кроватью висела груша электрического звонка. Генерал Буланин нажал кнопку. Как-то слишком уж скоро раздался стук в дверь, и из нее появился

все тот же жовиальный *) доктор все с тем же запахом коньяку и одеколона, и со стетоскопом в руке. Не подслушивал ли он? Для тайных разговоров комната, в которой лежал товарищ Медведев, не была приспособлена и у нее было что-то вроде маленькой передней. Доктор очень хорошо мог бы, засев в этой передней, подслушать весь разговор — кстати и стетоскоп мог очень облегчить эго подслушивание.

— Послушайте, позовите сюда дежурного по отделу, — сказал генерал Буланин, искоса и свысока посмотрев на доктора.

— Слушаюсь, сию минуту, — доктор собирался еще что-то сказать, но холодный взгляд генерала Буланина к дальнейшему разговору не предрасполагал. Доктор мячиком повернулся вокруг своей оси и исчез.

— А это, что еще за тип? — брезгливо спросил генерал Буланин.

— Старый пьяница, но хороший врач. Он тут давно — еще до меня.

— Не подслушивал ли?

Товарищ Медведев пожал одним плечом.

— Эта комната, конечно, не приспособлена для секретных разговоров, но я не думаю . . .

— Вид у него какой-то все-таки подозрительный. Что он — еврей?

Медведев усмехнулся. — „Беспочвенный космополит", как теперь принято выражаться. Фамилия его — Шуб. Повторяю, это очень хороший врач. Не думаю, чтобы он был подозрителен.

— Кто-то, во всяком случае, информирует Светлова и компанию о всех наших замыслах. Мы должны подозревать всех! — При этом генерал Буланин снова снял свое пенсне и снова посмотрел куда-то в угол. В этот момент раздался стук в дверь, и на ответное „войдите", в комнату вошел майор Иванов.

В виду тех потерь, которые нанес ответственным работникам дома номер тринадцать Еремей Павлович, товарищу Иванову приходилось дежурить почти бессменно. Это не изменило деревянно-автоматического выражения его лица, но это лицо побледнело и осунулось. Товарищ Иванов остановился у двери, ожидая приказаний. Генерал Буланин повернулся к нему и, вскинув свое пенсне, осмотрел товарища Иванова сквозь нижние края стекол.

— Будьте добры, выберите из участников последней опероции двух человек, которые наилучше знают местность. Я их возьму с собой. Закажите мне на завтра в шесть трид-

*) оживленный, веселый, умеющий хорошо пожить.

цать утра гражданский самолет, с полным запасом горючего. Направление я укажу летчику. Позовите мне этого доктора. Все.

— Слушаюсь — ответил товарищ Иванов, повернулся налево кругом и исчез.

Генерал Буланин продолжал сидеть, вертя на шнурке свое пенсне и глядя куда-то в угол. Через несколько секунд в комнату вкатился жовиальный доктор. Ген. Буланин надел пенсне.

— В каком состоянии находится сейчас товарищ Берман?

— В смысле опасности для здоровья?

— Нет, — генерал Буланин раздраженно пожал плечами, как будто желая подчеркнуть, что здоровье товарища Бермана, взятое само по себе, его нисколько не интересует. — Нет. Но можно ли с ним разговаривать?

— Опасаюсь, что нет. Сотрясение мозга. Были некоторые симптомы воспаления мозговых оболочек, но к счастью исчезли. Товарищ Берман находится под влиянием морфия, а так как организм...

— Да, я знаю, привычное отравление. Я все-таки попытаюсь с ним поговорить. Вы проводите меня раньше к этой Серафиме Павловне, а потом к товарищу Берману. К вам, товарищ Медведев, я еще загляну.

**
*

Перед дверью комнаты, в которой лежала Серафима Павловна, доктор суетливо извинился:

— Разрешите мне пройти вперед и посмотреть, — все-таки женщина, может быть, неудобно...

— Да, пожалуйста, пожалуйста.

Генерал Буланин остался в коридоре, безразличным взглядом осматривая стены и потолок. Серафима Павловна попрежнему лежала на своих передовых частях, — тыловыми формированиями кверху. Повернуться на спину она еще не могла. Спина и прочее все еще болели и зудели от десятков мелких дробовых ранений, но это искупалось мечтами о настоящей жизни, которая, по мнению Серафимы Павловны находилась где-то за порогом завтрашнего дня.

Доктор вкатился бесшумным мячиком.

— Ну, как наши дела? А к вам жалует генерал Буланин, сам генерал Буланин, — слышали вы о таком?

Серафима Павловна слышала. Все партийные события, совершавшиеся в Москве, доходили до „периферии" в форме какой то странно изломанной легенды. Было известно и о генерале Буланине — что он бывший белогвардеец, эмигрант, аристократ. Ходили слухи о том, что Сталин соби-

рается объявить себя царем, что он женится на какой-то великой княжне, что генерал Буланин имеет некую специальную миссию: установить связь между советской властью и белой эмиграцией — иначе, зачем бы он был нужен? Поворот к патриотизму, национализму, признание церкви и все такое придавали этой легенде вид полного правдоподобия. Та часть партийной верхушки, которая не очень была в курсе дела, скрипела зубами: вот, недорезали эту сволочь фронтами и террором, теперь посадят на нашу шею. Партийные низы — вот, вроде покойника Гололобова, — тяжко вздыхали и выражались в том смысле, что слава Богу, наконец: какой то порядок будет, а для них, Гололобовых, всяких мест на Руси все равно хватит — хуже не будет. Словом, в представлении Серафимы Павловны имя генерала Буланина было окутано густым туманом легенды: во-первых, настоящий генерал из старых, не то, что этот мужик Медведев или цыган Берман. Во-вторых, настоящее обращение, как в кине́, воспитанный человек, может, и при старом царском дворе бывал. В третих, вся та таинственность, которая была связана с появлением генерала Буланина из заграницы, с его деятельностью по формированию новых гвардейских частей, с его неслыханно быстрой партийно-военной карьерой и с его близостью к самым верхам и старой и новой власти. Словом, при упоминании имени генерала Буланина, Серафима Павловна разомлела окончательно.

Войдя в комнату, генерал Буланин увидел прежде всего спину и прочее Серафимы Павловны — отчего его глаза приняли несколько маслянистое выражение.

— Добрый день, Серафима Павловна, ну, как вы себя чувствуете? Разрешите присесть и поболтать, — не будет для вас это слишком утомительным? Нет, нет, не шевелитесь, я вам сам поправлю подушку, пожалуйста, не шевелитесь . . .

„Вот — это настоящее обращение, — подумала Серафима Павловна, — не то, что эти мужики и пролетарии". Генерал Буланин нагнулся над койкой и поправил подушку так, что Серафима Павловна, лежа на животе, могла все-таки повернуть лицо более или менее вверх. При виде этого лица, маслянистое выражение в глазах генерала Буланина исчезло мгновенно. Но тон его оставался прежним.

— Ну, я надеюсь, так вам будет достаточно удобно, — так разрешите сесть?

Жовиальный доктор услужливо пододвинул генералу Буланину стул и поспешил исчезнуть.

— О всех ваших приключениях и злоключениях я уже слышал, — говорил генерал Буланин. — Но все-таки: как

вам пришла в голову мысль искать телефонный провод? И что, собственно, произошло у вас там в Лыскове?

У генерала Буланина была старая светская выдержка. И только очень внимательный наблюдатель мог бы установить нарастание полного разочарования в его глазах. Серафима Павловна несла совершеннейший вздор. Вздор этот, описывая всякие круги, эллипсисы и даже параболы, — неизменно упирался в эту паршивую Дуньку, в которой было пять пудов и которая, вот, и заварила всю эту кашу. Смерть ее собственного мужа, исчезновение товарища Жучкина, и даже знаменитый телефонный провод, как то прошли мимо сознания Серафимы Павловны. Смерть мужа была объяснена чрезвычайно просто — напился и, должно быть, застрелился, — туда ему и дорога. Исчезновение Жучкина приняло чисто романтический характер: эта вертихвостка Дунька сбежала с этим Светловым, а этот дурак, Жучкин, конечно, погнался — тоже, подумаешь, цацу нашел? Телефонный провод тоже оказался как то связанным с той же Дунькой. Весь этот вздор генерал Буланин выслушал с внимательным и даже любезным видом, от времени до времени прерывая повествование Серафимы Павловны всякими сочувственными междометиями. Но уже минут через десять генерал Буланин сообразил, что этот поток вздора может длиться неопределенно долгое время: Серафима Павловна слишком долго была обречена на вынужденное молчание и теперь судорожно пыталась наверстать потерянные возможности. Генерал Буланин поднялся со своего стула.

— Ну, а теперь прошу вас меня простить, — разрешите заглянуть к вам в другое время, я только что прибыл сюда, нужно осмотреться. Да, все это очень, очень интересно, что вы мне рассказывали. Так что, пока, — позвольте откланяться...

Серафма Павловна замерла от восторга: вот оно, настоящее обращение. Генерал Буланин вышел в пустой коридор, еще раз осмотрел его стены и потолок, и не постучавшись в дверь, вошел к товарищу Медведеву.

— Вы были правы, товарищ Медведев, — совершеннейшая дура.

— Кто это? Ах, эта Серафима? Конечно, совершеннейшая дура. А, может быть, — только притворяется?

— Ну, для этого нужно быть гениальной артисткой. Так сыграть дуру не могла бы и Сарра Бернар.

— Кто?

— Сарра Бернар. Была такая. Но все-таки — почему этой дурой заинтересовался товарищ Берман?

Медведев пожал одним плечом.

— Здесь, товарищ Буланин, есть слишком много „почему" и нет ни одного толкового ответа.

— Я все-таки попытаюсь поговорить с товарищем Берманом, — может быть, оттуда придет какой-нибудь ответ. Но, во всяком случае, вашей теории о папиросах и прочем вы никакой огласке не предавайте!

— Это само собою разумеется. Это я сказал только вам. Я очень хотел бы от всей этой истории отделаться совсем, — мне ничего не сообщили, а, как видите, отвечаю я. Вот и вы сами, вероятно, предполагаете, что я проворонил какую-то здешнюю организацию...

Генерал Буланин сделал неопределенный жест.

— Предполагать можно и предполагать нужно все, что угодно. Но, нет, вашего бездействия власти я не предполагаю. Очень вероятно, что организация, действительно, существовала в, так сказать, скрытом, потенциальном виде и проявила себя только с прибытием Светлова. А раз она раньше себя ничем не проявляла, то как вы могли бы установить ее существованние?

— Постарайтесь доказать это товарищу Берману.

**
*

...Комната, в которой лежал товарищ Берман, была затемнена и только в углу горела слабая электрическая лампочка. При полусвете лицо товарища Бермана казалось лицом мертвеца. Основные черты этого лица выступали еще резче, чем обыкновенно. На голове лежал пузырь со льдом. Жовиальный доктор, слегка посуетившись около койки, — исчез. Товарищ Берман медленно открыл глаза, посмотрел на генерала Буланина и не сказал ничего.

— Я не знаю, в состоянии ли вы разговаривать, товарищ Берман, — сказал генерал Буланин, усаживаясь у койки. — Доктор, собственно говоря, запретил было это посещение.

Товарищ Берман опять закрыл глаза.

— Могу. Но с трудом. Вам, вероятно, поручено взять все это дело в ваши руки?

— Да, пока вы находитесь, так сказать, вне строя.

— Нового я вам ничего сказать не могу. Я приказал прекратить поиски в направлении этой заимки.

— Вы думаете ,там никого уже нет?

— Не совсем. Там наверняка будет организована засада. А мы уже и так потеряли слишком много людей.

— Ну, это не так важно.

— Это зависит от людей. Нет никакого смысла слать кого-то вот вроде Кузина, а если примете участие, напри-

мер, вы, то почти наверняка вы не вернетесь. Здесь работает организация.

— Полагаете ли вы, что побег Дубина есть тоже результат организации?

— Я этого еще не знаю. Повидимому — да. То есть — организация наспех что то съимпровизировала, используя гигантскую силу этого Дубина... Во всяком случае — этот след нужно бросить. Нужно искать другие пути.

— Какие именно?

— Нужно использовать жену Светлова в качестве приманки. Выпустить, установить наблюдение и потом взять обоих...

Генерал Буланин вспомнил о папиросах и подумал о том, что при выполнении проекта товарища Бермана — они останутся и без добычи и без приманки. Не по этому ли поводу шел разговор на перевале? Но все это было еще очень неясно. Генерал Буланин не сомневался в том, что разговор между Светловым и Берманом действительно имел место. Могло быть так, что Светлов чем-то шантажировал Бермана, могло быть и так, что Берман хотел использовать Светлова для своих личных целей — целей, направленных против Кремля и его сегодняшних правителей. Во всяком случае, жизнь Бермана была, повидимому, в распоряжении Светлова, и Светлов эту жизнь пощадил...

— Что-ж, — сказал генерал Буланин равнодушным тоном, — может быть, и эта идея заслуживает внимания. Но я не стану вас больше утруждать...

— Да, мне очень трудно. Позовите, пожалуйста, врача...

Товарищ Иванов сдал, наконец, свое дежурство очередному ответственному работнику, заглянул в закрытый распределитель НКВД, обеспечил себя полным портфелем выпивки и закуски и с чувством великого облегчения вышел на улицу: у него было впереди двенадцать часов, чтобы выпить, закусить и отоспаться. Правда, дома была жена. Как бы ее сплавить? Его ведомственное супружество с каждым годом все больше и больше становилось ему в тягость: даже и дома приходилось носить на себе все ту же деревянно-автоматическую личину и бояться даже и того, как бы во сне не набредить чего либо лишнего. Может быть, в перемене ориентации товарища Иванова его домашний уют сыграл решающую роль...

Но в данный момент товарищ Иванов бодро шагал по улице, тускло освещенной редкими фонарями. Мимо него проехал какой то автомобиль и, тихо скрипнув тормазами,

остановился шагах в десятке от него. Из шофферского окна выглянула чисто выбритая и вполне благожелательно улыбающаяся физиономия бывшего Степаныча.

— Добрый вечер, товарищ Иванов, садитесь, мы вас подвезем...

Товарищ Иванов давно перестал удивляться чему бы то ни было. Согнувшись, он пролез на место рядом с бывшим Степанычем, сидевшим у руля.

На задних местах сидело еще двое. Товарищ Иванов, пролезая в автомобиль, кинул свой взгляд на этих пассажиров и обнаружил в них знакомых ему Ваньку и Ваську.

— Ах, и вы тут? — не без некоторой иронии сказал он.

— И мы тут, — подтвердили хором Ванька и Васька. И после того, как товарищ Иванов уселся, один из них заявил не без гордости:

— А мы в пещере сидели — ага!

Бывший Степаныч, не оборачиваясь, пробурчал:

— Если ты еще болтать будешь, так я в твоей голове пещер понаделаю, понял? — Ванька и Васька замолкли.

— Так вот, товарищ Иванов, — самым дружественным тоном продолжал бывший Степаныч, — я вас довезу домой, не совсем кратчайшим путем, вы мне пока что расскажите все новости.

Товарищ Иванов рассказал все, что знал. Бывший Степаныч прерывал его рассказ одобрительными междометиями: „ага", „так-так" и иногда кое о чем переспрашивал. Товарищ Иванов ясно чувствовал, что у бывшего Степаныча, действительно, есть и другой источник информации. Заканчивая свое повествование, товарищ Иванов сказал:

— Как я предполагаю, генерал Буланин устроит все-таки налет на эту вашу заимку.

— Да, и у меня такие данные имеются.

— Откуда он будет действовать, — я не знаю. Может быть из Читы. Может быть, из Иркутска. Большая сволочь этот Буланин. Вероятно, он хочет подсидеть и Медведева и Бермана.

— И вы думаете, ему это может удаться?

— Ну, это — нет. Он ведь тут, как в лесу, чужой. А впрочем — чорт его знает, какая там у него в Москве зацепка...

— Зацепка есть, — таинственно сказал бывший Степаныч.

— Так что, — чорт его знает. Завтра вылетает, значит. Неизвестно куда.

— А как в Чите, или в Иркутске с самолетами? Есть свободные?

— Вот этого, говоря по совести, — не знаю. Гражданские, — так те все время в ремонте. Военные, — так армия

не сразу даст. Тут, я полагаю, нужно человек на сто. Очень сомнительно.

— Что сомнительно?

— Чтобы Буланин получил бы транспортные самолеты на сто человек.

— Ну, это мы, даст Бог, тоже узнаем. А вы нас информируйте обо всем, что здесь будет происходить.

— А как вас информировать?

— Вы уж не беспокойтесь — вот встретил же я вас Встречу и еще. В пещере мы, действительно, неделю просидели, теперь сидим в другой — поближе .Не думайте разыскивать — все равно не найдете.

— А мне зачем? Информация нужна вам, а не мне.

— Ну, в конечном счете и вам понадобится.

— Пока мы до конечного счета дойдем — немного от нас останется.

— Это тоже, конечно, возможно. Но нужно постараться остаться. Так что вы дежурите опять только завтра?

— Да, опять с шести утра.

— Если что-нибудь будет новое, постарайтесь быть у центральной аптеки около восьми. Если вам это не удастся, в половине девятого я вам позвоню, — есть такой способ. Пока что, вылезайте, на улице нет никого, а подвозить вас к вашему дому не совсем удобно.

Товарищ Иванов вылез из машины. На улице действительно, не было никого. Ванька и Васька пожелали ему спокойной ночи. Бывший Степаныч дружественно пожал руку, и машина исчезла за поворотом улицы. По служебной своей привычке, товарищ Иванов постарался рассмотреть ее номер, — но задние огни машины были погашены. До дому осталось полверсты. Ах, если бы не эта ведомственная жена! Можно было бы закусить, выпить и подумать. Но при жене товарищ Иванов даже и думать боялся. Во-первых, будет молоть языком, во-вторых, придут ей в голову всякие подозрения: с чего это человек думать стал? Если бы лето — можно было бы посидеть где-нибудь под деревом. Но наступала холодная осенняя ночь, и под деревом было бы не очень тепло. Шагая несколько нерешительно по направлению к дому, товарищ Иванов заметил слабо освещенное окно столовки Пищепрома и на этом окне знакомую уже надпись: „с продажей пива". Товарищ Иванов знал, что кроме продажи пива, заведующий потихоньку продавал и водку, по каковому поводу однажды чуть было не познакомился с ведомством товарища Иванова. В некоторой нерешительности товарищ Иванов потоптался у двери и потом решил, что хуже, чем дома, все равно не будет.

Столовка была маленькой, грязной, полутемной и пустой.

За прилавком, на котором еще были разложены ломти черного хлеба, намазанные грибной икрой, расставлены пивные стаканы, вымытые в последний раз еще перед революцией, солонки и прочая такая роскошь, стоял заведующий столовкой, монополизирующий в своем лице и весь ее обслуживающий персонал. Заведующий, конечно, знал в лицо товарища Иванова, — знал и по фамилии. Товарищ Иванов помнил только лицо. Но это не помешало короткой и вполне непринужденной беседе о вкусной и серьезной закуске.

Заведующий сделал уклончивый жест.

— Как видите, товарищ Иванов, по официальной части, только вот эти буттерброды. Но я могу вам из своего личного снабжения уступить.

— А что вы могли бы уступить?

— Ну, допустим, яичницу? — сказал заведующий разведывательным тоном.

— И водчонки тоже можете уступить? У меня, собственно, и своя есть, но своя и дома может пригодиться...

Заведующий посмотрел на товарища Иванова и испытующе и умоляюще: подведет или не подведет? Ведомство товарища Иванова с очень большой степенью точности знало о всех продовольственных и прочих махинациях, совершавшихся в распределительном аппарате СССР, но на все эти махинации смотрело сквозь пальцы: во первых, все равно ничего не поделаешь, во-вторых, никакой социальной опасности здесь видно не было. Но майор Иванов был в военной форме, и на лице заведующего боролись по меньшей мере три чувства: опасение, желание заработать и любопытство.

— Водчонки? Есть у меня начатая бутылка...

— Ну, в случае крайности, можно ведь начать и вторую?

На жуликоватом лице заведующего отразилось четвертое чувство: восхищение перед дипломатической тонкостью товарища Иванова...

— Хе-хе-хе... — засмеялся он почтительно, — конечно, в случае чего, можно и неприкосновенный запас, знаете, на случай простуды, или чего там.

— Так что, если вы мне уступите, скажем, полдюжины яиц, и допустим, начатую бутылку, и кстати, закроете ваше учреждение — все равно уже поздно, то мы на этом и сойдемся.

— Закрыть? Это совершенно правильно — я сию минуту. — Заведующий выбежал на улицу и стал закрывать ставни у окна. С улицы донесся его приглушенный голос:

— Столовка закрывается, катись, браток, дальше, там, вот, за два угла — есть еще одна...

Чей то хриплый голос ответил:

— Так ты хоть стакашку дай, открыто ли там или нет, чорт его знает...

— Никаких тебе стакашек, сказал, катись к чортовой матери.

Закрыв двери и вернувшись в столовку, заведующий сказал деланно пренебрежительным тоном:

— Вот, тоже, всякие пьяные тут шатаются... Я, товарищ Иванов, мог бы еще и грибков уступить.

— Уступите и грибков...

Заведующий исчез в кухню, товарищ Иванов вынул из портфеля сверток с копченой севрюгой, коробку килек и белый хлеб. Несколько подумав над создавшимся положением вещей ,он выбил пробку из своей бутылки и прямо из горлышка предварительно отхлебнул около стакана. Попытался усесться поуютнее, но на деревянной табуретке это сделать не удалось. Товарищ Иванов передвинул стол и табуретку так, чтобы можно было опереться спиной в угол, — так получилось несколько комфортабельнее.

„Вот собачья жизнь, — еще раз подумал товарищ Иванов, — даже и выпить по-человечески негде".

Заведующий вернулся с яичницей и грибками. Коробка килек вызвала некоторые затруднения: открыть ее оказалось нечем. Заведующий снова исчез в кухню и принес оттуда топор. При помощи топора и некоторой изобретательности коробка была открыта. Товарищ Иванов понял, что не предложить заведующему этих килек было бы неприлично.

— Хочите перекусить? — спросил он.

— Н-да, — сказал заведующий, — это, можно сказать, деликатес. В Москве говорят, еще можно достать, а здесь мы уж сколько лет не видали. А что касается бутылки, так у меня еще одна неначатая есть.

— Ну, скажем, две. Я ведь не собираюсь их считать...

Заведующий опять сказал: „хе-хе". Соскребал грибную икру с ломтя хлеба и положил на него две кильки. Налил два стакана и пожелал здоровья обеим участвующим сторонам. Товарищ Иванов понял, что и от заведующего отделаться будет не так просто.

Выпив свой стакан, заведующий сказал таинственным тоном.

— В городе, можно сказать, возбуждение. Говорят — атомная бомба. Вот, сегодня зашла компашка, рабочие тут со стройки, елемент, конечно, несознательный. И потом — на взводе. Человек, знаете, голодный, хватит стопочку и, смотришь, уже и пьян. Мы, говорят, это все строили, мы, говорят, все это к чортовой матери разнесем.

— Ну, пусть только пошебаршат, мы им салазки заг-

нем, — сказал правительственным тоном товарищ Иванов.

— Ну, да, оно, конечно, я же и говорю: несознательный елемент. А только большое возбуждение, — жуликоватые глаза заведующего как будто хотели проникнуть в самые сокровенные тайны происшествия в доме номер тринадцатый. — Я это вам, товарищ Иванов, для информации, потому что, как наша советская власть, так мы все... Разрешите еще по стаканчику, у меня, собственно, еще две непочатых бутылки есть...

— А если и три?

Заведующий опять сказал „хе-хе" и налил очередные стаканы.

— Так что, я вас информирую — столовка, как сами видите, пустяковая, а народ толчется. И все больше в подпитии. Какой то генерал, сказывают, из самой Москвы прилетел... Тут и пожарники выпивали, то есть, не выпивали, а уже на взводе пришли и пивом лакировались. Пусть, говорят, горит ко всем чертям, станем мы еще это дерьмо тушить... Я это только для информации — люди мне вовсе незнакомые, придет, выпьет, ну и мелет. Однако, нету дыму без огня... Бо-ольшущее возбуждение... Бастовать, говорят, собираются..

— Бастовать? — в тоне товарища Иванова проснулся ведомственный интерес. — Бастовать? Ну, этого то у нас не водится.

— Но, конечно, трудовая дисциплина, но как публика полагает, что власть, так сказать, пошатнулась, то, вот, по пьяной лавочке и мелют. Однако, все таки нет дыму без огня... Заведующий сверлил своими жуликоватыми глазками деревянное лицо товарища Иванова, но скоро понял, что ничего он из этого лица не высверлит. Несколько тягостное молчание было прервано сумасшедшим грохотом на кухне. Заведующий столовкой сорвался туда со скоростью кота, к носу которого шутники поднесли бутылочку нашатырного спирта. Из кухни донеслась брань и новый грохот, какие то удары, потом наступил некоторый минутный перерыв, использованный по некоторым соображениям товарища Иванова для еще не начатой бутылки, потом стук закрываемой двери. Потом около товарища Иванова снова появился заведующий, на лице которого помимо свежих следов недавно початой бутылки, отражалось еще и искреннее негодование.

— Вот — посмотрите, не успел отвернуться, — как коты. Посуду перебили на пол-ставки. Если теперь списывать в расход — так, кто свидетель котам? А отвечать мне — пол-ставки вычтут. Где, я вас спрашиваю, социальная справедливость? А? Где?

— Г-м, — сказал товарищ Иванов.

— Тарелки перебиты, стопочки перебиты, кусок мяса сперли, а кто отвечает? Я отвечаю. И за кого? За котов. Где, я вас спрашиваю, социальная справедливость? И откуда я новые тарелки достану? А?

— Давайте еще по паре килек, — ответил дипломатически товарищ Иванов. Вечер для размышления был все равно потерян; может быть, вместо этого вечера, товарищу Иванову удастся узнать что то о забастовках?

Однако, заведующий кильки съел, стакан выпил, но о забастовках предпочел говорить в совершенно отвлеченной форме:

— Да, вот, рабочие или там пожарники, личности мне неизвестные, мало ли кто заходит, ну, разговоры всякие. Бо-ольшое, я вам скажу, возбуждение... А котов этих развелось — пропасть. И все голодные, только и норовят, что бы где стянуть — вот еще и вождя разбили.

— Какого вождя?

— Здесь на стенке висел. Кто то с пьяных глаз пивной бутылкой запустил. Я сам не видел, — в кухне был, тут не разорвешься. Прихожу — смотрю, рама разбита, кусок стекла выбит. Ну, я этого вождя в кухню поставил. На шкаф. А теперь — коты. И стекло вдребезги и сам вождь вымазан.

— Какой вождь?

— Ну, этого я не знаю —висел себе, и висел. А теперь, кому отвечать? Опять же мне. И из-за кого? Из-за котов. Я вас спрашиваю, где тут социальная справедливость?

На вопрос о социальной справедливости, в особенности в применении ее к котам и разбитому вождю, товарищ Иванов никакого ответа дать не мог. Но он понимал, что не получил никакого ответа и на вопрос о забастовке.

— Так сколько с меня полагается за ваши уступки? — спросил он.

Заведующий жуликовато и искоса посмотрел на деревянное лицо товарища Иванова, потом на потолок и назвал более или менее подходящую сумму. Товарищ Иванов расплатился, запихал в свой портфель остатки своей закуски и пожалел только о том, что открытую коробку килек взять не удастся: соус выльется весь.

— А эти кильки, товарищ заведующий, я вам уж оставлю на память.

— Премного благодарен, это можно сказать, такой деликатес. Может быть, в Москве и можно достать, а здесь, в глуши, так сказать, во глубине сибирских руд...

Товарищ Иванов дальше слушать не стал. Распрощавшись с заведующим, он вышел на улицу: выпить, и то почеловечьи негда! Хорошо это было на охоте — пойдешь в лес,

выпьешь, отоспишься и кончено. Теперь предстояла встреча с его ведомственной женой, чесалась оставшаяся в портфеле выпивка и закуска... Широкие улицы Неелова были пустынны, темны и грязны. Дверь товарищу Иванову открыла его жена. Потянув воздух своим востреньким носом, она спросила чисто деловым тоном:

— Опять нализался?

— Пошла к чортовой матери, — сказал товарищ Иванов тем же тоном. — Видишь, совсем с ног сбился. Пошла к чертям спать.

Ведомественная супруга, видимо, встала с кровати, чтобы открыть дверь, и в одной ночной рубашке долго выдержать в передней не могла. Товарищ Иванов намеренно долго стал стаскивать с себя сапоги и отскребывать налипшую на них грязь, влез в туфли и стал стаскивать мундир. Супруга, поежившись от холода, спросила:

— Ну, что нового?

— Завтра сама узнаешь — то, что полагается узнать. Пошла к чертям!

Супруга кинула косвенный взгляд на неопределенные контуры портфеля и решила в дальнейшие нежности не пускаться. Когда она ушла, товарищ Иванов разгрузил свой портфель, порылся в кухонном шкафчике, где обнаружил два соленых огурца и кусок холодной дичины, уселся за стол и стал размышлять. Это занятие было, однако, прервано довольно неожиданным для товарища Иванова образом: он как то незаметно для самого себя положил голову на стол и заснул сразу.

Ведомственная супруга, услышав сдержанный храп товарища Иванова, просунула в кухню свой востренький носик. Потоптавшись немного у двери, она пошла в переднюю, надела пальто, — в квартире было довольно холодно, — вернулась в кухню, присела за стол, допила водку и доела закуску. У нее на языке вертелся целый ряд тонких и дипломатических вопросов, но задать их было некому. Товарищ Иванов спал, как убитый.

***

Высадив из машины товарища Иванова, бывший Степаныч поехал куда то дальше, избегая центральных улиц города и рискуя сломать машину на ухабах окраинных.

После окраинных улиц пошли какие то проселки, очень скупо освещенные светом тусклой луны, нырявшей за тяжелые осенние тучи. Потом машина выехала на что то вроде шоссе, потом свернула на какую то лесную тропинку и тут бывший Степаныч обратился к Ваньке и Ваське с чем

то вроде речи, содержание которой сводилось к следующему.

— Так что, вот, лоботрясики, — мы подъехали к гражданскому аэродрому — это где стоят самолеты, понимаете? На этом аэродроме стоит сейчас только один. Нужно его взорвать. Ты, Ванька, оставайся здесь, у машины, только не в ней, а около — за деревом. И никого к машине не подпускай. Если кто нибудь появится, отгони — только старайся говорить басом, а то у тебя козлетон какой то. Если будет лезть дальше — стреляй без никаких. Мы вернемся минут через десять-пятнадцать. А ты, Васька, возьми вот это. — Степаныч достал из авто спинной мешок и из мешка коробку, весом килограма на два, на три. — Это — бомба. Видишь, вот тут такая палочка? А тут — проволока. Эту бомбу ты прищепи к самолету, как там тебе будет удобнее. Потом — но только потом, поверни эту палочку вот сюда. Понял?

— Чего тут не понять! А попробовать можно?

— Вот, я тебе попробую! Если этот рычажок защелкнуть, бомба розорвется через пять минут. Понимаешь?

— Чего тут не понять?

— Значит, пошли. Возьми с сиденья одеяло, — там забор из колючей проволоки. Сможешь перелезь?

— Я то?

— Ну да, ты — кто же больше?

— Это раз плюнуть...

— Пошли!

Бывший Степанич ориентировался в темноте, как летучая мышь. Минут через пять ходьбы по лесу, путники, действительно, натолкнулись на довольно небрежный забор из колючей проволоки. Где то в полуверсте светился огонек — это была комендатура аэродрома. Он почти не охранялся, так как только раз в неделю на нем приземлялся очередной пассажирской самолет; остальное время аэродрому была представлена полная возможность зарастать бурьяном. Сейчас, где то в темноте, еще невидный путникам, должен был стоять самолет генерала Буланина — на аэродроме НКВД спуститься было невозможно.

— Тут может быть и часовой — держи пистолет наготове. Вот тебе сумка с бомбой. Так не забудь: раньше привяжи ее проволокой к самолету и только потом поверни эту палочку. Понял?

— Чего тут не понять?

Васька закинул рюкзак за плечи, прошел вдоль забора до первого столба, положил одеяло на землю — это ни к чему, „вот посмотрите, как я сигану" — и с ловкостью беспризорной обезьяны, прошедшей высшую школу акробатики, перемахнул через забор.

— Не сбейся по дороге обратно. В случае чего, смотри на огонек — вот тот, — а я тут, если будет нужно, зажгу папиросу.

— Ладно, — мужественным тоном сказал Васька и исчез в темноте. Самолета пока что видно не было. Но пройдя шагов сто — Васька заметил его неясный силуэт. Васька замедлил шаги — нет ли часового? Часового видно не было. Дальше Васька все-таки двинулся ползком, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шорохам ночи. Его звериный слух скоро установил наличие часового. Тот шагал то вокруг самолета, то вперед и назад. Васька проверил пистолет. Подползши поближе, он кое как стал различать и скучающий силуэт часового. Продвигаясь еще дальше на животе, Васька скоро очутился под самолетом и, памятуя суровые наставления бывшего Степаныча, привязал бомбу почти у самой кабинки, щелкнул рыжачком и стремительно пополз назад. Пять минут ничего не говорили его воображению, — задерживаться все таки не хотелось. Шагов через сотню Васька поднялся и, пригнувшись, побежал к забору, от времени до времени оглядываясь на огонек комендатуры, чтобы не сбиться с направления. За забором мелькнул еле заметный огонек папиросы и раздался тихий свист. Тем же способом Васька снова перемахнул через забор и в тот момент, когда он спрыгнул на землю, с аэродрома раздался грохот взрыва.

— Здорово, Васька, шоколадку получишь, — сказал бывший Степаныч.

— Вот, подумаешь, невидаль! ...

РАЗМЫШЛЕНИЯ ГЕН. БУЛАНИНА

Покончив со своими деловыми разговорами, генерал Буланин приказал повести себя в отведенные ему покои. Отведенные ему покои, предназначенные для самых крупных сановников, помещались в том же доме номер тринадцать и состояли из небольшого кабинета, спальной и ванной, в которой теоретически должна была бы быть и горячая и холодная вода. Не было ни той, ни другой. Горячая вообще была только случайно, а холодную испортил пожар. Обе комнаты претендовали на вкус и комфорт, но были безвкусны и убоги. Все окна были заделаны тяжелыми решетками, и на генерала Буланина это и до сих пор производило гнетущее впечатление: решетки, часовые, пропуска... Было приблизительно такое же ощущение, какое всегда переживал товарищ Медведев, входя в отдел картотеки: да,

стальные двери ему подчинены, а вдруг они захлопнутся как то сами по себе?

Провожавшему его корридорному генерал Буланин приказал доставить из буфета ужин: салат, бифштекс и бутылку Абрау Дюрсо. Когда корридорный вышел, генерал Буланин еще раз осмотрел обе комнаты, удостоверился в том, что его личный багаж стоит тут же, сел в кресло и закурил папиросу. На лице генерала Буланина, не наблюдаемом никем, выразилось предельное отвращение. Да, конечно, ошибся. А назад дороги нет. Да, конечно, с одной стороны это все таки лучше эмигрантского прозябания, но, с другой стороны, эмигрантское прозябание казалось потерянным раем: не всегда были деньги на бифштекс, но никогда не было ощущения стальной двери, которая может в любой момент захлопнуться навсегда. Все таки, из заграницы, из эмиграции он представлял себе все это несколько иначе. Да, особенных иллюзий не было, но реальность оказалась ниже всякого отсутствия иллюзий. Грязь, нищета, голод, страх — и на этом — только несколько тысяч привиллегированных людей едят бифштексы и стоят перед стальной дверью: а вдруг она захлопнется сама по себе и навсегда?

Генерал Буланин вспомнил свое старое привиллегированное положение — до революции. Как все было великолепно и как все было прочно. Или казалось прочным? Поместья, гвардия, двор, карьера... Прочным все это, впрочем, не оказалось. Что теперь? Теперь он, генерал Буланин, из старой дворянской семьи, будет гоняться за Валерием Светловым — тоже из старой дворянской семьи, за почти соседом по губернии, отца которого в свое время генерал Буланин знал хорошо: был земским деятелем, слегка либерального направления, хорошим сельским хозяином и вполне приличным человеком. Почему, собственно, генерал Буланин сейчас должен гоняться за его сыном?...

Корридорный внес ужин, разослал на столе довольно грязную скатерть и поставил на нее поднос, ничего не расставил и даже бутылки не откупорил. Генерал Буланин хотел было обругать корридорного, но воздержался: это было не в первый раз и разве это хамье можно было чему-либо научить? Единственное хорошее это то, что большевики сумели все таки взять это хамье в железную дисциплину... Но в их тиски попал ведь и он сам... Генерал Буланин расставил тарелки, сам откупорил бутылку. И салат, и бифштекс, и шампанское были вполне приличными — не то, что раньше, но все таки... Хорошо бы бургундского, но его даже и в НКВД не водилось.

Закончив ужин, генерал Буланин достал из своего чемодана импортную и настоящую сигару, развалился в крес-

ле и закурил. Нужно было бы основательно обдумать создавшееся положение вещей. Но, в конце концов, было ясно одно: какая то организация тут имеется. Если остаться в Неелове и заняться ее ликвидацией, — для этого нужно очень много времени. Предпринимать что либо из Неелова и оставить эту таинственную организацию в неприкосновенности — значит, обречь себя на почти гарантированную неудачу. Следовательно, нужно предпринимать что то из другого места. Придя к этому окончательному решению, генерал Буланин медленно и устало разделся, положил под подушку маленький маузер, который он все время носил с собою, — не для самозащиты, какая тут могла быть самозащита, — а для самоубийства, чтобы „не даться живым" и чтобы „дорого продать свою жизнь".

Сон генерала Буланина — и без того тревожный, — был прерван тихим, но настойчивым стуком в дверь. Проснувшись, генерал Буланин первым делом схватился за свой маузер.

— Что там такое?

— Дежурный по комендатуре. Разрешите доложить: ваш самолет взорван.

— Как взорван? Кем взорван? — Генерал Буланин вскочил с постели и забыв о своем маузере, брасился открыть дверь. За ее порогом стоял неизвестный ему очередной дежурный.

— Прошу прощения за беспокойство, но так как вы приказали подготовить самолет, то, вот, я...

— Кто взорвал, я вас спрашиваю! — генерал Буланин чувствовал, что у него начинается припадок ярости. — Кто взорвал? Почему не было охраны? Что тут у вас делается? — дальнейшие выражения генерала Буланина не носили вполне литературного характера и, вероятно, дошли бы до совершенно нелитературного, если бы не выражение лица дежурного по комендатуре.

Это был довольно рослый и крепкий парень, лет этак под сорок, и на его лице генерал Буланин еще раз заметил то выражение, которое ему приходилось подмечать очень часто: это выражение можно было бы перевести так: „и чего этот недорезанный белогвардеец тут разоряется, — попал бы он ко мне на гражданском фронте, я бы с него шкуру спустил"... Дежурный стоял более или менее на вытяжку, но его лицо не желало скрывать ничего: „вот ты еще покричи — попадешь все равно в подвал"...

— Разрешите доложить: часовой у самолета был поставлен.

— Где же он?

— Сгорел при взрыве.

Генерал Буланин провел ладонью по своему кадыку: ему казалось, что он начинает задыхаться.

— А других самолетов в Неелове нет?

— Никак нет. — Дежурный смотрел с почти нескрываемой злобой — как смотрели очень многие. Генерал Буланин постарался взять себя в руки.

— Ну, значит, придется подождать до утра. Прикажите принести мне коньяку и что-нибудь закусить...

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Учреждение в доме номер тринадцать работало всю ночь и его буфет работал тоже всю ночь. Минут через десять генералу Буланину была доставлена бутылка коньяку и довольно обильная закуска. Вместо халата генерал Буланин надел свою военную шинель и, надевая ее, поймал себя на том, что его руки дрожат и не могут попасть в рукава шинели: да, для таких приключений он, вероятно, стал слишком уж стар...

Стакан коньяку несколько успокоил его. Сидя в кресле за столом, генерал Буланин пробовал подсчитать, сколько человек могло знать о его дальнейших планах. Первый — Медведев. Второй — прежний дежурный по фамилии, кажется, Иванов. Мог что-то подслушать и доктор. Итак: трое. И кто то из троих кому то уже успел сообщить о его, Буланина, дальнейших планах. А Медведев еще говорит о том, что никакой организации нет!

Генерал Буланин сидел в кресле, тянул коньяк и пытался думать. Это занятие ему было вообще мало по душе. Мысли все — как то независимо от его воли — возвращались к прошлому, к старому, давно и безнадежно потерянному. Генерал Буланин горько усмехнулся: когда то они, офицеры гвардии, избегали подавать руку офицерам Отдельного Корпуса жандармов. А теперь он сам стал жандармом — да еще у кого! И теперь приходится выслуживаться — да еще перед кем! А иного выхода все равно уже не было. Разве что — еще раз перековаться, еще раз бежать заграницу и там выпустить сенсационную книгу о тайнах НКВД?

Эта мысль ему приходила в голову не в первый раз. Правда, писательство никогда не было его сильной стороной, но можно ведь найти какого нибудь специалиста, который придаст литературно сенсационный оттенок устным рассказам. Можно, конечно, будет и приврать — кто там проверит! Может быть, с точки зрения именно этого плана, хорошо бы было изменить и план преследования этого Светлова? Может быть, лучше найти в нем не врага, а союзника? Но, — в качестве врага или в качестве союзника, — как его найти?

Мысли генерала Буланина постепенно стали путаться. Собственно говоря, он так и до сего времени не мог понять — зачем он „им" оказался нужен? Да, конечно, древнее имя, но сколько носителей древних имен было отправлено в подвал? Военная традиция? Генерал Буланин прекрасно понимал, что эта традиция уже кончена и что его старая военная выучка в современных условиях стоит очень немного. Единственное разумное объяснение,которое мог придумать генерал Буланин, заключалось в том, что в его лице власть нашла приманку для других дураков эмиграции — сейчас под влиянием коньяка Буланин не хотел преувеличивать своих умственных способностей. Может быть, еще для того, чтобы иметь в аппарате НКВД человека абсолютно чуждого для всех остальных его работников? Толкового ответа на все эти вопросы генерал Буланин, впрочем, так и не нашел. Пока что нужно было выполнять поручение Москвы — или делать вид, что выполняет и охотится за этим Светловым с его компанией... Кроме того, генерал Буланин достаточно точно знал, что за ним следят совсем вплотную и его шоффер, и вестовой и его ближайшие сотрудники и соседи, что все они следят за каждым его шагом и что побег за границу вовсе не так прост. Но что-то все таки нужно предпринимать. Здесь, рано или поздно — все равно гибель. И даже, если бы ему и удалось поймать Светлова, раскрыть заговор атомных исследователей, получить еще полдюжины орденов — все это ни от чего его не гарантировало бы. Что то нужно предпринимать...

Бутылка с коньяком медленно подходила к концу. Генерал Буланин понял, что он пьян, что он устал и что он стар. Когда то все это было иначе. Укатали сивку крутые горки. И, кроме того, той звериной, железной выносливости, какая была у этих людей, — у него, генерала Буланина, не было. Как могли эти люди из десятилетия в десятилетие выдерживать все это — и голод, и страх, и работу? Да, голодали не все, но работали все, работали каторжно. Машины. Автоматы. Роботы. Его, генерала Буланина, поколения были живыми людьми — с кровью и с сердцем. Здесь — только роботы. Интересно было бы посмотреть, как это живут люди там, внизу... Генерал Буланин с некоторой горечью констатировал, что этих людей, людей внизу, он не знал раньше, не может узнать и сейчас. Между ним и ими все тот же железный занавес. Никто ни о чем говорить с ним не станет, — даже и в том случае, если бы по служебному своему положению и в окружении своих сыщиков генерал Буланин смог бы проникнуть в эти таинственные низы.

Оставалось около трети бутылки. Нет, нужно оставить

на завтра утром. Генерал Буланин встал, не без труда, с кресла, покачиваясь, добрался до кровати, — которая тоже стала покачиваться и кружиться, но это продолжалось недолго.

Утром генерал Буланин проснулся с тяжелой головой и с отвратительным вкусом во рту, — раньше этого тоже не бывало. В ванной не оказалось ни горячей, ни даже холодной воды. Он позвонил коридорному. Новый коридорный вошел со старым выражением на лице, — выражением плохо скрытой враждебности. Причем генерал Буланин так и не мог понять, к чему именно относилась эта враждебность: к тому ли, что он, в таком еще недавнем прошлом, был человеком другого лагеря, или может быть, к тому, что он по своей воле пришел в этот лагерь. Все это было чуждо, непонятно и враждебно. Минут через пять коридорный принес ведро воды и сказал, что через несколько часов водопровод будет починен. Потом принес чай и завтрак. Генерал Буланин помылся, выпил чаю с коньяком, позавтракал, закурил сигару и еще раз обдумал создавшееся положение вещей. Положение вещей было совершенно неясно, и, докурив свою сигару, генерал Буланин отправился к товарищу Медведеву. По дороге ему пришла в голову еще одна мысль — почему это никто в этом лагере не называет его „товарищем"? Этот термин всегда действовал и продолжал действовать на генерала Буланина, как оскорбление и всегда хотелось сказать: „Извините, пожалуйста, но вам я не товарищ". Однако, этого генерал Буланин не говорил никогда. Понимали ли эти люди, что он им, и в самом деле, не товарищ?

Товарищ Медведев лежал на своей койке, повернувшись на правый бок, и на полу у койки была разостлана карта воздушной съемки. Вид у товарища Медведева был сосредоточенно раздраженный. Генерал Буланин уселся на стул, смотря, как всегда, куда-то в сторону.

— Вам уже докладывали? — спросил генерал Буланин.

— Само собою разумеется, как и вам. Еще ночью. Конечно, есть организация. И еще какая. Вот, если бы я раньше был о ней информирован . . .

— Раньше, может быть, вообще никто не был информирован . . .

— А расхлебывать — нам.

— Вопрос только в том, как именно расхлебывать. Вы не знаете, в каком положении Берман?

— Кажется, все то же. Я, вот, изучаю местность. Кажется, Берман все-таки прав: ничего путного не выйдет. Вот посмотрите. Самолеты могут спуститься только на двух озерах — одно у самой заимки, другое — километрах в сорока.

Больше спуститься некуда, и парашютистов сбросить тоже некуда: лес и горы. Если спускаться у заимки — оттуда все разбегутся сразу и никого вы там не поймаете. Если они не совсем идиоты, то на другом озере они поставят своих людей. Спуститься на воду будет можно. А, как высадиться на берег? Вы этих таежников еще не знаете — вот тех, что белку в глаз бьют. Сто процентов попаданий. Потеряем людей, потеряем самолеты, оконфузимся и больше ничего.

— Гм, — сказал генерал Буланин, смотря в угол между стенкой и потолком, — так, что же по вашему делать?

— Нужно подослать разведчика. У меня такие есть. Китайцы и сойоты. Сойотов, впрочем, мало и они не очень надежны. Есть китайцы. Знают русский язык, но на рожах у них это не написано. Нужно парочку таких сбросить вот на этом озере, или на альпийских лугах, — останется до заимки километров сто, это пустяки, дня три ходу... Думаю, впрочем, что вообще ничего на этой заимке интересного нет. Если и существует эта атомная организация, то не будет же она сидеть в пяти избах — да еще и на перекрестке вьючных троп. Вот — посмотрите.

— Что посмотреть?

— Это воздушная съемка. Возьмите, если хотите, лупу: пять изб, кое-какие сараи... Что там будет делать Светлов с его компанией? Ведь, кажется, что для всяких этих опытов нужна очень сложная аппаратура?

— Да, нужна.

— А тут — пять изб! Жаль, что капитан Кузин ранен, он эти места хорошо знает. Я его только что спрашивал, — не лично, я лежу и он лежит, а через дежурного. Он тоже говорит — самая простая заимка, ничего там нет, зря людей потеряли...

— Однако, товарищ Медведев, заимка или не заимка, но, вот, о всяком нашем шаге в направлении этой заимки кто-то кому-то сейчас же сообщает. Я только вчера принял решение проверить эту заимку ,а сегодня моего самолета уже нет. Кто знал о моем решении?

— Прежде всего, конечно, я знал. Потом товарищ Иванов знал, потом он сообщил что-то трем пограничникам, потом был дан приказ подготовить к сегодняшнему утру самолет, — как видите, много людей или знали, или догадывались. А организация, — я вынужден это констатировать, — конечно, существует.

— Почему же она так тщательно охранает заимку, если на ней ничего нет?

— Я боюсь, генерал, что организация готовится к наступлению.

— Какому наступлению? — генерал Буланин перевел свой взор с потолка на лицо товарища Медведева и даже снял пенсне — какое наступление?

— А, вот, допустим, на вас, Бермана и на меня, чтобы мы их не беспокоили. А, может быть, и шире. В этих вещах я, генерал, понимаю очень мало, — всякие там атомы и чорт его знает что. Ну, а вдруг? Вот, тяпнут бомбой, скажем, по Кремлю? Или по Горкам?*)

Генерал Буланин почувствовал легкий холод между лопатками. Он решительно ничего не имел против того, чтобы Светлов и компания „тяпнули бы бомбой" по Кремлю или Горкам. Но если это случится до его, Буланина очередного побега из СССР, — тогда он, Буланин, пропал окончательно: ему уж не простят. Сталина он ненавидел истинно смертельной ненавистью, — в особенности, с тех пор, когда удостоился первой аудиенции у гениальнейшего. Его поразило выражение огромной звериной силы в этом лице, что то тигровое. И этот сын грузинского сапожника правит сейчас почти половиной земного шара, правит с беспощадностью древних восточных завоевателей. Первая беседа Н. В. Буланина — тогда еще не генерала, или точнее, еще не советского генерала ,была очень короткой. Руки ему гениальнейший не подал. До аудиенции Н. В. Буланин прошел через целый ряд „чистилищ", как он назвал эти комнаты, корридоры, осмотры, ожидание... Потом были еще две аудиенции, — тоже очень короткие и, может быть, еще более оскорбительные, хотя генералу Буланину было бы трудно сказать точно, в чем именно заключалась их оскорбительность. Товарищ Сталин был вождем полумира. Генерал Буланин был просто перебежчиком на его сторону — перебежчиком запоздалым и по существу вовсе неизвестно, для чего именно нужным... Но, во всяком случае, ненависть родилась. И теперь, при одной мысли о гибели этого ненавистного человека, генерал Буланин почувствовал холодок между лопаткам. Как все это странно: все эти люди связаны друг с другом, до конца, но связаны ненавистью и только ею одной. Или, точнее, ненавистью и страхом... Страхом со всех сторон — страхом смерти Сталина и страхом смерти от Сталина.

Как бы дополняя его мысль, товарищ Медведев продолжал:

— Так что может быть и наступление. Заимку во всяком случае проверить нужно. Думаю, что эта заимка — случайный этап. В городах все это несколько иначе, города

---

*) Почти постоянная резиденция Сталина под Москвой.

уже сильно прочищены, а там, в тайге, да и в деревнях тоже — эта публика друг за друга горой стоит...

— Горой стоит? — удивленно переспросил генерал Буланин.

— Горой, — подтвердил товарищ Медведев. — Как это говорится: все за одного, один за всех. Пошлешь отряд в тайгу, — и как в болото. Даже и следов не найти. У них своя сигнализация. Я не знаю, генерал, вы, кажется, на периферии еще не работали, а я тут уже сколько лет... Интеллигенции тут в тайге, как собак нерезанных. Всякие каэры, саботажники, вредители, беглецы из лагерей, сидят по таким заимки и... агитируют мужичков... Культуру наводят.., У них и радио и что хотите, — раньше через Китай имели коекакие связи, ну, теперь это оборвано Но, кто их знает...

— Так вы говорите, — горой стоят? — еще раз переспросил генерал Буланин.

— Горой, — еще раз подтвердил товарищ Медведев. — Так что, по моему, это единственный способ — подослать туда своих людей. У меня такие есть.

— Г-м, — сказал генерал Буланин. — А если бы и я с ними двинулся?

— Вы? — Товарищ Медведев от удивления даже собрался было приподняться, но слегка застонал и снова опустился на подушку. — Вы? А вам — зачем?

— Вероятно, я кое что увижу, чего ваши китайцы не увидят. Я не плохой ходок, старый альпинист и кавалерист. Могу выдать себя за беглеца из концлагеря — физиономия у меня как раз для этой цели подходящая, — не правда ли?

Товарищ Медведев не захотел уловить иронии в этих словах.

— Вы? При вашем служебном положении? Не знаю, — впрочем, это ваша ответственность. Да, конечно, идея не так и плоха. Но только вы в лагере не сидели, так что вас нужно будет проинструктировать. Одежду, документы и прочее, как это в театре называется?...

— Реквизит?

— Да, реквизит. Ну, это мы вам устроим. Все-таки рискованно, очень рискованно...

— Почему? Старый царский генерал вырвался из исправительного лагеря — бывает же?

— Ну да, конечно, бывает. Редко. Но бывает. Это слишком новая для меня мысль. Однако — дело доверено вам, так что, как вы хотите. Полагаю, что товарищ Берман был бы сильно удивлен...

— Товарищ Берман болен, и я не считаю целесообразным беспокоить его по пустякам... А я, например, мог бы

установить там, какие именно папиросы курит этот Светлов... Вероятно, и еще кое что... Генерал Буланин посмотрел на товарища Медведева взаимно понимающим взором. Товарищ Медведев при этом подумал, что как было бы хорошо: Берман помрет здесь от воспаления мозга, а Буланина там ликвидирует этот медведь. А ему, Медведеву, в конце концов, какое дело — он всем этим не распоряжается, Буланин имеет специальные полномочия от центра. Правда, о всех мероприятиях Буланина Медведев обязан был сообщать в центр. Кроме Медведева, об этом же сообщили бы и какие то иные люди, — даже и ему, Медведеву, неизвестные вовсе. Вопрос был только в том, сообщать ли в центр до начала этой экспедиции, или после начала ее? Положение, конечно, облегчалось болезнью товарища Медведева, но облегчалось не очень: ведь нужно было дать этих китайцев, подыскать концлагерный „реквизит", проинструктировать генерала Буланина о лагерном быте... пока генерал Буланин не познакомился с этим бытом лично.

— Так мы пока на этом проекте и остановимся, — сказал генерал Буланин. — Сегодня вечером я снесусь с центром. Потом сообщу вам. Всего хорошего...

СТЕПКА НА ОТДЫХЕ

В пещере отца Петра Степка чувствовал себя, как более или менее новорожденный ребенок, которого вымыли, одели в чистую рубашонку, накормили и уложили спать. Выпить, впрочем, не дали. Никакие Степкины намеки на его хронически пересохшее горло не производили на отца Петра ровно никакого впечатления:

— Поправишься, — дам выпить, а пока — лежи и молчи.

И лежать, и молчать Степке было очень трудно. Его рана производила на него очень слабое впечатление: степкино тело, по волчьи жилистое ,так привыкло ко всякого рода передрягам, и выработало в себе такую степень внутренней сопротивляемости, что сквозная рана в верхушке левого плеча казалась ему не серьезнее какого-нибудь ушиба. Кроме того, отец Петр лечил его самым старательным образом, перевязывал, прикладывал примочки из каких то трав, и от времени до времени производил над Степкой манипуляции, которые ввергали Степку в состояние суеверного страха: подкладывал одну руку под степкину поясницу, другую клал ему на лоб, заставлял пристально смотреть на мигающий и трепетный огонек лампадки — и Степка погружался в непробудный сон. Но это случалось не часто. Когда же Степка лежал и бодрствовал, его мысли были, главным об-

разом, заняты мыслью об отце Петре: что ж это такое? То ли святой, то ли колдун, то ли шаман, то ли просто жулик?

О святых у Степки было очень туманное представление, и с поведением отца Петра оно не вязалось никак. Степка полагал, что святые должны поститься и молиться — отец Петр не делал ни того, ни другого. Иногда, правда, он подолгу простаивал перед образом Христа, — но не крестился и на колени не становился, — просто — стоял и смотрел! Что же касается поста, то тут дело обстояло еще хуже: отец Петр ел за двоих и пил, как это, по крайней мере, казалось Степке, за троих, а то и за четверых, не проявляя при этом решительно никаких признаков опьянения. Иногда он почти на целый день исчезал то на охоту, то на рыбную ловлю и приходил нагруженный дичью и рыбой. Иногда к нему приходили мужики и бабы из каких то неведомых Степке заимок и хуторов, — отец Петр при этом как то преображался, становился степенным и благолепным, совал руку для поцелуя, давал какие то советы, но не в присутствии Степки; получал сало, масло, яйца, колбасу, хлеб и прочее. Несколько раз к отцу Петру приходили какие то монгольские ламы и с ними отец Петр вел длинные беседы на неизвестном Степке языке. Иногда отец Петр целыми днями просиживал за какими то книгами и свитками — вероятно, китайскими, по мнению Степки, что то писал, но со Степкой разговаривал и мало и отрывисто. Вроде: „Не вертись!" „Не болтай!" „Спи!" Степка засыпал как то особенно часто, но где то, в самой его глубине, рос и страх и протест. Он, конечно, не понимал, что от отца Петра к нему протягивается гипнотическая связь, которая крепнет с каждым гипнотическим сеансом. Но что то такое он чувствовал. Степка был человеком вообще весьма свободолюбивым и предпочитал не иметь над собою никакого закона, кроме закона тайги. Здесь, в пещере, он чувствовал какую то давящую зависимость от отца Петра. И не только потому, что Степка лежал раненый и нуждался в уходе, а как то иначе. Совсем иначе. В Степкину душу закрадывалось глухое недовольство.

Объяснить его Степка, конечно, не мог бы. Отец Петр ухаживал за ним самым внимательным образом и в первые дни лечения почти не уходил из пещеры — был и нянькой, и сиделкой, и врачем, и кухаркой — варил Степке какие то супы и кашки, но мяса не давал вовсе. „Поправишься — хоть целого медведя съешь". Степка поправлялся чрезвычайно быстро. Выходил на площадку перед пещерой, сидел на осеннем солнышке, иногда разговаривал с Лыской, который пасся тут же и за которым отец Петр тоже присматривал. Поправляясь, Степка постепенно стал смелеть. И как то

поздним вечером, когда он уныло ел свою кашку, а отец Петр молча пил свою водку, Степка осмелел окончательно.

— Отец Петр, а, отец Петр, — что то в горле пересохши . . .

— Выпей чаю . . .

— Да, нет, я не о том. Я о том, кто вы, — православный или нет?

Отец Петр поднял свои слегка выпученные глаза.

— А ты то что в этом понимаешь?

— Ну, я, конечно, малограмотный, а в Бога верую . . .

— В Бога всякий верует. Только всякий — в своего.

Постановка вопроса была для Степки слегка неожиданной.

— Как же так? — Бог один, а если каждый — в своего — так как же?

— Вырастешь — узнаешь. Впрочем, и выросши не узнаешь. Ты, Степка, правильно веруешь, хотя жулик ты . . .

— Это я то — жулик?

— Жулик. Бродяга. Людей убивал? Достояние ихнее крал?

Степка был возмушен до глубины души.

— Это уж вы, отец Петр, напрасно говорите. Совсем напрасно.

— Как напрасно? Сколько ты людей на своем веку на тот свет отправил?

— А что мне было делать? Иду по тайге. А он из-за куста. Да еще, сволочь, — давай, говорит, мирно разойдемся. Ну, я расхожусь, — а он в спину. А? Разве это порядок?

— А с убитых пограничников кто обмундирование содрал?

— Так же все равно, — волки бы разорвали — ни им, ни мне.

— Им то, конечно, ни к чему. А только ,ведь, не твои же вещи? А,,, кроме обмундирования ничего такого не было? Ты уж правду говори . . .

Степка был обижен.

— Правду? А мне чего врать? Ну, конечно, раз и другое было. Ходил по тайге. Ни маковой росинки. Прихожу на какую то заимку, не наша сибирская, иные люди, чорт их знает. Прошу хлеба. Пошел, говорят, к чортовой матери, много вас, чалдонов, тут шатается, а хлеб, говорят, советская власть жрет, пусть подавится. Ну, сунули мне кусок хлеба, все-таки, — а больше — ни-ни. Проваливай, говорят, откуда взялся. Ну пошел я, откуда взялся. Выхожу, вижу — свиньи пасутся, ну, я одного поросенка того . . . Так разве ж это порядок? Прохожего человека по шее гнать? И опять же на мосту . . . К какому то борову цепью привязали . . . Ну,

там, конечно, спирт тоже был. Я, значит, его взял, — так он все равно с этой машиной утонул бы, — никому никакой пользы.

— А тебе — польза?

— Так вот вы же, отец Петр, водку то пьете, а мне говорите: никакой пользы. А я, вот, лежу и смотрю. А разве же это тоже порядок? Ну, не пили бы вы, так и я молчал бы. А то, вот, лежишь и смотришь... Да еще говорите — жулик.

Отец Петр довольно неожиданно рассмеялся...

— Ох, все мы жулики перед Богом, — ну, семь бед, один ответ, пересаживайся к столу, водки дам. Авось не помрешь.

— Мне то чего помирать, — радостным тоном сказал Степка, проворно пересаживаясь за стол.

— Помирать чего? А уж такая у людей скверная привычка — вот живет, живет человек, — а потом взял и помер — а почему, никто не знает.

— Бог знает, — уверенно сказал Степка, накидывая себе на плечи одеяло. — Бог знает, что и к чему. А мне — зачем мне знать?

— Вот это, Степка, правильно, знать незачем и нечем.

— То есть, как это нечем?

— Нечем. Мозгов не хватает. Ну, вот тащи этот рыбий хвост, мяса лучше не ешь, сейчас я тебе стакан дам.

— Да я и сам возьму.

— Нет, ты уж сиди, — отец Петр поднялся и достал глиняную кружку. Степка с жадностью смотрел, как наполнялась эта кружка и все боялся, как бы отец Петр не ограничился бы только половиной кружки. Но степкины опасения оказались преувеличенными. Водка разлилась по всему телу горячей волной, и Степка от наслаждения даже глаза зажмурил — как кот на солнышке. Был краткий промежуток тяжелой внутренней борьбы: сразу выпить всю кружку, так еще неизвестно, даст ли отец Петр другую. А недопить было и неприлично и жалко. Степка нашел разумный компромисс — выпил только половину. Не без сожаления поставив кружку обратно на стол, Степка вдруг сказал жалобным тоном:

— Мне бы домой!

— Куда это домой?

— Да на заимку, к Еремею Павловичу.

—Так почему же это — домой?

— А куда ж мне больше? Люди очень уж душевные.

— Да и ты, Степка, душевный парень, — даром что жулик.

— Вы вот все говорите: жулик да жулик, какой же я, спрашиваю, жулик?

— Вот и водку пьешь, и в людей стреляешь, и чужие вещи присваиваешь, — разве не жулик?

— Так мне что же делать, если прохожего человека в шею гонят? Ходишь неделями по тайге, ни маковой росинки... В горле пересохши...

— Ну, допивай, я тебе еще маковой росинки долью...

— Вот, это спасибо, — растроганным тоном сказал Степка, — а что жулик, так, если все мы перед Богом жулики, чем я лучше других?

— И это, Степка ,правильно... А почему ты спросил, православный ли я?

— А, так, смотрю — Богу не молитесь, водку пьете.

— Ну, водку пьют все — ее же и монаси приемлют. А молитва, ты знаешь, что такое молитва?

— Ну, знаю, например, Отче Наш.

— Ну, а дальше как?

— Отче Наш, иже на небеси...

— А еще дальше?

Но этим богословские познания Степки и ограничивались.

— Так, вот, ты даже и Отче Наш не знаешь. А знаешь, что такое умная молитва?

—Н-нет, разве бывают глупые?

— Бывают. А умная это такая, какую человек в душе произносит, в уме... Так вот, ты даже и Отче Наш не знаешь, а меня спрашиваешь!

— А кого ж мне больше спросить?

— Спросить, правда, некого. А в церкви ты давно был?

Это Степка припомнить точно не мог.

— Вот, пока большевики не пожгли церквей — бывал. А потом и церквей никаких не осталось. Под склады и сараи пустили, — ну, не сволочи ли?

— Сволочи, — согласился отец Петр. — Допивай — я тебе еще маковую росинку налью. А потом, пошли спать. Нужно нам с тобой, Степка, дальше эвакуироваться.

— Как это вы сказали?

— Эвакуироваться. Смываться. Драпать. Понял?

— Драпать — это я, конечно, понимаю. А почему?

— Они и сюда доберутся. И, вероятно, довольно скоро. Я уже коней заказал. Езжай, Степка, домой, на заимку, к Еремею Павловичу! А? — тон у отца Петра был веселый и даже слегка возбужденный.

— Вот это — да! Хоть раз человеком пожить...

— А с заимки, вероятно, придется тебе драпать еще дальше.

— Почему дальше?

— И туда, вероятно, доберутся. Китай уже почти захва-

тили, а мы тут по дороге, да еще и ты с Еремеем Павловичем, Светловым и прочими такими людьми. Думаешь тебе твой мост там забудут?

— Вот, вся Россия кувырком пошла, даже и в тайге не спрячешься.

— Спрячемся. Я, впрочем, не в тайге...

— А вы — куда?

— Ну, мой путь — далекий путь, ты о таких местах никогда и не слыхал...

Степка жалобно обвел глазами пещеру отца Петра.

— А жалко бросать все это — здорово у вас устроено.

— Вся Россия была устроена, а теперь что?

Степка вздохнул и покосился на бутылку.

— Сейчас, — сказал отец Петр странно сумрачным тоном, — весь мир придет в расстройство. Не только Россия. Так, вроде Страшного Суда всем людям на земле: справятся или не справятся?

— Ну, все люди — они то справятся.

— Неизвестно, — отрезал отец Петр, — в России, вот, не справились.

Степка еще раз покосился на бутылку.

— Ну, Бог с тобой, выпьем еще по одной и спать. Завтра начнем укладываться. Дня через три человек с конями придет — погрузимся и айда!

Степка медленно, в рассрочку, выпил свой стакан и недоуменно сказал.

— Вот вы, отец Петр, говорите, что жулик я. А я так понимаю, что это вы жулик...

Отец Петр поднял на Степку весело-изумленный взгляд.

— А это почему?

— А кто-ж вас знает? То ли вы поп, то ли не поп, то ли вы шаман, разве разберешь?

— А зачем тебе разбирать?

Степка ощущал обычный в таких случаях прилив говорливости.

— Ну, скажем, я — я человек простой. В тайге родился и, даст Бог, в тайге и помру. А вы — непонятно, кто вы такой. Ну, скажем, Валерий Михайлович, человек, конечно, образованный, его видно. А тут я смотрел, смотрел...

— ...и ничего не увидел?

— Как есть — ничего.

— И ничего тебе, Степка, видать — не твоего это ума дело. Потом, может быть, что нибудь и увидишь. А пока, — пошли спать.

Степку распирало изнутри от невысказанных слов, но отца Петра он, все таки, побаивался. Если просто жулик, то еще ничего. А если и в самом деле колдун?

Отец Петр поднялся из-за стола.

— Я, Степка, не жулик и не колдун. Вижу, что ты меня колдуном считаешь...

— А как же иначе? Вот вы и то напророчили, и то напророчили, и все, как есть правильно. Если бы еще Богу молились... А то и этого нет. Стало быть — колдун и больше ничего.

Отец Петр рассмеялся не без некоторой горечи.

— Видишь ли, Степка, жизнь человеческая устроена очень плохо. Вот я и ищу как бы ее устроить лучше.

О том, что человеческая жизнь устроена плохо, — Степке ни разу и в голову не приходило. Все устроено, как полагается: тайга, небо, зверь, птица, рыба. А что человек помирает — так не век же ему жить? Нет, все было в порядке. Правда, бывают и сволочи — так где же их нет? Вот, этот самый пограничник, ну, разве, не сволочь? Степкины мысли вернулись к приключению перед перевалом.

— Конечно, вот, например, там перед перевалом...

Но отец Петр не дал ему закончить:

— Я тебя, Степка, знаю — выпьешь, и будешь болтать, как старая баба — пошли спать...

ОПЯТЬ ОКУРКИ

Утром у отца Петра вид был сумрачно деловитый. Он лазил по каким то закоулкам пещеры, вытаскивал оттуда какие то свертки, мешки, ящики и складывал все это на полу. Печка уже весело трещала, когда Степка продрал свои глаза, в окно пробивалось бодрое осеннее утро. На печке кипел чайник, на столе уже стояла всякая снедь.

— Ну, вставай, Степка, нам эти веши надо перенести версты тут за две. Пей чай и пошевеливайся.

Степка начал пошевеливаться. После чаю отец Петр нагрузил два мешка, — потяжелее для себя и полегче — для Степки: „ты еще не совсем поправился, так ты вот этот мешок возьми"...

— А может на Лыску нагрузить?

— Нет, конь там не пройдет.

Конь, действительно, не прошел бы. Отец Петр, сопровождаемый задыхавшимся Степкой, нырнул в какое то ущелье, потом полез куда то наверх и, наконец, очутился перед какой то скважиной в откосе, которую можно было бы назвать пещерой. Это была узкая длинная дыра в горе и в эту дыру отец Петр сложил свои мешки. В течение двух дней эта операция была проделана несколько раз, и Степка толь-

ко удивлялся, откуда у отца Петра набралось столько скарбу. Четыре мешка были приготовлены, как вьюки. Пещера опустела, стала какой то скучной и голой. Еще оставались постели, стол, еда и водка. Но водки Степке отец Петр больше не давал, да и сам не пил. А водки было много: „пропадет ни к чему" — думал Степка. И в момент отсутствия отца Петра после недолгой и не очень упорной внутренней борьбы налил из бутылки целую фляжку и фляжку запрятал в свой спинной мешок: „все равно пропадать ей, никому никакой пользы".

На рассвете почти морозного осеннего дня у пещеры появился маленький невзрачный сойот с четырьмя конями. Отец Петр разговаривал с ним на сойотском языке, в котором Степка понимал не больше двух-трех слов. Мешки были навьючены. Отец Петр как то преобразился. Свой наперстный крест он куда то спрятал, за плечами висела винтовка, вид у отца Петра был банально таежный. В седельную сумку он запихал призматическую подзорную трубу, которая вызвала в Степке некоторое недоумение.

— А что это за штуковина ?

— По дороге покажу. Айда.

Очутившись снова в тайге, верхом на том же Лыске, Степка почувствовал прилив новых сил. И даже заимка, которая раньше принадлежала воображаемому куму и в которой теперь жил реальный Еремей Павлович, не казалась ему так уже привлекательной. Нет, хорошо все таки в тайге... Правда, зимой... Но до зимы было или казалось далеко, а в столь отдаленное будущее Степка не имел привычки заглядывать.

По тропочке, которая вилась по берегу горного ручейка, путники спустились на ту тропу, от которой еще так недавно компания Еремея Павловича поднялась к пещере. Тропа была малоезжей, местами пропадала на каменных осыпях. Сойот ехал впереди, отец Петр молчал, а Степка просто наслаждался осенью, тайгой, небом, горами и всем прочим. Верстах в пяти от поворота на тропу, ехавший впереди сойот вдруг остановился и что то сказал отцу Петру — в тоне его было некоторое беспокойство.

— Что тут такое? — спросил Степка.

— Тут люди ходи, — сказал сойот, — три люди. Смотри.

Степка спрыгнул с седла. На лужице, пересекавшей тропу, были действительно человеческие следы. Спешился и отец Петр.

— Смотри еще раз, — сказал сойот, — три люди.

— Это правильно, — сказал Степка, — Два китайца, один русский, два без каблуков, один в сапогах. Правильно. Ну и чорт с ними.

Отец Петр задумчиво стоял над лужицей. Вода была покрыта тонкой пленкой льда и подо льдом были человеческие следы — по всей вероятности, вчерашние.

Отец Петр почему-то посмотрел назад, на горы.

— Дело в том, дорогой ты мой Степка, что через перевалы сейчас уже, пожалуй, и не пройти. Как эти люди сюда попали? И кто они?

Степку тоже охватило какое-то беспокойство.

— Это, действительно, нужно посмотреть. Степка наклонился над лужицей, потом вернулся на несколько десятков шагов назад, потом прошел вперед и, вернувшись к отцу Петру, уверенным тоном доложил:

— Так и есть — два китайца, один русский. Один китаец — здоровый мужик — следы глубокие, шаги широкие, груз, надо полагать, большой несет. Другой — так себе — плюгавый. Русский — чорт его знает. Должно быть, старый и городской. Ходит не по нашему, носки врозь. Поедем следом — дальше видно будет.

— Когда, по твоему, они прошли здесь?

— Вчера вечером, — уверенно сказал Степка. — Лед по над следами. Если бы позавчера, следы бы размыло. Вчера вечером, никак не иначе. Значит, скоро наедем на ихний вчерашний привал. Тут по этим следам больше ничего не разобрать.

Сойот был, повидимому, вполне согласен со степкиными выводами.

— Три люди, — еще раз подтвердил он. — Два китайский люди, один русский люди: Русский люди — слабый люди. Старый люди.

Отец Петр еще раз посмотрел на горы.

— Еремей Павлович говорил мне, что через перевал больше пройти нельзя, что ваш караван прошел последним. Да после перевала еще и пурга была?

— И еще какая — страсть!

— Та-ак. Значит, пришли люди неизвестно откуда и идут неизвестно куда. Пойдем день по следам. Через день тропа расходится, одна идет дальше через заимку Еремея Павловича — по ней редко кто ходит, другая сворачивает направо — на Китай. Посмотрим. Может, люди прямо на Китай идут. Через перевалы можно сейчас пройти? — спросил отец Петр сойота.

Сойот отрицательно замотал головой:

— Птица лети, люди никак не ходи. Русский люди — слабый, никак не ходи. — Он попытался что-то еще объяснить по-русски, но запас его русских слов оказался исчерпанным.

— Никак не ходи, — еще раз подтвердил он.

Отец Петр сказал ему несколько слов по-сойотски. Сойот взял свою берданку, быстрыми шагами прошел вперед и исчез за поворотом тропы.

— Ну, а теперь мы за ним, — сказал отец Петр, минут через пять. — Только пешком. И смотреть в оба.

Еще верстах в двух-трех, на тропе стоял сойот и ждал отца Петра со Степкой. Когда те подошли, сойот молча показал на остатки ночлега. Валялись на земле срубленные ветки елей, чернело кострище. Степка сейчас же пощупал рукой золу и головешки.

— Совсем недавно прошли, земля под кострищем еще теплая.

— Русский люди — больной люди, —сказал сойот.

— Это действительно, — подтвердил Степка, — ишь какую ему кровать устроили...

Под густой елью лежала целая куча срубленных еловых лап и с трех сторон она была утыкана другими лапами.

— Прямо, как в гостинице, — сказал Степка, — барином можно спать.

Отец Петр внимательно осматривал место ночлега. Степка, нагнувшись, исследовал глазами каждый клочок.

— Русский без винтовки, — сказал он, — у китайцев — по винтовке. А китаец один — действительно здоров, как бык — гляньте, как он эту елку рубанул... А это что? — Степка поднял с земли около „кровати" какой-то темно-коричневый кусочек. — Табаком пахнет, а что это — невдомек.

Темно-коричневый кусочек оказался окурком сигары. Отец Петр осмотрел его, понюхал, размял в пальцах и снова понюхал.

— А сигара хорошая!

— Что это — сигара?

— А так, вроде самокрутки. Только подороже. — Вид у отца Петра стал совсем задумчивым.

— Ну, давайте осмотрим все по-настоящему, может быть, и еще кое-что найдется. А эта сигара плохо пахнет.

— Что, табак плохой?

— Не в табаке дело... Как мог попасть сюда человек, который имеет возможность курить такие сигары?

— Из начальства, значит, что ли?

— Да, Степка, из начальства. И даже из большого начальства.

— Так чего же ему тут, в тайге, надо?

— А вот в том то и вопрос. А ответа на этот вопрос пока нет никакого.

— Хм, — сказал Степка, надо еще посмотреть.

Степка медленными шагами обошел всю стоянку, тщательно всматриваясь в каждый ее квадратный сантиметр.

Потом нагнулся над осиротевшим ложем таинственного русского, курившего в тайге сигару. Потом стал на колени перед этим ложем и начал снимать с него ветку за веткой. Все это заняло около получаса. Отец Петр сидел в это время на земле, обхватив руками поджатые к груди колени, и о чем-то глубоко задумавшись. Закончив свой осмотр, Степка подошел к отцу Петру.

— Дело тут темное, отец Петр. Этот русский всю ночь курил — видите, сколько окурков. — На степкиной ладони белело около дюжины до половины докуренных папирос.

— Покажи сюда, — сказал отец Петр. — Хорошие папиросы, дорогие, и докурены только до половины — к широкой жизни привык человек.

— Это мне неизвестно, — сказал Степка. — А только от веток этих и до сих пор водкой несет. Водкой, не водкой, а несет. Значит, было выпито, — Степка при этом слегка покосился на отца Петра. — Ружья у русского нету. А пистолет, должно быть, есть, — под головой лежал, по веткам видно. Не таежный он, этот русский, городской. Тыкал, дурак, окурки на хвою. Этак можно и живьем сгореть — особенно, ежели напимшись. А китайцы-то за ним, как за барином, ухаживали, одеялом, должно быть, накрывали, болен человек, что ли?

— Если бы был болен, то не курил бы целую ночь...

— И то правда.

Отец Петр поднялся на ноги.

— Не нравится мне, Степка, вся эта история. Думаю, это какой-то советский дядя, из крупных дядей. А что ему тут делать? Заграницу бежать? Тоже может быть, хотя для этого есть пути покороче.

— Ну, и чорт с ним, пусть бежит.

— А если за ним погоня?

— Ну, и за нами гонялись... Нужно бы, конечно, вернуться по тропе, так на полдень хода: — не идет ли кто следом?

— Напорешься на отряд и пропадешь!

— Ну, отец Петр, в тайге дураков нету, — кто же пойдет навстречу? Я поеду рядом с тропой и посмотрю издали — нет следов, есть следы, какие следы?

Отец Петр постоял и подумал.

— Нет, так не выйдет. Лучше иначе. Тут тропа делает петлю, а моя пещера в середине петли. Петлю эту пешком и на карачках можно срезать — это верст в десятке отсюда. Я тебе покажу. Что ты тут, на стоянке, еще нашел.

— Ну, ничего. Консервы русский ел, — китайцам не дал, те свою чумизу лопали.

— Какие консервы.

— А кто его знает! Там вот две коробки валяются.

— Нужно все это еще раз осмотреть.

Отец Петр со Степкой еще раз обошли и стоянку и место вокруг неё. В кустах валялись две пустые жестянки. Этикетки гласили: „Осетрина в томате. Моссельпром”.

— Н-да, — сказал отец Петр, — если человек такие сигары курит и такие консервы ест — значит, шишка. Ну, пошли, Степка, дальше, тут и в самом деле ничего больше не видать.

— Только я, отец Петр, пойду теперь вперед. Сойот — тот на зверя хорош, в звере он понимает, а насчет человека — куда ему?

Маленький караван двинулся дальше. Степка с отцом Петром шли впереди, сойот вел коней. Степка от времени до времени давал свои комментарии:

— Ну, этот русский не больно ходок. Вот, опять передышку делал, — он сидел, китайцы даже и не присели. Ну и ходит по тайге ,как по плитуару, — шатается... Должно быть старый человек — Вот тут через лужу перешагнуть бы, а он кругом ,обошел. А китаец один — зда-аровый, сукин сын, форменный бык. Другой, видимо, мальчонка еще, — суется куда не надо... Вот, опять устал и присел, папиросу выкурил, окурка нет, а пепел видно. Может, и папирос то немного осталось...

Отец Петр шел молча, не особенно внимательно вслушиваясь в степкины комментарии. Верстах в десятке от первой стоянки тропа справа прижималась к крутому обрыву горы, а слева вилась над глубоким и глухим распадком, заросшим кустами и подлеском.

— Вот ,Степка, тут и есть это место. Где по твоему моя пещера?

Степка показал рукой.

— Правильно. Так вот, верстах в пяти за ней тропа выходит на луговину — там тропу видно верст на пять. А до тропы — тоже верст пять — только дорога — сам видишь. Не заблудишься?

— Это я то? В тайге? Это в городе заплутаться можно, а тут все, как на ладошке.

— Я тебе дам подзорную трубу. Умеешь в нее смотреть?

Степка слегка замялся:

— В биноклю — это я еще могу, насчет трубы не пробовал.

Отец Петр вытащил из своего вьюка подзорную трубу.

— Для нее нужно бы треногу, — очень большое увеличение, но тренога вещь тяжелая. Трубу нужно то ли к дереву прижать, то ли на винтовку упереть — вот так. Теперь смотри.

Когда труба была более или менее установлена, Степка приник к ее окуляру.

— Вот это так здорово! Прямо как под носом! За сто верст видать! Вот, додумались же люди!...

Отец Петр достал из другого вьюка маленький вороненый револьвер, на каком то шнурке. Снял с себя куртку, просунул револьвер в правый ее рукав, а конец шнурка — с мертвой петлей, надел на шею. Потом снова надел куртку и через плечо привесил с правого боку тяжелый крупнокалиберный пистолет. Степка смотрел на все эти операции с ясно выраженным недоумением.

— А этот револьвер то к чему?

Отец Петр расправил свои плечи и оправил рукава.

— А это, видишь ли, американская штучка. Человек видит — пистолет у меня в кобуре и на боку. И не беспокоится. А я — вот...

Отец Петр сделал правой рукой малозаметное движение, и вороненый ствол револьвера так неожиданно очутился перед самым степкиным носом, что Степка даже отшатнулся.

— А это как же так получается?

— Револьвер на резинке висит, — я дерну рукой, и он у меня в кулаке.

— А ну, отец Петр, еще раз, больно уж занятно.

Отец Петр разжал кулак и револьвер сам по себе нырнул в рукав. Потом отец Петр еще раз дернул рукой, как бы стряхивая с нее воду, и револьвер опять очутился в его кулаке и перед степкиным носом.

— Вот, — сказал Степка задумчиво, — а вы вот говорили... — Степка слегка замялся.

— Что я говорил?

— Говорили, что это, значит, я — жулик, значит...

Отец Петр весело рассмеялся.

— А на поверку выходит, что жулик, значит, я?...

— Нет, это я не к тому, а все-таки — тут и крест, и пистолет, и револьвер, со всех, значит, сторон.

— А на тебе креста нету?

— Как не быть, — конечно, есть, вот — смотрите. — Степка полез рукой за пазуху и достал маленький серебряный крестильный крестик на такой же серебряной цепочке.

— Ну, а кроме креста, есть у тебя и винтовка, и пистолет?

Разницу между крестом отца Петра и своим собственным Степка объяснить не мог, хотя и чувствовал, что какая то разница тут все-таки есть. Степка вздохнул:

— А все-таки как то не охота мне вас, отец Петр, одного в тайге оставлять.

— Как это я до сих пор без тебя жил? — засмеялся еще

раз отец Петр. Но Степка, который в пещерке чувствовал себя больным, опекаемым, почти беспомощным, сейчас, в тайге, как то незаметно для самого себя стал играть роль проводника и даже покровителя.

— А все-таки, как-то боязно. Русский-то этот, как есть шляпа. А китайцы-то, видимо, дошлые. В тайге, как у себя дома. Боязно.

— Хороший ты парень, Степка!

— А вы вот говорили: жулик.

Отец Петр вздохнул:

— Все мы перед Богом жулики.

— Кое-кто и перед людьми, — дополнил Степка.

— И перед людьми — тоже, — согласился отец Петр.

— Так вы, отец Петр двигайтесь помаленьку, как бы они засады не устроили, пустите вперед вашего сойота.

— Им, я думаю, не до засады, им бы поскорей выбраться. А я, Степка, в тайге тоже не новичок...

— Ну, так я, значит, пошел, — сказал Степка, не двигаясь с места. — Как-то боязно, ослабел я, что ли?

— А чего тебе боязно?

— Да вас тут одного в тайге оставлять, мало ли что может тут статься?

Отец Петр засмеялся:

— Да жил же я без тебя до сих пор в тайге, а?

— Время то было иное. Вот, сколько годов по тайге хожу — и ничего. А тут за, можно сказать, две недели такого было наворочено, как на войне.

— Ничего, Степка, выберемся. Вот, только не забыли ли мы чего нибудь?

— Забыли, так найдем...

— Нет, не в том дело. Может тебе твоего Лыску лучше с собой взять?

— Ни к чему, я и пешим не хуже. А коня зверь задрать может — и волк, и рысь, и чорт его знает что.

— Ну, хорошо. Тропу ты увидишь через проток. Перейти через него можно только в двух местах. Но, это знать нужно, так не расскажешь.

— А вы расскажите, может и пригодится, мне же на тропу тоже посмотреть нужно.

Отец Петр вынул из сумки блокнот и карандаш и начал рисовать план местности. Степка смотрел внимательно, но не проявлял видимых признаков понимания. Окончив рисунок, отец Петр стал иллюстрировать его устными разъяснениями. Устные разъяснения сопровождались новыми дополнительными рисунками ландшафтного типа: „вот, смотри — тут, на этом плане — вот эта каменюга — каменюгу

отец Петр набросал несколькими очень уверенными штрихами. — Вот, если обойдешь ее справа, так будут три кедра"... Таким способом в уме Степки был постепенно создан его маршрут.

— Теперь понятно, — сказал Степка уверенно. — Теперь то я уже не собьюсь...

— Мы, значит, поедем потихоньку, валиком. Не нравиться мне этот русский, ох, не нравится... — несколько непоследовательно сказал отец Петр.

— А чего ему нравиться, — вам с ним не целоваться!

Отец Петр неопределенно пожал плечами.

— Знаешь что, Степка, ты еще мой самострел с собой возьми, — видал ты его?

— Видал. У тунгусов такие есть. Здоровая штука. На медведя ходят. А только он мне ни к чему.

— Вот, Феде пригодился. Да и мне — не один раз. Я тебе его здесь оставлю. Что то мне кажется...

— Что вам кажется?

— Да всякие вещи. Ну, давай с Богом, только ты не попадись как-нибудь...

— Я то? В тайге-то? — В голосе Степки было искреннее возмущение. — От борова с цепи и то сорвался, а тут тайга матушка! Это вы, отец Петр, уж будьте благонадежны. К вечеру догоню... Ну, если не к вечеру, так завтра. Хлеб есть, сало есть, патроны есть, чего еще человеку нужно?

Отец Петр даже не усмехнулся.

— Так, значит, с Богом. Нам этих трех тоже далеко отпускать нельзя...

Степка помялся, потом почему-то поцеловал руку отца Петра и сразу нырнул вниз в расселину. Отец Петр поднял руку, чтобы перекрестить его, но из рукава от резкого движения руки выскочил спрятанный там револьвер. Досадливым жестом отец Петр запихал револьвер обратно и все-таки перекрестил то место, в котором уже скрылся Степка. Расселина поросла густым, почти непроходимым кустарником, и уже шагах в десяти ничего не было видно.

Отец Петр постоял еще минуты две, потом повернулся к сойоту, который с безучастным видом сидел на корточках на земле.

— Айда.

Сойот вскочил в седло. Отец Петр не последовал его примеру. Он пошел пешком, старательно вглядываясь в тропу, в следы, в ветки, во все, что могло бы дать хоть малейшее указание на цель путешествия таинственного русского. Но никаких указаний не было. Незаметно для самого себя отец Петр все ускорял шаги, и опытный наблюдатель мог

бы установить в отце Петре первоклассного ходока, — но никакого опытного наблюдателя не было, а сойоту, повидимому, все было все равно.

Часах в двух хода, отец Петр натолкнулся на новую остановку таинственной группы. У отца Петра не было таежного опыта Степки, но был некоторый жизненный опыт, которого Степке все таки не хватило. Так, по осмотру стоянки, отец Петр мог установить тот факт, что таинственный русский очень сильно нервничал, — понятие, которое Степке было совершенно неизвестно. Русский сидел на поваленном стволе дерева, и тут же валялись три окурка все тех же привиллегированных папирос. Папиросы были докурены только до половины, окурки были изжеваны; по следам подошв было видно, что русский, несмотря на усталость, вертелся, ерзал, наклонялся, подбирал веточки и крошил их в пальцах, — и все это, вместо того, чтобы просто сидеть и отдыхать. Сопровождавший его гигант китаец даже и своего спинного мешка не снял, — стоял, прислонившись этим мешком к дереву. На одно мгновение у отца Петра мелькнула мысль о том, что русский, может быть, был просто похищен — с целью выкупа, что ли, но потом отец Петр вспомнил степкино наблюдение относительно пистолета, и отбросил это объяснение.

Остановки таинственной группы становились все чаще, — и, повидимому, все короче. Можно было подумать, что группа торопилась, как только могла, и что выносливости таинственного русского для такого темпа не хватало. Ночная стоянка группы не дала ничего нового: группа завернула на тропку, ведущую к еремеевской заимке. Сейчас нужно было торопиться, чтобы, по крайней мере, попасть на заимку одновременно с группой. А Степки все еще не было.

Отец Петр еще больше ускорил шаги. Опять стоянка, опять окурки, на этот раз целых четыре, таинственный русский нервничал все больше и больше, хотя надо было предполагать, что запас папирос неограниченным не был. Очевидно, для нервности были какие то очень серьезные основания. Отец Петр строил разные гипотезы — одну за другой, одни сразу отбрасывал вон, другие оставлял, так сказать, в запас. Наиболее вероятная сводилась к тому, что окончательное объяснение таинственной группы будет так же невероятным, как была встреча отца Петра со Светловым. А, может быть, таинственный русский был одним из светловских сотрудников, разыскивающий в тайге, по каким то неизвестным отцу Петру следам, своего сотоварища по атомным изысканиям? Из всех невероятных гипотез эта казалась наименее невероятной. Она прожила около часа.

ПОРТСИГАР

Очередная стоянка таинственной группы не внесла в наблюдения отца Петра ничего нового: русский все так же сидел и нервничал, — опять четыре окурка, — все так же вертелся и ерзал, сидя на таком же обомшелом стволе сосны... Осмотрев все это уже привычным и поэтому поверхностным взглядом, отец Петр двинулся было дальше, когда во мху, за стволом сосны, где сидел неизвестный русский, блеснуло что-то тускло желтое. Отец Петр нагнулся и поднял из-подо мха очень большой , очень массивный металлический портсигар. Портсигар был очень тяжелым. По диагонали его крышки стояла таинственная надпись:

„Ребята, не Москва-ль за нами?"

Надпись была выгравирована глубоким косым шрифтом, но по орфографии нельзя было определить происхождения ни надписи, ни портсигара. На другой крышке была другая надпись:

„Генералу Н. А. Буланину".

Орфография опять не говорила ничего. Но имя сказало отцу Петру кое-что.

Сидя в своей алтайской пещере, он был информирован о мировых событиях во всяком случае лучше среднего московского обывателя. Кроме случайных советских газет, к нему попадали случайные иностранные, и кроме своих таинственно оккультных занятий, он имел менее таинственное радио, которое слушал довольно регулярно. Проходили всякие люди и приносили с собой всякие слухи. Имя генерала Буланина было ему как-то знакомо, но не вызвало почти никаких ассоциаций — какой-то из каких-то старых генералов, почему-то попавший на очень ответственный пост у большевиков. Это было все, что отец Петр мог вспомнить. Но и это было очень много.

Что мог делать генерал Буланин здесь? И был ли это действительно генерал Буланин? Мало ли кто мог получить или украсть портсигар? Отец Петр еще раз осмотрел его снаружи. Металлургических познаний отца Петра оказалось достаточно, чтобы установить ,что портсигар был платиновый, то есть, помимо всего прочего, представлял собою очень большую ценность. В переднюю крышку были вделаны четыре небольших бриллианта — очень чистой воды. Раньше на портсигаре были, повидимому, какие то монограммы, они были содраны, и можно было рассмотреть тщательно заглаженные следы шрифтов. Отец Петр открыл портсигар. Внутри было дюжины две папирос. тех самых, привиллегированных, а на внутренней стороне верхней крышки были выца-

рапаны какие-то женские имена, которые отцу Петру не говорили решительно ничего. Дальнейший осмотр портсигара, произведенный по методу Шерлока Холмса, не дал решительно никаких результатов. Отец Петр, однако, продолжал свой осмотр, сойот слез с седла и, почти касаясь головой отца Петра и прищелкивая языком, выражал свое удивление по поводу этой неожиданной находки. Находка так поглотила внимание обоих спутников, что только дикий рев: „Давай сюда!" оторвал их от дальнейших изысканий.

Из-за кустов, держа винтовку почти на прицеле, огромными шагами двигался к ним гигантский китаец. Сейчас же вслед за ним виднелся тот таинственный русский, который по всем вероятиям был генерал Буланин. Это был очень пожилой человек, с резко выраженной ассиметрией лица и с выражением крайнего утомления и крайней нервности на этом лице. Еще дальше виднелась еще какая то китайская фигура. Сойот отпрыгнул в сторону, хотел было схватиться за свою винтовку, но не сделал этого. Предполагаемый генерал Буланин, как то пронырнув из-под руки гигантского китайца, с протянутой вперед рукой почти бросился к отцу Петру:

— Ну, слава Богу, — прохрипел он прерывающимся голосом.

Отец Петр, не двигаясь с места, протянул генералу Буланину портсигар.

— Драгоценная вещь сия, благодарение Богу, найдена, — сказал он богословским тоном.

Генерал Буланин судорожно схватил портсигар, как будто кто то пытался отнять его обратно. И как он ни был возбужден и утомлен, его наметанный глаз заметил, что из глубины рукава отца Петра выглядывает какое то вороненое дуло. Но сейчас генералу Буланину было не до дула.

— Слава Богу, — еще раз прохрипел он и, почти шатаясь, опустился на какую то кочку. Видно было, что он дошел до предельного изнеможения — и физического и нервного. Он открыл портсигар и достал папиросу. Потом спохватившись — протянул ее отцу Петру:

— Не закурите ли?

— Благодарствую, сан не допускает.

Генерал Буланин дрожащими руками достал зажигалку. Зажигалка давала осечку за осечкой. Наконец, папироса была зажжена. Генерал Буланин сразу затянулся почти половиной папиросы и выпустил из себя целый клуб дыма, дипломатически спросил:

— А вы, — чьих вы будете?

Вопрос был средактирован по-сиберски. Но он противоречил всем правилам тайги, где не принято спрашивать никого и ни о чем. Отец Петр скромно потупил глаза.

— Священнослужитель...

— Гм, — сказал генерал Буланин, выпуская новый клуб дыма, — что ж это вы оружием обвешены — как черкес.

— Это, — сказал отец Петр, кладя правую руку на свой наперсный крест, — это, чтобы дух защищать. А это, — отец Петр переложил руку на кобуру пистолета, — а это для плоти. Времена темные. Вот даже и на крест мой наперсный позариться могут — а он просто медный... А позволительно ли спросить — вы куда путь держите?

— Туда, — генерал Буланин ткнул рукой в тайгу.

— Направление неопределенное, — сказал отец Петр, — спрашиваю же я не от любопытства праздного, а поелику идем мы по одной тропе, и как сказано в писании... Тут отец Петр запнулся. Запаса его библейских цитат вполне хватало для Еремея Павловича, но старый царский генерал мог знать Библию значительно лучше отца Петра, не трудно было и проовраться. Поэтому отец Петр решил Писанием не щеголять... — Впрочем, кто сейчас споспешествует о Писании, — грустно закончил он.

— Н-да, — сказал генерал Буланин, — споспешествуют мало.

Выкурив в три глотка почти всю папиросу, генерал Буланин слегка осмотрелся кругом. Первое, что ему бросилось в глаза — были три оседланных коня на двух всадников. Ни один из трех коней не был оседлан в запас, для какого то будущего седока, — кавалерийский глаз генерала Буланина установил это с полной бесспорностью Было, кроме того, еще три коня под вьюками. На таинственном священнослужителе, кроме какого то револьвера в рукаве и пистолета в кобуре, была за спиной еще и автоматическая винтовка. Вид у священнослужителя был не то, чтобы жуликоватый, а какой то неубедительный. По последней своей практике генерал Буланин знал, что НКВД пользуется для своих целей личинами не только священников, но и епископов — правда, личины эти разрабатываются до истинного художественного совершенства. Здесь никакого совершенства не было. Винтовка, даже и автоматическая, была вполне объяснима, но револьвер в рукаве разрушал весь ансамбль. Кроме того — где мог быть третий всадник? Не сидел ли он где то за кустами ,вот с такой же автоматической винтовкой? Тогда оба китайца генерала Буланина не стоили бы ни одной копейки. Но оглядываться на кусты генерал Буланин считал не дипломатичным. К удивлению

отца Петра он вытащил откуда то из внутреннего кармана своего рваного бушлата пенсне в золотой оправе и надел его на нос. Пенсне было на шнурке, которого отец Петр раньше как то не заметил. Надев пенсне, генерал Буланин посмотрел на отца Петра повнимательнее. Отец Петр сидел, елейно вздыхая, и вид у него был смиренно-мудрый: конечно, агент НКВД, решил генерал Буланин. Было довольно очевидно, что вот этого дядю кто то вроде Медведева или Бермана послал вслед за ним. И, вероятно, не одного его.

Ничего необыкновенного в этом, впрочем, не было: обычная система перекрещивающейся слежки. Систему генерал Буланин понимал очень ясно. Но и до сих пор не мог понять, как именно она реализуется технически. Так, в свое время, французский астроном Камилл Фламмарион был вынужден согласиться с волновой теорией света, но признавался: он все-таки никак не может понять, как это световые волны, исходящие из сотен тысяч звезд, не перепутываются по дороге к земле. Генерал Буланин точно так же не мог понять — как вся эта чудовищная система слежки не перепутывается до полного паралича. Он, Буланин, следит за Медведевым и Берманом. Медведев и Берман — за ним, Берман за Медведевым и Медведев за Берманом. И кто то еще за всеми ними тремя. Как это все не перепутается? Здесь была какая то чисто техническая тайна, которой генерал Буланин так до сих пор разгадать и не мог. Однако, в данном случае, все это могло иметь катастрофические последствия.

Мысль о новом побеге заграницу мелькала в голове генерала Буланина уже не один раз. Мысль была очень неприятной, еще более неприятной, чем в свое время была мысль о переходе к советам. В этой последней мысли было какое то щегольство партиотизмом. Он, де, генерал от кавалерии Буланин такой то и такой то, рюрикович, почти знаменитость, приносит в жертву все свое прошлое — всему будущему своей родины. Плоха ли она, хороша ли она, права ли она, или неправа — все таки родина. Здесь, конечно, было нечто вроде вызова всей остальной эмиграции. И в этом вызове была своя гордость. Но с чем явиться в эмиграцию обратно? Покаяться в том, что на старости лет он, генерал от кавалерии Н. А. Буланин, оказался просто напросто глупцом? Или, что было бы еще хуже, вызвать подозрения в том, что переход на советскую сторону оказался недостаточно высоко оплаченным?

Конечно, на русской эмиграции свет не клином сошелся. Его платиновый портсигар и еще кое какие безделушки да-

дут ему года два передышки. За это время можно будет написать сенсационную книгу. А там? Там видно будет.

В Москве, в Неелове, и в других таких местах, эти мысли мелькали какой то абстракцией. И только попав в тайгу, генерал Буланин — в первый раз за много времени почувствовал, так сказать, отсутствие атмосферного давления. Правда, и тут были два этих китайца с их разбойничьими рожами, но у генерала Буланина был пистолет, и отделаться от обоих в любой момент не представляло никакой трудности. Трудность заключалась в том, что же он, генерал Буланин, стал бы делать в тайге без этих китайцев? Карта района у него была, даже еще и „воздушной съемки". Но сил уже не было. Без всякого груза на спине генерал Буланин уставал через пять-десять верст ходьбы: годы уж не те. Да и городская жизнь сказывалась. Во всяком случае, вольный воздух тайги и гор, отсутствие решеток, ощущение свободы, хотя и ограниченной наличием этих двух китайцев, но все-таки свободы, все это настраивало генерала Буланина на некоторые размышления. Эти размышления не были веселыми: он попал в ловушку, в капкан. И попал по собственному просчету.

Просчет был почти катастрофическим. Он стоил жизни многим людям, которые еще тогда, в эмиграции, доверились генералу Буланину и которых он посылал в СССР. Да, конечно, всякий командир всякой воинской части оплачивает свои расчеты или просчеты человеческими жизнями: на то и война. И никогда нельзя сказать, какой из ряда вариантов расчета обошелся бы дешевле и какой — дороже. На войне, как на войне. Да, конечно, у генерала Буланина был и материальный расчет, но ведь и у всякого командира есть тоже расчет на повышение, так что это более или менее одинаково. Но были вещи, при воспоминании о которых в генерале Буланине говорила не то, чтобы совесть, а какие то остатки его военного воспитания. Были преданы кое-какие товарищи, боевые товарищи. Правда, в то время генерал Буланин запутался так, что иного выхода у него не было, но эти воспоминания были, как наболевший зуб, которого лучше не трогать. При некотором усилии возможно, конечно, и не трогать — вопрос только в том, что, если тронут другие?

О своем положении в СССР генерал Буланин не имел уже никаких иллюзий: ни пава, ни ворона. Его как-то утилизируют, — до какого-то ему еще неизвестного пункта, и потом выбросят на свалку — выбросят с той беспощадностью, с какой „они" выбрасывают даже и самых старых и „проверенных" работников партии. И, кроме всего того, если режим погибнет — в результате войны или восста-

ния, — то уж его, генерала Буланина повесят во всяком случае: тушинский перелет *). Ему то уж не простят.

В Москве, в Неелове, и во всяких других таких местах — эти мысли мелькали смутно и отрывочно, заслоняемые другими, более злободневными заботами. Здесь, в тайге, они оформились в совершенно ясную и законченную картину: просчет и капкан. И единственный выход — это побег.

Выход, правда, очень трудный, время пропущено. Еще год тому назад можно было бы пробраться к армии Чан-Кай-Шека и предложить свои услуги в качестве военного специалиста. Но теперь до Чан-Кай-Шека очень уж далеко и неизвестно, что станет с этой армией. Можно бы пробраться в Корею. Но все это так далеко, а годы уж не те. Нужно бы на ближайшей заимке купить пару коней, в седле генерал Буланин чувствовал себя увереннее, чем на ногах. Но китайцы — кто они такие? Товарищ Медведев рекомендовал их обоих — в особенности старшего, как опытных и старых агентов. Работали ли они за деньги или по иным соображениям? Можно ли их купить кое-какими деньгами и безделушками, которые генерал Буланин носил на себе и днем и ночью? А вдруг китайцы зарежут его именно из-за этих безделушек?... Хорошо еще, что они, видимо, не имели понятия о ценности портсигара — он был не из золота, а о том, какую ценость имеет платина, китайцы, по всей вероятности, не имели никакого понятия. Оба они говорили на том странном и ломаном русском языке, который принят в пограничных с Китаем областях в котором глаголы употребляются в повелительном наклонении, а все существительные — в именительном падеже, и на котором генерал Буланин толком сговориться с китайцами все-таки не мог. Китайцы маячили около него двумя вопросительными знаками, а старший из них временами внушал генералу Буланину такое чувство, как если бы где то сзади крался бы то ли медведь, то ли тигр — более или менее прирученный, но готовый всякий момент схватить зубами за затылок. Нет, от китайцев лучше все-таки отделаться. Купить хотя бы на той же дубинской заимке пару коней, китайцев потом пристрелить и двинуться дальше в одиночку. План был, собственно, исполним. Но, вот, — еще две таинственные личности с таинственным третьим оседланным конем. Кто они?

---

*) Село Тушино под Москвою, во время Первого Смутного Времени — 1609 — 1612 г.г., было средоточием всяких интриг, заговоров и „рынком" для продажных людей, которые „перелетали" от русских сил к „Лжедмитриям" и полякам. „Тушинский перелет" — символ измены и неустойчивости.

Генерал Буланин по карте знал, что тропа, в сущности, ведет только на заимку и что дорога в Китай лежит правее. Значит, этот пустосвят двигается тоже на заимку?

— Так что, мы с вами, видимо, пока по дороге — полувопросительно сказал генерал Буланин.

Отец Петр прискорбно пожал плечами.

— Еду сопутствовать умирающему. Если поспею.

„Так и есть, — сексот", — решил генерал Буланин. По своей прошлой службе он хорошо знал профессиональный язык духовенства. Священник сказал бы: „напутствовать умирающего". Кроме того, генерал Буланин успел отметить, что на текстах из Священного Писания этот пустосвят как то сбивается. Да и револьвер в рукаве все таки плохо вязался с крестом на груди. Нет, конечно, или сексот, или, может быть, какой то сотоварищ того же Светлова? Можно было бы отделаться от китайцев, можно было бы отделаться и от этих двоих, но как отделаться от всех четырех сразу? А нельзя ли отделаться от этих двоих с помощью китайцев и от китайцев — с помощью собственного пистолета?

Генерал Буланин достал еще одну папиросу и снова предложил ее отцу Петру — отец Петр снова отказался.

— Благодарствуйте, нашему сану не приличествует.

— А рюмка коньяку вашему сану приличествует? — спросил генерал Буланин, — его же, как говорится, и монаси приемлют.

— Во благовремении — это возможно, но поелику направляюсь к умирающему — то тоже не приличествует.

„Вот погоди — я уж тебе покажу „поелику", злобно подумал генерал Буланин. „Тоже нарядился — и кресты, и пистолеты, и „поелику" . . . Нет, нужно, конечно, как то отделаться от всех четырех . . . Риск есть, но без риска получится еще хуже".

Приблизительно такие же мысли громоздились одна на другую в уме отца Петра. Сейчас было ясно, что генерал Буланин направляется к дубинской заимке. Его концлагерное обмундирование было мало убедительно: в концлагере Буланин никак не мог бы сохранить при себе своего портсигара. Но, может быть, его доставили ему друзья или родные? Самое вероятное объяснение сводилось все таки к тому, что этот странный генерал является сотоварищем Светлова. Среди старых царских генералов было много выдающихся ученых, — отец Петр никак не мог вспомнить к какой именно категории принадлежал генерал Буланин. И что именно о нем говорилось в свое время. Но кто мог предполагать такую встречу?

Отец Петр — по мере возможности незаметно — старал-

ся прощупать всех трех новых своих спутников. Один из китайцев не представлял собою ничего интересного, — таких китайцев спиртоносов, контрабандистов, искателей женшеня, или скупщиков маральих рогов, он видал десятки и десятки. Но другой не мог не остановить внимания. Это был огромного роста детина, — под сто девяносто сантиметров, со звериными мускулами и зверским лицом, — такие дяди должны были быть в гвардии Чингис Хана или, вернее, в составе его палачей. Ему было далеко за сорок, жиденькая монгольская бородка никак не смягчала грубого и зверского типа. Китаец стоял опершись своим спинным мешком о ствол сосны, и держал свою берданку более или менее наготове. Но все таки револьвер из рукава опередил бы эту берданку. Ни второй китаец, ни генерал Буланин, не успели бы даже и взяться за оружие. Технически все это было вполне исполнимо, — но генерал Буланин мог быть сотоварищем или сотрудником Валерия Светлова. В сущности, все остальные объяснения отпадали почти автоматически — портсигар противоречил теории побега из концлагеря, агентуре НКВД все таки противоречили два китайца: генералу Буланину НКВД, вероятно, дало бы руских проводников, да и что было делать генералу Буланину в еремеевской заимке? Если вариант сотрудничества со Светловым имел за собою только десять процентов вероятности, то и тогда стрелять в генерала Буланина было бы преступлением.

Впрочем, вероятно, все это очень скоро выяснится, более или менее автоматически, — все пятеро прибудут на заимку и там можно будет разобраться. Если генерал Буланин является сотрудником Светлова, — это выяснится сразу. Если он подозрителен, то против всего населения заимки он никакой опасности не представляет. Так что, собственно говоря, можно было бы двинуться вместе. Но тут отцу Петру пришла в голову мысль о том, что двигаться вместе, имея в рукаве револьвер, было более или менее безопасно, спать же при наличии этого страшного китайца и этого неизвестного русского — было бы непростительным легкомыслием. В тайге вообще, а в те времена в особенности, каждый встречный рассматривался прежде всего, как потенциальный враг — пока не доказано обратное. Обратное доказать было совершенно невозможно: китаец с разбойничьей рожей и русский с дегенеративным лицом, — кто они были такие? За кого принял этот русский его, отца Петра? Может быть, он постарается отделаться от отца Петра просто из соображений самой элементарной предосторожности: пользы все равно никакой, а опасность была смертельной. Человеческая жизнь никогда не котировалась в тайге по очень высокому курсу, а в данные времена — в особенности. Ночью,

ничем не рискуя, могут прирезать из той же элементарной предосторожности. Но, с другой стороны, обязательно нужно предупредить и Еремея и Светлова об этом таинственном русском. Как это сделать? Мысли отца Петра работали быстро и отчетливо. Да, прежде всего, от этой компании нужно отделаться. Отстать или свернуть в сторону, обогнать ее по горам, что при быстроте передвижения генерала Буланина было не так трудно, — и итти напрямик к заимке, оставив где-нибудь в тайге сойота с конями и с кладью.

Отец Петр еще раз вздохнул.

— За предложение о сопутствии премного благодарен. Однако — не знаю цели путешествия вашего, не знаю такожде, до какого предела путь наш лежит совместно. Мне верстах так в пяти — направо по ручью, даже и без тропы звериной, там маленькая заимка, охотники живут, — хотя и сойоты, но православные. Одного медведь подрал — помирает, — вот я туда и спешу.

— Ну, как знаете, — сказал генерал Буланин. — Как знаете . . .

Теперь генералу Буланину стало ясно: с этим пустосвятом нужно кончать: никакой заимки тут не было. Пустосвят врал. У генерала Буланина была чисто профессиональная память на географические карты, как у шахматистов на партии, разыгранные годы тому назад. У него была карта воздушной съемки — очень недавней. И те руские провожатые, которых намечал для него товарищ Медведев, и те китайцы, которые его сейчас сопровождали, категорически утверждали, что, кроме дубинской заимки, никакого другого человеческого жилья тут нет. Карту он сам изучил самым внимательным образом — с лупой в руке, квадратный миллиметр за квадратным миллиметром — нет, никакого жилья здесь не было. Просто, этот пустосвят хочет остаться сзади его. Совершенно случайно, благодаря потерянному портсигару, его присутствие было обнаружено. По всем данным пустосвят следит за ним, генералом Буланиным, сознательно: иначе ему было бы трудно обнаружить потерянный портсигар. Вопрос был только в том. что если этот пустосвят послан от НКВД, то его могут знать в лицо китайцы — и тогда . . . Впрочем, тогда окажется только недоразумение, недоразумение будет рассеяно, и на этом деле и кончится. По крайней мере, в отношении этого пустосвята.

—Ну, что-ж, — сказал генерал Буланин, тяжело подымаясь на ноги, — старость — не радость, а нужно итти. Все таки хоть и пять верст в культурном обществе . . .

Отец Петр собрался было еще раз что-то изречь из Библии и еще раз запнулся.

— Ну что-ж, давайте двигаться, — сказал он совершенно мирским тоном, и направился к своему коню.

Генерал Буланин за спиной отца Петра кивнул гигантскому китайцу и сделал короткий, но весьма красноречивый жест. Гигант китаец ответил коротким и положительным кивком головы.

Отец Петр вдел левую ногу в стремя. Гигант китаец, проходя мимо него, вдруг, прыжком, бросился к отцу Петру и своими страшными руками схватил его за горло. Отец Петр допустил роковую ошибку: вместо того, чтобы вытряхнуть из рукава свой револьвер и выстрелить китайцу в живот, — на что еще, может быть, хватило бы времени, — он совершенно инстинктивно схватился за горилье предплечье китайца. Теряя сознание он услыхал сухой пистолетный выстрел, и в его мозгу мелькнула мысль о том, что все кончено...

СВЕТСКАЯ БЕСЕДА

Отец Петр очнулся нѐ сразу. Какое то, вероятно, долгое время ему казалось, что он на каких то гигантских качелях качается в междузведном пространстве, что каждый размах качелей длится сотни, а, может быть, и миллионы лет, и что — вот-вот, — он качнется к той границе, за которой откроются все тайны бытия.

Но никаких тайн не открывалось. Медленно и смутно возвращалось сознание и вместе с сознанием — ощущение какой то странной связанности. На всякий случай отец Петр решил пока что не открывать глаз и постараться припомнить, так что же случилось? Откуда эти качели и это качание в междузвездном пространстве? Постепенно отцу Петру удалось восстановить всю картину: генерал Буланин, страшный китаец, неожиданная хватка за горло, чей то пистолетный выстрел. Нет, лучше глаз пока не открывать. Ощущение связанности все росло и росло, пока отец Петр не понял, что он связан и в самом деле. Даже и не шевелясь, он чувствовал, как какие-то веревки или ремни крепко впивались в его руки и ноги. Значит, попался. Отец Петр, все еще не открывая глаз и не шевеля ни одним пальцем, постарался представить себе мотивы этого нападения. Но голова работала слабо и неуверенно, из за логических соображений снова возникали — и качели и междузвездное пространство, и те тайны бытия, которые, казалось, вот вот откроются за каким-то размахом качелей. Но логика все таки возвращалась. По этой логике у генерала Буланина не могло быть, собственно, никаких оснований для нападения,

кроме простой предосторожности. И в том случае, если генерал Буланин был работником Советов, и в том случае, если он был сотрудником Светлова. В первом случае недоразумение могло бы иметь весьма неприятные последствия, во втором — оно могло бы разъясниться более или менее безболезненно. Однако, в обоих случаях генерал Буланин мог проявить некоторый избыток осторожности и просто напросто отправить отца Петра на тот свет.

Чисто теоретически из всех возможных вариантов того света отец Петр придерживался теории переселения душ. Но это был чисто теоретический подход. Практически отец Петр предпочитал синицу в телесных руках, всем журавлям потустороннего неба. И решительно никуда не хотел „переселяться": может быть, „там" будет еще хуже, чем „здесь". Но „здесь" в данный момент, было очень плохо. И, собственно, кроме возвращения Степки, никаких разумных надежд на спасение не было . . .

Правда, генерал Буланин очевидно не собирался отправлять отца Петра на тот свет, — иначе с его стороны было бы проще выпустить в отца Петра еще одну пулю, а то и две. Но и это соображение большого утешения отцу Петру не принесло; если генерал Буланин работает в пользу советов, — а для такого предположения были вполне достаточные основания, — то и ему и советам отец Петр будет нужен в живом виде, чтобы допытываться от него, например, об атомном заговоре. А так как об этом заговоре отец Петр и в самом деле не знал, собственно, ничего, то процесс медленного переселения в иной мир, — да еще и вовсе неизвестно, лучший ли мир, — может быть и очень длительным и очень неприятным. В этом случае, — пуля была бы на много приятнее. Пока что оставалась одна реальная надежда — на Степку.

За время лечения между ним и Степкой установилась некоторая гипнотическая — или, как отец Петр предпочитал называть, — оккультная связь. Сейчас отец Петр постарался эту связь восстановить. Напрягая все свои ослабевшие нервные силы, он прежде всего попытался восстановить перед своими глазами живой образ Степки. Это более или менее удалось: образ предстал нечесаный, растрепанный и слегка жуликоватый. Напрягая всю свою нервную силу, отец Петр слал этому образу призывы о спасении. Отец Петр был не только в курсе учений иогов и лам, но также и в курсе телепатических опытов проф. Бехтерева: он знал по опыту, что беспроволочный телеграф нервной связи иногда, в **некоторых**, еще неизвестных условиях, действует так же надежно, как действует радио. Но были ли эти условия налицо? Отец Петр

чувствовал себя очень ослабевшим и физически и в особенности — духовно: горилья хватка страшного китайца передавила сонные артерии, и кровообращение в мозгу восстанавливалось не скоро.

Тем не менее, отец Петр напряг все свои наличные силы. Образ Степки — нечесаный, растрепанный и слегка жуликоватый — качался перед его „оккультным зрением", то расплываясь в тумане, то вырисовываясь до последней ссадины на многоопытной степкиной физиономии. Это нервное усилие так утомило отца Петра, что он снова впал в полузабытье. Из этого полузабытья его вывел скрипучий, раздраженный и саркастический голос генерала Буланина.

— Ну, ваше преподобие, довольно вам дурака валять — открывайте глаза и давайте разговаривать.

Отец Петр открыл глаза. Шагах в пяти от него разгорался небольшой костер, у костра на поваленном стволе сидел генерал Буланин. Страшный китаец стоял около, опираясь на свою берданку и даже не сняв своего спинного мешка, другого китайца не было видно. Сойот лежал на земле с простреленной и раздробленной головой. Картина была довольно ясной, но малоутешительной.

Еще менее утешительными были подробности этой картины. За время обморока генерал Буланин, очевидно, успел основательно обыскать бесчувственного отца Петра: на земле перед генералом Буланиным лежали и пистолет отца Петра и его револьвер, у бумажник, в котором, впрочем, не было ничего предосудительного, и носовой платок, в который отец Петр в свое время завернул найденные Степкой окурки. Платок лежал на земле, и окурки лежали на платке..

— Шпионили, ваше преподобие? — злобно спросил генерал Буланин, указывая рукой на окурки.

— Тайга, — просто ответил отец Петр и снова закрыл глаза.

Сейчас вопрос шел о времени: успеет ли Степка или не успеет? Сейчас отец Петр уже почти не сомневался в том, что его оккультный или гипнотический призыв дошел до адресата. Отец Петр постарался подсчитать, через сколько времени Степка может быть здесь в лучшем случае. О худшем — нечего было и думать — Степка, например, мог оказаться в таком же положении, в какое попал он сам, а может быть, и в еще худшем. Может быть, уже и сейчас степкина жуликоватая душа куда-то переселяется? По самым оптимистическим подсчетам Степка мог прибыть на помощь не раньше, чем через час — полтора. Нужно как то выиграть эти час — полтора. Плохо то, что шла, собственно, игра в прятки — отец Петр не имел понятия о том, так чем же, в конце концов, является генерал Буланин и чего он хочет.

Генерал Буланин имел об отце Петре еще меньшее понятие. Очень возможно, что при ближайшем рассмотрении они оба оказались бы не врагами, а союзниками — но как дойти до этого ближайшего рассмотрения? Гипотезу сотрудничества генерала Буланина с Валерием Светловым отец Петр, впрочем, отбросил почти начисто. Буланин и Светлов были очень уж разными людьми. Буланин, по мнению отца Петра, был прежде всего форменным дегенератом: в людях отец Петр, несмотря на свое отшельничество, разбирался очень хорошо. Но могла быть и другая точка зрения: сколько великих ученых были или на пятьдесят процентов сумасшедшими или на все сто процентов негодяями? Так что чисто научная кооперация Светлова с Буланиным была все таки не исключена. И если упомянуть имя Светлова, то могут быть три варианта. Первый, генерал Буланин не имеет о Светлове никакого представления, тогда этот вариант ничего не меняет. Второй, генерал Буланин участвует в слежке за Светловым с советской стороны — тогда упоминание о Светлове может выручить отца Петра на данный момент и погубить его в будущем. Третий, генерал Буланин как то сотрудничает со Светловым — и тогда все это происшествие заканчивается счастливым концом, как в американских романах. Но отец Петр чувствовал, что его голова еще недостаточно ясна, чтобы принимать решение.

— Тайга, — сказал он еще раз, не открывая глаз. — А в тайге вот этакие папиросы...

— А тебе какое дело до папирос? — Тон генерала Буланина был не только злобен, но и груб: „тебе".

Отец Петр подумал еще раз, что теория кооперации Буланина со Светловым серьезной критики, пожалуй, и не выдержит. Подумал и о том, что он, может быть, попал в руки сумашедшего. Самой разумной политикой было во всяком случае выжидательная политика: Степка должен придти на помощь. Вопрос только в том, чтобы он пришел не слишком поздно.

— Прикажите вашему китайцу развязать мне по крайней мере руки, — вас все равно трое и с оружием.

— Никакой чорт тебя не возьмет, — рыкнул снова генерал Буланин, — а я пока посмотрю...

Генерал Буланин стал анализировать все то, что он за время обморока отца Петра успел обнаружить в его карманах. В бумажнике оказалась довольно основательная пачка долларов и фунтов, — генерал Буланин, без дальнейшего размышления, переложил эту пачку в свой карман: пачка почти автоматически решала вопрос о дальнейшем пути генерала Буланина: теперь у него есть деньги, есть кони, есть карта, есть продовольствие. Отделаться от обоих китайцев

будет совершенно просто. На несколько минут перед умственным взором генерала Буланина возник туманный, но очень оптимистический образ его новой жизни: с деньгами, где-нибудь снова в Париже, нет, не в Париже, в Париже его слишком многие знают, а где нибудь подальше... Нанять какого нибудь щелкопера, наговорить ему целую кучу всяких турусов на колесах — о его, генерала Буланина, приключениях и подвигах в СССР, — пусть пишет, — доход пополам. Нет, все это не так плохо складывается...

Генерал Буланин считал, что судьба этого, который вот сейчас лежит связанный по рукам и ногам, — практически уже решена, хотя бы из за пачки кредиток. Но, может быть, кроме этой пачки, есть в его вьюках еще что-нибудь? И, может быть, там есть вещи, поинтереснее пачки кредиток?

Генерал Буланин приказал огромному китайцу снять вьюки отца Петра. Огромный китаец молча повиновался.

В уме генерала Буланина мелькнуло подозрение: заметил ли огромный китаец эту пачку кредиток, или не заметил. Если заметил, то, пожалуй, надо поторопиться... Из таежной чащи неслышно выпырнул второй китаец и очень ломаным русским языком заявил, что никакой люди кругом нету. Генерал Буланин на всякий случай все таки вытащил свой пистолет, положил его рядом с собой и занялся исследованием вьюков отца Петра. Во вьюках были: продовольствие, одежда, обувь — кое что из всего этого генералу Буланину могло пригодится: его театральное концлагерное обмундирование, предназначенное для роли беглеца, было очень плохо приноровлено и к дороге и к погоде. Потом шли плотно запакованные в цилиндрические кожаные футляры какие то свитки: повидимому, на китайском языке. Впрочем, в одном из этих футляров снова были кредитки, и снова — в большом количестве. В дальнейших, тоже кожаных футлярах, были какие то рукописи — написанные на обычной европейской бумаге, но, повидимому, каким то шифром, — в этом шифре генерал Буланин ничего понять не мог. Все это вместе взятое навело генерала Буланина на совершенно новую мысль — этот подложный поп является просто агентом Советов, посланным куда-то в Азию, с деньгами и с инструкциями. Шансы на жизнь отца Петра, и без того очень скромные, уменьшились почти до нуля: вот бы появиться в какой нибудь буржуазной столице или в штабе, с аутентичными инструкциями Кремля! Какая сенсация! И какие деньги! И, может быть, какой-то поворот во всей оценке предыдущей измены генерала Буланина антисоветской эмиграции: нет, он не изменил, он только оказался более тонким дипломатом, чем те, кто только и умели, что кричать о своем антикоммунизме. Да и кричали то в без-

воздушное пространство. А он, генерал Буланин, сотни раз рискуя не только жизнью — мало ли раз рисковал он жизнью, но, что больше, — честью, — пробрался в самые тайники кремлевских планов и, вот, теперь, пережив невероятные приключения (невероятные приключения должен выдумать какой нибудь щелкопер) он, генерал Буланин, доводит эти планы до сведения всего цивилизированного мира.

От этой перспективы у генерала Буланина почти захватило дух. Ему никогда в голову не приходило, что тайга может таить в себе такие неожиданности: сразу и кони, и деньги, и еще — какие то документы. Генерал Буланин стал продолжать свой осмотр. К некоторому разочарованию, дальнейший осмотр ничего не дал: было несколько книг на разных языках, и все они были посвящены . . . оккультизму. Конечно, они могли бы быть только камуфляжем, — их текст тоже, может быть, заключал в себе какой то шифр. Но, а вдруг они, в самом деле, окажутся оккультной литературой — как и эти таинственные свитки? Тогда вся героически приключенческая концепция генерала Буланина разлетается вдребезги.

Он повернулся к отцу Петру.

— Ну-с, ваше преподобие, а теперь говорите прямо — так кто же вы такой?

— Оккультист, — сказал отец Петр лаконически.

— Оккультист? — презрительно повторил генерал Буланин, — это вот из тех, кто занимается столоверчением? Духов вызываете? Так вот, — если вы не станете отвечать толком, я из вас вашего духа вышибу вон. Поняли?

— Все эти рукописи — тибетские, — сказал отец Петр. — Я, в частности, изучаю и восточную медицину. Больше мне вам сказать нечего.

— А деньги у тебя откуда? — взревел генерал Буланин.

— Ну, это вас не касается.

— А вот я тебя сейчас этой головней коснусь, — сказал генерал Буланин, вынимая из костра горящую хворостину, — станешь тогда говорить толком.

Отец Петр довольно спокойно пожал плечами:

— Я посредственный оккультист, — сказал он, — но мне все таки видно: жить вам осталось очень немного — гораздо меньше, чем мне. Так что и ваша головня ничего не поможет.

У генерала Буланина было очень острое желание заставить этого оккультного пустосвята говорить всерьез. Но по дороге к реализации этого желания торчали два китайца. Во-первых, если отец Петр действительно был советским агентом, то китайцы, как какие то агенты НКВД, могли об этом знать и, может быть, имели даже и какие то задания.

Во-вторых, генерал Буланин никак не мог точно вспомнить, видал ли огромный китаец пачку кредиток, переложенную Буланиным из бумажника отца Петра в свой карман — или не видал. Если видал, то, может быть, никакие инструкции НКВД не помогут ничему — китаец предпочтет иметь при себе наличные деньги отца Петра, а после себя — труп генерала Буланина.

Генерал Буланин чувствовал, что он начинает нервничать. Вот сейчас, в течение, может быть, нескольких минут или секунд нужно решать вопрос, от которого, может быть, будет зависеть вся его дальнейшая судьба. Но, во всяком случае, и при любых планах китайцев нужно ликвидировать: они, во-первых, уже ни к чему, и они, во-вторых, могут быть опасными с самых разных точек зрения...

Генерал Буланин положил обратно в костер все еще горевшую хворостину, потом снова достал ее и, жмурясь от жара, закурил от нее очередную папиросу. Папироса несколько успокоила генерала Буланина. Он, по мере возможности незаметно, осмотрел место привала и постарался оценить данную дислокацию.

Отец Петр полулежал, связанный так, что и в самом деле не мог и пальцем пошевельнуть. Огромный китаец сидел на своем спинном мешке, поставив свою берданку между колен и тупо смотря куда-то в пространство, или, может быть, только делал вид, что смотрит. Молодой китаец внушал больше подозрения. У него было довольно живое и беспокойное лицо, и на этом лице генерал Буланин все таки мог прочесть нечто вроде удивления. И, кроме того, молодой китаец держал свою берданку не между коленями, а на коленях, и ствол этой берданки был направлен в сторону генерала Буланина. Можно было бы сказать, что генерал Буланин находится почти под прицелом. За всем этим где-то, но совершенно неизвестно, где именно, маячил второй спутник этого пустосвята или оккультиста, вот вот, конь которого торчит тут же. Этот спутник мог явиться в любой момент и, увидя связанного пустосвята, стал бы, конечно, стрелять сразу же, не ожидая никаких разъяснений. Стоило бы, конечно, сделать иначе: перебраться в другое место, захватив с собою и пустосвята и его коней ,не зажигая костра, — это дало бы, хотя и небольшую, но все таки хоть какую то гарантию против появления неизвестного спутника.

От этого пустосвята нужно было во всяком случае выпытать все. Генерал Буланин был вполне в курсе самых современных методов допроса, применявшихся в НКВД, но для этих методов нужно было все таки время. А время было фактором, не поддававшимся никакому учету: неизвестный спутник пустосвята, или оккультиста, или агента, мог

появиться через день, но мог появиться и через минуту. В том, что он стал бы стрелять сразу же, у генерала Буланина не было никаких сомнений. Не было никаких сомнений и в том, что в этом случае положение и его самого и его китайцев было бы совершенно безнадежным.

Мысли у генерала Буланина неслись стремительно, но несколько путано. Было ясно только одно: эту невероятную встречу в тайге нужно использовать во что бы то ни стало. Она решала почти все проблемы. Оно давала деньги, коней, продовольствие, и, может быть, полную индульгенцию за все то, что генерал Буланин проделывал в эмиграции и в СССР. Но — по поводу этой индульгенции — оставался все таки тревожный вопрос: а вдруг этот пустосвят и в самом деле какой то оккультист, и что его книги — просто оккультные книги. Мало ли сумасшедших болтается по миру? Генерал Буланин попытался вспомнить все то, что он читал или слыхал об оккультизме. Воспоминания оказались очень бледными. Когда-то генерал Буланин читал Блаватскую и даже Папюса, слыхал что то о Гермесе Трисмегисте и об учении Великих Орканов ,но все это было очень неопределенно. Если пустосвят не знал даже и этого, — значит, он, конечно, агент НКВД. Но если он и знал все это, то и тут никаких выводов сделать было нельзя. Чрезвычайно возможно, что пустосвят был отправлен агентом в Тибет, а такие агенты проходят очень специальную подготовку, до богословской включительно. Конечно, если НКВД слало своего человека, то оно уж позаботилось о его специальной подготовке. Генерал Буланин вспомнил, как его самого только что натаскивали по всякой концлагерной премудрости. Да, эти умеют работать . . . И, кроме всего того, — откуда у отшельника и оккультиста могут быть такие деньги, да еще и в валюте? Нет, конечно, агент. Его книги и манускрипты могут быть и в самом деле оккультными, но в них все таки может быть и шифр: одно другому не мешает. А там в каком нибудь штабе — пусть уж сами разбираются . . .

Генерал Буланин подумал о том, что деньги то во всяком случае нужно прибрать к своим рукам. И что нужно действовать по-кавалерийски: быстрота и натиск: „промедление времени смерти безвозвратной подобно". Нужно спешно ликвидировать китайцев, несколько минут пожертвовать для специального разговора с пустосвятом, снова навьючить коней и двинуться дальше самостоятельно. Впрочем, пока эти китайцы не ликвидированы, пусть вьючат они. Генерал Буланин спрятал в свой боковой карман найденную у отца Петра наличность и приказал огромному китайцу привести в порядок вьюки. Тот положил берданку на свой спинной мешок и молча повиновался. Молодой китаец смотрел все

так же удивленно и все так же держал свою берданку почти на прицеле. Генерал Буланин подобрал лежавшую на земле винтовку отца Петра и, пока огромный китаец вьючил коней, тщательно всматривался в тайгу: не вынырнет ли оттуда неизвестный спутник пустосвята? Отец Петр лежал неподвижно, и думал о том, что его дела и в самом деле очень плохи.

По той жадности, с которой генерал Буланин схватился за деньги, отец Петр понял, что теория сотрудничества этого человека со Светловым не выдерживает никакой психологической критики. Это какой то авантюрист, озлобленный и беспощадный, повидимому, рискующий всем и безусловно готовый на все. Но почему он направляется на еремеевскую заимку? Впрочем, для теоретических соображений у отца Петра не было ни желания, ни времени. Огромный китаец быстро и умело навьючивал коней. Очевидно, таинственный русский собирается спешно двигаться дальше и было довольно очевидно, что ни брать с собою, ни оставлять здесь отца Петра он не станет.

Отец Петр понял, что ему нужно, как говорится, считать последние минуты своей жизни: на помощь Степки надежды не было почти никакой, на чью либо иную помощь не было вообще никакой надежды. Конец. И очень может быть. что окончательный конец: дыра, нуль, ничто. Блажен, кто верует. Сейчас в эти последние минуты отец Петр не находил никакого утешения ни в теории переселения душ, ни в нирване, ни в гегелевской „дурной бесконечности", — вообще ни в чем. Веровал ли во что либо он, отец Петр? Даже и в последние минуты никакого ответа на этот вопрос не было.

Огромный китаец кончил навьючивать коней. Привычным движением взвалил себе на спину свой, очевидно, очень тяжелый мешок и стал застегивать пряжку ремня. Отец Петр не без некоторого удивления отметил, что, вместо последних минут, он почему то интересуется проблемой пряжки и китайца. Но этот интерес был прерван сухим пистолетным выстрелом. Дальнейшие после выстрела события развернулись с молниеносной быстротой.

Генерал Буланин, улучив момент, когда огромный китаец возился со своим спинным мешком, осторожно отошел от линии прицела берданки молодого китайца, стал перекладывать что то из кармана в карман и, перекладывая, выхватил пистолет. Прежде, чем молодой китаец успел схватиться за свою берданку, генерал Буланин успел выпустить две пули. Но старой верности руки и прицела у генерала Буланина уже не было: молодой китаец, визжа и дрыгаясь, покатился по земле. Огромный китаец, очевидно, сразу же сообра-

зив, что с берданкой он не успеет предпринять ничего, и что спинной мешок достаточно защищает его тыл, схватил с земли берданку и огромным тигровым прыжком бросился в тайгу, вниз, в обрыв, слева от тропы. Генерал Буланин выпустил вслед ему еще три пули. Снизу доносился треск ломающихся веток и валежника, грохот сорванных с их вековых мест камней, какой то неопределенный шум — то ли от скатившегося тела, то ли от скачков китайца. Генерал Буланин подбежал к обрыву над тропой, посмотрел вниз сквозь ветки и потом с ругательством вернулся.

Отцу Петру было очевидно, что огромный китаец успел спастись. Генерал Буланин еще высунулся над обрывом, треск ветвей и грохот камней ушел еще дальше и скоро совсем затих. Генерал Буланин повторил свое ругательство и снова вернулся к центру стоянки. Молодой китаец все еще дергался. Генерал Буланин поднял было свой пистолет, но передумал и, достав из кармана револьвер, еще так недавно болтавшийся в рукаве отца Петра, довольно хладнокровно выпустил в голову молодого китайца еще две пули. Молодой китаец затих окончательно.

Генерал Буланин положил револьвер обратно в карман, провел рукой по лбу и осмотрелся кругом. Пока что все шло, более или менее благополучно, кроме, конечно, сбежавшего китайца, который мог где то устроить засаду, — хотя по соображениям генерала Буланина, это было трудно: китаец сбежал совсем не в ту сторону, куда вела тропа. Кроме того, он, генерал Буланин, будет двигаться верхом. Нет, ни догнать, ни, тем более, перегнать, китаец не успеет. Но само собою разумеется, что нужно поторапливаться. К неизвестному спутнику отца Петра прибавился еще китаец. Нет, нужно было торопиться.

Генерал Буланин уселся на землю рядом с костром и против связанного отца Петра.

— Ну-с, а теперь, ваше преподобие, давайте говорить серьезно: кто вы такой? Предупреждаю: времени у меня мало.

— Кажется, больше, чем у меня, — довольно равнодушно ответил отец Петр. — По той простой причине, что вы раньше предполагаете пристрелить меня и только потом двигаться дальше, — так что у меня времени все таки меньше, чем у вас. Правда, в данном положении время для меня особой ценности не представляет... А, впрочем, вас все таки повесят раньше, чем я отправлюсь на тот свет...

Лицо генерала Буланина передернулось нервной гримасой.

— Ты мне тут, сукин сын, брось зубоскалить — кто ты такой?

— Я вам сказал: оккультист. И не из последних. Будьте

уверены: вас повесят раньше, чем я закончу свой жизненный путь.

Голос у отца Петра был совершенно спокоен и уверен.

— Ах, оккультист, — почти истерически крикнул генерал Буланин, — а валюта у тебя откуда? А? Откуда, спрашиваю, у тебя деньги?

— А до этого вам никакого дела нет, — так же спокойно ответил отец Петр.

— Ах, нет, ну я сейчас покажу тебе, какое мне есть дело. — Генерал Буланин нервными движениями руки нащупал в кармане свое пенсне, тем же нервным движением напялил его на нос и уставился в отца Петра так, как если бы на его лице он и в самом деле мог бы найти нужный ответ. Старческая дальнозоркость не мешала ему в тайге вообще, но сейчас этого пустосвята нужно было разглядеть подробнее.

Но никаких нужных ему подробностей генерал Буланин разглядеть не смог. Лицо, конечно, было очень „интеллигентным", как квалифицировал его генерал Буланин. Слегка портили впечатление рябины на этом лице и чуть-чуть выпуклые глаза. Эти глаза как то притягивали и обессиливали. Это ощущение стало настолько сильным, что генерал Буланин пожалел о пенсне. Отец Петр напряг всю свою гипнотическую практику, но он знал: в этой практике есть барьер, которого еще никому из магов, гипнотизеров, оккультистов и прочих, перешагнуть до сих пор не удалось. Или даже не один, а несколько барьеров: мораль, воспитание, и, в особенности, чувство самосохранения. В данном случае, в генерале Буланине говорило главным образом чувство самосохранения: если он обмякнет и опоздает — он погиб. И как ни обволакивал его волю пристальный и спокойный взгляд отца Петра, — этот взгляд имел только одно реальное последствие: взрыв ярости.

Генерал Буланин сунул обратно в карман пенсне.

— Ну, а теперь всерьез!

Он вынул из костра горевшую ветку, обломал о землю ее уже сгоревший конец так, что на конце остался только раскаленный уголь. С этой веткой в руках генерал Буланин вплотную придвинулся к отцу Петру.

— Так вот: — откуда деньги? Или я начну жечь тебе морду.

— Вопрос совершенно бессмысленный, — все так же спокойно ответил отец Петр. Я могу придумать все, что угодно, и у вас нет никакой возможности проверить это вранье. Или — проверить, что это — вранье.

— Я тебя заставлю говорить правду!

— А как вы проверите, что это правда? Вот я вам ска-

жу: верстах в трех от моей пещеры — золотая жила. Я годами добывал золото и годами менял его на валюту. Вот в том, что вы у меня украли, эквивалент почти тонны чистого золота.

— А где эта жила?

— Верстах в трех от моей пещеры.

— А пещера — где?

— Довольно далеко, — неопределенно ответил отец Петр. Каждая минута этого страшного и все таки этого нелепого разговора подымала какие то шансы на жизнь. — Вот по этой же тропе назад. Все равно не найдете.

В глазах генерала Буланина мелькнуло нечто вроде золотой лихорадки.

— А жила — какой мощности? — спросил он, и поймал себя на том, что вопрос был и ненужен и глуп. Если ему, генералу Буланину, удастся, наконец, как то выкарабкаться из этой дыры, — нога его сюда больше не ступит. А эквивалент тонны золота? Генерал Буланин стал подсчитывать, чему это будет равно в сегодняшних долларах, — выходило что-то очень много... И снова генерал Буланин поймал себя на мысли о том, что сейчас вовсе не время подсчитывать так фантастически доставшуюся ему добычу. Время думать о том, как бы унести — и ее, и свои собственные ноги. Но гипноз золота, может быть, тонн золота, все таки действовал.

— Ты толком говори — где эта пещера?

Отец Петр с прежним равнодушием пожал плечами.

— Все равно не найдете. Нужно карту. Я мог бы нарисовать, но вы меня развязать не рискнете.

— Развязать! — генерал Буланин постарался саркастически рассмеяться, но это у него не вышло. — Развязать? Нет уж, голубчик, на том свете тебя развяжут. — И снова поймал себя на мысли о том, что это было сказано глупо: нужно было оставить связанному человеку хоть какую то надежду на жизнь.

— Да, конечно, — сказал отец Петр, — смерть развязывает многое. Но я все таки — оккультист. Не совсем, но почти ясновидящий. Так, например, я знаю, что вы бывший белый генерал, перешедший на большевистскую службу, предавший своих товарищей, — многих товарищей... А теперь вы пытаетесь бежать назад. Это вам не удастся.

Генерал Буланин опустил руку с тлеющей хворостиной. Все, что сказал отец Петр, соответствовало действительности. Что же это — и в самом деле ясновидящий?

— При некотором — умелом — напряжении воли, — совершенно академическим тоном продолжал связанный отец Петр, — можно видеть и кое что из прошлого и даже — редко — кое что из будущего. Дело заключается в том, что

в каком то неизвестном нам измерении прошлое и будущее перемешиваются. Впрочем, они перемешиваются и в мире трех измерений. Но, вот, например, я довольно ясно вижу, что вы будете довольно скоро повешены. — Отец Петр на минуту закрыл глаза, как бы концентрируя свой внутренний взор на каком то неизвестном измерении, и снова спокойно продолжал:

— Нет, не видно, когда, но, кажется, довольно скоро... На вашей шее уже лежит тень веревки.

Совершенно автоматически генерал Буланин уронил тлеющую хворостину и провел рукой по шее, как бы пытаясь стереть тень веревки. На его ассиметричном лице показалось нечто вроде страха и растерянности.

— Веревка? — спросил он совсем уж глупо. — Откуда веревка?

— Не знаю, откуда, но довольно близко.

Генералом Буланиным овладел приступ ярости: этот таежный пустосвят просто пускает пыль в глаза для того, чтобы выиграть время для своего неизвестного спутника.

— Вот, я тебе покажу, как близко, — почти завопил он и, поворотясь к костру, стал вытаскивать оттуда новую хворостину. Хворостина как то не сразу поддалась его усилиям — он повернулся еще больше и в этот момент отцу Петру пришла совершенно новая мысль.

Собравшись со всеми своими силами, изогнувшись ужом, он обеими связанными ногами нанес в лицо генерала Буланина тяжело подкованный удар: на отце Петре были горные сапоги с железными шипами.

Удар бросил генерала Буланина в костер. Костер, правда, был невелик, но генерал Буланин свалился в него почти лицом вниз. Обжигая руки о пламя и угли, генерал Буланин, оглушенный и почти ослепленный, кое как вскочил на ноги. Отец Петр, сохраняя на лице то же спокойное выражение ученого, смотрящего то ли в телескоп, то ли в микроскоп, проявил совершенно неожиданную ни для какого ученого акробатическую ловкость человека-змеи. Извиваясь на верхней части своей спины, он как то подполз поближе к генералу Буланину, подобрал оба колена под самый подбородок, и в тот момент, когда генерал Буланин только что достиг относительного равновесия, — разгибая поджатые колени, трахнул генерала Буланина чуть повыше колен — сзади.

При всех этих манипуляциях отец Петр не терял ни научного выражения лица, ни своих плановых соображений. Они сводились к тому, что если бы отцу Петру удалось проломать своими тяжелыми подошвами череп генерала Буланина, то положение могло бы быть спасено даже и без вме-

шательства Степки. Ремни, связывавшие руки и ноги, можно было бы то ли перетереть о дерево, то ли пережечь на костре — рискуя, конечно, и ожогами, или вытащить нож убитого китайченка — вообще, что то можно было бы предпринять.

От удара под коленки генерал Буланин снова свалился в костер — лицом вниз, на четвереньки. Костер был невелик, пламени было мало, и генерал Буланин со всей стремительностью, на какую он только был способен, на тех же четвереньках как то перемахнул через костер, судорожно закрывая глаза, обжигая себе лицо и руки. Кое-как вскочив на ноги, генерал Буланин стал протирать слегка обожженными руками ослепленные пеплом и огнем глаза, кашляя от попавшего в легкие дыма. Ему казалось, что у него сожжены все легкие, выжжены глаза и что на нем горит одежда. Последнее соответствовало действительности — концлагерный ватный бушлат генерала Буланина, действительно, если не совсем пылал, то, во всяком случае, тлел. С трудом протерев правый глаз, генерал Буланин убедился в том, что он, во-первых, не ослеп и что, во-вторых, он находится по ту сторону костра, который отделяет его от страшных подошв этого пустосвята. Почти ощупью, он бросился к навьюченным коням, где, как ему вспомнилось, была приторочена какая то баклага, вероятно, с водой. Нащупав эту баклагу, генерал Буланин попытался вытащить пробку. Но обожженные пальцы скользили по влажной поверхности пробки и та не поддавалась никаким усилиям. Почти в отчаянии генерал Буланин попытался вытащить пробку зубами. Но когда он опустил лицо на уровень боклаги, то огонь от тлеющих рукавов бушлата снова и обжег и послепил его. С судорожной поспешностью генерал Буланин стянул с себя бушлат и бросил его на землю. Вцепившись и руками и зубами в эту проклятую баклагу, генерал Буланин вытащил, наконец, пробку. Сберегая каждую каплю драгоценной жидкости, он стал прежде всего промывать себе глаза. Глаза, повидимому, остались целы. Но смотреть ими было все таки очень трудно и даже больно. Все эти переживания как то затушевали в мозгу генерала Буланина мысль об отце Петре и о его страшных подошвах.

Отец Петр сохранил полную трезвость мысли и ясность оценки положения вещей. Положение вещей сводилось к тому, что если ему, отцу Петру, не удастся убить или, по крайней мере, искалечить генерала Буланина, то на этот раз последний пристрелит его без всяких дальнейших переговоров, разговоров и прочих околичностей. Отец Петр, сохраняя на своем лице все то же спокойное, научно объективное выражение, стал, по мере своих сил, стремительно переползать

поближе к генералу Буланину — пока тот не пришел еще в себя. Отец Петр то перекатывался по своей вертикальной линии, то строил борцовские мосты, упираясь в землю затылком и пятками, помогая связанными за спиной руками и проявляя по прежнему истинно акробатическую подвижность. Пока генерал Буланин успел кое как промыть свои глаза — отец Петр уже оказался в его ближайшем тылу, однако, еще вне пределов дальнобойности своих подошв. Генерал Буланин сквозь воду и пепел, застилавшие его обожженые глаза, туманно увидел, что какая то фигура скрючилась шагах в двух, трех от него. Генерал Буланин отпрыгнул в сторону, теряя этим самым живую связь со спасительной баклагой, а также и с бушлатом, который продолжал тлеть и в карманах которого, как только сейчас сообразил генерал Буланин, было и все его оружие и все его деньги, деньги, переложенные из кармана и сумки отца Петра. Отец Петр гигантским усилием ног и позвоночника как то ухитрился перепрыгнуть эти два шага и хватил генерала Буланина по ногам сбоку. Генерал Буланин снова свалился на землю, но на этот раз уже не в костер. Перевернувшись на четвереньках ,он на тех же четвереньках отбежал еще дальше и встал на ноги. Глаза попрежнему работали плохо, боль от ожогов попрежнему путала мысли, отец Петр попрежнему извивался на земле, и его страшные, подбитые тяжелыми подковами и гвоздями, подошвы снова угрожающе торчали перед генералом Буланиным — правда, на не очень близкой дистанции. Так и шла борьба между двумя людьми, из коих один был почти неподвижен, другой — почти слеп. Один действовал с расчетом шахматиста, другой почти обезумел от ожогов, боли, неожиданности и полуслепоты.

Отец Петр, однако, понимал, что, по существу, почти все шансы на стороне генерала Буланина. Был неудачен первый же удар — он ничего генералу Буланину не переломал. И отец Петр с каждой секундой терял оставшиеся шансы на победу — следовательно, и на жизнь. Как ни был ошарашен и ослеплен генерал Буланин, он мог полностью распоряжаться всеми четырьмя своими конечностями. Отец Петр попрежнему был все таки связан по рукам и по ногам, а на позвоночнике далеко не уедешь.

Вскочив на ноги, генерал Буланин все таки постарался собрать свои мысли и сохранить свое самообладание. Первым вопросом был, конечно, вопрос о баклаге — нужно промыть глаза как следует, они, очевидно, выжжены, все таки не были. Но между ним и баклагой простирались страшные подошвы отца Петра. Генерал Буланин нашел выход из этого стратегического положения — нужно было просто подой-

ти к коню с другой стороны и оттащить его вместе с вьюками и баклагой куда-нибудь подальше, — шагов за десять.

Начав это обходное движение, генерал Буланин, однако, почувствовал острую боль в правом голеностопном суставе: очевидно, удар подкованных подошв или что то разбил, или сломал. Но сейчас было не до боли. Преодолевая ее и хромая, генерал Буланин обошел полукругом коня с баклагой, потянул его за повод и вывел за линию подошвенного обстрела. Теперь можно было отмыть лицо и глаза, и осмотреться как следует — в данный момент глаза были почти ослеплены и золой, и водой, и каким то все таки ожогом. Горло горело и правая нога подгибалась.

Налив воду из баклаги в горсть, генерал Буланин принялся за мытье. Нет, глаза не были повреждены или, по крайней мере, не так повреждены, чтобы нельзя было видеть. То, что он увидел, показалось генералу Буланину очень сложным: отец Петр все таки подползал все ближе и ближе, а бушлат с оружием и деньгами находился уже почти совсем около его подошв. Генерал Буланин нагнулся было к бушлату, но остановился: острая боль в правой лодыжке заставила его подогнуть ногу, а вид пустосвятских подошв не способствовал наступательным настроениям. Генерал Буланин подумал о том, что особенно спешить, собственно, некуда: отец Петр все еще оставался связанным, и его единственное оружие — подошвы, были опасны только на очень уж близком расстоянии. Но бушлат? Кроме оружия в нем ведь были еще и деньги. Ни пистолет, ни револьвер не пострадают от тлеющего огня, вероятно, даже и патроны в них не взорвутся, но деньги, конечно, пропадут. Генерал Буланин подобрал с земли какую-то хворостину, зацепил ею за бушлат и вытащил его из под самых подошв отца Петра. Поднятый хворостиной на воздух, бушлат стал пылать. Генерал Буланин отбросил бушлат на землю, шагах в десятке от отца Петра и попробовал затоптать огонь ногами, но правая нога ответила такой острой болью, что генерал Буланин решил лучше еще раз рискнуть своими все равно уже обожженными руками. Внутренняя сторона бушлата еще не успела загореться, и бумажник оказался в полной целости. С пистолетом было труднее: он был в наружном кармане, и карман горел весь. Той же хворостиной генерал Буланин попробовал вытащить пистолет из огня. Отец Петр понял, что сейчас наступает последний шанс — через две, три секунды в руках генерала Буланина будет его пистолет, и тогда все разговоры будут кончены. Страшным усилием всего тела отец Петр сделал что-то вроде прыжка по направлению к генералу Буланину. Генерал Буланин отпрыгнул назад, таща за собою все на той же хворостине все так же пылаю-

щий бушлат с оружием. Отец Петр понял что дальнейшее состязание почти безнадежно: генералу Буланину стоило только отойти еще шагов на десять-пятнадцать, спокойно достать пистолет и так же спокойно прекратить этот страшный шахматный матч на жизнь и на смерть.

Генерал Буланин так и сделал. Хромая и пятясь, он оттащил бушлат подальше и действуя хворостиной, как хирургическим инструментом, вытянул все таки пистолет. Он был горяч, но еще не раскален, и генерал Буланин испытал в какую то долю секунды промежуток некоторого морального удовлетворения. Но этот промежуток был и очень короток и кончился плохо.

Из таежной чащи на генерала Буланина прыгнуло что-то лохматое, окровавленное и стремительное, страшный удар в живот сбил его с ног, и, теряя сознание от тошноты и боли, генерал Буланин все таки успел подумать о том, что его песенка, вероятно, спета окончательно.

Отец Петр, извиваясь попрежнему на своей спине, как то не заметил этого момента. Из-за своих нацеленных на генерала Буланина подбитых тяжелыми гвоздями сапог, он видал только, как генерал Буланин, повинуясь какой то неизвестной силе, описал в воздухе невысокий полукруг и тяжело шлепнулся о землю, предварительно издав глухой и чревовещательный звук. Потом, из-за уже неподвижного тела генерала Буланина появилась растрепанная, грязная, возбужденная и окровавленная физиономия Степки.

— Ух, — сказал Степка, — еле-еле поспел. Хуже зайца. В горле совсем пересохши . . .

Отец Петр спокойно опустил на землю свои боевые подошвы.

— Поспел ты, правда, как раз во время. Обыщи карманы этого прохвоста.

Степка ощупал недвижное тело генерала Буланина.

— Нет, тут ничего нету, даже и фляжки.

— Да не о фляжке речь идет — нет ли там еще какого нибудь оружия?

— Нет, ничего нету.

— Так ты свяжи ему руки — сзади, да покрепче.

— Дайте я уж сначала вас . . .

— Нет, уж я и так пока что полежу — ты только поскорей.

Степка перевернул неподвижное тело лицом вниз, завернул руки назад и связал их своим собственным поясом.

— Ну, а теперь меня освободи . . .

Степка вынул нож.

— Нет, ты лучше развяжи ремни, пригодятся . . .

— Некогда, отец Петр, ей Богу, некогда, тут за нами эта сволочь прет...

— Какая сволочь?

— Да, все та же самая, пограничники. Кто их знает, может, и совсем близко. Тут такой переплет. Еле живым выбрался. Драпать нужно, а то пропали мы.

Отец Петр распростер во все стороны свои затекшие от ремней конечности.

— А много их — этой сволочи?

— Не знаю, должно быть человек с двадцать. Еле жив ушел, ну и дела...

— Так, по твоему, они недалеко?

— Чорт их знает, должно быть недалеко, а что тут эта гадина делала?

Степка ткнул рукой в направлении генерала Буланина.

— А это тоже — чорт его знает, — сказал философским тоном отец Петр. — Пристрелил вот того китайченка, другой удрал. А до этого схватили меня сзади, связали. Этот дядя вытащил мои деньги, ты их подбери, кстати — вот, там бумажник лежит... Собирался меня угольями жечь, чего то хотел допытаться.

— Вот — гад, — сказал Степка, — такого гада — в петлю, да на осину.

— Ну, осины тут нет. Нужно было бы его на заимку доставить — пусть уж там твой Светлов разбирается. Это бывший белый генерал, перешел к советам, а дальше — опять же чорт его знает.

— Белый — и к советам? — изумленно переспросил Степка, — а разве такое бывает?

— Всякое бывает, — сказал отец Петр, — всякое бывает.

Генерал Буланин тем временем очнулся от тяжкого удара в живот, и с трудом принял сидячее положение. Его ненавидящие и почти невидящие глаза обежали кругом: полянку, убитого китайченка, освобожденного отца Петра и неизвестного чалдона, виновника данного положения вещей. Это был, конечно, третий спутник пустосвята. Эх, нужно было этого пустосвята пристрелить сразу. Теперь, конечно, поздно об этом думать.

Отец Петр не без труда поднялся на ноги.

— Так что, ваше высокопревосходительство, как вы, вероятно, изволили заметить, в нашем обоюдном положении произошла некоторая метаморфоза.

Генерал Буланин еще раз оглядел полянку, как бы в поисках какой то возможности спасения, но никакой возможности он на этой полянке не нашел. И никакой помощи ждать было неоткуда. Это был конец. Генерал Буланин кое-

что слыхал об импровизированных законах таежного правосудия: оно было скорым и совершенно беспощадным. Это был конец. И только из за того, что он, генерал Буланин, опоздал на несколько минут, — только на несколько минут. Его ассиметричное лицо перекосилось от злобы и отчаяния, но на ироническое замечание отца Петра он не ответил ничего.

Степка шмыгал по полянке, подбирая оружие, поправляя вьюки на конях, почти автоматически вглядываясь во все следы разыгравшейся здесь трагедии.

— А сойота то кто ухлопал?

— Китайцы — по приказу вот этого дяди.

— Ну и гад, — категорически заявил Степка, — такого — прямо в петлю да на осину.

— Пусть уж этим Светлов заведует, он, вероятно, знает больше, чем мы с тобой. Посади этого джентльмена на коня и свяжи ему ноги под брюхом.

Степка положил рядом с отцом Петром подобранные на земле пистолет, револьвер и бумажник, и наклонился над генералом Буланиным. Генерал Буланин вспомнил стратегию отца Петра и решил по возможности дороже продать свою жизнь, или, по крайней мере, выиграть какое то время. Для чего именно выиграть — он в данный момент не думал, — мало ли что может случиться — вот случился же третий спутник этого пустосвята? Так что когда Степка наклонился над сидящим на земле генералом Буланиным, тот, собрав все свои силы,попытался ударить Степку ногой в низ живота. Однако подвижность Степки несколько превышала его собственную — Степка дернулся в сторону и удар пришелся по бедру. Степка кратко, но очень выразительно выругался, успел схватить налету соответствующую ногу генерала Буланина и своей собственной ногой нанести ему удар куда то в окрестности спины. Генерал Буланин успел вырвать свою ногу — и попытался вскочить, что ему, впрочем, не удалось. Но удалось как то отодвинуться подальше от Степки и привести обе свои ноги в боевую готовность.

— Вот, гад, — еще раз сказал Степка, — и чего он крутится — все равно же повесим...

Отец Петр сделал обходное движение и схватил генерала Буланина за то, что у того еще осталось от шевелюры.

— Тащи его к коню за ноги, а я буду тащить за голову.

Но генерал бился и извивался из всех своих последних сил. Поднятый за волосы несколько вверх, он уже не мог так свободно распоряжаться своими нижними конечностями, и Степка, после нескольких маневров, ухитрился схватить правую ногу генерала Буланина так, что и правая и левая нога ничего не могли сделать. Тем не менее, генерал Була-

нин продолжал биться и извиваться, Степка и отец Петр напрягли все свои силы, чтобы дотащить его до коня и, вероятно, из-за этого не обратили должного внимания на то, что происходило в тайге. Когда генерал Буланин был, наконец, дотащен до коня, из тайги раздался довольно спокойный голос:

— Ну, а теперь прекратить представление — руки вверх!

Степка опустил ноги генерала Буланина. Из за кустов выглядывало человек пять пограничников с автоматами почти на прецеле.

Степка понял, что о сопротивлении нечего и думать. Отец Петр, стоявший спиной к пограничникам и занятый шевелюрой генерала Буланина, не сразу заметил появления новых действующих лиц. Обернувшись, но все еще не выпуская скальпа, он увидел то же, что увидел и Степка — пять или шесть пограничников с автоматами на прицеле, — и так же, как и Степка, сразу оценил полную безнадежность какого бы то ни было сопротивления, — тем более, что за первыми пятью или шестью пограничниками в чаще, кажется, мелькали и еще кое какие.

И Степка и отец Петр подчинились неизбежности — опустили на землю и ноги и голову генерала Буланина, и подняли руки вверх. Генерал Буланин в своей отчаянной борьбе не слыхал приказа пограничников и свою временную победу приписал своим собственным усилиям. Однако, восстановив свое сидячее положение, генерал Буланин увидел поднятые руки отца Петра и Степки, их взоры, устремленные куда то в тайгу, и, повернувшись, увидал нескольких пограничников с автоматами на изготовку. Генерал Буланин почувствовал, что он спасен. По крайней мере, на время.

Обходя какую то корягу, с пистолетом в руке к месту происшествия выдвинулся какой то офицер:

— Так что это тут у вас за представление? Это вы, товарищ генерал?

— А кто же больше? — свирепо ответил генерал Буланин. — Развяжите же мне руки, меня ткнули в костер, почти ничего не вижу.

Офицер подошел к генералу Буланину.

— Это я, майор Иванов, вы меня, может быть, помните? Послан по приказанию из центра...

— Какой он товарищ генерал, — завопил вдруг Степка, — это жулик и больше ничего. Сволочь, гад. Живому человеку лицо жечь. А? Где это видано?...

Степка не мог не жестикулировать даже и поднятыми вверх руками. Эти руки мелькали над головой, как воробьиные крылья.

— Где это, я спрашиваю, видано? Сойота вот этого ваш

гад пристрелил, китайца вот этого самого тоже пристрелил — другой сбежал куда то-сь... А?

— Потом поговорим, — сухо сказал товарищ Иванов, — это в самом деле вы пристрелили китайца?

— Вздор, — прохрипел генерал Буланин, — совершеннейший вздор, эти бандиты... — Тут генерал Буланин сообразил, что у него еще не было времени придумать какую бы то ни было версию, которая совпадала бы со следами борьбы на полянке, а эти следы майор Иванов, конечно, прощупает. Можно проврапься совершенно катастрофически.

— Совершенный вздор, — повторил генерал Буланин. — Эти бандиты... Развяжите мне, я вам говорю, руки, не могу же я разговаривать со связанными руками.

Товарищ Иванов вынул нож и перерезал ремень, связывавший руки генерала Буланина. Генерал Буланин стал растирать затекшие руки.

— Дело, видите ли, в том, кажется, майор Иванов, если я не ошибаюсь? — В тоне отца Петра было что то такое, что заставило товарища Иванова ответить почти автоматически.

— Точно так, майор Иванов.

—Так дело в том, товарищ майор, что этот ваш генерал Буланин собрался снова бежать, на этот раз к белым.

— А я что говорил, — торжестующе завопил Степка. — Что я говорил? Бежать собрался. От нашей советской власти — а? Ну, не сволочь ли, не гад ли? Потому и китайца пристрелил.

— Это вы его пристрелили, — прохрипел генерал Буланин.

Отец Петр, не спуская рук, сказал все тем же философским тоном:

— Большая неудача генерала Буланина заключается в том, что второй китаец — огромный такой, с медведя, — успел сбежать. Он к вам, конечно, вернется. И от него вы, конечно, узнаете, что именно произошло. Кроме того, я полагаю, что вы обязаны изучить все следы происшествия.

— Что я обязан — это я и без вас знаю, — окрысился было товарищ Иванов.

— Ни черта вы не знаете, — вопил Степка, размахивая руками над головой. — А я вам говорю — гад и больше ничего. — Дальнейшие словесные упражнения Степки приобрели такой художественный характер, что один из пограничников не выдержал:

— Ну. и выражаешься же ты, где это ты так научился?- В тоне пограничника чувствовался ценитель... Его круглое лицо расплылось в восторженно-одобрительную улыбку.

— Ничего я не выражаюсь, я правду говорю. Сойота

убил, китайца убил, отца Петра ограбил, рожу ему собирался прижигать вот этой самой головней — посмотрите только — вот она тут лежит...

И товарищ Иванов и пограничники как то автоматически посмотрели на инкриминируемую головню. Все дальнейшее заняло какую то долю секунды: Степка хватил ближайшего к нему пограничника ногой в низ живота и с истинно беличьей скоростью прыгнул вниз, в обрыв, в непроглядную чащу таежного кустарника.

— Держи! завопил товарищ Иванов.

Два пограничника бросились к обрыву. Отец Петр, не опуская рук и сохраняя на своем лице все то же чисто умозрительное выражение, подставил первому из них подножку. Пограничник растянулся во всю свою длину, второй споткнулся об упавшего, товарищ Иванов с пистолетом в руках перепрыгнул через обоих — но снизу, из обрыва, доносился только треск валежника и грохот сыпавшихся камней.

— Вы трое! — закричал товарищ Иванов, — эй, вот вы, шпарьте за этим бродягой! Да нет, не ты, а Чуркин, бери двоих и чтобы этого бродягу живым или мертвым...

На несколько секунд наступила некоторая заминка. Казалось, что ни сам товарищ Иванов, ни его подчиненные не имеют решительно никакого желания преследовать Степку — в особенности живого. Наконец, четверо пограничников, с видом чрезвычайной стремительности, спрыгнули вниз в чащу, где шагах в десяти-пятнадцати не было видно решительно ничего. Спустившись — без особенной спешки, — еще ниже, они еще больше замедлили свою стремительность.

— Тут — чорт его знает, — сказал один из них.

— Это, действительно, верно — как иголка в стоге сена...

— Только иголка, та не стреляет, а этот чалдон может из-за каждого куста. Автомат у него за спиной висел.

Все четверо стояли в самом низу расщелины, у ложа маленького, но бурного горного ручья и никому из всех четверых не улыбалась перспектива преследовать таежного бродягу в его собственной стихии, да еще и бродягу, вооруженного автоматом.

— И еще неизвестно, куда он попер...

— По следам можно...

— Конечно, можно, только за это самое время он еще сто верст отмахает.

—Н-да, нужно подумать. Закурить, что ли?

***

Товарищ Иванов некоторое время прислушивался к звукам, доносившимся из глубины расщелины. Потом он повернулся к отцу Петру.

—Так вы что это — подножки подставляете?

Отец Петр совершенно равнодушно опустил руки и так же равнодушно уселся на корягу.

— Руки вверх, я вам говорю! — заорал товарищ Иванов.

— Бросьте, — кратко сказал отец Петр. — Вас тут с десяток. Хватит. Дело, товарищ майор, заключается в том, что эта встреча была совершенно случайной...

— Руки вверх! — повторил товарищ Иванов.

— Бросьте. И не подумаю. Они у меня были связаны целый час. Так вот: встреча, как я вам уже сказал, была совершенно случайной. Я действую по заданиям центра, и товарищ Берман совершенно в курсе моего поручения. Если цель этого поручения вас интересует, вы можете навести справки у товарища Бермана...

— А подножка? И почему вы дали возможность этому бродяге спастись?

— По совершенно простой причине. Товарищ Берман должен знать об этой истории немедленно, а вы тут, — простите, я вас лично не знаю, — вы тут будете всякие следы измерять и всякий бюрократизм разводить. Впрочем, вы это, конечно, обязаны сделать — хотя это и совершенно ни к чему. Другой китаец как то вернется и вам все расскажет.

— Что это все?

— Не очень много. Мы с моим проводником двигались по этой тропинке и нашли платиновый портсигар — очень массивный. Вы представляете себе его ценность? В валюте?

— Г-м! — сказал товарищ Иванов.

— Так вот — этот ренегат Буланин повидимому, открыл свою потерю и вернулся назад. Его планов я, конечно ,не знаю, но его прошлее, вероятно, знаете даже и вы.

— Г-м! — сказал еще раз товарищ Иванов.

— Он и его провожатые шли пешком. И, кажется, почти без продовольствия. Двигались они на заимку некоего Дубина, вероятно, вы и о нем слыхали.

— Г-м! — сказал товарищ Иванов еще раз, — с чувством все возрастающего недоумения и почтения.

— Повидимому, — продолжал тем же спокойным тоном отец Петр, — генералу Буланину нужны были две вещи: кони и продовольствие. И не нужны были еще две — проводники и я.

— Вздор! — прохрипел генерал Буланин.

— Тот китаец, которого вы не успели пристрелить, — вернется обратно. Майор Иванов по следам на полянке установит все детали происшествия. Так что, через некоторое время те, кому этим ведать надлежит, установят полную тож-

дественность: моего рассказа, следов на полянке и сообщения спасшегося китайца.

Товарищ Иванов посмотрел на генерала Буланина неопределенно подозрительным взором.

— До этого, то есть до убийства китайца, — продолжал отец Петр, — генерал Буланин, повидимому, приказал тому огромному — вы его, вероятно, тоже знаете?...

Товарищ Иванов как то непроизвольно кивнул головой...

— .. Тому огромному китайцу меня связать, — сам бы он этого не смог сделать, а китаец, действительно, геркулесовский. Потом, после убийства одного проводника и бегства другого, этот ваш генерал обнаружил у меня валюту, предназначенную... ну, если это вас интересует, то, вероятно, товарищ Берман сам вам скажет ,для чего именно она была предназначена. Потом он обнаружил в моих вьюках некоторые шифрованные директивы, прденазначенные... — ну, это тоже вы сможете узнать у товарища Бермана. И так как вы выпустить меня, конечно, не имеете права, — я это понимаю достаточно ясно, то, вероятно, все мое поручение проваливается ко всем чертям — нужно будет возвращаться в Неелово и там... Нет ли у вас папиросы? Я, собственно, не курю, но сейчас...

Товарищ Иванов услужливо протянул отцу Петру свой портсигар и чиркнул спичку. Отец Петр затянулся и закашлялся:

— Не понимаю, все таки, почему люди занимаются такой дрянью ,как табак... Отец Петр постарался взвесить свое положение, и оно казалось ему вовсе не безнадежным. Степка и на этот раз ухитрился сбежать. До еремеевской заимки не так далеко, в особенности при степкиных волчьих ногах. Нужно выиграть время. Нужно околпачить этого нехитрого майора. А там видно будет.

Генерал Буланин сидел на земле, и пограничники перестали казаться ему спасителями. Ведь, и в самом деле: следы,, удравший китаец, валюта, портсигар ... И в его затуманенной борьбой, ожогами и ударами голове никак не складывалось никакой версии, которая могла бы дать мало-мальски удовлетворительное объяснение всему этому калейдоскопу.

— Вздор, — прохрипел он еще раз.

— А это, ваше превосходительство, мы в Неелове установим с совершенной точностью — жаль только, что для этого придется потерять несколько дней.

— Этого бродягу я где то видал, — вашего проводника, — сказал нерешительно товарищ Иванов.

—Это вполне вероятно, — спокойно ответил отец Петр. —

Точно так же, как я где то видал проводников этого генерала.

Товарищ Иванов находился в несколько смятенном состоянии. Генерала Буланина он знал. Таинственного человека, который вот сейчас говорит о Бермане, о шифре, о валюте, о поручениях он видел в первый раз. Кто его разберет?

— Как ваше имя? — спросил он по мере возможности служебным тоном.

Отец Петр снисходительно улыбнулся.

— Можете пока что называть меня товарищем Николаем, — полагаю, что мое настоящее имя вам не скажет решительно ничего...

— И почему вы спасли от ареста этого... проводника?

— Повторяю: для того, чтобы информировать товарища Бермана возможно скорее...

— А как же он, этот ваш проводник, может это сделать?

— Я полагаю, товарищ майор, что некоторые вещи не входят непосередственно в круг вашего ведения. Сегодня же товарищ Берман будет знать о происшествии — разумеется, в том случае, если он в состоянии исполнять свои служебные обязанности — вы понимаете, о чем я говорю...

Товарищ Иванов понимающе кивнул головой, но в этой голове сейчас перепуталось все: итак, этот товарищ Николай знает даже и о происшествии в доме номер тринадцать...

— Я полагаю, — продолжал так же спокойно товарищ Николай, — что так называемый генерал Буланин является сообщником пресловутого Светлова...

При этом отец Петр поднял глаза вверх, нейтрально наблюдая за расплывавшимся в воздухе табачным дымом.

— Бздор! Клевета! Я вам еще покажу, пустосвят вы этакий, — генерал Буланин вскочил на ноги и протянул отцу Петру угрожающий кулак.

— А если вздор и клевета, — спокойно сказал отец Петр, — так чего же вам, собственно, так волноваться? — В Неелеве мы выясним все. Нужно бы только этого огромного китайца разыскать... Впрочем, и это не так существенно.

Отец Петр пожал плечами.

— Китаец, конечно, расскажет то же, что рассказывал и я. Однако, я не думаю, чтобы для товарища Бермана были бы нужны дополнительные доказательства. Конечно, следы на полянке вы **обязаны** изучить. И вовсе не обязаны мне верить — это само собою разумеется. Но в общем, конечно, и это не имеет никакого значення... Полагаю, ваше высокопревосходительство, что ваша двойная и даже тройная игра на этот раз кончена...

— Вздор, — прохрипел генерал Буланин... — Мне сейчас очень трудно, я весь избит. Обожжен. Меня этот бродяга так по голове ударил...

— Понятно, понятно, —утешительным тоном сказал отец Петр, — вам нужно время, чтобы выдумать что то, хоть мало-мальски правдоподобное. Полагаю, что ничего правдоподобного выдумать больше нельзя. А вы, товарищ майор, я вам **настоятельно** советую смотреть за этим господином во все глаза. Нет, связывать не стоит — никуди он удрать не сможет... Но смотреть нужно в оба. Если вы его выпустите — то, я полагаю, ваша карьера будет кончена... Тем более, что я вас **предупредил.**

Товарищ Иванов не был большим знатоком людей. Но и тон отца Петра и его ссылки на Бермана — которые, впрочем, могли бы быть простым отводом глаз, и его информация, которая, конечно, никаким отводом глаз не могла быть, — все это внушало товарищу Иванову уверенность в том, что товарищ Николай — птица крупная. Генерал Буланин, грязный, обожженый, окровавленный, снова сидел на земле и весь его внешний вид не импонировал никак. Он казался мелким хищным зверьком, загнанным в безвыходный тупик. Да, действительно, может быть, и сообщник Светлова. Товарищ Иванов вспомнил свои беседы с бывшим Степанычем и никак не мог сообразить — так что же ему теперь делать? Если генерал Буланин действительно сообщник Светлова — нужно его как то выручать. Но — как его выручить в присутствии этого товарища Николая и полутора десятка пограничников? Если генерал Буланин связан со Светловым и если он, Иванов, генерала Буланина доставит в Неелово, то бывший Степаныч может пустить в ход документы из известной шкатулки товарища Иванова и тогда он, товарищ Иванов, пропал. Если он выпустит этого генерала, — тогда вот этот товарищ Николай, да еще и пограничники, да еще эти сбежавшие неизвестно куда и китаец и проводник, — все они подведут товарища Иванова под расстрел. В общем, получалось одинаково плохо со всех решительно сторон.

— Вы, товарищ майор, — сказал отец Петр, — подымите вот этот бумажник, сосчитайте находящуюся там валюту и будьте добры дать мне расписку в том, что такую то сумму вы там нашли... Деньги, вы понимаете, не мои... Вы их сдадите непосредственно товарищу Берману — только ему одному... — Отец Петр затянулся и закашлялся еще раз. — Чорт знает, что такое, из-за этого дурацкого инцидента могут сорваться больпие вещи. Очень большие... В международном масштабе...

Международный масштаб доканал товарища Иванова окончательно. Он поднял с земли очень толстый бумажник и подозвал нескольких пограничников.

— Вот, ребята, смотрите — я буду считать деньги, а вы будьте свидетелями, чтобы потом разговора не было.

Вынув пачку кредиток из бумажника, товарищ Иванов стал отсчитывать кредитку за кредиткой. Пограничники смотрели на эту процедуру внимательными и жадными глазами.

Товарищ Иванов довольно долго путался с мало известными ему иностранными кредитными билетами; наконец, подсчитал и записал все. Сумма получилась очень внушительная, но товарищ Иванов очень неясно представлял себе, что она могла бы значить в переводе ее на советское денежное обращение. Пограничники представляли себе это еще меньше, но в их глазах, как, впрочем, и в глазах товарища Иванова, всякая иностранная валюта была **валютой**, а советский рубль был только „денежным знаком”.

Покончив со счетом, товарищ Иванов упаковал все кредитки в бумажник и перевязал шнуром.

— Ну, а теперь, как вас, товарищ Николай? Теперь вы мне расскажите точно, как это все происходило.

Отец Петр более или менее подробно передал все происшествия, связанные с деятельностью генерала Буланина. Товарищ Иванов тщательно осмотрел все следы, впрочем, большинство их было уже затоптано пограничниками. Осмотрел и труп молодого китайца.

— Так что, все таки, вы его пристрелили? — обратился товарищ Иванов к генералу Буланину.

У генерала Буланина еще не создалось никакой версии, которая могла бы хотя бы более или менее удовлетворительно объяснить убийство молодого китайца, побег старшего и историю с отцом Петром. Постепенно генерал Буланин пришел, однако, к мысли, что дело хотя и плохо, но все таки не совсем уж катастрофично. Даже и в том случае, если этот пустосвят, действительно, является агентом Коминформа, — у него, генерала Буланина, были вполне достаточные основания, чтобы проверить такого подозрительного субъекта. Детали этой проверки для Москвы никакого интереса представлять не будут, а Неелово в данном случае не имеет никакого значения. Плохо то, что план побега сорвался и, повидимому, окончательно... Что то, впрочем, может изменить бегство этого бродяги. Но если он и вернется с кем-нибудь, тогда уж ему, генералу Буланину, не поздоровится. Генерал Буланин вдруг почувствовал приступ смертельной старческой усталости: ах, не все ли равно? Прожил свое и прожил скверно. То, что еще осталось, будет еще хуже; на этот счет, пожалуй, никаких сомнений быть не могло. Все равно. Все равно. Будет смерть и после смерти

будет просто **ничто.** А из ничего и для ничего никакого ответа все равно получить нельзя.

— Об этом я не с вами буду разговаривать, — коротко отрезал он.

Товарищ Иванов безразлично пожал плечами. Ему снова пришлось попасть в переплет, в котором он с каждым шагом понимал все меньше и меньше ,а каждая ошибка могла бы обойтись очень дорого. Лучше было не делать никаких ошибок и по мере возможности не делать вовсе ничего. Он еще раз обошел и осмотрел всю полянку, еще раз наклонился над трупом убитого китайца и приказал:

— Ну, теперь давай собираться, подождем только тех, кто за бродягой погнались.

Но погоня, не без некоторого конфуза, уже возвращалась обратно.

— Чорта ли тут найдешь, — сказал один из ее участников и, компенсируя свою неудачу, свирепо обратился к отцу Петру:

— А? Проводник, говоришь? А чего он бежал?

— Ты — дурак, — философским тоном ответил отец Петр.

— То есть, как это понимать? — свирепым, но не совсем уверенным тоном сказал пограничник.

— А вот так и понимай: дурак. Вы все, может быть, работники НКВД, а, может быть, и нет.

— То есть, как это — нет?

— Совершенно просто... А, может быть, вы только переодетые диверсанты. Вернемся в Неелово, там все будет ясно. А если вы меня потащите в другую сторону, то...

— То — что?

— Ну, там видно будет, что...

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Товарищ Медведев в точности исполнил все просьбы или приказания генерала Буланина: снабдил его концлагерным обмундированием, инструктажем, проводниками и, наконец, самолетом, который должен был вылететь из Неелова неизвестно через какой пункт, по направлению к дубинской заимке. Все эти проэкты и мероприятия вызвали в душе товарища Медведева целый ряд очень смешанных чувств, из которых главным было раздражение: вот, свалилась на голову вся эта чепуха! До Светлова со всеми его загадками и последствиями все было ясно, определенно и спокойно. Теперь — Светлов, Берман, Буланин. И он, товарищ Медведев, в самом

центре этого перекрестка и неизвестно, куда двигаться дальше — на кого ставить и что делать?

Было ясно, во всяком случае, одно: о планах генерала Буланина необходимо в самом секретным порядке информировать Москву. Если этого не сделает он сам — сделает кто-то другой. Товарищ Медведев вызвал к себе начальника шифровального отделения и полдня просидел за не очень длинной, но очень сложно средактированной телеграммой в Москву. По его мнению, вслед за генералом Буланиным было необходимо отправить какой то отряд. Во-первых, потому, что с генералом Буланиным могла произойти такая же история, какая произошла с автомобилем и этим бродягой — и тогда товарищу Медведеву пришлось бы как то отвечать за непредусмотрительность, и, во-вторых, генерал Буланин мог попытаться сбежать. Ответная телеграмма из Москвы потвердила мнение товарища Медведева. Но она была настолько лаконичной, что никаких дальнейших выводов из нее товарищ Медведев сделать не смог. Во главу небольшого отряда был намечен все тот же, сейчас никем незаменимый, майор Иванов, которому товарищ Медведев дал очень туманные и расплывчатые указания, предварительно поговорив об этом с товарищем Берманом.

Товарищ Берман постепенно поправлялся. Он все еще лежал в госпитальной палате, головные боли все еще продолжались, принимая по временам почти нестерпимый характер, — тогда на сцену снова появлялся таинственный шприц, — но в общем товарищ Берман „возвращался в строй".

***

Однако, товариц Берман все еще лежал в кровати, и товарища Медведева он встретил тем же привычным лаконическим жестом руки, указывая ему на стул. Сопровождавший товарища Медведева санитар подвинул стул к кровати и сейчас же исчез. Товарищ Медведев грузно и с трудом уселся на стул, его загипсованная и поддерживаемая кронштейном рука указывала куда то в угол комнаты. Жирное его лицо стало одутловатым и желтым, глаза еще больше сузились и в них еще больше обострилось выражение какой то давней озлобленности.

— Ну-с? — спросил Берман лаконически.

— Итак, — сказал товарищ Медведев, — этот генерал все таки двигается на дубинскую заимку. Слово „генерал" товарищ Медведев произнес в несколько ироническом тоне: среди старых партийцев возврат к еще более старому чинопочитанию не встречал никакого энтузиазма. Они сами считали себя выше каких бы то ни было чинов, и чины как то

шли вразрез со всем их революционным прошлым. Кроме того, в данном случае термин „генерал" мог относиться и к советскому служебному положению Буланина, но мог относиться и к антисоветскому.

— Так-с, — равнодушно сказал товарищ Берман.

— Я телеграфировал в центр, в Москву. Вы понимаете, иначе было нельзя... Москва приказала отправить вслед за генералом Буланиным небольшой отряд — мало ли что может случиться?

— Как же вы его отправите?

— Генерал Буланин может спуститься, собственно, только на одном озере, — самолет, вероятно, сейчас же улетит обратно — иначе он переполошит всю тайгу. Если этот Светлов не дурак, то на озере он поставит какой то пост — вот генерал Буланин и влип...

Последнее слово товарищ Медведев произнес с таким сладострастием, что товарищ Берман даже приоткрыл закрытые было глаза, — свет вызывал у него головные боли.

— А вам очень хочется, чтобы генерал Буланин влип? — спросил он без всякого выражения в голосе.

— Нет, зачем же, — поспешно поправился товарищ Медведев. — Но всякое может случиться, а, как никак, ответственность за отдел несу все таки я.

— Сейчас вы ничего не несете. А генерал Буланин, я полагаю, все равно не вернется.

— Сбежит? — так же почти неожиданно для самого себя выпалил товарищ Медведев.

— А вам очень хочется, чтобы он сбежал?

Товарищ Медведев посмотрел на Бермана с выражением плохо скрытой свирепости.

— Видите ли, товарищ Берман, — мы с вами все-таки старые партийные работники. Полагаю, что в прятки нам не следует играть... Можете ли вы зажечь для меня спичку? Разрешите закурить? С одной рукой это, знаете ли, очень неприятно, даже и спичку чиркнуть не выходит...

Товарищ Медведев здоровой рукой полез в карман своего больничного халата и достал коробку папирос. Коробка открывалась туго.

— Дайте, я вам помогу, — любезно предложил товарищ Берман.

Товарищ Медведев затянулся папиросой и продолжал дружески конфиденциальным тоном.

— Мы с вами, товарищ Берман, старые партийные работники, и все, что здесь построено — строили мы.

— У-гм, — сказал товарищ Берман.

— Генерал Буланин не так глуп, чтобы не понимать, что

своим человеком он здесь не будет никогда. Зачем его держат, я, собственно, не понимаю.

— Наживка, — сказал товарищ Берман равнодушно.

— То есть, как это — наживка?

— Нужно разложить лагерь контрреволюции. В этом лагере люди думают главным образом, сами о себе. Нужно им показать, что здесь им будет лучше, чем там.

— Г-м, — сказал товарищ Медведев. — Ну, и что? Показали?

— Кажется — нет. Не особенно.

— Так что, может быть, думают не только сами о себе?-

— Думают, как вы и сами знаете, — по разному. Во всяком случае, самый факт **существования** генерала Буланина в рядах советского генералитета вносит очень желательный нам психологический фактор.

— Г-м, — сказал товарищ Медведев. — А если он сбежит?

— Это было бы очень нежелательно.

Это было очень нежелательно и товарищу Медведеву, но из соображений менее политического характера. Во-первых, в данный момент, когда товарищ Берман был еще болен, а генерала Буланина и вовсе не было, вся ответственность падала на его, медведевские, плечи. И он уже думал о том, как бы симулировать обострение болезни и уйти в отпуск — пусть тут расхлебывают этого самого Светлова без него. С другой стороны, — в отпуск, конечно, можно было бы уйти, однако, оставался неясным вопрос: удалось ли бы ему после отпуска вернуться на старый пост в Неелове? Лучше этого поста он и придумать для себя не мог: далеко, спокойно — по крайней мере, было спокойно до Светлова, — и сам себе хозяин. Да и не только сам себе. Но самое важное соображение заключалось в том, что, действуя через генерала Буланина, можно было как то подсидеть товарища Бермана. А действуя через товарища Бермана можно было как то избавиться от генерала Буланина, который, впрочем, до сего времени ничем товарищу Медведеву не мешал.

Товарищ Медведев не без основания предполагал, что генерал Буланин знает о всей этой атомной истории безмерно больше, чем знает он, Медведев. Впрочем, больше знать было и немудрено: товарищ Медведев не знал почти вовсе ничего. И главным образом поэтому был безоружен против товарища Бермана. О настоящей роли, которую играл в Москве генерал Буланин, товарищ Медведев мог только догадываться, а его догадки, как оказывается, были довольно далеки от действительности: генерал Буланин играл главным образом роль „наживки", так сказать, образцово показательный белый генерал, ставший на советскую службу родине. Да,

в этом качестве генерала Буланина будут беречь; на эту наживку могут клюнуть еще очень многие. Но если генерал Буланин **только** наживка, то какую роль может играть он в атомном заговоре и почему именно **его** прислали сюда?

Все это было очень неясно. Ясно было только одно: и от Бермана, и от Буланина, по мере возможности, и от Светлова, нужно было отделаться возможно скорей. Светлов, вероятно, исчезнет сам по себе: если до сих пор медведевский отдел Москва никак не информировала об атомном заговоре, то это могло значить только одно: в данном отделе не было никакой атомной организации, его штаб-квартира была где то в ином месте, а здесь оперировал только какой то летучий отряд. Случайная встреча на случайном перекрестке.

— Так, вы полагаете, что он не сбежит?

— Я этого не говорил. — Товарищ Берман посмотрел на Медведева таким насекомым взглядом, что товарищ Медведев опять почувствовал приступ старой ненависти. — Я этого не говорил. Я только предполагаю, что генерала Буланина там подстрелят. И что все это предприятие не имеет никакого смысла.

Товарищ Медведев пожал одним плечом — другое плечо при малейшем движении отзывалось острой болью.

— Я тут, товарищ Берман, решительно не при чем: мне приказывают, и я исполняю.

— Однако, никто вам не приказывал посылать отряд для ареста этого Дубина.

— Если бы ему не удалось сбежать — мы бы от него кое что выпытали.

— Ничего бы вы не выпытали — сам он ничего не знает. Методы лобовой атаки, товарищ Медведев, не всегда увенчиваются успехом.

Товарищ Медеведев еще раз подумал о той странной настойчивости, с которою товарищ Берман пытается как то обойти дубинский след, закрыть пути к дубинской заимке, нейтрализовать все попытки сделать там хотя бы обыск. Мысль о таинственных окурках и о еще более таинственой беседе Бермана со Светловым мучила товарища Медведева, как гвоздь в сапоге, но никаких видимых путей эта мысль не открывала: товарищ Медведев знал слишком мало. Генерал Буланин знал, конечно, гораздо больше и для него эти окурки могли бы быть целым откровением. Но — каким?

— Полагаю, товарищ Берман, что если этот генерал сбежит — это будет скандал в мировом масштабе.

— Примите меры, чтобы он не сбежал.

Товарищ Медведев еще раз пожал своим здоровым плечом.

— Я приставлю к нему двух очень опытных китайцев,

в качестве проводников. Но это, конечно, не гарантия. Думаю, что отряд нужно послать сейчас же вслед за этим генералом, чтобы с него глаз не сводить. Это тоже не совсем гарантия, но все таки... Правда, за последнее время совсем с ног сбился. Но в нашей работе это не в первый раз...

Товарищ Медведев несколько подчеркнул местоимение „нашей", как бы противопоставляя тяжкую работу „периферии" кабинетным размышлениям „центра". На это подчеркивание товарищ Берман не обратил решительно никакого внимания.

— Эта ваша дура, как ее, — Серафима, — дала нам очень ценный след, за которым нужно было **следить,** а не устраивать кавалерийские налеты... Теперь об этом говорить, конечно, поздно. Жаль, что я сейчас не могу мыслить достаточно ясно. Позвоните, пожалуйста, санитара или врача — кнопка — вот здесь.

Товарищ Медведев грузно поднялся и позвонил. Товарищ Берман лежал, закрыв глаза и на его насекомом лице не отражалось ничего, даже и боли.

„Вот, — тарантул"! — подумал товарищ Медведев...

— В наши расчеты вошла, конечно, непревиденность — необыкнованная физическая сила арестованного, иначе бы мы...

— ... Иначе бы вы тоже ничего не достигли. Кроме того, здесь действовала, конечно, не только физическая сила. Почему этот Дубин попал как раз в тот кабинет, где происходил допрос этого американского шпиона? Почему им удалось бежать вместе? Кто организовал поджог аэродрома? Нет, товарищ Медведев, в вашем объяснении имеется слишком много прорех. Во всяком случае, основной след, данный этой дурой, — мы пропустили. И теперь необходимо эту заимку оставить в покое.

Товарищ Берман продолжал лежать, закрыв глаза, его голос не выражал ничего и его лицо тоже ничего не выражало. Как бы подумав некоторое время, товарищ Берман сказал тем же ничего не выражающим тоном:

— Это мой приказ: оставить заимку в покое. А где же этот врач?

Почти в тот же момент в дверях показался тот же жовиальный доктор, внесший в палату все тот же запах одеколона, коньяку и сигар.

— Можете итти, — сказал товарищ Берман Медведеву. — Повторяю еще раз: никаких проявлений местной инициативы: заимку нужно оставить в покое.

***

Товарищ Медведев вернулся в свою палату в состоянии крайнего раздражения: этому пауку Берману хорошо плести свою паутину в Москве, но что он понимает в здешних таежных делах? Накрыть бы эту заимку несколько дней тому назад сразу, каким нибудь парашютным дессантом, давно все было бы уже ясно. Правда, конечно, и то, что тайга ставила почти непреодолимые препятствия для такого дессанта: лес, скалы и озера. Ну, пришлось бы пожертвовать несколькими десятками людей, подумаешь, в первый раз, что ли?

Санитар помог товарищу Медведеву улечься на кровать и устроил его раненую руку. Товарищ Медведев приказал ему разыскать и вызвать майора Иванова. Майор Иванов появился, как и всегда, почти сразу, как будто он только и ждал этого приглашения и, как всегда, на его лице не выражалось решительно ничего — может быть, только крайняя усталость: товарищу Иванову приходилось быть прислугой за все. Товарищ Медведев очень коротко, но достаточно обстоятельно изложил все, что требовалось от товарища Иванова. Тот стоял на вытяжку и только от времени до времени прерывал медведевский монолог короткими „слушаюсь", „точно так" и прочими междометиями в этом роде. На его лице попрежнему не отражалось ничего.

Закончив свой монолог, товарищ Медведев всмотрелся все таки в это лицо. У товарища Медведева были смутные подозрения, что товарищ Иванов не то знает, не то понимает, не то просто догадывается о целом ряде вещей, о которых сам он или не догадывается, или не имеет времени догадываться. Товарищ Медведев, впрочем, как то понимал, что последнее соображение является только утешением: у товарища Иванова времени было еще меньше.

Диспозиция и дислокация всего того, что товарищу Иванову предстояло сделать, была в сущности закончена. Но у товарища Медведева оставалось все таки какое то смутное ощущение: авось этот аппаратчик предложит что то более толковое: вся эта история начинала принимать явно бестолковый характер.

— Ну, чего же вы стоите, как бревно, — довольно неожиданно сказал товарищ Медведев, — садитесь, вот тут — стул.

Товарищ Иванов все той же деревянной куклой присел на стул.

— Чорт его знает, — сказал Медведев довольно интимным тоном, — получается форменная путаница.

— Точно так, — деревянным тоном ответил товарищ Иванов.

— И этот генерал — тоже, чорт его знает...

— Точно так, — подтвердил товарищ Иванов.

— Что вы все такаете, да такаете, — раздраженно сказал товарищ Медведев. — Вот, на вас снова возлагается очень ответственное поручение, думаете ли вы о нем, или вовсе не думаете?

— Точно так, — сказал товарищ Иванов.

— Что — „точно так"? Я спрашиваю: думаете или не думаете?

— Точно так, думаю, — поправился товарищ Иванов.

— А если думаете, то как вам все это кажется?

— Принимая во внимание существующее положение сложившихся объективно обстоятельств...

— А не можете ли вы говорить человечьим языком?

— Точно так. Слушаюсь. Говоря короче — сбежит.

— Кто сбежит?

— Да вот этот самый генерал.

— Почему сбежит?

— Достаточно просто: сейчас капиталистическое окружение, готовя империалистическую войну против республики трудящихся...

— К чортовой матери с вашей шарманкой! Говорите по человечески.

— Слушаюсь... Во-первых: если посылать человека для освещения или разведки этой самой заимки, то, конечно, уж не генерала Буланина — у него такой вид, что всякий человек в тайге насторожится. Нужно было бы послать какого нибудь контрабандиста, охотника, чалдона, — такие ведь у нас есть.

— Это совершенно верно, — не без некоторого внутреннего сожаления сказал товарищ Медведев; эта мысль, при всей ее простоте, ему самому как то в голову не пришла.

— Так что, если на заимке и есть что обследовать, то генерал Буланин, конечно, не сможет обследовать ничего. Во-вторых, — я, товарищ Медведев, конечно, не знаю, зачем его здесь держат...

— Для приманки, — сказал товарищ Медведев.

— То есть, как это — для приманки?

— Чтобы за ним и другие белые переходили бы к нам.

— Г-м, — сказал товарищ Иванов, не без некоторого сомнения. — Ну, и как, перешли еще?

— Не слыхал, — отрезал товарищ Медведев.

— Так что и с приманкой не выходит?

— Как будто...

— Тем более. Сейчас все эти империалисты...

— Вы вот что, товарищ майор, — сказал Медведев раздраженно-официальным тоном, — Вы всех этих пролета-

риев, империалистов и прочих бросьте к самой чортовой матери. Дело совсем просто: если нашу власть сковырнуть, то всех нас перевешают...

— Предположительно.

— Не предположительно, а просто повесят.

— Г-м, — сказал товарищ Иванов.

— И ничего не „г-м", мы уже тридцать лет танцуем под виселицей, — сказал товарищ Медведев довольно неожиданно для самого себя. — А если не виселица, так вот, — товарищ Медведев здоровой рукой показал на свою раненую. — Словом, здесь дело конкретное. Если этот Буланин сбежит — будет большой скандал. Можно сказать, мирового масштаба. Дайте мне папиросу и зажгите мне спичку.

Товарищ Иванов исполнил и то и другое. Вопреки обыкновению, товарищ Медведев дружески протянул ему портсигар, как бы подчеркивая интимность данного разговора. Товарищ Иванов почтительно закурил папиросу...

— Если разрешите доложить, товарищ Медведев...

— Валяйте!

— Если разрешите доложить — так не все ли равно: одним скандалом больше или одним скандалом меньше?

— Не все равно. Почему Буланина послали сюда из-за этих атомных диверсантов? Значит, он тут что то знает, а за такое знание, во-первых, могут, действительно, заплатить большие деньги, а во-вторых, все это — веревка на нашу шею... А мы уже и так довольно потрудились...

— То есть, как это?

— Вот уже сколько лет все воюем и воюем. Все на фронте и все без смены. А тут еще и Америка навалится. Это будет почище Гитлера, для нас, по крайней мере. А если Буланин сбежит — то куда он сбежит? Конечно, к американцам. Вопрос в том, можно ли будет перехватить его еще по дороге на заимку? Он вылетит из Читы, это я уже знаю. Когда он вылетит — это я тоже буду знать. Спуститься ему, кроме как на этом озере, больше негде, разложите эту карту тут на полу.

Товарищ Иванов разложил на полу огромную карту воздушной съемки.

— Генерал Буланин, — сказал товарищ Медведев, — может спуститься только вот на этом озере — больше, повторяю, негде. Самолет, конечно, сейчас же снимется. Вы должны спуститься через час или два после Буланина. Сможете ли вы догнать его по дороге на заимку?

— Сможем. Генерал Буланин, как я полагаю, очень плохой ходок. Но не знаю, сможем ли мы обойти его стороной? Разрешите, товарищ Медведев, получить от вас конкретную

директиву. Допустим, что мы нагнали генерала Буланина, а он прикажет нам возвращаться обратно. Как тогда?

— Г-м, — сказал товарищ Медведев, — нужно что то придумать, — и посмотрел на товарища Иванова откровенно вопрощающим взором.

— Можно бы, конечно, инсценировать какое то нападение, перестрелку или что нибудь в этом роде... Но для этого, вероятно, придется прорваться как то вперед генерала Буланина. Не знаю, насколько это возможно...

— Это уж я, — обрадованно сказал товарищ Медведев, — предоставляю вашей инициативе. Наперед все равно всего предусмотреть нельзя. Там видно будет.

Товарищ Иванов понял, что всю ответственность товарищ Медведев хочет переложить на него. И, в случае какого нибудь скандала, свалить всю вину со своих собственных плеч. Было, однако, ясно, что никаких более подробных директив от товарища Медведева не дождаться.

— Словом, — действуйте, — сказал Медведев ободряюще. — Валяйте. Мне этот чортов медведь так изуродовал руку, что я сейчас никуда не гожусь. На вас, товарищ Иванов, ложится сейчас очень большая ответственность.

Товарищ Иванов знал это и без него. И именно этого товарищ Иванов старался избегнуть всегда и изо всех своих сил. Но сейчас, действительно. ничего предусмотреть было нельзя.

— Так что, если вы разрешите, я отдам соответствующие приказания.

— Валяйте!

**
*

На этом аудиенция кончилась. Товарищ Иванов представил генералу Буланину некоего дядю вполне опытного во всех деталях концлагерного быта, и двух китайцев, долженствующих служить и проводниками и стражами. Реализуя все эти административные предприятия, товарищ Иванов мечтал, собственно, только об одном — придти домой, выпить и завалиться спать. Его востроносенькая супруга была в данный момент на службе, и помешать не могла. Многолетняя тренировка выработала у товарища Иванова способность заснуть в любую минуту, в особенности, если перед этой минутой было выпито. Оставался, правда, еще нерешенным вопрос о транспортном самолете, но товарищ Иванов знал, что даже и для данного учреждения больше чем какие бы то ни было приказы, иногда помогает самый простой блат: кому то нужно будет выписать из закрытого на все замки распределителя НКВД соответствующее количество коньяку, икры, балыка и всяких таких вещей, и самолеты явятся, как

из под земли. Повидимому, не только генерал Буланин, но даже и товарищ Берман не были вполне в курсе всех блатных мероприятий низового аппарата НКВД.

**
*

Товарищ Иванов заглянул в распределитель не для блата, а для самого себя. С портфелем, нагруженным всем, что в данном случае полагалось, товарищ Иванов направился домой. Голова работала плохо: товарищ Иванов, действительно, устал до предела. Вероятно, именно вследствие этой усталости, он только по дороге вспомнил бывшего Степаныча и свое обязательство информировать его о всяких происшествиях в доме номер тринадцать, касающихся Светлова и всего того, что со Светловым было связано.

Это обстоятельство значительно испортило предвкущение спокойной выпивки и безмятежного сна. Придя домой, товарищ Иванов, как было условлено со Степанычем, положил пачку книг на подоконник и не знал, так что же начать дальше? Хорошо было бы сразу выпить, закусить и лечь спать, — но кто то, надо полагать, довольно пристально следит за окном и может испортить все: и выпивку, и закуску, и сон. Кто то, вероятно, следил очень внимательно: через несколько минут раздался звонок и в дверях появился какой то вестовой войск НКВД.

— Вам, товарищ майор, пакет из комендатуры.

Всмотревшись в вестового, товарищ Иванов узнал в нем одного из беспризорников Степаныча, то ли Ваньку, то ли Ваську.

— Зайди, никого дома нет. Ты что это так нарядился?

— Вас ждут тут за углом в авто, — уклончиво ответил Васька.

Товарищ Иванов вздохнул не без некоторого облегчения: от очередного разговора с бывшим Степаныгчем можно будет отделаться минут, вероятно, через десять, и тогда в дальнейших планах на выпивку и прочее никаких препятствий не предвиделось.

Васька несколько преувеличил: автомобиль был не за углом, а за тремя углами, — стоял у разломанного тротуара почти неосвещенного переулка. Товарищ Иванов еще раз проклял проклятую жизнь свою, провалившись почти по колено в какую то канаву у троттуара, но из кабинки раздалось хотя и запоздалое, но все таки дружественное предупреждение бывшего Степаныча:

— Берите правее, тут можно провалиться.

— Уже, — кратко констатировал товарищ Иванов. — По колени.

— Ну, если только по колени, то это еще не так плохо, было бы хуже, если бы по самую макушку, а вы, кажется, и к этому близки. Залезайте сюда, да поскорее...

Товарищ Иванов, несколько недоумевая по поводу странного и малоутешительного намека, нырнул в авто. Степаныч, повернувшись в своем шофферском сиденьи, продолжал тем же благодушнейшим тоном:

— Я, видите ли, позволил себе побеспокоить вас исключительно в ваших собственных интересах, — вот, чтобы вы не провалились, действительно, по самую макушку. Правда ли, что именно вы назначены вести отряд то ли для поимки, то ли для охраны генерала Буланина?

Несмотря на свою многолетнюю выдержку, товарищ Иванов готов был рот раскрыть от удивления: вот только что, четверть часа тому назад, он с глазу на глаз беседовал с товарищем Медведевым, и вот уже об этой беседе знает этот таинственный бывший Степаныч.

— А, вы, извините, вы собственно, как это успели узнать?

— Успел. У нас это скоро делается. Как это говорил товарищ Сталин: „Техника в период реконструкции решает все"... Да и честные люди везде есть... Словом, это соответствует действительности?

— Вполне.

— А так же и приказ товарища Бермана оставить заимку в покое?

— Вполне, — еще раз подтвердил товарищ Иванов.

— Г-м, — сказал бывший Степаныч, — Так я, значит, предупрежу Валерия Михайловича...

— А кто это такой?

— Светлов. Так я его предупрежу, чтобы в вас там не палили. А то, вы знаете, тайга, пограничники — подстрелят без всякой волокиты. Со своей стороны вы постарайтесь вести себя так, чтобы в стрельбе не было особенной необходимости — Валерий Михайлович без особой необходимости стрелять не любит. Когда вы предполагаете отправиться? Впрочем, это и вам точно неизвестно.

— Не вполне. Зависит от того, когда отправится генерал Буланин.

— Ну, об этом мы тоже будем знать. Хотя для верности и вы нас информируйте. Как и сегодня: книги на подоконнике. Так, значит, держитесь осторожнее. Вы будете в форме?

— Точно так.

— Значит, я предупрежу Валерия Михайловича. А вы со своей стороны не навязывайтесь на перестрелку.

— Так, может быть, мы этого генерала еще и по дороге перехватим.

— Этого я не знаю. О нем Валерий Михайлович уже информирован. Значит, — пока. Задерживаться вам тут не следует.

Товарищ Иванов пожал дружественную руку бывшего Степаныча и с недоумением зашагал к себе домой — вот это служба информации! Его чисто теоретические размышления были оттеснены предвкушением выпивки, закуски и полного одиночества: востроносенькая супруга вернется не так скоро, а к этому времени он будет уже спать.

ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА

Валерий Михайлович проснулся с приятным чувством усталости, покоя и чистоты. В каморке или горнице, где он спал, в углу мирно и приветливо теплилась лампадка — образов в полутьме разобрать было нельзя. Маленькое окошко было прикрыто ситцевой занавеской и за этим окошком выла осенняя пурга. Огромная печка тихо и дружественно излучала свое дровяное тепло, где то за печкой потрескивал сверчок.

В последний раз с таким же чувством безопасности Валерий Михайлович спал в пещере, — но там была все таки пещера, а не человеческое жилье. И, еще, был этот нелепый сон — какие то питекантропы, обозвавшие его дураком. А, может быть, питекантропы были не так уж далеки от истины? Может быть, строя свою культуру, человечество зарвалось, действительно, слишком далеко? И что было бы, можеть быть, лучше от небоскребов, самолетов и разложения атома — повернуть назад, вот к этим тихим горницам с лампадками в углах? К простым человеческим отношениям, не осложненным никакими национальными или социальными неурядицами?

Мысли такого типа приходили в голову довольно часто, и Валерий Михайлович отбрасывал их с железной логикой. Ибо, если начать отбрасывать культуру, то неизбожно подымется вопрос: а на какой именно ступени остановиться? На самолете, паровозе, огнестрельном оружии, или на первом еще так грубо отбитом каменном топоре, который, лет тысяч десять тому назад, был, ведь, тоже „последним достижением культуры?" А — до каменного топора — еще более древним культурным достижением была попытка стать с четырех лап на задние ноги. Нет, все это были совершенно праздные размышления. Они отнимали какое то время и какую то энергию от ума, —

а Валерий Михайлович считал, что всякий человеческий ум обладает только точно ограниченным количеством и времени и энергии. Но потом все таки пришел в голову вчерашний разговор и соображения Потапыча, на которые, при всей их наивности, возразить было нечего. Да, конечно, за судьбы народа отвечает его интеллигенция. Она, к сожалению, оказалась совершенно безответственной. Да, конечно, не того ждали, не так думали, совсем иначе планировали — и, вот, пришла расплата. И на виновных и еще более на невинных. В воображении Валерия Миахйловича опять мелькнул образ Вероники — как она, вероятно, постарела за эти годы. Валерий Михайлович всем усилием своей воли опять отодвинул этот образ куда то в подсознание.

Сверчок продолжал потрескивать, и пурга продолжала подвывать. Массивные бревенчатые стены матерински обнимали Валерия Михайловича, защищая от пурги, снега, мороза — и от чего то еще. Казалось, что за этими стенами осталось и все беспокойство, все тревоги его катастрофической жизни. Но это только казалось. Который мог бы быть час?

Валерий Михайлович посмотрел на часы, лежавшие тут же у кровати на деревянной табуретке, но в полутьме ничего видно не было. Валерий Михайлович стал щелкать зажигалкой. Новейшее достижение культуры довольно долго не хотело давать огня. Наконец, огонь вспыхнул. Оказалось, что было половина четвертого. У двери раздался какой то шорох, и она открылась сантиметров на двадцать. Валерий Михайлович совершенно автоматически схватил пистолет, лежавший на той же табуретке, и взвел курок. Дверь открылась еще больше и при мигающем свете лампадки и зажигалки Валерий Михайлович увидел таинственную физиономию Потапыча.

— Можно, Валерий Михайлович? — спросил он загробным шопотом.

Валерий Михайлович молча, но не без удивления, кивнул головой. Потапыч на цыпочках вошел в горницу и тихонько закрыл за собою дверь.

— Вы уж извините, Валерий Михайлович, — сказал Потапыч тем же шопотом, — слышу, вы зажигалкой щелкаете, думаю, может быть, что нибудь надо.

— Нет, спасибо, Потапыч, ничего.

Потапыч несколько помялся.

— А я еще это к тому, что, может быть, вы закусить захотели бы? А?

— С чего это — ночью?

— А это, — как сказать, Валерий Михайлович! Вот —

по тайге так и ночью не ели, и днем, как попало. Вчера, вот, только малость подправились. Так что — дефицит имеется. А я тут соображаю насчет жареного сала с луком...

— Сало с луком, — сказал Валерий Михайлович приподнимаясь, — об этом можно поговорить.

— Вот, видите, я уж там нарезал. Публика наша спит вся, посидим, закусим, ночи теперь долгие, поговорить есть о чем, — вчера, так просто был галдеж — все говорили, а слушать никто не слушал. Я, вот, сейчас вам полушубок принесу, чтобы вам не одеваться.

Потапыч исчез и через минуту вернулся с полушубком и валенками.

— Вы вот это натяните, все таки, чего зябнуть?

Валерий Михайлович натянул полушубок и валенки, и предшествуемый Потапычем по каким то темным переходам и корридорам попал, наконец, в комнату вчерашнего пиршества. Стол был еще завален едой и ее остатками ,на столе горела толстая, видимо, самодельная восковая свеча, на припечке стоял чугунный треножник и под ним уже горел огонь.

— Еремей вчерась баб спать послал, завтра, говорит, уберете. Я сейчас еще сала подрежу.

На огромном глиняном блюде возвышалась целая гора крупно нарезанного сала и на другом — такая же гора так же нарезанного лука. Валерий Михайлович посмотрел на все это не без некоторого сомнения.

— И вы собирались все это уплести за один присест?

— А почему нет?

— Тут одного сала фунтов пять!

— Ну и что?

— И луку не меньше... Такую порцию какому нибудь американцу, так он на следующий же день отправится на тот свет...

— Так это американцы, а мы тут в Сибири. Американцы, говорят, водки не пьют, а едят только одни банки.

— Какие банки?

— Ну, консервы там всякие. А по нашему консервы, — это только для закуски, да и то, когда сала нет. Конечно, когда нет ни консервов, ни сала...

— ... Ни хлеба, ни водки...

— Вот в том то и дело. Папаша все меня пилит: на ворованном, де, хлебе разжирел. А не понимает папаша того, что всякий колхозник, — и тот на ворованном хлебе живет. Если бы не воровали, так вся Эсэсэрия давно бы с голоду перемерла бы. Это папаше хорошо — своя заимка, свои свиньи и никаких там колхозов. А я так полагаю. Валерий Ми-

хайлович, вот — деньги у вас есть. А чтобы вы их по вашей ставке получили, так в этом у меня сомнение имеется.

— Правильное сомнение — не по ставке получил.

— Вот так и идет — все вверх ногами ходим, и все сами у себя воруем...

За это время на треножник была поставлена огромная сковорода, навалены на нее и сало, и лук, и что то еще, от всего этого по комнате пошел такой дух, что пять фунтов жареного сала не показались Валерию Михайловичу слишком уж явным преувеличением. Грузная фигура Потапыча неслышно скользила от печки к столу, на столе появились чистые глиняные тарелки. Потапыч внимательно обследовал остатки вчерашней водки и, найдя их недостаточными, куда то исчез, и вернулся с подкреплением. Валерий Михайлович пододвинулся поближе к огню и почти бездумно смотрел на его прыгающие и исчезающие языки. От всего этого веяло чем то старинным, крепким, устойчивым... и исчезающим, как вот эти язычки пламени...

— Ну, вот, Валерий Михайлович, — сказал Потапыч, водружая на стол сковороду, — армия наша приведена, так сказать, в полную боевую готовность — вот, ежели хотите и рыба, и грибки, и брусника, давай нам Бог...

Некоторое время длилось серьезное молчание, слегка нарушаемое работой челюстей. Одолев свои первые три фунта сала, Потапыч откинулся на спинку стула с видом человека, дорвавшегося, наконец, до заслуженного отдыха.

— Вы уж меня, Валерий Михайлович, извините, а только закуска — закуской, а и я тоже не сапогом сморкаюсь: смываться вам отсюда нужно. И американца этого захватить.

— Почему вы так думаете?

— Нашу бражку я хорошо знаю. Конечно, у вас на этого Бермана есть какая то власть — какая, и спрашивать не хочу, дело не мое, зачем знать, чего не нужно. А только власть есть и над Берманом. Придет приказ из Москвы, что ли, — пошлют сюда пару самолетов и разбомбят заимку к чортовой матери, так что даже и в лес податься не успеем.

— Так тогда и вам всем смываться надо.

— Это — положительно верно, Валерий Михайлович. Ничего не говорю: положительно верно, смываться надо всем. Да только есть и разница: убьют, скажем, меня, ну, поплачет Дунька — и кончено. Кому я больше нужен? А у вас тут с этим американцем и атомная бомба и, Бог знает, что еще. Я, Валерий Михайлович, нашу бражку знаю, как облупленную. И аппарат — тоже. Если им атомную бомбу в руки — так это не дай Бог! А нам всем они не спустят — это

вы уж будьте благонадежны. Взвод перебили, Чеку подожгли — этого никак не спустят. Престиж.

— Почему — престиж?

— Да так, чтобы все боялись. Бражка больше всего боится людей, которые их не боятся. Прав ли, виноват ли, а если не боишься, так или в концлагерь или на тот свет. Что — неправду я говорю?

— Приблизительно верно, — согласился Валерий Михайлович.

— И вовсе не приблизительно, а в самый раз...

Дверь в соседнюю комнату приоткрылась и в щелку выглянула взлохмаченная голова Еремея Павловича.

— Прохлаждаетесь? А я то слышу: шу-шу, да шу-шу — что бы, думаю, там могло быть? А вы — вот какие умные! Не помешаю?

Не ожидая ответа, Еремей Павлович уселся за стол и с птичьего полета осмотрел все, на нем лежащее.

— Вот, так, когда по тайге неделями бродишь, то потом не так просто откормиться и отоспаться. Ты мне там, Потапыч, вот это блюдо придвинь. И стаканчик налей. А как этот ваш американец?

— Спит, — ответил Потапыч. — Поправляться человеку нужно. А всем нам — смываться. Как можно скорей и как можно подальше. Вот, Валерий Михайлович полагает, что он всему этому виной, без него, дескать, все было бы спокойно. А я говорю: — все равно. Я же на железной дороге работал, так я уж знаю: и войска перебрасывали, и танки, и артиллерию, и всяких там китайских коммунистов, а китайские или там бурятские, чорт его разберет, с раскосыми глазами, всякой за китайца сойти может. Китай, в общем, съедят и даже не подавятся. А вы тут, папаша, с вашей заимкой, как раз по дороге.

— Ну, какое там по дороге?

— По дороге. Или, скажем, в тылу, а тыл то тут будут прочищать на полный ход: какая такая заимка, кто тут живет? А если на вас, папаша, просто посмотреть, сразу видно — кулак.

— Н-да, — сказал Еремей Павлович. — Кулак это у меня, действительно, имеется.

— Да я не о том. И поп тут живет, и часовенку построили и царские портреты висят, так вы думаете, вас бы тут оставили?... Такое дело, что никуда не уйдешь. Смываться, я говорю, нужно, да только — куда?

Валерий Михайлович, медленно набивая трубку, вглядывался в Еремея Павловича.

— Ну что-ж, сматываться, так сматываться, — довольно

спокойно сказал тот. — Конечно, жаль. Прижились мы тут, народ хороший, тайга, сытно и спокойно. Да, ведь, вот и вся Россия куда то все смывается, кто куда. Чем мы то святее других?

Валерий Михайлович зажег трубку и выпустил клуб дыма.

— Я думаю, что об этом все таки еще рано говорить. У меня есть три места, в которых можно спрятаться на долгие годы. Только сейчас наступает зима и дойти будет трудно: это в Яблоновых горах, еще на Алтае и подальше — на Уссури, и на Корею — оттуда можно пробраться и за Корею. Деньги у нас есть...

— Да и у меня золото. Можно за зиму и еще накопать... Жильное золото, недалеко тут, в горах.

— Так что вопрос в том, чтобы, во-первых, зиму как то пережить и, во-вторых, кое какие дела закончить. У меня, Еремей Павлович, есть виды на вашего Федю. Скажу сразу — опасное дело.

Еремей Павлович пожал плечами.

— Зря бы вы, Валерий Михайлович, на опасное дело человека не посылали. Значит — нужное дело. А опасность, так все мы под Богом ходим — вот попал же я в такую мышеловку, что никакого хода видать не было — а, вот, сижу, барана ем и самогон попиваю. Никто, — как Бог. Нужно, конечно, и с самим Федей поговорить — как он. А может и говорить то нечего: парень молодой, ему бы только куда нибудь ввязаться. Федя, — как вы думаете...

Еремей Павлович поднял палец, как бы прислушиваясь к чему то. Валерий Михайлович и Потапыч тоже стали прислушиваться — не без некоторого беспокойства. Потом Еремей Павлович встал, подошел на цыпочках к двери и еще прислушался.

— Спят, — доложил он, вернувшись к столу.

— Кто спит?

— Да мамаша, Дарья Андреевна.

— А причем тут мамаша? — спросил Потапыч.

— Дело такое, — сказал Еремей Павлович таинственным шопотом, что там такие пострелы, как мой Федюшка, вытворяют, так про то мамашам знать не полагается: со страху помрут!

— А что он вытворяет?

— На тигров повадился, сдались ему эти тигры? Тут у нас, пониже, на юг, озера, камыш, дикие свиньи водятся, ну и тигры приходят: места глухие, зверь непуганый. Так вот мой то Федька на этих тигров. Да еще как? С рогатиной!

— С рогатиной? — удивленно переспросил Валерий Ми-

хайлович. — Что на медведя с рогатиной ходят — я это знаю. А на тигра?...

— Вот в том то и дело — на тигра. В этих камышах, кустах, зарослях, с ружьем много не сделаешь. Так он себе рогатину соорудил. Две. Из какого то китайского, то ли туркменского меча. Перо — в аршин длиной, широкое... А древко — железное, то есть не железное, а стальная труба, где то спер, с какого то самолета, что ли. Так вот — повадился. Тигр на него, значит, прыгает, а он, значит, с размаху рогатину подставляет — острая, как бритва. Уже восьмого тигра таким манером взял. Ну и я, я тоже — трех. Что и говорить: занятно — вот это охота, а не то что за пять верст из винтовки. Только слушай, Потапыч, если ты об этом Дарье Андреевне или Дуньке проболтаешься, — ей-Богу, голову оторву.

— Г-м, — сказал Потапыч, — я, папаша, на советской службе молчать научился... А когда вы еще на тигра собираетесь?

— А тебе чего?

— Да и я бы увязался.

— Это — еще как сказать? Я не к тому, чтобы ты был трусом или что, а к тому, что тут уж нужен верный глаз. Это так просто говорится — подставить рогатину. Я тоже так думал, когда в первый раз. Ну, малость промазал, рогатину то всадил, да не так, как нужно было, а тигр лапой то древко, стальную трубу, как проволоку согнул... Вот такой толщины труба. — Еремей Павлович поднял стакан, — вот как этот стаканчик. Хорошо еще, что и я тоже стреляный воробей. Да и Федька подоспел. Он даром что телячий образ имеет, а парень башковитый, ох, башковитый парень. Было такое дело, что трубка то эта согнута. Значит, тигра не удержать, а сверху его никак не пробить — зверь здоровенный. Я это в сторону, а Федька правильно сделал, вместо того, чтобы пробовать зверя проткнуть, он его рогатиной как топором — по шее. Перерубил, значит, позвонки. А дело то все — моргнуть не успеешь. Это только рассказывать длинно. Так вы, Валерий Михайлович, говорите: опасность. А на тигров то шляться, так это по вашему что? И, спрашивается, какой чорт его тянет?

— А вас, папаша, какой чорт потянул?

Еремей Павлович почесал затылок.

— Вот в том то и разговор. Есть, говорят, люди, которые на самый полюс таскаются, а там, чего они не видали? Ну на полюсе то я не был, а что до тигров, так дело тут в полсекунде, да и полсекунды нет. Вздумай вот тогда Федя тигра то этого рогатиной колоть, пропал бы я, сразу его не про-

колешь, особенно, если сверху, а ему лапой мне полбока отодрать — раз плюнуть. А, вот Федька то мой успел сообразить — я его после спрашивал, так и есть, сообразил. Рогатина то, как широкий тесак. Силенок у Федьки, дал Бог — хватает, ну и сразу. Парень очень башковитый.

— Это очень важно, то, что вы рассказали, — сказал Валерий Михайлович. — Дело заключается вот в чем: Феде нужно пробраться в одну тюрьму. Может быть, кого то там придушить, но кого то нужно и спасти. А там дальше — смотря по удаче — то ли открыть нам двери, то ли уничтожить то, что нужно... У меня там и свои люди есть — помогут Феде.

— Никаких людей больше не нужно, — не без некоторой обиды в голосе сказал Еремей Павлович, наших тоже хватит. А передушить — это Федя может. Уж он лицом в грязь не ударит... Только — как в эту то тюрьму попасть.

— А это я вам позже скажу. Но если это Феде и нам удастся, мы, может быть, сковырнем советскую власть.

Потапыч внимательно посмотрел на Валерия Михайловича.

— Тут, Валерий Михайлович, люди мы свои. Вы не думайте, что как если я был на этой железнодорожной охране и хлеб казенный воровал, так я болтать пойду.

— Нет, я этого не думаю, — спокойно сказал Валерий Михайлович.

— А хлеб казенный то все таки воровал? — не удержался Еремей Павлович.

— И опять вы, папаша, не туда пальцем тыкаете. Я, вопервых, и вовсе не воровал, а, во-вторых, вовсе не казенный.

— А чей же?

— А, просто — с колхозниками в стачку входил. Писали там всякие акты: то хлеб градом побило, то звери вытоптали, то засуха там какая — вот и мужикам хлеб оставался, и мне перепадало. Так что это вы, папаша, оставьте. Я только к тому, Валерий Михайлович, что я знаю, о какой тюрьме идет речь — Нарынский изолятор.

— Совершенно верно.

— Ну, планов ваших я знать не могу, да только попасть туда стороннему человеку — это, пожалуй, потруднее, чем Сталину в Царствие Небесное.

— Нет, можно попасть.

— Вам виднее. И скажу я вам еще, Валерий Михайлович, что и на меня вы положиться можете. Я, правда, кое от чего отбился — засиделся, зажирел, папаша вот думает, что я забюрократился...

— Ничего я не думаю. Вот погоняем тебя по тайге, так

ты опять человеком станешь. Парень ты — ничего, Дунька, она тоже не совсем уж зря... А люди мы — свои, даром что вы, Валерий Михайлович, человек ученый, а мы — чалдоны и больше ничего.

— Действительно свои, — подтвердил Валерий Михайлович.

— Ну, а что касаемо учености, — сказал Потапыч, — так прежде люди думали: вот образованный, — он знает. А теперь мы видим: образованный или необразованный, никто ничего не знает.

— И это тоже правильно, — спокойно подтвердил Валерий Михайлович.

Еремей Павлович оглянулся на него не без некоторого удивления.

— Ну, это иззините, Валерий Михайлович, тут что-то и вы перегнули. Конечно, всего и образованные не знают, а все-таки мост строить или человека лечить — образованность нужна.

— Так, ведь, Потапыч не об этом говорит. Он говорит о том, как государство построить — образованные раньше думали, что главная помеха — это царь. Теперь видно, что царь был опорой для всех. Выходит как будто и глупо: с одной стороны один человек, с другой — двести миллионов. А, вот, одного убрали и двести миллионов попали на каторжные работы.

— Я и говорю: а все образованные. — Потапыч вдруг поднял палец и прислушался: — А там, кажется, еще один образованный ворочается...

Все прислушались. Из комнаты, где лежал мистер Питер, донеслось легкое покашливание.

— Тоже, может быть, человеку не спится, я сбегаю посмотрю, а ты, Потапыч, пока дров в печку подложи, у огня все таки как то домашнее...

От столовой к какой то пристройке шла лесенка ступенек в пять. Еремей Павлович не то перешагнул, не то перепрыгнул их все сразу, и так непринужденно, как будто в нем вовсе не было никакого весу. Потапыч открыл заслонку в русской печке, обнаружил там еще не прогоревшие совсем угли и навалил целую охапку дров. Дрова сейчас же вспыхнули веселым и трескучим пламенем. Совершив этот хозяйственный акт, Потапыч наскоро налил себе новый стакан водки и так же наскоро опрокинул его в глотку. По тем же ступенькам и с такой же легкостью спустился или спрыгнул вниз Еремей Павлович, на этот раз держа на руках укутанного в меховое одеяло мистера Питера.

— Никому не спится, — констатировал он деловым то-

нем. — А, как я полагаю, человеку и есть хочется, — вчерась то мы его не очень уж угощали, ну а теперь уже можно.

Еремей Павлович бережно усадил мистера Питера в нечто вроде кресла: основательные дубовые колья, обтянутые медвежьей шкурой.

— Ну, как вы себя чувствуете?

— Довольно плохо, — сказал мистер Питер. — Ничего, конечно, опасного, но все болит. Это, вы говорите, первая ступень допроса?

— Первая, — ответил Валерий Михайлович. — Не стоит говорить об остальных.

— И люди все-таки выдерживают?

— Говорят — выдерживают. Но те, кто выдержали, больше ни о чем не говорят.

— Понимаю, — сказал мистер Питер. — Но все-таки ходить я почти не могу.

— Если суставы в повреждении, — пояснил Еремей Павлович, — первое дело спокой. И ходить вам вовсе незачем.

— А, главное, нужно выпить и спать. Вчера желудок у вас был пустой, отвык от еды, сейчас...

— Вот, я, еловая голова! — Еремей Павлович даже хлопнул себя ладонью по лбу. — Такое — и совсем забыть! Я сейчас... — Еремей Павлович исчез в одну из дверей.

— А вы о Боге и о человеке беседуете, — спросил мистер Питер с чуть заметной иронией в голосе. — Я думал — это только у Достоевского...

— Нет, не только у него. Мы сейчас говорили, кажется, о культуре вообще.

— Я говорил, — подтвердил Потапыч, — что, вот, раньше простой народ думал, что образованные — они знают, научить могут — вот и научили... Сидим мы тут, как мышь под метлой, смываться собираемся, а куда смываться и вовсе неизвестно. А вам, товарищ американец, я, вот, водченки налью, тут, вот, рябки жареные, я их сейчас подогрею, вот рыба всякая, вчера ели-ели, а даже и папаша то мой и тот не осилил.

Еремей Павлович появился, держа в руках огромную грязную бутылку какого то допотопного образца.

— Брось наливать, Потапыч, вот этой водке — лет тридцать, а, может, и пятьдесят — еще от старых заимщиков осталась. Я, правду говоря, тоже три бочки давно закопал — то ли пропадут, то ли товарищи выпьют. Ты, Потапыч, достань там из шкафа рюмки — такое зелье пить стаканами и вовсе невозможно, враз без ног останешься.

Еремей Павлович весьма поверхностно обтер бутылку какой-то тряпкой и откупорил ее. В рюмки была налита светло

желтая жидкость, наполнившая всю комнату каким то специфическим запахом. Валерий Михайлович втянул в себя воздух.

— Это, вероятно, что то вроде старки?

— Точно так, Валерий Михайлович. В немецкую войну нам раза два попадалась вроде вот этой, да все таки не то — вот вы попробуйте.

Валерий Михайлович попробовал.

— Да, конечно, старка, можно, действительно, и без ног остаться.

Потапыч из любопытства отхлебнул полрюмки и остаток передал Еремею Павловичу.

— Вы, папаша, пейте, как хотите, а я уж по старинке — и простой и стаканчиком. Это уж пусть барышни из рюмок пьют.

— Очень хорошо, — подтвердил мистер Питер — как очень старое и очень хорошее виски. Так вы тут среди ночи о культуре разговаривали? Очень острая тема...

— Тема обостряется тем фактом, что, вот Еремею Павловичу, ввиду роста мировой культуры, придется бросать десятилетиями насиженное гнездо.

— Конечно, придется. Красные, по всей вероятности, займут Китай. И, конечно, будут чистить все линии комуникаций. И, кроме того, будут искать и вас, Еремей Павлович, и господина Светлова и меня. Мы двое им были бы очень нужны...

— Ну, что-ж, — согласился Еремей Павлович, — смываться, так смываться. Не в первый раз. Вот, Валерий Михайлович и пристанище какое то для нас присмотрел. Срубим избу, поставим печку — проживем. Только, вот, неизвестно, — надолго ли?

— Я предполагаю, — сказал мистер Паркер, — что приблизительно на пять лет.

Валерий Михайлович пожал плечами.

— Этого никто не может знать. Германия уже два раза начинала молниеносную войну, оба раза с полной уверенностью в победе, оба раза война велась годы и обе войны были проиграны. Человеческое предвидение, мистер Паркер, — инструмент чрезвычайно неточный. Мировую победу Советов я, например, считаю не только не исключенной, но даже и вероятной.

Мистер Паркер изумленно поднял брови.

— Мы в Америке, действительно, опасаемся, что война будет тяжелой и дорогой. Но мы не сомневаемся в победе свободы над рабством.

— А я сомневаюсь, сказал Валерий Михайлович. — Гер-

мания оба раза тоже не сомневалась, а у нее были для этого большие основания, чем у Америки. Наша интеллигенция, которая работала для революции — тоже не сомневалась. А она состояла из наиболее культурных и наиболее честных людей не только России, а всего мира.

— Мне это очень удивительно слышать такие мысли именно от вас.

— В мире много удивительных вещей. Разве не удивительно, что мистер Паркер, отправляясь в СССР на поиски господина Светлова, нашел его вот здесь, в доме Еремея Павловича Дубина. Так что удивительны и роковые ошибки русской интеллигенции. Ведь, все таки, это были наиболее культурные и наиболее честные люди мира. Они знали всю человеческую историю — поскольку человек вообще может ее знать, и они жертвовали собой, — эгоистических мотивов у них во всяком случае не было. И они ошиблись более катастрофически, чем оба раза ошиблась Германия.

— Эх, жаль, что отца Паисия тут нет, — вмешался Еремей Павлович, — он бы все это разъяснил.

— Ну, эти разъяснения мы уже слыхали, — сказал Потапычь — молись и постись и что там еще?

— А, вот, отец Паисий всегда говорит: „мудрость человеческая есть безумие перед Господом" — вот и намудрили наши мудрецы. Потому что, если образованность без Бога, так она только дъяволу потеха.

— Совершенно верно, — подтвердил Валерий Михайлович. — Я все таки вернусь к вашему утверждению о пяти годах: этого не знает никто. Я не знаю, будем ли мы с вами завтра живы. Я не знаю, удастся ли нам, если мы останемся живы, нейтрализовать, хотя бы частично советские атомные достижения. И я, наконец, не знаю еще одного: в 1945 году, когда уже почти вся Германия была занята неприятелем, никакой паники в Германии не было. Можете ли вы, мистер Паркер, говоря по совести, гарантировать, что гибель двух, трех американских городов не вызовет паники в Америке?

Валерй Михайлович повернулся на своем стуле и посмотрел на мистера Паркера в упор. Мистер Паркер отхлебнул из рюмки, поставил ее обратно на стол и после минутного раздумья сказал:

— Нет, господин Светлов, говоря по совести, я этого гарантировать не могу.

— Ну, вот видите. А именно это решает все. И именно поэтому мы должны сделать все.

— Что — все?

— По поводу атомных лабораторий. Об этом мы, впрочем, поговорим завтра — сегодня, я надеюсь, бомб на нас

бросать еще не будут. А за завтра я уже не ручаюсь. Эх, напрасно вы, Еремей Павлович, пристукнули этого Бермана!

— Как это напрасно, — такого гада?

— Гад или не гад, — а напрасно. На него я мог оказывать давление. Сейчас и он и Медведев ранены. Из Москвы пришлют кого то другого, и на него я уж никак давить не смогу. Но во всяком случае, о его планах я буду знать более или менее заблаговременно.

Мистер Паркер еще раз отхлебнул из своей рюмки.

— Я гадаю, что вы все таки удивительный народ. Вы все говорите о вещах, которые не имеют никакого практического значения. Конечно, и в Америке может быть паника, но она может быть и в России; кроме того, против коммунизма выступает весь свободный и организованный мир.

— О степени его организации, может быть, лучше не спорить. Но о степени организации коммунизма спорить, по всей вероятности, нельзя. Я только хотел сказать, что в данных условиях нужно бороться, но предвидеть победы нельзя никак... Я ехал в Сибирь из Москвы в одну из очень скрытых атомных лабораторий. Совершенно случайно я был в Москве опознан, и ко мне приставили трех филеров, — я их по дороге ликвидировал всех. Но дальше ехать было, конечно, невозможно: меня бы арестовали в том же Неелове и ко мне применили бы все методы допроса. Повидимому, есть методы которых не может выдержать никакой человек. Я слез на более или менее первой станции, я случайно два раза не застрелил вот этого самого Потапыча, совершенно случайно встретился с ним в тайге, исключительно из-за его жены мы двинулись дальше вместе, — ну, остальное вы знаете. А ваша встреча с Еремеем Павловичем в кабинете следователя?

— Вы, господин Светлов, наполняете весь мир случайностями.

— Человек, — пастырским тоном сказал Валерий Михайлович, — подобен мореплавателю, который случайно натыкается на попутный ветер, так же случайно — на противный ветер, но который все таки держит свой курс на известный порт. Число случайностей в мореплавании все уменьшается. **Случайно** благодушный мир, каким является ваша страна, сильно ограничил число случайностей. Но когда благополучие или нарушается или даже рушится, когда подымаются силы хаоса, тогда случайность приобретает доминирующее значение... Вот,как это случилось со всеми нами.

Валерий Михайлович сам налил себе еще рюмку старки, выпил ее и продолжал почти патетическим тоном.

— Мы, русская интеллигенция, всю нашу жизнь зани-

мались разложением и духа и материи — разлагали и государственность и религию, разлагали и молекулы и атомы. Мы подожгли социальный пожар в человечестве, и еще неизвестно, не станем ли мы инициаторами и атомного пожара вселенной... Нет никакой гарантии, что коммунизм не захватит всего мира и нет никакой гарантии, что в какой то атомной лаборатории какой то очень удачный эксперимент не взорвет всего мироздания. Мы пошли по неверному пути. И вы — тоже. Нам необходимо вернуться назад по тому же пути и искать какие то новые дороги. Материалистическая цивилизация дошла до тупика.

— Ну, тут уж ничего не понять, — пожал плечами Еремей Паволвич, — главное: надо советчиков сковырнуть, а какие там пожары?

— Мы, в Америке, — сказал мистер Паркер, — интересуемся вопросами, имеющими практическое значение. У вас в России этого, кажется, нет.

— Миллиарды, которые вы вкладываете в вооружение — имеют ли они практическое значение? Имеют ли практическое значение ваши изуродованные ноги? Будут ли иметь практическое значение многомиллионные жертвы будущей войны? Имеет ли практическое значение только доллар и ничего больше? Имели ли практическое значение схоластические *) упражнения Карла Маркса? Имела ли практическое значение проповедь Иисуса Христа?

— Я знаю, — сказал мистер Паркер, — вы, как и очень многие иностранцы, считаете нас узкими практиками и материалистами. Это ошибка. Наша религиозная жизнь не менее интенсивна, чем в иных культурных странах мира.

— Ваша религиозная жизнь — это тоже атомизация человеческого духа, ваши тысячи сект атомизируют всякое религиозное сознание. Вопрос, повторяю, заключается в том: какое действие произведет атомное оружие на атомизированную психику? Я этого не знаю. Вы тоже этого не знаете. Поэтому ваши слова о пяти годах лишены даже и практического значения. Если нам с вами не удастся то, для чего вы — с таким чудовищным риском — приехали в Россию, то, я боюсь, что коммунизм продержится не пять лет, а пятьсот лет. Неопределенно долго. И во всем мире.

— Вы это, мистер Светлов, говорите совершенно серьезно?

— Совершенно серьезно. Здесь, в России, хаос скован и посажен на коммунистическую цепь. Единая воля, единый план, единая идеология и... единый террор. На вашей, — или, простите, на нашей, — стороне хаотические столкнове-

*) богословско-беспредметные, „сухое буквоедство".

ния различных интересов, воль, идей, планов и, просто, тупости. Чисто практической тупости. Чего уж практичнее: зарабатывает человек по два доллара на ноже, которым послезавтра Сталин зарежет его самого! Что, не так ли действует ваш практический запад?

— Вы очень сильно преувеличиваете, мистер Светлов. Мы в гораздо большей степени идеалисты, чем вы это думаете. Но нация стоит перед непривычными для нее задачами. Не все понимают опасность. Так, например, в начале вашей революции вы ведь тоже не понимали? Понимают ли даже и сейчас ваши соотечественники, находящиеся за границей? То, что вы говорите, мистер Светлов, — в сущности, повторение очень старой истины: разум человеческий ограничен...

— Не только. Он часто — очень часто — просто извращен. И работает для своего собственного самоубийства. Как работала русская интеллигенция, как, кажется, работает ваш деловой мир. Вот почему ваш срок в пять лет я не могу не считать совершенно произвольным. Может быть, пять. Может быть, и пятьсот. Мы ничего не знаем. Мы, собственно говоря, ничего не знаем.

— Вот, и я говорю, — вмешался Потапыч, — образованные, а сами говорят: ничего не знаем.

Еремей Павлович обернулся на Потапыча с некоторым раздражением.

— А, вот, если бы не было образованных, так тебе и водки не было бы.

— То есть — почему это?

— А очень просто: кто то ведь выдумал водку гнать, раньше ее не было. Ной — тот вино пил. А где ты здесь вина достанешь?

— Г-м, — сказал Потапыч, — водку, это, действительно... Так я же не против всякого образования говорю...

— Вот видите, мистер Паркер, — засмеялся Валерий Михайлович. — Может быть Еремей Павлович и прав: все наши открытия и достижения можно было бы символизировать в водке: не было бы образования, не было бы водки.

— Остается, повидимому, стать снова на четвереньки? — иронически спросил мистер Паркер.

— Нет, наоборот — нужно подняться к небу...

— А я бы предложил, — сказал Еремей Павлович, — пересесть поближе к печке. Небо — это не нашего ума дело, — о том отец Паисий знает. А тут, у печки, и тепло и не дует и водка у нас есть, а там — довлеет дневи злоба его. *)

---

*) Соотвествует русской пословице: „Утро вечера мудренее".

Компания последовала совету Еремея Павловича и пересела к печке, кроме Потапыча, который постарался устроиться так, чтобы и от печки было недалеко и от стола поближе.

— Да, — подтвердил и мистер Паркер, — довлеет дневи злоба его. Завтра нужно было бы вытащить из воды самолет, на котором мы сюда прилетели.

— Я уже думал, — сказал Еремей Павлович. — Плевое дело. Впряжем шестерку коней и вытащим, как щуку. Льду на озере самые пустяки, только, как я думаю, — промок он, ваш самолет-то.

— Ну, там нечему промокать. Розве только бензин вылился, да и то неизвестно. Нужно будет пересмотреть мотор и прочее. Самолет еще может пригодиться.

— Есть на завтра, или на послезавтра, одна злоба дня, — сказал Валерий Михайлович: — тут около вас, верстах в пятидесяти что-ли, еще одно озеро имеется.

— Точно так, — подтвердил Еремей Павлович, — имеется. Ну, не в пятидесяти, кто его там мерил!

— Туда нужно послать человека, лучше — двух. Сейчас через горы, пожалуй, уже не пройти.

— Трудновато, — подтвердил Еремей Павлович.

— Спуститься на самолете только и можно — это у вас тут, да еще вот на том озере... Как оно называется?

— Кто его знает? Мы зовем просто: Дальнее озеро.

— Нужно там поставить пост. Если какой-нибудь отряд там спустится, чтобы мы знали. Впрочем, может быть, это не так и спешно. Думаю, что завтра я узнаю, а пока, довлеет дневи злоба его. Здесь очень уютно. Жаль думать о том, что все это, может быть, придется оставлять.

— Не может быть, а наверняка, — сказал Еремей.

— Это, как пить дать, — подтвердил Потапыч.

— Если мы сумеем взорвать центральную лабораторию, — сказал мистер Паркер, — то положение дел может очень сильно измениться.

— В масштабе всего мира — да. В здешнем масштабе — нет. Или, почти наверняка, нет. Эти места уже фактически захвачены Советами, и вопрос только в том, когда они начнут проверять и чистить все здешние поселки. И, кроме того, с этой заимкой у них есть особенные счеты. Пока я нахожусь здесь и пока у меня есть постоянная радио-связь с Нееловым, — и с другими пунктами тоже, — мы, по крайней мере, можем предупредить катастрофу. Иначе в один прекрасный день вся заимка может быть уничтожена с воздуха.

— Давайте поговорим об этом завтра, — еще раз взмо-

лился мистер Паркер. — Сейчас в самом деле хорошо. Даже ноги как-то перестали болеть.

— А это — старка, — не без гордости сказал Еремей Павлович. — Она мертвого поднять может. — И, слегка подумав, добавил — правда, и живого в лоск уложит...

Валерий Михайлович сидел в чем то вроде кресла и внимательно смотрел в печку, как бы разыскивая в ее огне ответы на нерешенные вопросы бытия. Мистер Паркер постарался усесться поудобнее, Потапыч бережно накрыл его толстым и мягким меховым одеялом:

— В вашем положении, господин Паркер, — беречься надо. Уж я-то такие переделки знаю: кажется, что вот уже совсем выскочил, а тут хлоп, и вовсе человек свалился!

— Какие переделки вы знаете? — спросил мистер Паркер.

— Всякие. Не стоит рассказывать. Гражданская война. Тут уж нипочем не стесняются.

— А вы, как я понял, состояли также и в коммунистической партии?

— Везде состоял. А податься все равно некуда. Вам, как американскому гражданину, это все может быть, и вовсе непонятно.

— Немного. У нас ведь тоже была гражданская война.

— Так и у вас коммунисты были?

— Нет, у нас несколько иначе. Но все равно. А почему же вы ушли из коммунистической партии?

— Всякое было, — неопределенно ответил Потапыч. — Дело в том, что все равно — податься некуда. Как ты там ни крути. Даже вот, здесь, в тайге. И зверя, и птицы, и рыбы — сколько душе угодно, жить бы и не помирать. А вот, даже и отсюда смываться приходится. На такой земле — и жить негде. Ну, как это понять?

— Понять, действительно, невозможно, — сказал Еремей Павлович. — Однако, что мы можем понять? Вот были мученики за веру христианскую. Тогда, вероятно, тоже думали — зря люди мучаются. А, вот, время пришло и оказалось — не зря на мучения шли...

— Ты мне, папаша, об этом не говори. И тогда суставы выворачивали, и теперь суставы выворачивают. Не знаю, как было тогда, время далекое, тоже, может быть, все это вовсе и не так было... Ты вот, почитай большевиков, что они про царский режим пишут, — а что получается? Я, вот и говорю: одни образованные врут в одну сторону, другие — врут в другую. А чего своими глазами не видал, так и вовсе разобраться невозможно. И у белых бывал, и у красных бывал, и в партизанщину, было, подался, и в партию посту-

пил — все равно некуда податься. В монастырь? — Так и монастыри пожгли и разорили, да и Дунька не пустит.

— Дунька, та не пустит, это уж будьте спокойны, — подтвердил Еремей Павлович не без какой-то затаенной торжествующей мысли.

— Ну, хорошо, скажем, не пустит. А с Дунькой — что? Вот, вы папаша, все насчет внучат прохаживаетесь, — я это очень хорошо понимаю. От такого бы корня, как ваш, — да и мой тоже не на много послабше, — какая бы сила по Руси пошла! А, вот, сидишь это на железной дороге и видишь, как беспризорники ездиют: из Крыма на Дальний Восток, с Дальнего Востока — в Крым. На осях сидят, под колеса попадают, ну, а сколько расстреляно или просто перемерло? Вот — снимешь с состава такого пацана. Лет ему, чорт его знает сколько, щуплый, голодный, синий. „Ты, спрашиваю, куда?" „А я, говорит, дяденька, в теплые места да за хлебом". А хлеба то везде одинаково — нигде нету. Так вы, папаша, говорите: внучата? А! Да чтобы потом вот так на осях ездили?

— Нужно было давно на заимку ко мне двигаться, — мрачно сказал Еремей Павлович.

— Совершенно правильно, папаша, совершенно правильно, мы, вот и прибыли. А дальше, спрашивается — куда? Да с ребятами? Да еще с грудными ребятами! А? Вы, папаша, думаете, что я то уж совсем деревянным на этой советской службе стал?

— Ничего не думаю, — буркнул Еремей Павлович.

— Ну, не думаете, так говорите. Вот этот американский гражданин, так ему понять, конечно, трудно... Вот на станции... ну, на одной станции, сняли вот таких пацанов дюжины с две, с разных поездов. Заперли в пакгауз, а на дворе то зима была. Смотришь — утром — все перемерзли. Так, сосульки какие-то... В лохмотьях. И ведь тоже, были у пацанов и мамы и папы. А если вот теперь дальше двигаться? Нам то с вами — ничего. А ребятишек то у вас на заимке сколько?

— Есть, — неопределенно ответил Еремей Павлович.

— Так вот, если я человек сознательный... Вы, может быть, господин Питер, и не поверите, а за революцию я очень сознательным стал...

— Что это значит — сознательным?

Потапыч приподнялся со стула, налил себе еще стаканчик водки и опрокинул его в глотку.

— А это, товарищ американец, трудно сказать. Теперь меня на мякине не проведешь: ничему не верю...

— А в Бога то ты все-таки веришь? — сумрачно прервал Еремей Павлович.

— Бог — это другое дело. Только не вижу я, чтобы **Он** нами занимался. Вот эти самые замерзшие беспризорники — они то чем виноваты?... Так что это, можно сказать, другая линия. Одно дело — небо, другое дело — земля. А я был и у красных, и у белых, и у зеленых.

— Что это такое — зеленые? спросил мистер Питер.

— Да партизаны всякие. Одни за красных, другие за белых, третьи — и против красных и против белых. А все — в капусту режут.

— Как вы сказали — в капусту?

— Ну, да, в капусту. Вот, как бабы по осени капусту шинкуют. Так вот — насмотрелся. Хватит. Теперь я стал совсем сознательный — царя нужно.

Мистер Питер смотрел на Потапыча внимательно, как будто рассматривал его в микроскоп.

— Вы вот только что говорили, что ничему не верите, а теперь говорите о царе, значит. и ему не верите?

— Так его же нет. Если бы был — другое дело. Так я бы уж знал, — **теперь** то я бы уж знал, если царь приказывает, значит, не напрасно. Нравится ли, не нравится — дело шестнадцатое. Так ведь, нету царя!

— У нас тоже нету, — сказал мистер Паркер, — у нас республика. А живем мы совсем неплохо.

— Этого я не знаю. Вот у сойотов, у тех — еще лучше: ни царя, ни республики. А у китайцев монархия была, не знаю уж, сколько тысяч лет. Потом пришли всякие образованные, вот уже лет сорок друг друга режут все. Тут часто всякие манзы приходят — из Китая. Рассказывают. Так там, пожалуй, еще почище, чем у нас. А что у вас там, в Америке еще будет, так это тоже неизвестно.

Мистер Питер пожал плечами.

— Нет, у нас все таки государство стоит крепко. Но, вот, господин Светлов все таки думает ,что и у нас может быть революция.

— О революции в Америке я не говорил, — сказал Валерий Михайлович, не отрывая глаз от печки и ее пламени. — Я говорил о комбинации внешнего вмешательства с внутренним процесом. По существу, так же получилось и в России, и в Китае. Но, я думаю, мистер Питер, что этой темы мы не исчерпаем и до утра. В основном Потапыч, конечно, прав, — всю эту кашу заварили, как он говорит, „образованные".

— И вы тоже в их числе? — не без некоторой иронии спросил мистер Паркер.

— По тем временам я больше только сочувствовал. Но все таки сочувствовал. И даже речи произносил. Что делать, Потапыч, — Валерий Михайлович оторвался от печки и посмотрел на Потапыча, — так уж устроен человек, что без ошибок ему не прожить.

— Несть бо человек, аще жив был и не согрешил, — подтвердил мрачным тоном Еремей Павлович.

— Вот, у вас винтовка, Потапыч. А пока люди ее изобрели или сконструировали, сколько их погибло?

— А это почему? — удивился Еремей Павлович.

— И порох взрывался и стволы разрывались, и всякое такое. А сколько ошибок в медицине? А за Россию вы не бойтесь, — вот в Германии лет этак триста тому назад дела были очень много хуже.

— Это в Германии то? — еще раз удивился Еремей Павлович, — ну, этому то я не поверю, очень уж аккуратный народ, эти немцы.

— Аккуратный. И резали поаккуратнее, чем у нас: вырезали три четверти населения, воевали друг с другом тридцать лет.

— Тоже, значит, образованные завелись? — спросил Потапыч.

Валерий Михайлович засмеялся.

— Дались вам эти образованные. А если у вас зуб заболит, — вы все таки к доктору пойдете?

— Пойду. Да только без образованных и зубы у людей не болят.

— Может быть, вы, Потапыч, затрагиваете очень старую философскую тему. Потапыч посмотрел на Валерия Михайловича несколько смущенно и о философских темах предпочел умолчать.

— И богословскую — тоже. Когда то, в раю, наши предки сорвали плод с древа познания добра и зла — вот с тех пор мы и толчемся; изменить этого мы не можем. А вы, знаете, — каким то сухим, резким и неожиданно чужим голосом сказал Валерий Михайлович, — что у меня брат и отец расстреляны и что моя жена уже восемь лет сидит в заключении — заложницей за меня. Не знаете?

Потапыч круто повернулся всем своим массивным туловищем.

— Н-нет, н-не знал... Вот оно, какое дело! Ах ты, Господи!... Вы уж, Валерий Михайлович, извините, если я с пьяных глаз что лишнее сказал! Жена? Восемь лет? Ах ты, Господи. А я еще со своей Дунькой ругаюсь! Восемь лет! Боже ты мой!

Еремей Павлович оторвался от рюмки, в созерцание ко-

торой он был погружен, и как то по особому пристально посмотрел на Валерия Михайловича.

— Сидит, как я полагаю, значит, в Нарынском изоляторе?

— Совершенно верно.

— Та-ак, — сказал Еремей Павлович. — Т-ак. Значит, что ежели взорвать этот изолятор, то и вашу жену вместе с ним?

— Совершенно верно, — голос у Валерия Михайловича был попрежнему сухим, резким и каким то деревянным.

Мистер Паркер переводил глаза на всех своих собеседников.

— Нарынский изолятор — это и есть центральная атомная лаборатория?

— Совершенно верно.

— Можно у вас попросить папиросу?

— Пожалуйста.

Валерий Михайлович протянул мистеру Паркеру кожаный портсигар. Мистер Питер зажег папиросу. Руки его слегка дрожали.

— . . . Все это издали кажется . . . очень далеким. Несколько нереальным . .

— Все это совершенно реально.

Еремей Павлович продолжал в упор смотреть на Валерия Михайловича.

— Так что — как я понимаю, придется взорваться и Феде?

— Опасность есть. Но меньше, чем на вашей тигровой охоте.

— Нет, я не к тому, — Еремей Павлович вздохнул и сжал свой свободный от рюмки кулак.

— Ну, а все таки, попадутся они вот сюда! — Еремей Павлович поднял свой сжатый кулак — на кулаке сразу выступили желваки мускулов, — попадутся. Уж будут они пищать!

— Пищать то, папаша, может, и некому будет.

— Ты это пока оставь. Ежели нужно — так нужно. Только вот, Валерий Михайлович, может быть, лучше заместо Федьки мне на это дело пойти?

— Нет, не выйдет, Еремей Павлович, не выйдет.

— Вам виднее. А только, если мне рисковать, так я уже все равно свое отжил.

Мистер Паркер посмотрел на Еремея Павловича. Тот сидел почти у самой печки, ворот его рубахи был расстегнут и рукава засучены. Из под ворота и рукавов проступало такое нагромождение мускулов, какого мистер Паркер еще в своей жизни не видал. На вид Еремею Павловичу было лет под сорок пять, но, насколько успел заметить мистер

Паркер, его подвижность не на много отличалась от непоседливости двенадцатилетнего мальчишки. Сейчас, однако, лицо Еремея Павловича как будто сразу постарело.

— Я, конечно, понимаю, — продолжал Еремей Павлович. — Жена. Восемь лет в большевицком остроге. Это, может, хуже, чем смерть: умер человек — и умер. —Царствие ему Небесное. А тут — и жив и как будто не жив. И опять же: жена, конечно... ежели любишь... Однако и другую найти можно. А сына? Я это не к тому, чтобы Федю, скажем, не пустить на это дело, а только к тому...

Валерий Михайлович положил свою руку на медвежье предплечье Еремея Павловича.

— Вы, Еремей Павлович, заранее все таки не беспокойтесь. Для Феди риск будет не очень велик. Повторяю: меньше, чем на тигровой охоте. На много меньше. Но ведь даже по дороге до заимки — сколько раз мы все рисковали?

— Ну, в тайге — это одно. А там — чорт его знает...

— Вы, Еремей Павлович, поперед сына в петлю не лезьте. Во всяком случае ,без вашего согласия я вашего Федю ни в какую авантюру не втяну. И, конечно, без его собственного согласия!

— Федькино согласие? — презрительно фыркнул Еремей Павлович, — у Федьки то еще молоко на губах не обсохло... Ему только и чешется, в какую бы передрягу влезть. Тигры, так тигры, пограничники ,так пограничники, драться ему давно уже не с кем. Конечно, и окромя его на заимке есть крепкие ребята, но я не позволяю, — руку сломает или там что еще... Федька! Знаю, сам таким был...

В голосе Еремея Павловича было что то вроде искреннего возмущения. Валерий Михайлович криво засмеялся, несмотря на всю трагичность темы.

— Были, Еремей Павлович? А, может быть, и сейчас то мало изменились? А? Вам бы, я думаю, тоже — как бы в какую-нибудь передрягу ввязаться? Разве не так?

Еремей Павлович недоуменно пожал своими медвежьими плечами.

— Ежели нужно — то оно, конечно. А что касается передряг, то и сам я об этом думал. Любит русский человек передряги, что уж тут греха таить. Чорт его знает, то ли силушку показать, то ли просто из озорства? Вот, тут в Сибири, в гражданскую войну. Конечно, были одни, что за красных стояли, другие, что за белых, а много так, из озорства пошли: подраться, пострелять, повоевать, — вот как мой Федя на тигров.

— Так ведь и вы на тигров ходили.

— Так разве я что говорю? Ходил. Занятно, что и говорить...

— Может быть, и ваша революция вам в свое время казалась очень занятной перспективой? — спросил мистер Паркер Валерия Михайловича.

— Отчасти и это верно.

— Разница, однако, в том, что на тигров люди ходят без жен и без детей...

— И по преимуществу — холостяки — добавил Валерий Михайлович. — Но вы, мистер Паркер, именно вы, переводите нашу беседу в сторону, так сказать, чистой теории. На практике же дело обстоит безнадежно просто: центральную лабораторию мы должны уничтожить — без моей жены или вместе с моей женой, это, по существу, не так существенно... С исторической точки зрения. Конечно ,с личной — это другое дело. Однако, и с личной точки зрения: если мы не уничтожим этой лаборатории, мы все равно погибнем все.

— То есть — это почему? — удивился Потапыч.

— Силы советского режима и остального мира сейчас приблизительно равны. Если советам удадутся опыты атомной лаборатории, — а эти опыты, вероятно, удадутся, то на коммунистической стороне будет чудовищное преимущество. И тогда мировую победу коммунизма можно считать обеспеченной. После этого — одним людям будет невозможно выжить, другим людям не стоит будет жить. Вам, например, Еремей Павлович, просто напросто, спрятаться будет некуда — ну, куда вы спрячетесь с вашей фигуркой? Да и стоит ли на год или на пять лет — ведь все равно поймают! Можно, конечно, расчитывать на какой-нибудь необитаемый остров... Но это был бы довольно шаткий рассчет. Да и стоит ли?

Мистер Паркер смотрел на Валерия Михайловича внимательно и в упор.

— Я вижу, что в наши силы вы не очень верите, господин Светлов?

— Нет, не очень, — Валерий Михайлович несколько раздраженно передернул плечами. — Крепость цепи измеряется крепостью ее наиболее слабого звена. А сколько в вашем „международном учреждении без древних языков" — слабых звеньев?

— Оттуда, из-за океана, мне и самому дела казались несколько иными. Сейчас я тоже начинаю бояться. Может быть, мы очень многое недооцениваем. Но все это так непохоже на все то, к чему мы привыкли... Я хотел было в Москве побывать и своими глазами увидеть. Да вот, до Москвы не добрался.

— Ну, и благодарите Бога, что не добрались — оттуда вы уж не выбрались бы. Впрочем, из Неелова вы, собственно, спаслись истинным чудом. Надеюсь, что нееловского опыта с вас все таки хватит.

Мистер Паркер бросил в огонь недокуренную папиросу:

— Да, конечно, нееловского опыта с меня хватит. Но, все таки, здесь узнаешь жизнь с какой то совсем иной стороны, не с той, с которой мы привыкли видеть ее у себя дома.

— До семнадцатого года и у нас этой привычки не было, — все еще с некоторым раздражением, сказал Валерий Михайлович. — Но в эпоху войны с индейцами и вашей гражданской войны и у вас было не на много лучше... А что будет дальше?

— Я вижу, Валерий Михайлович, что в Божию помощь вы мало верите, — сказал Еремей Павлович.

— Вы сами сказали: „пути Господни неисповедимы". Мы не знаем, куда Он нас ведет и зачем Он нас ведет. И когда вы идете на тигра, Еремей Павлович, то вы расчитываете все таки или на винтовку или хотя бы на рогатину.

Еремей Павлович вздохнул шумно, как корова, и никакого ответа не нашел:

— А мое будет предложение — выпить еще по рюмочке, да итти спать — скоро уже светать начнет. С тайги вот всегда так: сразу не наесться и сразу не отоспаться. А что завтра случится — так разве мы знаем? Только вы, господин Питер, на свои ноги не вставайте, я вас назад отнесу...

**
*

Валерий Михайлович лежал на своей прежней кровати, чувствуя легкую ,слегка пьяную, истому во все теле: недели тайги, все таки, сказывались. У иконы попрежнему тихо мерцала лампадка, за печкой попрежнему потрескивал сверчок, за окном попрежнему подвывала осенняя вьюга. Мир и покой. Было как-то странно думать о том, что по всей стране раскинуты дома „номер тринадцатый", что где то за решетками сидит его жена, что мир находится все таки на пороге какого то катастрофического перелома, на пороге кризиса. Выйдет ли мир из этого кризиса оздоровленным и поумневшим, или все будет сброшено в какую то черную пропасть? Постепенно мысли Валерия Михайловича начали все таки путаться.

**
*

На другой день самолет был благополучно вытащен на берег. Еремей Павлович и коней запрягал и даже сам в воду

полез, — проломав всем своим водоизмещением еще тонкий прибрежный лед. Валерий Михайлович смотрел на него с сочувственной иронией:

— А вы знаете, кто вы? — спросил он Еремея Павловича.

— Слава Тебе, Господи! Что я — беспризорник какой, что ли?

— Хлопотун вы, и больше ничего, — засмеялся Валерий Михайлович.

— Вот, это верно, — не без удовольствия согласился Еремей Павлович, — вот — не могу я сиднем сидеть, хоть ты плачь.

— А зачем вам плакать?

— Ну, другие люди, те могут как то спокойно сидеть. А я — ей Богу, не могу.

— Что, может быть, и на тигров вместе пойдем? Да еще и Потапыча прихватим?

Еремей Павлович стал сразу серьезен.

— Нет, уж это вы оставьте. Мало ли что может случиться? А на вас такое дело лежит, как эта атомная тюрьма.

— Да, и это правда, — сказал Валерий Михайлович изменившимся тоном . . .

***

Дни на заимке текли размеренно и лениво. Валерий Михайлович вел бесконечные разговоры с мистером Паркером. Они что то высчитывали, разбирали какие то формулы. Иногда при этих разговорах присутствовал — просто из любопытства — и Еремей Павлович, который потом среди своих признавался:

— Ну, как есть ничего не понять! И как будто по русски, и как будто по иностранному. То слова и знакомые, а понять невозможно. То — по русски, а то вдруг тебе: „циклотрон", „изотопы", „трансмутация", „индукция", „детонация" . . . Мозгов не хватает: образованности нету . . .

Часы, положенные по расписанию, Светлов просиживал у своего вьюка с радио.

После одного из таких часов, Валерий Михайлович разыскал на дворе заимки Еремея.

— Вот что, Еремей Павлович, найдите ка Потапыча и приходите ко мне. Есть кое-какие новости из Неелова.

Еремей Павлович посмотрел на него с заметным беспокойством:

— Что — плохие новости?

— Еще не знаю. Поговорим. Так — приходите.

Когда все трое собрались в комнате, где спал Валерий

Михайлович, тот изложил неёловские новости — коротко и сухо.

— Итак, и Медведев и Берман все еще в больнице. Берман отдал приказ ни в коем случае не трогать нашей заимки...

— Ну, вот видите, — облегченно сказал Еремей Павлович.

— Я еще не вижу ничего. Взамен раненых Бермана и Медведева, из Москвы прислан такой генерал Буланин — бывший белый генерал и эмигрант, был долгое время советским шпионом за границей, потом открыто перешел к большевикам и теперь играет в Москве довольно важную роль. Так вот, он с двумя какими-то китайцами проводниками — медведевскими проводниками — собирается спуститься на самолете на вашем этом озере — как его, Дальнее?

— Точно так.

— И для чего то итти на нашу заимку.

— Втроем? Так мы ж их тут, как цыплят...

— Подождите. Вслед за ним, — вероятно, на то же озеро, Медведев отправляет целый патруль — человек, вероятно, десять-пятнадцать. Командует патрулем **наш** человек, — имейте в виду: наш человек, чтобы его как-нибудь не подстрелить потом. Оффициальный предлог — страховка генерала Буланина от каких бы то ни было случайностей. Неоффициального, вероятно, и этот наш человек не знает.

— А кто это — „наш"?

— Есть такой — майор Иванов. Можно предположить, что Медведев, — и Буланин тоже, — подозревают, что мы знаем более или менее каждый их шаг. Так что, может быть, и так: майор Иванов только в самый последний момент перед отлетом получит или окончательное приказание или пакет с приказом, который он должен будет открыть где-нибудь после озера. В общем, Еремей Павлович, я не думаю, чтобы они собирались напасть на заимку — для этого у них слишком мало сил. Но тут может быть какой-нибудь фокус... чорт его знает, — Валерий Михайлович раздраженно пожал плечами, — издали все это трудно раскусить. Во всяком случае, нам за ними нужно следить и на заимку их пускать нельзя.

— Пускать? Это ни в каком случае, — решительно заявил Еремей Павлович.

— А я по своему опыту думаю так, — вмешался Потапыч. — Эти первые трое, больше для отвода глаз: придут, будут плакать, беглецы, де, и всякое такое. А патруль тем временем спрячется где-то около заимки, может быть и еще один патруль спустят, и потом — вот будем мы с этими тремя возжаться — и, сразу: трах-тарарах и снаружи и снутри. Вот мы и попались.

— И это тоже может быть, — согласился Валерий Михайлович. Сделаем так: я буду все время сидеть за радио. Вы, Еремей Павлович, пошлите, как я вам уже говорил, двух надежных ребят, на Дальнее озеро — пусть сидят и смотрят. Тут у меня такая коробочка есть, — вот она, — Валерий Михайлович достал из своего вьюка небольшой аллюминиевый цилиндр. — Если жать на эту вот кнопку, то я услышу сигнал. Больше этой коробочкой ничего передать нельзя. Только один сигнал и больше ничего. Мы тогда будем знать, что на озеро спустился патруль. А этих трех — генерала Буланина и его проводников нужно перехватить по дороге. Дорога от этого озера тут только одна?

— Дорога-то одна. Можно, конечно, и прямиком, через горы, да это только для привычных людей. А сейчас и для привычных людей трудно. А дорога? — Вот та, по которой мы сюда пришли. Больше никакой нету.

— Значит, нужно как-то встретить этих троих по дороге. Сколько стрелков вы можете дать?

— Двенадцать человек. Ну, трое мальчишек еще, но стреляют — дай Бог каждому. Всех, однако, взять нельзя, человека четыре нужно здесь оставить, мало ли что может случиться.

— Итак — восемь. Меня и Потапыча вы не считали?

— Нет, не считал.

— Итак: десять против пятнадцати или восемнадцати — это еще не так плохо.

— Не так плохо? — Еремей Павлович был возмущен. — Не так плохо? Так там же солдаты и больше ничего. Что они понимают? Надраили их на службе, отслужили они свой срок, и катись колбасой в чистую. А тут природные таежники. Таежнику, можно сказать, кажный патрон — это кусок хлеба. Он тут и родился и вырос, каждую травку понимает, что и к чему. Пятнадцать человек — да я один с ними справлюсь... Я, конечно ,не об кулаках — насчет кулаков и говорить нечего, а об винтовке. А на когда людей собрать нужно?

— Этого я еще не знаю. Вероятно, узнаю завтра. А людей нужно приготовить.

— А у нас люди всегда готовы — в кажинный момент...

СТЕПКИНЫ ВСТРЕЧИ

Скатившись шагов тридцать с тропки в обрыв, вниз, в тайгу, кустарники, чащу, Степка сейчас же круто под прямым углом свернул направо: это пусть дураки бегают по пря-

мой, — другие дураки тоже по прямой стрелять будут. Действительно, сверху раздалось несколько выстрелов, но Степка не обращал на них никакого внимания. С истинно четвероногим проворством он перебежал шагов двести-триста и только тогда остановился и прислушался: не было слышно ничего, и Степка прошел еще шагов триста и решил, что теперь можно и подумать: так что же делать дальше? Для него было ясно, что как-то нужно спасать отца Петра. Несколько менее ясна была угроза еремеевской заимке: куда эти пограничные черти нацеливались? Вступать с ними в какую бы то ни было борьбу Степка считал безнадежным — их человек пятнадцать, он один, а кто еще за ними идет — тоже неизвестно. Оставался еще спасшийся вот от этого генерала китаец, — он-то куда девался? И что он станет делать? Нет. Нужно, как можно скорее на заимку ,за выручкой, — отца Петра эти черти могут пристрелить тут же на месте, если он, Степка, не успеет организовать выручки.

В общем, все было совершенно непонятно: откуда и зачем взялся этот генерал, куда и зачем приперли эти пограничники, что это за китайцы, сопровождавшие этого генерала... Все было путано и непонятно.

Тропка на заимку шла, повидимому, рядом с распадком, в который нырнул Степка, — по таким местам тропки всегда вьются рядом с распадками или речками. иначе не проберешься. До заимки должно быть недалеко. А, может быть, все таки пограничные черти именно на заимку и нацеливаются?

Степка прислушался еще раз. Нет, ничего такого не слыхать. С очень большой осторожнотью он начал карабкаться вкось и вверх, к тропе. На мокром мху, местами покрытом нерастаявшим снегом, он увидал следы — широкие шаги, огромные подошвы, очень тяжелый и крупный человек, вероятно, еще и с каким-то грузом на спине. Конечно это и есть тот китаец, который успел сбежать от пистолета генерала Буланина. Но куда теперь он идет?

Степка карабкался все выше по обрыву. Следы китайца становились все яснее. Вот он схватился рукой за ветку и обломал ее, — ветка была здоровая. Вот, наконец, тропка, на которой следы были видны менее ясно. Из этих следов Степка умозаключил, что китаец и сам не знал, что ему делать — топтался, топтался на месте, а потом повернул дальше в направлении к заимке. Чего ему там нужно?

Вскарабкавшись на тропку, Степка констатировал, что он все-таки сильно выдохся: рана не прошла совсем даром, а потом путь, разведка, драка с этим генералом, бегство... Дыхания не хватало, кровь в висках стучала молотками,

мысли как-то разбегались. Но, во всяком случае, оставалось одно: как можно скорее на заимку, за выручкой для отца Петра, а, может быть, и с предупреждением о надвигающейся опасности.

Степка пошел дальше по следу китайца. Вот, тот опять остановился — вероятно, то ли передумывал, что делать, то ли прислушивался к тому, что делается. Тропка круто подымалась вверх, на тропке шагах десятках в двух белел какой-то клочок бумаги, совсем маленький клочок.

Степка понимал, что нужно торопиться, а для этого сил становилось все меньше и меньше. Вот, сейчас, — тропка пошла в гору, и уже дыхание перехватывает. Но торопиться все таки нужно.

Степка дошел до белевшей на тропке бумажки и прежде, чем ее поднять, стал старательно осматривать место, на котором она лежала. Ничего на этом месте установить было нельзя. Степка поднял бумажку —это был обрывок какой-то советской газеты. Насчет грамоты Степка был не очень силен, а мелкий шрифт обрывка делал его и вовсе непонятным. Степка перезорачивал обрывок с одной стороны на другую, — как что то с силой схватило его за левую руку, в которой Степка держал свою винтовку.

Посмотрев, Степка увидел огромного китайца, который снизу, с земли, показался Степке размером в железнодорожную водокачку. У китайца было грубое, жестокое лицо и совершенно непроницаемый взгляд раскосых глаз.

— Куда идешь? — спросил китаец кратко.

Все эти последние часы Степке вовсе некогда было думать, и только сейчас он сообразил — опростоволосился! Китаец подбросил бумажку, вернулся назад рядом с тропой и своими следами, и сам спрятался за дерево. От усталости, торопливости и слабости, Степка шагал, вероятно, слишком уж шумно. Может быть, там на тропке китаец прислушивался вовсе не к происшествиям на полянке, а к шагам Степки?

Но теперь обо всем этом думать было поздно. Китаец спокойно отобрал винтовку, поставил Степку на ноги — как котенка, и еще раз спросил:

— Куда идешь?

Времени для размышлений и изобретений было слишком мало.

— На заимку, — сказал Степка неопределенно.

— На какую заимку?

— Там, — Степка так же неопределенно ткнул рукой, куда попало.

— Почему идешь? Почему морда в крови?

Степка постарался собрать все свои силы и рассмотрел китайца повнимательнее. Даже самый поверхностный осмотр не давал ничего утешительного: рожа китайца была совсем разбойничьей, а об единоборстве нечего было и думать: „этот хунхуз, подумал Степка, — пожалуй, и Еремею не уступит". Но для выигрыша времени Степка решел перейти в наступление.

— А тебе какое дело? А ты чего до людей цепляешься? Я тебя трогаю?

— Не говори дурацкий. Я тебя спрашиваю, а не ты меня. Видал?

Китаец сжал свой кулак и поднес его к степкиному носу. Кулак мог вызвать чье угодно уважение.

— Ага, — сказал Степка, — только спрашиваешь ты, брат, ерунду: тебе то какое дело? И вот, я тебе скажу — тебя там — Степка показал рукой назад по тропке, — тебя там чуть не подстрелили, а товарищ твой — тот и вовсе мертвый лежит. Видал?

— Ага, — сказал китаец. — А ты почему знаешь?

— Потому знаю, что в меня этот генерал тоже стрелял. А? Ну? Что ты на это скажешь? Видал? А мы так и не такие виды, как ты, видывали! Давай сюда мою винтовку!

— Ага, — сказал китаец еще раз, и легким движением своей руки, как соломинку, отбросил степкину руку, протянувшуюся было к винтовке. — Ага. А в тебя он чего стрелял?

— Деньги нашел, делиться не хотел, — сказал Степка.

Китаец еще раз сказал „Ага". Степкины мысли начали приобретать некоторый разгон и кураж. Хватить бы этого китайца ногой в живот! Да разве его прошибешь? Да еще и после болезни. И откуда он взялся вместе с этим генералом? Все это было совершенно непонятно. Но нужно было удержать инициативу в своих руках.

— Ясное дело, — сказал Степка — этого священника ограбил, а свидетели ему ни к чему.

— Священника? — перебил китаец. — Ты его знаешь?

— Как не знать! Тут все знают — отец Петр. Святой жизни человек. Я это иду по тропе, вижу, костер, люди, подошел — лежат два убитых, третий сидит связанный. Ругаются промежду собою. Один говорит — ты, вот, не генерал, а сволочь. Другой: а ты, говорит, не поп, а пустосвят. Подошел я это ближе, а тот, который генерал — за пистолет — и в меня. А мне какое тут дело? Сколько их там, еще, разве я знаю? Ну, я вниз в распадок. Ты вот, тоже по этому распадку бежал, видал твои следы.

Китаец стал о чем-то размышлять. Он перекинул через

плечо и свою берданку и степкин автомат, не усматривая, очевидно, в Степке решительно никакой опасности.

— А ты — кто? — спросил он повелительным тоном.

— Я? — переспросил Степка, — я-то?

— Ты.

— Я? Старатель я. Иду и вижу: на тропке дым вьется, костер, значит, горит, я это к костру, и вижу...

— Брось, — сказал китаец мрачно. — Какой ты старатель. Почему у тебя автомат?... Чего ты сюда попал?.. Жулик ты...

— Ну, это своим порядком, — охотно согласился Степка. — А ты не жулик? Где это видано — кинулся, как волк, на человека, что я тебе сделал? Разве я тебя трогаю?

— Брось! — еще мрачнее сказал китаец. — Ты правду говори. Смотри! — китаец снова сжал свой кулак и снова поднес его к степкиному носу.

Степка решительно не знал, в какую именно сторону следует ему врать. Можно, конечно, выиграть время — да тут нужно бы от этого китайца отделаться возможно скорее. Если не успеть — заберут пограничники отца Петра и там поминай, как звали. А то еще и на заимку нападут. По внешности своего принудительного собеседника Степка старался вывести хоть какие-нибудь умозаключения, но никаких вывести было нельзя: китаец, как китаец, только очень уж огромный. Похож на контрабандиста. Как он сошелся с этим генералом? Случайно по дороге? Был нанят в качестве проводника? Или был приставлен проводником? Ничего этого разобрать было нельзя, — китаец стоял этакой железнодорожной водокачкой, на лице его не выражалось решительно ничего, кроме, может быть, некоторого размышления. О контрабандистах же Степка знал все: бывают „вольные", работающие, сами по себе, и бывают советские, подсылаемые советами под видом контрабандистов. Иди и разбери тут.

— Гад, этот генерал, гад и больше ничего. Отцу Петру хотел глаза головней выжечь. А? Ну, разве не гад?

Сообщение о проектировавщихся зверствах генерала Буланина не произвело на китайца никакого впечатления — по всем данным, он видывал и не такие виды. Его узкие глазки сузились еще больше:

— Ты не болтай. Кто ты?

— Я же тебе сказал — старатель.

— Врешь ты. Никакого золота тут нет, никакой ты не старатель.

— Золота нет? — возмутился Степка, — это как для кого! Для тебя, может, и нет, а для меня, вот посмотри на самородок...

В кармане у Степки был еще пистолет. Может быть, удастся его вытащить и из него выстрелить, пока эта водокачка не даст по зубам, — если даст — тогда уж поминай, как звали.

— Нет, говоришь? Вот я тебе покажу, какие здесь самородки, — Степка полез было в карман. Китаец железной своей хваткой сразу схватил Степку за руку.

— Постой. Я сам.

Китаец полез в степкин карман и вытащил оттуда пистолет. Пистолет этот он с презрительным видом показал Степке:

— А? Самородок? Старатель? А зачем у тебя пистолет?

— Тут ты не один такой умный по тайге шатаешься, чтобы людей грабить...

Китаец, видимо, вспомнил о третьем оседланном коне и сообразил, что Степка — один из двух провожатых этого то ли попа, то ли кто его знает... Он положил пистолет к себе за пазуху и с угрожающим видом схватил Степку за плечо.

— Ты —не ври. Ты с попом был? Третий конь — твой или не твой?

— Пошел к чортовой матери, — сказал Степка, — ничего этого я не знаю и никакого коня у меня не было.

— Ты врешь, — сказал китаец твердо. — Ты — жулик. Идем назад на поляну.

Степке стало нехорошо под ложечкой. Вернуться на поляну — это значило попасть в руки пограничникам, а из этих рук — прямо в Неелово — на этот раз вырваться уже не удастся. Отделаться от этого китайца не было, видимо, никакой возможности. Степка все таки попробовал рискнуть.

— На полянку? Спасибо. Туда сейчас целый патруль пришел.

— Какой патруль?

— Пограничный, какой же еще?

— Так ты чего бежал?

— А мне, что за охота? Ограбят и все.

Китаец посмотрел на Степку мрачным и не выражающим никакого доверия взглядом.

— Иди вперед. На полянку. Пошел. Айда. И — смотри... — Китаец снял с плеча свою берданку — она, видимо, была ему привычнее, чем автомат или пистолет, и повторил еще раз:

— Ну, пошел, айда!

Степка понимал, что если он пойдет вперед, то шансов на спасение не будет уже никаких. Китаец, видимо, был старым таежником, а не таким ротозеем, какими оказались солдаты на мосту. От него уж не сбежишь. Тут уж нужно, —

пан или пропал. Если бы степкин план описать подробно, он потребовал бы много слов. Степка попытался привести его в исполнение без единого слова — он рухнул в ноги китайцу, китаец свалился на землю и Степка попытался, перепрыгнуть через него, снова броситься вниз в обрыв, но китаец успел поймать его за полу его куртки. Степка попытался сбросить курку — она, кстати, была расстегнута, но китаец, кошкой вскочив на ноги, все теми же железными клещищами схватил Степку за плечо. Степка попытался было укусить эту руку, как откуда-то раздался знакомый и веселый голос:

— Эй, ты, ходя, чего ты к нашим пристаешь?

По тропинке, шагах в пяти-шести ,мирно подвигался Еремей Павлович, с винтовкой за плечами и с видом полнейшего благодушия во всем своем облике.

— Ты чего это, ходя, порядки тут наводишь? — сказал он, подойдя еще ближе.

Китаец обернулся, с быстротой хищного зверя бросился вперед и схватил Еремея Павловича за горло. Степка долгое время после этого никак не мог забыть и рассказывал всем, кому попало, какое при этом было лицо у Еремея Павловича. В среднем этот рассказ звучал так:

— То есть, просто удивился человек. Его-то — и за глотку? А? Разве-ж видано? Ну, удивился, удивился, и как взял этого ходю в переплет!

Дальнейшие подробности Степка передавал в сильно преувеличенном виде. Но, действительно, в первый момент Еремей Павлович был просто удивлен: его, Еремея Павловича Дубина, кто-то рискует схватить за горло!

Вероятно, именно вследствие этого обстоятельства Еремей Павлович очутился на земле, а огромный китаец, налегая на него всей своей тушей, обеими руками вцепился ему в горло.

Степку одолел страх: еще передавит сонную жилу, и тогда пропало. Степка бросился было к китайцу, но сообразил, что оружия у него нет никакого и что он тут, — как комар между двумя медведями. Потом вспомнил о ноже за голенищем, вытащил его, но к этому моменту борющаяся пара стала принимать вращательное движение и какая-то нога из этой пары хватила Степку в бок так, что он свалился на землю, дыхание у него перехватило и перед глазами пошли кровавые круги. Но это длилось очень недолго. Степка с ножем в руках все таки кое-как поднялся, нацеливаясь на спину китайца, но вращательное движение было слишком быстрым и кончилось так же быстро — китаец отлетел в сторону, и Еремей Павлович вскочил на ноги. Вскочил и ки-

таец и снова бросился к Еремею Павловичу. Степкин взор не успел уловить, как именно это случилось, но китаец, по-видимому, получил страшный удар кулаком в то место, которое в русской анатомии обозначается несколько неопределенно: под микитки. Китаец как-то странно ахнул и свалился на спину. Еремей Павлович нагнулся над ним, отнимая у него и его берданку и степкин автомат.

— Дяденька, — прохрипел Степка, — а, дяденька, у него там, за пазухой, еще и пистолет, мой пистолет...

— Ага, — сказал Еремей Павлович удовлетворенным тоном — еще и пистолет? Пистолет тоже пригодится, — и, пошарив у китайца за пазухой, извлек оттуда инкриминируемый *) пистолет. Китаец с трудом принял сидячее положение, опираясь обеими руками на землю и выражая на своем бронзовом лице больше удивления, чем каких-либо иных чувств. Дышать ему, видимо, все таки было очень трудно.

— Вот, — чудак человек, — веселым тоном сказал Еремей Павлович, — прямо за горло. Я тебя, во-первых, не трогал, а, во-вторых, сломал бы тебе обе руки — что бы ты в тайге со сломанными руками делал? А? Вот тоже — балда выискалась!

Китаец не отвечал ничего и, видимо, ничего еще ответить не мог. Степка поспешел с разъяснениями.

— Это тот китаец, который проводником у этого генерала был.

— Буланина? — переспросил Еремей Павлович.

— А вы откуда знаете?

— Знаю, — торжественно заявил Еремей Павлович. — А откуда — не твое дело.

— Двое их было — проводников, — продолжал Степка, — одного генерал пристрелил, другой — вот этот, успел смыться. Я — тоже. Там вот, отец Петр остался. И пограничники пришли. Много. Десятка полтора. Я на заимку торопился — что я один с ними сделаю?...

Еремей Павлович свистнул. Из чащи, из распадка, вылез Федя с винтовкой в руке и одобрительным взглядом осмотрел место происшествия.

— Как будто потасовкой пахло?

Китаец отлепил одну руку от земли и пощупал свою грудь, как бы желая убедиться, все ли кости целы. Почти рядом с Федей появился еще один заимщик, а за ним вынырнул Валерий Михайлович, с менее одобрительным вы-

*) относящийся к обвинительному материалу.

ражением лица, чем у Феди. Он молча осмотрел Еремея Павловича, Степку, Федю и китайца.

— Столкновение произошло, — пояснил Еремей Павлович. — А из-за чего — неизвестно.

Степка от слабости снова усевшись на землю, судорожно пытался в нескольких словах объяснить всю ту путаницу, которая с ним и с отцом Петром произошла за последние часа два. Объяснение получилось еще более путанное, тем более, что, сидя на земле, Степка не мог жестикулировать с достаточной наглядностью.

— Там — пограничники, человек пятнадцать, а этот чуть меня не задавил. И отец Петр тоже там. Генерал какой-то. Хотел отцу Петру глаза выжечь — головней, разве это виданое дело? А я сбежал, и тут вот этот китаец; мне только ногой в бок попало. В горле совсем пересохши. На разведку еще ходил, а там медведь, чуть не задрал, совсем из сил выбимшись, а если глотнуть, так и вовсе нечего, пересохши...

— Ну, и везет же тебе, курилка, — ласково сказал Еремей Павлович, — ты и в воде не тонешь, и в огне не горишь, хороший ты, брат, парень, хотя и жулик.

— Вот все говорят — жулик, и отец Петр тоже, а я, спрашивается, кого я обжулил?

— Ничего, Степушка, вот тебе на засуху в твоем горле, а сейчас придет Федот Федотыч, так он нам все доложит.

— Какой такой Федотыч? — спросил Степка, без всякого видимого интереса — его интерес был прикован к фляжке, которую Еремей Павлович отстегивал от своего мешка.

— Федотыч? Это наш самый главный разведчик, все насквозь видит, мы его вперед послали, — Еремей Павлович отстегнул, наконец, фляжку, на которую Степка смотрел необузданно-жадными глазами. На тебе кружку, а больше — ни-ни. Вернемся на заимку — там пей, чорт с тобой.

— А когда мы вернемся? — спросил Степка, протягивая руку к кружке.

Валерий Михайлович стоял молча, опираясь на винтовку. Огромный китаец все еще сидел на земле. Ощупав рукой свои кости и удостоверившись ,что они все целы, китаец сказал:

— Сильный мужик.

В его тоне было что-то вроде профессиональной гордости.

— Так чего ты, спрашивается, лез? — спросил Еремей Павлович, оборачиваясь к нему.

В тоне Еремея Павловича тоже не было никакой враждебности. Китаец пожал плечами и неопределенно ответил:

— Тайга, разве я знаю?...

— А парень, действительно, здоровый, — сказал Еремей

Павлович, обращаясь к Валерию Михайловичу, — только вот — кто он такой?

Степка хотел что-то объяснить, но его губы были заняты кружкой. На тропинку быстрыми, по звериному эластичными шагами вышел мужиченко, во внешности которого не было ничего примечательного: среднего роста, чрезвычайно сухощавый и жилистый, одетый и вооруженный, как и остальные заимщики, он, может быть, мог заинтересовать наблюдателя только своим взглядом — в одно и то же время и бегающим и внимательным, как будто этот взгляд хотел сразу все осмотреть до мельчайших подробностей.

— Ну что, Федотыч? — спросил Еремей Павлович.

— Уходят, так, через полчаса. Четырнадцать пограничников, командир — в чине майора. Какой-то штатский, не сибиряк, не наш, рассейский, бывший военный, ходить не привык, рожа разбита. Отец Петр там же. Тут не понять: то ли его забирают, то ли он сам с ними. Кажется, сам. А тебя я, Дылда, знаю, — обратился он к огромному китайцу.

Китаец не ответил ничего. Валерий Михайлович вопросительно посмотрел на Федотыча.

— Этого я знаю, — подтвердил тот. — Занимается контрабандой — от советов. Таскает к китайским коммунистам шкурки, деньги, бумаги.

— Не к коммунистам, — сказал огромный китаец. — ты откуда меня знаешь?

— Слухом тайга полнится. А тебя уж спрятать — трудновато. Звать тебя Чжо-Мин. Что, не правду я говорю?

— Правду. Только не к коммунистам — к китайцам.

— Ну, к китайским коммунистам. У советов на службе состоит, — сказал Федотыч, обращаясь к Валерию Михайловичу.

— Это тоже неправда, — сказал Чжо-Мин.

— То-есть, — как это неправда?

— Не у советов, у русских.

— Пустое ты брешешь, Дылда.

— Не пустое. Для русский человек китайский человек — человек. Для английский человек китайский человек — не человек.

— Гм, — сказал Валерий Михайлович, — так что ты действуешь для освобождения Китая?

— Китайский человек хочет жить сам по себе.

— Действуй, действуй, — сказал Валерий Михайлович, — а вот, как приедут к вам Медведевы и Берманы, так ты и об англичанах пожалеешь.

Китаец пожал своими огромными плечами и не ответил ничего. Один из заимщиков вытащил из чащи на тропу огромный спинной мешок.

— А это, видимо, евонный багаж — тут в кустах лежал.

— Мой, — подтвердил китаец.

— Просмотрите, — сказал Валерий Михайлович.

— Смотреть не надо, — сказал китаец, — сам покажу.

Он попытался встать на ноги, но, шатаясь, снова опустился на землю.

— Очень сильный мужик, — сказал он, — меня чуть не убил.

— А ты чего лез? — еще раз спросил Еремей Павлович.

— Так я же все рассказывал, — вмешался Степка, который уже вылакав свою кружку, мог свободно стоять на ногах и еще свободнее размахивать руками, — так я же все рассказал. У него, у этого китайца, еще товарищ был, тот генерал его пристрелил и отцу Петру глаза выжечь хотел. И сойота убил, сойот с нами был, то есть с отцом Петром и мной. А почему? Деньги у отца Петра нашел, не знаю какие, иностранные, заграничные, что ли. Сволочь! Такую сволочь повесить мало.

— Нужно повесить, — мрачно сказал китаец. — Сойота убил, моего товарища убил. Меня убить хотел, а кто он — не знаю.

— Я знаю, кто, — сказал Валерий Михайлович. — Но ты все таки, Степка, расскажи толком.

— Так разве-ж я без толку? Когда у человека в горле пересохши.

— Ты свое горло пока что брось — вот вернемся на заимку...

— На заимку! — разочарованным тоном сказал Степка. — На заимку — вот уже целый месяц никак не можем дойти...

— Ну, положим, не месяц.

— А если и не месяц, так что же так и жить пересохши?

— Ты раньше расскажи, как было дело.

— Так я же и рассказываю — пошли мы с отцом Петром на заимку. И проводник был, — сойот какой-то. Видим — следы, Отец Петр и говорит, а как бы сзади не было еще кого. Следы-то были этих трех — генерала и двух китайцев. Ну, пошел я назад, на тропу, напрямки, засел у тропы, а тут медведь.

— Какой медведь?

— Обыкновенный. Медведь. Я это в яме притулился, а он тут, а по тропе пограничники. Я ему — пошел ты к чортовой матери! А он на меня — рр-р-р. Так мне ни туды, ни сюды. То ли пограничники застрелят, то ли медведь задерет. А ты, Еремей Павлович, говоришь, — подожди до заимки. Хоть бы ты мне с полкружки налил. А уж на заимке дашь мне на полкружки меньше.

— А я тебе, как ты медведю: пошел ты к чортовой матери! Ни глотка больше не дам. Мели дальше.

— Вот видите, Валерий Михайлович, — жалобно обратился Степка к Светлову. — Тут мне и грудь прострелили, и медведь меня чуть не задрал. И, вот тут на меня эта образина напала... А ему и полкружки жалко, чужой, де, человек, ни отца, ни матери...

— Тьфу, — плюнул Еремей, — а кто тебя на шее таскал? А?

— Что — на шее, ежели в горле пересохши, вот тоже, если все рассказывать, так совсем без голоса останусь.

— Ну, хорошо, Степка, — сжалившись, засмеялся Валерий Михайлович, — получишь и до заимки, — но только не сейчас, вот сейчас ты уже до папы и мамы договорился. На обратном пути — получишь. А теперь — ни капли.

— А что, — разве неправда, что можно сказать, один как перст. А когда это обратный путь?

— Думаю, — скоро.

— И где вы этого забулдыгу подцепили? — спросил Федотыч.

— Это я-то забулдыга? — Степка возмущенно замахал руками перед самым носом Федотыча, — это я-то забулдыга? Ты, вот, спроси, как я там, на мосту, с цельным автомобилем чекистов справился! — Вот ты бы попробовал... Я, вот, тебе забулдыгу покажу!

— Ты, паря, брось руками размахивать, — сказал Федотыч совершенно спокойно. — Тут нам, может, придется перестрелку иметь, а ты все к водке присасываешься — вы уж ему, Валерий Михайлович, больше не давайте. Налижется ,всех нас подведет, а дело опасное.

— Нет, он не подведет, — сказал Валерий Михайлович. — А, кроме того, мы ему больше не дадим...

Степка обнаружил создавшийся против него единый фронт и примирился со своей участью.

— Тут не в водке дело, а в том, что в горле пересохши. Раненый я. А тут еще пришлось и на разведку бегать, и отца Петра спасать, и от пограничников драпать, — да еще вот этот медведь на меня навалился. А тайгу, брат, я знаю, не хуже тебя, так что ты тут тоже не задавайся!

Огромный китаец все еще сидел на земле, ощупывая руками свою грудь: цела все-таки или поломана? И посматривал на Еремея Павловича с видом уважения.

— Так что ты, как тебе звать? — Дылда?

— Нет, не Дылда, а Чжо-Мин.

— Так что ты, Чжо-Мин, работаешь и на русских и на китайских большевиков? — спросил Валерий Михайлович.

— Нет, не на большевиков. На китайцев.

— Тебя и твоего товарища назначили проводниками к этому генералу?

— Нет, не товарища. Это был мой сын.

Еремей Павлович протяжно свистнул.

— Так это, значит, твоего сына этот генерал ухлопал?

— Сына. Генерал или не генерал, этого я не знаю.

— Нужно обыскать и его и его мешок, — приказал Валерий Михайлович.

Китаец безразлично пожал плечами. Федотыч с Федей опорожнили на землю мешок. В нем, кроме продовольствия и еще кое-каких дорожных вещей, были звериные шкурки — почти исключительно соболиные, представляющие собою большую ценность и, среди шкурок оказался пакет — довольно объемистый, запечатанный пятью сургучными печатями. Федя передал этот пакет Валерию Миахйловичу. В пакете оказалось какое-то послание на китайском языке и пачка акций какой-то голландско-индонезийской компании — тоже на очень большую сумму. Степка просунул свою голову через плечо Валерия Михайловича.

— А это должно быть по-китайски, — констатировал он почему-то довольным тоном, — ну, по-китайски нам отец Петр прочтет.

— А он знает китайский язык? — спросил Валерий Михайлович.

— Отец Петр знает все, как полагается, — ответил Степка, обдавая Валерия Михайловича спиртным духом. — А что эти бумаги значут, так про это даже и я не знаю.

— Еще пакет, — сказал китаец, доставая откуда-то из-за пазухи маленький, оклееный плотной клеенкой конвертик. Валерий Михайлович осмотрел его со всех сторон, взял нож и распорол конверт. Внутри его оказалась еще какая-то нарисованная разноцветной тушью карта местности, в которой Валерий Михайлович ничего не мог разобрать. На карте были какие-то стрелки и кружки, какие-то иероглифы, вообще, карта очень походила на те таинственные издания пиратского картографического искусства ,на которых всякими символическими способами обозначали зарытые клады. Степка пришел в состояние крайнего возбуждения:

— Эти места обязательно нужно найти. Это тут не спроста. Может золото зарыто.

— А тебе к чему это золото? — спросил его Еремей Павлович.

— Как к чему? Дом построю, жену заведу, довольно уж мне по тайге беспризорником шататься.

— Ты бы, Степка, сколько бы золота ни получил, пропьешь все, да и сам сопьешься.

— Я-то? Сопьюсь? Ты не смотри, что ты такой медведь, а я человек, как человек, выпить я могу не меньше твоего. А кто на Троицком мосту цельный автомобиль с чекистами ликвидировал? Кто, я тебя спрашиваю?

Валерий Михайлович прервал этот спор.

— А что у тебя еще есть? — спросил он китайца.

— Больше ничего. Можно смотреть. Сына тоже нет. Генерал убил. В меня тоже стрелял.

— Действительно, — подтвердил Федя, — вот тут в мешке две дырки. Одну пулю мы нашли — вот она! — он протянул Валерию Михайловичу блестящую никелированную пистолетную пулю, которая, врезавшись в пачку мехов, никак не деформировалась в ней. Валерий Михайлович осмотрел эту пулю и положил ее себе в карман.

— Дурак ты, ходя, — сказал он китайцу.

— Не ходя, а Чжо-Мин. А почему дурак?

— Потому что твоим китайцам еще хуже будет, чем нашим русским. У нас хоть тайга есть, а у вас человек на человеке сидит. Вот придут такие Медведевы или генералы — они вам покажут!

— Генерала нужно повесить, — упорно повторил китаец.

— Так что же нам с ним-то делать, с этим Дылдой, — спросил Федотыч.

— Вместе пойдем, — заявил китаец само собою разумеющимся тоном. — Мой сын там лежит.

— Ну, на этот привал нам итти сейчас нечего. Нужно эту банду по дороге перехватить.

— А я знаю, как, — вмешался Степка, — я такое место знаю, вот там, где я разведку делал.

Федотыч посмотрел на Степку с явным пренебрежением.

— А ты думаешь, я здесь ничего не знаю? Где ты был на разведке?

— Вот так, — начал разглагольствовать Степка, размахивая руками во все стороны, — если от привала вниз, да потом по распадку вправо, да потом через ручей, так будет слева такая скала ,а на самой скале — кедр, а потом через скалу, и вниз, — там река. а напротив, через реку, тропка идет каменистая...

— А за тропой стена, и тропа заворачивает вот так, — тут Федотыч показал рукой как заворачивает тропа, — а на повороте такая глыба, красный камень и на камне расщелина.

— Правильно, — подтвердил Степка.

— А как ты это место нашел?

— А я на гору смотрел — как она идет. И на реку смо-

трел и как тропка итти может, а потом мы по этой тропе тоже шли...

— Ну, ты не такой уж дурак, кажется, — снисходительно сказал Федотыч.

— Я-то?

— Ну да, ты.

— Совсем дурак. Вот отец Петр мне самострел дал, а я, дурак, его там, по над тропкой оставил. Будь самострел, я бы этого медведя ухлопал и пограничников перебил бы, как рябков. А потом я к отцу Петру торопился, что-то неладное чуял, — опять самострел забыл.

— Как далеко до этого места? — спросил Валерий Михайлович.

— Пора уже идти, — неопределенно сказал Федотыч. — Пока мы дойдем, пока мы там заляжем, — время пройдет, а тут больше делать нечего.

Чжо-Мин, никого ни о чем не спрашивая, поднялся с земли, тяжело вздохнул, как бы проверяя целость своей грудной клетки, и поднял свою берданку.

— А ты, — обратился он к Еремею Павловичу, — сильный мужик. Очень сильный мужик.

— Так чего же ты лез? — еще раз спросил Еремей Павлович.

— Хотел на привал вернуться, генерала застрелить, а этот, — китаец показал на Степку, — этот по дороге... Разве я знаю?

Валерий Михайлович посмотрел несколько скептически и на китайца и на его берданку.

— Слушай, Чжан-Мин, ты, может быть, честный китаец... Ты не обманешь?

Чжо-Мин повернул к Валерию Михайловичу свое мрачное и злобное лицо.

— Чжан-Мин никого не обманывал. Чжан-Мина все обманывали. Теперь сказали этого старика провожать, свой человек. Старик убил сойста, убил моего сына, хотел убить меня. А другого сына у меня нет. Все обманывали. А ты не обманешь?

— Так ты, ведь, мне ни для чего не нужен, — зачем я тебя буду обманывать? Можно, ведь, здесь пристрелить и кончено дело.

— Можно пристрелить, — согласился китаец. — Вот старик — пристрелил. А Чжан-Мин будет тебе нужен. Я знаю — ты Светлов!

— Откуда ты знаешь?

— Все знают. Светлова искали. У Чжан-Мина уши есть и глаза есть. Я знаю — ты Светлов. Старик шел тебя искать, разведку делать. Я — знаю. Чжан-Мин будет нужен. Этот, —

китаец ткнул свободной от берданки рукой в сторону Еремея Павловича — это сильный человек. Чжан-Мин тоже сильный человек. Чжан-Мин ходит туда, ходит сюда, Чжан-Мин знает много. Чжан-Мин не обманет. Один был сын у Чжан-Мина, и его нет. Там убивают, тут убивают. Семья была — японцы убили. Сын был — русские убили. Думал, русские будут японцев бить. Теперь — и сына нет.

— Ну, русские тут непричем, — сказал Валерий Михайлович.

— Одни русские такие, другие русские другие. Ты не обманешь. Пойдем.

Чжан-Мин перекинул берданку через плечо и круто повернулся по тропе.

— А ты все-таки, Дылда, тут не очень командуй, — остановил его Федотыч, — сами знаем, куда и когда итти.

— Нужно скоро итти, — ответил китаец. — Они там ждать не будут. Нужно здесь людей оставить, может быть, они на заимку пойдут.

— Почему на заимку, что им делать на заимке?

— Старик на заимку шел. На разведку. Почему — я не знаю. Могут и сейчас пойти. Людей много, оружия много. Могут пойти.

—Это все мы сейчас доподлинно узнаем, — сказал спокойным тоном Федотыч. — А торопиться — некуда, перехватить их мы все равно успеем.

Валерий Михайлович, повидимому, не хотел вмешиваться в чисто местные соображения; всем своим видом и всеми своими повадками Федотыч внушал ему безусловное доверие. Но, действительно, отряд пограничников мог двинуться и к заимке.

— Что этот старик хотел делать на заимке?

— Разведку делать. Тебя искать. Так мне было сказано.

— А что еще было сказано?

— Было сказано довести до заимки, а потом, — что старик скажет.

— А как же твой тюк и вот эти пакеты?

— Если обратно, должен был сын провожать. Теперь — сына нету.

— Это все мало понятно, — сказал Валерий Михайлович.

Еремей Павлович казался в некотором смущении:

—А что, Валерий Михайлович, если они и в самом деле на заимку двинут? Там почти никого из мужчин не осталось... Да и никто их ждать не будет. Мы им — наперерез, а они просто на заимку.

— Сейчас все это мы узнаем. На заимку они не пойдут — это уж устроено, — сказал Федотыч.

— Как устроено? — спросил Валерий Михайлович.

Со стороны привала донеслось несколько выстрелов.

— Вот так и устроено, повторил Федотыч, — там осталось еще двое наших для наблюдения над привалом, значит. Сказано им: пустить несколько пуль, чтобы люди не думали, что нас врасплох застанут. А не врасплох — какой дурак пойдет? Сейчас все досконально узнаем.

Федотыч с самым решительным видом уселся на вновь запакованный тюк китайца.

— А, может, и вы, Валерий Михайлович, присесть хотите? — спросил он с этого тюка.

— Нет, спасибо. А кто тебя к этому старику приставил? — спросил Валерий Михайлович китайца. — Медведев?

— Не, не сам. Иванов. Майор Иванов там такой есть.

— А ты знаешь, что этим отрядом командует именно он?

Китаец изумленно поднял брови:

— Не знаю. А ты откуда можешь знать?

— Ну, это другое дело. Знаю. Ну, мы с тобой потом поговорим. А ты почему так хорошо по русски говоришь?

— В Чите жил. В Хабаровске жил. В Шанхае жил. Я и по-английски — тоже.

— Ого. Так ты вот какой! Ну, мы еще поговорим. Пока ты, на всякий случай, свой тюк спрячь в кусты.

— Я спрячу, — сказал Федя, несколько предостерегающим тоном. Китаец не обнаружил никакого интереса к этой теме.

— Майор Иванов давно здесь работает. С ним — опасно... Он тоже тайгу знает.

— Знает ли, не знает ли, — сказал Федотыч, — а другой тропы на озеро нет. Мы там его и перехватим.

Китаец пожал плечами:

—С нашей стороны разведку пошлет, а пробираться станет ночью — как перехватить?

— Так в другом месте перехватим, — все равно никуда он со своей бандой не уйдет.

По тропе от привала бегом прибежал юноша, почти мальчишка, лет девятнадцати, с сияющим от удовольствия и возбуждения лицом.

— Ушли! — доложил он. — Все, как есть, ушли. И старика с отцом Петром забрали. Не как арестованных, видимо.

— А кто там стрелял?

— А это мы. Одному красноармейцу нос отстрелили...

Еремей Павлович крепко выругался:

— Ну, и хулиганье, пороть надо бы! Парню, может, жениться будет надо, а вы ему нос отстрелили.

— Да я, дяденька, только самый кончик.

— Ну, и чорт с ним, и с носом и с кончиком, — сказал Федотыч, — итти надо. А это я сказал, чтобы пострелять. А нос? Мало ли они голов перестреляли... Пошли!

СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Товарищ Иванов снова очутился в несколько затруднительном положении. Генерал Буланин был, конечно, начальством и очень большим начальством, однако, это он убил одного из проводников НКВД и это он пытался ограбить неизвестного дядю, который козыряет и связями с Берманом и какими-то таинственными поручениями. И держит себя совершенно спокойно. Генерал Буланин мог приказать двигаться дальше — на заимку Дубина, и ослушаться его майор Иванов не имел возможности. Таинственный дядя с валютой, видимо, только и ждал, что возвращения в Неелово.Некоторая ведомственная интуиция, которую выработали в товарище Иванове годы службы в НКВД и предшествовавших ему учреждениях, подсказывала крайнее недоверие и к генералу и к таинственному дяде. Во всяком случае, самое лучшее, что можно было сделать — это как можно скорее возвращаться назад: пусть уж там разбираются. Довольно поверхностный осмотр места происшествия не оставил у товарища Иванова никаких сомнений в том, что генерал Буланин и сойота и проводника убил собственноручно, а таинственного дядю пытался ограбить. Самое простое и самое разумное объяснение, которое всему этому мог дать товарищ Иванов, сводилось все к тому же: к попытке генерала Буланина сбежать заграницу: с деньгами — чем он мог рисковать? На всю жизнь хватило бы.

Отец Петр сидел на земле с видом полнейшего равнодушия. Систематические занятия тибетским оккультизмом приучили его и к некоторой доле фатализма, но были и соображения более веские, чем фатализм: Степка удрал, ноги у него волчьи, и он успеет информировать и Светлова и Дубина. А те уж — постараются. Оставался, конечно, еще и шанс сбежать так же, как сбежал Степка, но этот шанс сейчас равнялся почти нулю: пограничники, встревоженные побегом Степки, держались на-чеку.

Генерал Буланин подобрал свой пистолет, который лежал на земле, около костра, — товарищ Иванов не рискнул помещать ему в этом.

— Нужно, все-таки, дойти до заимки, — сказал генерал Буланин. Это не было приказом, но это и не было только советом. Товарищ Иванов не знал, как реагировать на слова генерала Буланина.

— До заимки — часа три-четыре ходьбы, — сказал спокойно отец Петр. — Я думаю, товарищ майор, что вы там сможете обнаружить сообщников вот этого субъекта. У него, видите ли, кроме денег — вот тех, которые он пытался украсть у меня, был еще платиновый портсигар. Так что в конце концов неважно ,где и как был убит проводник. Если бы одного из них генерал Буланин не убил бы здесь, оба были бы убиты на заимке. Я ее знаю: белогвардейское гнездо.

— Вот, придем на заимку, и узнаем, какое там гнездо, — прохрипел генерал Буланин. От всего пережитого он соображал еще довольно туго, но все-таки понимал, что обстановка складывается не в его пользу. А вдруг этот пустосвят и в самом деле доверенный агент НКВД? . . . Что-то, конечно, можно будет выдумать по дороге, но что бы он ни выдумал, все будет звучать плохо и может кончиться совсем плохо. В конце концов, генерал Буланин отдавал себе достаточно ясный отчет в том, что никаких симпатий он в советских кругах не вызывал, да и сам с трудом подавлял проявления своей собственной антипатии. Ему и до сих пор не было окончательно ясно, так зачем же его держат, да еще и на таком посту? Возвращение в Неелово могло грозить очень крупнми неприятностями. Экспедиция на заимку могла дать какой-то выход: будет какая-то перестрелка, от нее можно будет как-то укрыться, пистолет у него есть, портсигар — тоже, этого пустосвята, может быть, как-нибудь удастся пристрелить . . . Но в общем голова генерала Буланина работала с трудом и с перебоями.

Отец Петр продолжал сохранять истинно тибетское спокойствие.

— Видите ли, — товарищ майор, — сказал он совершенно спокойным тоном, — приказывать вам я, конечно, ничего не могу: дело ваше, а вы меня не знаете. Однако, товарищу Берману я буду обязан доложить все, что произошло. В том числе и предложение вот этого господина итти на заимку. Если вы на нее не пойдете — вас, конечно, за это не похвалят. Но если вы решитесь итти, я вам посоветую выслать вперед опытных, очень опытных разведчиков, если они у вас есть. Иначе, нас могут перестрелять ,как воробьев. В этого господина, может быть, стрелять не будут, потому он так и рвется на заимку.

— Вашего мнения никто не спрашивает, — прохрипел генерал Буланин.

— Товарищ Берман наверняка спросит. Так что я ничего не советую, я только предупреждаю. И, кроме того, очень желательно, чтобы вы, товарищ майор, повнимательнее осмотрели место происшествия.

— Я уже осмотрел, — сказал товарищ Иванов решительно ничего не выражающим тоном. — Вы говорите, до заимки часа три?

— Да, в этом роде. Может быть, четыре, но не больше.

Старшина взвода, плотный и коренастый парнишка лет двадцати двух, слушал все эти разговоры с видом крайнего неодобрения.

— Разрешите доложить, товарищ майор, двое уже сбежало, китаец и вот тот бродяга. Больше, как на заимку, им некуда. Так что там и без наших разведчиков будут все знать. А нас мало, да еще и двое арестованных.

— Ты что это чушь городишь? — закричал генерал Буланин и выругался крепко, — никаких арестованных тут нет. Вот я тебе в Неелове в подвал посажу, так ты узнаешь!

На деревянном лице товарища Иванова внутренняя борьба не проявлялась ничем. Конечно, нужно бы двинуть на заимку, тем более, что и генерал Буланин это приказывает, и неизвестный дядя это советует. Однако, китаец сбежал уже час тому назад, а бродяга по меньшей мере полчаса. Конечно, ни этот дядя, ни генерал Буланин, официально не могли рассматриваться, как арестованные, но само собою разумеется, без охраны их оставить было нельзя. Лично товарищу Иванову хотелось возможно скорее вернуться в Неелово: ни в тайге, ни на заимке он ничего хорошего не ожидал. Но и отказаться было трудно.

Его размышления были прерваны сухим выстрелом из чащи и пронзительной руганью одного из пограничников. Кто-то из них выпустил наугад в тайгу несколько выстрелов.

— Ложись все, — приказал товарищ Иванов и сам бросился на землю. Но из тайги не было слышно ничего. Лежа на земле, товарищ Иванов осведомился:

— Что, ранен кто-нибудь?

— Наполовину, — ответил один из пограничников, — нос, сволочи, отстрелили. Не нос, а самый кончик.

— Ах вот как, ну, давайте вставать.

Теперь у товарища Иванова вид был самостоятельный и решительный. Он прежде всего подошел к раненому пограничнику и самолично убедился в том, что у того оцарапан пулей самый кончик носа.

— Ну, ничего, до свадьбы заживет, — сказал он успокоительным тоном. — Но, разрешите доложить, товарищ генерал, что дальше мы итти не можем: мы уже открыты.

— А почему это? — возмущенно спросил генерал Буланин. — Причем здесь нос?

— Значит, не хотели стрелять всерьез, — если бы хотели, то уж не промахнулись бы. Значит, предупреждают: идите

назад... А из такой чащи человек пять нас перестреляют враз. — Старшина был прав: туда уже дано знать, даже и трех часов не потребовалось.

Пограничники стали подыматься с земли, не без опасений, но с видом некоторого облегчения: они уж знали, чем пахнет всякое проникновение в эту таежную охотницкую глушь. Несколько удивительно было то, что их не перестреляли сразу, но, может быть, не хотели навлекать на себя репрессий — чорт их там разберет? Отец Петр тщательно искал доводов в пользу дальнейшего путешествия на заимку, но не находил ничего. Ничего не мог найти и генерал Буланин. В самом деле, и китаец и бродяга уже давно сбежали, может быть, встретили кого-то из заимки по дороге, а заимщики будут стрелять, никак не учитывая дальнейших планов генерала Буланчна на дальнейший побег.

— Если так, — сказал он все еще хриплым голосом — если так, — нужно возвращаться.

У отца Петра несколько просветлело на душе. Значит, на заимке уже знают, значит, его не оставят в распоряжении этого майора и этого генерала. Отец Петр не без труда поднялся на ноги.

— Это — еще от ремней, — пояснил он товарищу Иванову, — кровообращение не востановилось.

Генерал Буланин, ничего не говоря, взобрался на седло отца Петра.

— Нет, это уж вы, дорогой мой, оставьте, — сказал отец Петр, — это мой конь. Если хотите, можете сесть на коня убитого вами проводника, — там вам, вероятно, удобнее будет сидеть. И воспоминания будут приятнее.

Генерал Буланин не ответил ничего и молча пересел на коня убитого им сойота. Здесь, может быть, еще более, чем в Москве или Неелове, он чувствовал враждебную атмосферу, окружавшую его со всех сторон. Здесь, еще больше, чем в Москве или Неелове, он знал, что находится во власти случая и что этот случай может возникнуть при любой перестрелке, когда его могут и свои подстрелить. Он решил не тратить больше никаких духовных сил и всю дорогу назад посвятить сооружению наиболее правдоподобного варианта всего того ,что произошло на этом роковом привале. Правда, во все мыслимые соображения вторгались такие неизвестные величины, как этот огромный китаец, который успел сбежать, и этот таинственный пустосвят ,который и в самом деле, может быть, является старым агентом Кремля и которому поверят, может быть, больше, чем перебежчику из вражеского стана. Все это было очень туманно.

Отец Петр влез в седло, как в свое собственное кресло

и, казалось, не заботился больше решительно ни о чем. Товарищ Иванов сел верхом на степкиного коня ,и весь небольшой отряд двинулся обратно по тропе. Беспокоиться, по мнению товарища Иванова, было нечего. Во-первых, по той же тропе отряд только что прошел в южном направлении и, во-вторых, таинственный выстрел из чащи достаточно ясно показывал, что перестрелки всерьез таежники предпринимать не хотят. Тем не менее, на одеревеневшей душе товарища Иванова было очень скверно. Надоело. И даже в тайге никакой передышки не было. Лезли в голову довольно сумбурные мысли о том, что нескольких красноармейцев можно было бы послать вперед, потом разделаться с оставшимися, а за одно и с этим генералом и с этим дядей, захватить деньги и все прочее, и двинуться куда-нибудь совсем на край света, например, на Огненную Землю, — дальше Огненой Земли, кажется, нет больше уже ничего. Но все это, конечно, было совершеннейшим вздором. Таким же вздором были и туманные мечты о том, как бы отравить востроносенькую супругу, — иначе от нее нельзя было отделаться никак, а в данном положении она могла представлять очень большую опасность. В специальной аптеке учреждения были кое-какие яды... но все это было совершеннейшим вздором. Словом — выхода видно не было.

Тропа вилась то прямо по тайге, то жалась к каменным стенам, то висла над расщелинами, на дне которых ревели горные потоки. Местами она была опасной для всадников... Впрочем, кони были привычные...

В одном месте тропа судорожно лепилась к почти отвесной скале, которая подымалась справа на неведомую глазу вышину, а слева шел такой же отвесный обрыв в глубине которого, метрах в пятнадцати-двадцати кипела и ревела горная речка. За речкой шел крутой откос, поросший всяким кустарником.

И вот именно из этого кустарника раздался гулкий и веселый голос, который показался товарищу Иванову както странно знакомым.

—А, ну, ребята, скидывай оружие, небойсь, не тронем! Только штаны снимем, шагайте дальше без штанов, только живо! Вот, к тому камню, что позади вас.

Товарищ Иванов мельком оглянулся и сразу понял, что какое бы то ни было сопротивление абсолютно безнадежно. Из кустарников противоположного берега горной речки выглядывало что-то около десятка винтовок: — считать их у товарища Иванова времени, конечно, не было. Владельцы этих винтовок были укрыты за камнями, а пограничный отряд стоял на совершенно открытом месте, из которого

просто некуда было деться. Пограничники по своему служебному опыту оценивали положение точно так же, как оценивал его и их командир: дело совсем безнадежное, недаром пограничники с такой неохотой пускались во всякие предприятия, в которых грозила встреча с таежниками. Не ожидая никаких приказаний, крайние из пограничников стали складывать свое оружие у только что пройденного куста. Сделали это и остальные, в том числе и сам товарищ Иванов. Отец Петр с видом полного равнодушия сидел на своем коне и также равнодушно заметил генералу Буланину:

— Ну что, ваше высокопревосходительство, положение, повидимому, опять меняется?

Генерал Буланин не ответил ничего. Положение, конечно, изменялось, но в сущности совершенно неизвестно, в какую сторону. Красноармейцы, сложив свое оружие, вернулись на прежние места и кучкой уселись у стены: раз сейчас не стреляли, то, видимо, больше трогать не станут, разве, действительно, снимут штаны и прочее: в тайге сильно не хватало мануфактуры. Но и этот вопрос беспокоил пограничников очень мало.

Из чащи кустарников, перепрыгивая с камня на камень, через истерически ревущую горную речку, и потом карабкаясь по склону обрыва, появился прежде всего Еремей Павлович, за ним — Валерий Михайлович, Степка и огромный китаец. Остальные таежники остались в кустах ,не меняя прицела своих винтовок. Товарищ Иванов относился ко всей этой истории почти с таким же равнодушием ,как и его подчиненные. Но, кроме того, в его голове мелькали всякие соображения по поводу бывшего Степаныча, таинственного Светлова и некоторой, правда, очень туманной возможности куда-то удрать и от дома номер тринадцать и от своей востроносенькой супруги.

Еремей Павлович начал с того, что перекидал все сложенное оружие на противоположный берег речки — там его почти налету подхватывал Федя. Валерий Михайлович подошел к отцу Петру:

— Так что мы с вами опять встретились!

Отец Петр пожал протянутую руку:

— Да и, главное, в самый нужный для этой встречи момент. Если бы не вы...

Но дальнейший разговор был прерван степкиным визгом:

— А вот, этот самый генерал, который сойота убил, китайца убил и отцу Петру глаза выжечь собирался! Держитесь, Валерий Михайлович, у него еще пистолет...

Степка ринулся к генералу Буланину. Тот стремительно

вытянул из-за пазухи пистолет, но не успел протянуть его вперед — Степка обхватил его крест-на-крест, стащил с коня, оба упали на землю и возможная борьба была прекращена могущественным вмешательством оргомного китайца. Его железные пальцы сжали генерала Буланина за затылок, другая рука отобрала пистолет. Степка, задыхаясь от усилия, не без труда поднялся на ноги. Генерал Буланин остался сидеть на земле, все еще очень туго соображая, что дело принимает совсем скверный оборот.

— Если бы не я, — сказал Степка, — так он бы вас из вот этого пистолета . . . Как сойота или китайца. Ему — что? Бандит и больше ничего.

— Его надо повесить, — веско сказал огромный китаец. — Моего сына убил, сойота убил, меня убить хотел.

— К сожалению, — сказал Валерий Михайлович, отрываясь от разговора с отцом Петром, — Чжан-Мин, или как его там, совершенно прав: мы вас сейчас повесим.

Генерал Буланин поднял свое ассиметричное лицо. На этом лице было что-то такое, что заставило Валерия Михайловича как-то запнуться.

— Можно у вас, все-таки, попросить стакан коньяку — моего коньяку, но ведь здесь право собственности, кажется, не в очень большом почете.

—. . .Что вы только что и доказали с деньгами отца Петра.

— Это — другое дело. Это совсем другое дело. Вы, вот обвиняете меня в убийстве и в предательстве, и я хочу вам ответить. Так, пожалуйста, распорядитесь: стакан коньяку — только стакан.

Валерий Михайлович кивнул Степке. Степка проявил чрезвычайную стремительность — полез во вьюк ,достал флягу с коньяком, откупорил ее, понюхал и основательно попробовал:

— Действительно — водка, а то можно человеку заместо водки керосину дать. Это со мною раз так случилось — цельный стакан хлопнул сразу. Еле выжил — пришлось потом литра два выпить, — ну не керосину, конечно, а где бы достать стакан?

Валерий Михайлович сухо оглянулся на Степку.

— Водку твою ты потом получишь. Дай сюда фляжку.

Степка очень сожалел, что проба вышла недостаточно глубокой, но протянул фляжку Валерию Михайловичу. Тот передал эту фляжку генералу Буланину.

Генерал Буланин опрокинул флягу дном вверх и стал булькать. Но не так долго, как это предполагал Валерий Михайлович. Потом он поставил флягу на землю между колен и снова поднял свое перекошенное лицо.

— Так вот-с, молодой человек. Я, повидимому, нахожусь вполне в вашей власти. По существу, это меня интересует мало — в загробный мир я, как и вы, не верю ни на копейку...

— Говорите в единственном числе, — прервал его Валерий Михайлович.

— Хорошо, давайте в единственном. Допустим ,что вы верите. Или, еще проще, допустим, что **стали** верить, — я не знаю, когда. Так вот, я вам хочу ответить — и пусть эти чумазые слушают и меня и вас. Разговаривать с чумазыми у меня большого опыта нет. И желания —тоже. Но вы — слушайте. Такого вы не услышите больше никогда.

В тоне генерала Буланина было что-то настолько внушительное, почти гипнотизирующее, что даже пленные пограничники затихли и уставились в генерала Буланина. Отец Петр недоумевающе поднял брови, Валерий Михайлович продолжал стоять перед генералом Буланиным, Еремей Павлович уселся на землю, как-то даже не подгибая ног, а Степка соображал, что если разговор затянется, то у него, Степки, будет время пробраться к своему собственному вьючку, где была запрятана спертая у отца Петра еще одна фляжка.

Генерал Буланин достал свой портсигар и закурил папиросу — руки его дрожали. Могло казаться, что он растягивает последние минуты своего воображаемого торжества, но это было неверно, — генерал Буланин только пытался собрать свои мысли в один кулак. Это было непривычное для него усилие.

— Так вот, молодой человек. Вы меня ,старого человека, обвиняете в предательстве. Не скажу. Может быть. Оправдываться я не желаю — понимаете ли: не желаю. Я буду обвинять . . .

Генерал Буланин затянулся оставшейся половиной папиросы и продолжал:

— Я родился для власти и я воспитывался для власти, как, кажется и вы, **товарищ** Светлов. Так, или не так?

Валерий Михайлович стоял и не отвечал ничего.

— . . . Как и вы, я — из очень старой дворянской семьи. Разница, молодой человек, заключается в том, что эту власть подрывал не я, — ее подрывали вы — вашу биографию я знаю. Не я делал революции и не я кричал: да здравствуют чумазые. Как это: „править Русью может лишь черный народ", — так, что ли? Вот он и правит — хе-хе-хе . . . Сегодня я сижу вот здесь, а завтра вы, может быть, будете сидеть . . . не здесь.

— Я совершенно не собираюсь устраивать нюренбергского процесса, — сказал Валерий Михайлович. — Вы выдали на смерть сотни три ваших боевых товарищей, вы убили двух

проводников, вы пытались ограбить и, вероятно, убить отца Петра, так что ваша дорога к власти уже кончена, — эй, ты — Чжан-Мин!

Огромный китаец неспешно распутывал что-то вроде аркана. Пограничники сидели и смотрели на все это не без некоторого одобрения.

—Вы, может быть, будете сидеть, а, может быть, даже и сидеть не будете, а на Бермана и ваши папиросы вы не очень уж расчитывайте. Не я один это знаю...

— Зажми ему глотку, — приказал Валерий Михайлович огромному китайцу. Тот шагнул вперед, но в это время генерал Буланин выхватил из-за пазухи маленький вороненый револьвер — тот самый, который отец Петр носил в рукаве. Огромный китаец и Степка почти одновременно бросились к генералу Буланину. Из кучи трех барахтающихся тел глухо прозвучал выстрел, потом другой. Валерий Михайлович бросился к куче, но опоздал на какую-то долю секунды; барахтаясь и переваливаясь один через другого, все трое сорвались в обрыв. Еремей Павлович тигровым прыжком сорвался туда же. С другой стороны, прыгая по камням и проваливаясь в воду, обдававшую его брызгами поверх головы, туда же бросился Федя.

Валерий Михайлович наклонился над почти отвесным обрывом. Огромный китаец лежал на каменистом берегу речки, почти рядом сидел в странной позе Степка, генерала Буланина речка стремительно потащила вниз, то стукая его тело о камни, то погружая его в воду. Валерий Михайлович скатился с обрыва тоже. Степка сидел в своей странной позе и жалобно сказал:

— Вот же не фартит, Валерий Михайлович, опять ранен.

— Куда?

— А чорт меня знает, вроде как в бок, то ли под мышку.

Огромный китаец лежал почти рядом и стонал. Отец Петр, нагнувшись над обрывом, сказал:

— Нужно сейчас же обоих наверх, кто там из вас, — помогите, — вот тут какая-то веревка лежит.

Несколько пограничников подобрали брошенный китайцем аркан. Отец Петр, не дожидаясь применения этого аркана, скатился вниз, цепляясь и руками и ногами то за чахлые кустики травы, то за камни. Степка все сидел, скулил и приводил в движение левую руку.

—Нет, похоже, что ничего особенного, — сказал он, — что-то тут под мышку ударило.

Отец Петр с помощью Еремея Павловича снял с него тулуп, рубашку и прочее: на левом боку под мышкой оказалась только очень длинная ссадина. Степка конфузливо поднялся на ноги.

Валерий Михайлович уже осматривал китайца, постепенно приходившего в себя.

— Ну ,а что с этим генералом? — спросил Степка.

Еремей Павлович махнул рукой:

— Вниз по речке потянуло. Версты через две —ни одной целой кости не останется. А ты, Степка, — молодец, не успей ты, чорт его знает, чтобы он с этим револьвером наделал.

— Думаю, ничего особенного, — сказал Валерий Михайлович. — С того берега наши пристрелили бы.

—И то правда, — согласился Еремей Павлович.

Степка был несколько обижен.

— Ну, пока там с того берега, так он вас пристрелил бы.

— И то правда, — согласился Еремей Павлович.

Степка поспешно одевался. Отец Петр, пощупал его тулуп и прочее, сказал:

— Тебе, Степка, повезло: пуля свинцовая, револьверишка паршивый, пуля ударилась в пряжку ремня, потом соскользнула между рукой и боком, так что ты опять дешево отделался.

— Такой уж мне фарт, — жалобно отвечал Степка. — Вот и там ранили, вот и самородок нашел...

— А где он — самородок?

— Пропил. Да еще и два зуба выбили... Кому какое счастье...

С помощью аркана все вскарабкались наверх. Пограничники стояли, или сидели, или помогали карабкаться. Все они были слегка сконфужены, но никто не проявлял никаких внешних признаков неудовольствия. Валерий Михайлович испытующе осмотрел всю свою пленную команду.

— Мне нужно всех вас допросить. Я пойду назад, вот за этот поворот. Вы, Еремей Павлович ,направляйте ко мне пленных поодиночке.

Валерий Михайлович зашагал назад и, зайдя за поворот, уселся на каком-то камне обрыва. „Допрос" никакого интереса не представлял, и казалось, что Валерий Михайлович просто отбывает какую-то скучную повинность. Рядовые красноармейцы не знали вообще почти ничего, кроме пожара в доме номер тринадцать, старшина знал еще о ранении Медведева и Бермана и, наконец, перед Валерием Михайловичем предстал товарищ Иванов.

Валерий Михайлович протянул ему плотно сложенную бумажку, величиной со спичечную коробку.

— Здесь записка для товарища Медведева. По дороге от аэродрома или от станции к вам подбежит беспризорник и крикнет: „дядя, дай, дай, дай папироску", — значит, три ра-

за „дай". Вы ему это и передайте. Записка завернута в другую бумажку, чтобы на ней не было следов ваших пальцев. Дальнейшее будет сделано без вас.

Товарищ Иванов взял записку и как-то помялся.

— А нельзя ли, господин Светлов, мне как-нибудь с вами увязаться... Надоело, сил никаких нет.

Валерий Михайлович слегка улыбнулся.

— Нет ,товарищ Иванов, пока нельзя, Во-первых, если бы мы брали всех, то вся Россия к нам бы перекочевала. Во-вторых, мы скоро покидаем заимку. И, в-третьих, вы нам в Неелове нужны. А вы думаете — мне все это не надоело? В этом, пожалуй, наша основная недежда —всем надоело... А что вы могли бы мне сообщить, кроме вашего последнего разговора со Степанычем?

— Как я полагаю, господин Светлов, ничего. Берман еще лежит. Медведев кое-как передвигается. Никто ничего не знает.

— Генерал Буланин перед смертью крикнул кое-что о папиросах. Имейте ввиду, Берман нам нужен...

Даже на деревянном лиице товарища Иванова проступило нечто вроде удивления.

— Медведев под него подкапывается. И для этого, повидимому, пытается использовать... ну, некоторые обстоятельства. Я предполагаю, что ваши пограничники эту фразу генерала Буланина слышали?

— Вероятно, не все.

— Не знаю, можете ли вы им намекнуть ,что они ничего не слышали — иначе начнут их допрашивать... ну, вы сами знаете.

— Точно так, знаю.

— Так вот что, товарищ Иванов, наш контакт мы будем поддерживать и дальше. Имейте в виду: в случае чего, — у вас в том же доме номер тринадцатый есть кое-какая защита. Если же почему-либо будет очень плохо, обращайтесь к Степанычу, он вас сумеет скрыть...

—Спасибо, господин Светлов. Я только еще хотел спросить, что делать, если генерал Буланин все-таки остался жив?

— Жив? Ну, это очень мало вероятно.

— Однако, — может быть. Когда человек без сознания или, скажем, пьяный, то его вода несет, как тряпку, — может и в живых остаться. Будет так перекатываться с камня на камень... Мало, конечно, вероятно... Но, все-таки, может быть.

Валерий Михайлович внимательно посмотрел на товарища Иванова.

— Да, вы правы, — может быть. Тропа, по которой вы пойдете, вьется все время по берегу. Тогда вам только и ос-

танется, что доставить генерала Буланина в Неелово. Не бойтесь, он нам не опасен. Нам опасен Медведев. Да и то —не очень... Словом, держите связь со Степанычем. Очень может быть, мы еще увидимся.

***

Товарищ Иванов еще раз оказался прав. Обезоруженный, но в общем вполне довольный концом этой экспедиции, маленький отряд брел все по той же тропе, которая вилась над горным речным обрывом. Товарищ Иванов обдумывал, как бы намекнуть красноармейцам на нежелательность допроса, но ничего не мог придумать. Один из отряда довольно безразличным тоном сказал:

— А вот, там, на берегу, что-то лежит, — как будто человек...

Все посмотрели в указанном направлении. Действительно, на каменистом берегу речки, наполовину в воде, лежало человеческое тело, которое могло иметь отношение только к генералу Буланину и больше ни к кому. Отряд разыскал более или менее подходящий спуск к реке ,и на ее берегу обнаружил бесчувственное тело генерала Буланина. Его вытащили совсем на берег, и товарищ Иванов приложил свое ухо к сердцу.

— Похоже, что жив. Давайте искусственное дыхание... Тело генерала Буланина разложили на камнях и постепенно выдавили из него около полведра воды. Голова генерала Буланина была разбита в нескольких местах, волосы были в крови, правая рука была, повидимому, переломана.

— Нужно тащить, — сказал товарищ Иванов,— приготовьте что-нибудь вроде носилок. Но раньше нужно поднять его наверх на тропу.

Пограничники были дюжие ребята, но все-таки подъем на тропу был очень труден. И вот, во время этого подъема генерал Буланин издал нечто вроде слабого стона. Наверху пограничники соорудили из ветвей и поясных ремней и прочего нечто вроде носилок, и отряд двинулся дальше, к озеру.

ТРИ НАЧАЛЬСТВА

Товарищ Медведев полусидел на своей кровати, к которой было приставлено нечто вроде пюпитра. На этот пюпитр товарищ Медведев мог кое-как положить свою переломанную руку. Он уже успел научиться зажигать спички одной рукой. Вся комната было наполнена легким сизым дымом.

Товарищ Медведев курил одну папироску за другой и в меру своих скромных сил пытался думать.

Думы оказывались пессимистическими. Мало того, что рука переломана, да еще и в Москве, его, Медведева, репутация, конечно, подмочена очень сильно. Людей арестовывали, ссылали, расстреливали, а какая-то организация существует под самым носом. Тут Берман был прав: существует. И еще какая! Товарищу Медведеву начинало казаться, что дом номер тринадцать с его распределителем и буфетом, с властью и прочим в том же стиле, начинал качаться под его, товарища Медведева, ногами; вот, поправится Берман, и он то уж его, Медведева, съест. Конечно, оставались таинственные папиросные окурки и таинственная беседа Бермана со Светловым ,но товарищ Медведев очень хорошо понимал, что для Москвы все это не будет иметь решительно никакой убедительности: даже и соваться не стоит.

Кто-то постучал в дверь. Медведев крикнул „заходите!" В комнату вошел санитар и доложил:

— Так что, товарищ Иванов просит разрешения...

Столь скорого возвращения майора Иванова товарищ Медведев все-таки не ожидал: значит, опять что-то такое случилось.

— Позови его сюда...

В комнату вошел товарищ Иванов — все с тем же ничего не выражающим деревянным лицом, — которое, впрочем, на этот раз возглавлялось основательной шишкой на лбу. Он был грязен и обмундирование было порвано.

— Ну что? — нетерпеливо спросил товарищ Медведев.

— Так что, разрешите доложить, — в засаду попали.

Товарищ Медведев только свистнул и стал ждать дальнейших разъяснений.

— Мы, — продолжал товарищ Иванов, — нагнали было генерала Буланина. Он убил одного проводника и пытался убить другого.

Товарищ Медведев свистнул еще раз.

— А это — с чего?

— Не могу знать. Надо полагать — деньги. Генерал натолкнулся на той же тропе на какого то, — не знаю, то ли попа, то ли отшельника, потом тот говорил, что он агент Коминформа и едет с инструкциями и деньгами куда то в Китай. Похоже. А денег было много. В валюте. Сам считал и запечатал.

— А где эти деньги теперь?

— Обратно у этого попа. Так что, генерал убил сына Чжан-Мина, стрелял в него самого, только Чжан-Мин успел

сбежать, а нас обнаружили и обстреляли, однако без потерь. Сами знаете — тайга...

— Знаю. Сам так делал.

— Так что мы и повернули. И попали в засаду. Пришлось разоружиться. А с засадой был и Чжан-Мин — собирался повесить генерала — там был еще какой-то русский который всем распоряжался.

— Светлов? —с жадностью спросил товарищ Медведев.

—Не могу знать. И этот самый мужик Дубин. Ну, Чжан-Мин собрался вешать генерала, а тот вынул револьвер, и то ли убил, то ли ранил и Чжан-Мина и вот того бродягу, который там на мосту... Вы сами знаете.

— Знаю, знаю, дальше.

—Но бродяга и Чжан-Мин успели броситься на генерала, и все свалились вниз. Генерала мы потом подобрали верстах в двух на речке. Без сознания. Сейчас представили его в околоток.

— Садитесь, — сказал Медведев, — берите папиросу. Отчего вид у вас такой растерзанный?

— По откосам лазили. А так — ничего. Домой я не заезжал, потому что, как я понимаю, дело может быть срочное.

— Срочное! — саркастически сказал товарищ Медведев. Вот уже, кажется, года два тянется. Это, значит, отряд перебили, авто в воду спустили, мне руку переломали, товарищу Берману чуть череп не размозжили, аэродром сожгли, наш дом подожгли, теперь вот генерала Буланина... а что, собственно, с ним?

— Полагаю, рука сломана, череп поврежден, воды наглотался, а что больше — не могу знать...

— Но из отряда никто не убит?

— Никак нет. Ни убитых, ни раненых.

— Их всех нужно изолировать. Такое обращение со стороны врага размагничивает бойцов, понижает дух непримиримости... А этого Светлова вы видали?

— Точно так, видел. Должно быть ,это все таки он.

— Ну, что он?

— Серьезный мужчина, — неопределенно ответил товарищ Иванов. — Собирался генерала Буланина повесить. Чжан-Мин уже и веревку приготовил. А потом — почему-то дали уплыть.

— Может быть, не успели стрелять?

— Нет, для стрельбы время было.

— Непонятно. А сколько денег было у этого то ли попа, то ли эмиссара?

— Около двадцати тысяч английских фунтов и около ста тысяч американских долларов.

— Ого — это деньги! — товарищ Медведев даже свистнул...

— Кроме того, у самого генерала оказался платиновый портсигар, — кажется, очень тяжелый.

— Так. Какая у вас гипотеза по этому поводу, товарищ Иванов?

На деревянном лице товарища Иванова чуть-чуть проступило нечто вроде раздражения.

— Был ли этот поп эмиссаром, или не был, мы этого не знаем. А Чжан-Мин с его сыном были нашими людьми, и генерал Буланин это знал. Чувствовал он у нас, конечно, непрочность. Самая обыкнованная мысль: деньги есть и большие деньги — можно сбежать и жить спокойно.

— Н-да, товарищ Иванов, — сочувственно сказал Медведев, — спокойствия у нас маловато, все борьба и стройка, стройка и борьба. Нужна привычка. Закалка... Я все таки пойду и опрошу ваших пограничников...

Медведев с трудом, и с помощью товарища Иванова поднялся с койки и, уходя из комнаты, запер за собою дверь на ключ и ключ положил в карман больничного халата.

Пограничники сидели в комендатуре со сконфуженным видом, сквозь который все таки проступало плохо скрытое удовольствие: дешево отделались. Их допрос ничего не дал товарищу Медведеву, — люди давно были приучены не говорить ничего, вне пределов крайней необходимости. А в затруднительных случаях принимать баранье выражение лица. Покончив с опросом пограничников, товарищ Медведев приказал сейчас же отвезти их в какой то, ныне пустующий дом отдыха...

— А вы, товарищ Иванов, идите домой и ложитесь спать.

Товарищ Иванов снова вспомнил о своей востроносенькой жене. Хорошо бы завалиться куда-нибудь в другое место, но другого места не было. Он распрощался с Медведевым и отправился пока что в распределитель. Товарищ Медведев, все еще неся перед собою на кронштайне свою раненую руку, прошел в свою комнату, открыл ключем дверь и, подойдя к койке, обнаружил приколотый к подушке какой-то клочек белой бумаги. Как он мог сюда попасть? Может быть, был врач и приколол что-то касающееся Буланина? Товарищ Медведев вынул булавку, заколотую в подушку, и развернул бумажку. Это был маленький клочок, в половину формата открытки, и на нем мелким, твердым, ясным почерком было написано:

„Всякие разговоры о папиросах — смертельны"...

Товарищ Медведев как-то не сразу сообразил, в чем дело.

И, когда сообразил, то своей здоровой правой рукой вытер проступивший на лбу холодный пот.

Это был, конечно, почерк этого Светлова. Как могла его записка попасть сюда? Товарищу Медведеву было совершенно ясно, что, вместо булавки с запиской, в постель совершенно так же могли быть воткнуты другие булавки — с ядом. Такой способ имелся в данном учреждении ,и Медведев был о нем достаточно хорошо осведомлен. Он, Медведев, полагал, что находится в полной власти у Сталина, может быть, даже и у Бермана, но теперь, оказывается, он находится в полной власти и у этого Светлова. И что Светлов по каким-то причинам предпочитает предупредить Медведева об опасности разговора о папиросах, вместо того, чтобы прямо отправить его на тот свет. И, кроме того, откуда мог Светлов знать о коробочке с окурками? Медведев говорил об этой коробочке только с одним человеком — с генералом Буланиным. Судя по рассказам майора Иванова и красноармейцев, у генерала Буланина не было времени разговаривать на эту тему со Светловым. Что все это могло бы означать?

Товарищ Медведев присел на край своей койки и простирая куда то вперед свою раненую руку, попытался собрать все свои мысли в какой-то кулак. Что все это могло значить? И кто мог войти в эту комнату за минут тридцать его отсутствия? Правда, запасные ключи от всех палат были у санитаров. Запрятав бумажку в карман халата и пошатываясь от неожиданности, товарищ Медведев пошел в комнату дежурных санитаров. В комнате был только один из них. Он сидел у окна и читал какую-то книжку. При входе товарища Медведева он поспешно вскочил на ноги. Товарищ Медведев посмотрел на доску с запасными ключами — нет, ключ от его комнаты висел на месте. Товарищ Медведев, все еще тяжело дыша, уставился на санитара, который перепугался от одного этого взгляда. У санитара было простейшее в СССР деревенское лицо, украшенное курносым носом и часто мигающими глазами и никаким заговором от него никак и не пахло. Некоторое знание людей товарищ Медведев успел приобрести за время своей службы.

— Где доктор? — спросил он сурово.

Санитар был так перепуган, что вместо ответа стал лопотать что-то мало понятное.

— Где доктор? — спрашиваю я тебя.

— Н-не м-могу з-нать... Надо быть, у этого генерала, которого только что привезли.

Товарищ Медведев оглянул всю комнату, как бы ища в ней какого-то ответа. Нет, ключ висел, как полагается.

— А ты давно здесь сидишь?

— Так что, больше часу. Может и два.
— Никто сюда не заходил?
— Никак нет, никто.

— Я куда-то засунул ключ от своей комнаты, возьми запасной и открой мне. Впрочем, сиди, я и сам открою...

Товарищ Медведев подошел к доске и, раньше чем снять ключ с крючка, внимательно осмотрел и доску, и крючок, и ключ. Все это было чуть-чуть запылено, и никак нельзя было предположить, чтобы этот ключ только что был снят с крючка и снова повешен на него. Значит, у кого-то, здесь в этом доме был еще и третий ключ. Значит, кто-то — то-есть, в конечном счете, тот же Светлов, был здесь почти как у себя дома. А он-то, Медведев, еще уверял Бермана, что никакой организации в его отделе нет. Вот: арестовывали, сажали и расстреливали, собственно говоря, кого попало, а тут вот, под самым носом... булавка с запиской.

— Разыщи доктора и скажи ему, чтобы пришел ко мне после перевязки генерала Буланина, — приказал Медведев санитару.

— Слушаюсь.

Товарищ Медведев вернулся в свою комнату и улегся на койку, предварительно осмотрев все подушки и простыни. Он понимал, что Светловская записка не была пустой угрозой. Если Светлов имел возможность устроит все то, что он устроил в медведевском отделе за последнее время, то он, конечно, мог ликвидировать и его, Медведева. Но вообще все оказывалось совершенно непонятным. Вот, генерал Буланин вырвался все таки живым — могли бы ведь пристрелить и его... Какой-то отщельник с какими-то деньгами в валюте... Беседа Бермана со Светловым... У товарища Медведева возникло то чувство, которое так часто посещало товарища Чикваидзе: чувство полуслепого щенка, попавшего в какое-то машинное отделение, где вертятся всякие валы, шестерни, зубчатки и прочее. До сего времени товарищ Медведев искренно полагал, что всю конструкцию этого машинного отделения он знает наизусть. Теперь оказывается, что есть какие-то вещи, о которых он не имел никакого понятия. Так, как, если бы зная механику, но не имея никакого понятия об электричестве ,он стал бы ковыряться в каком-то очень мощном генераторе: да, костей не переломает, но убьет **током.** Тут, кроме валов, шестеренок и зубчаток, был еще какой-то **ток,** присутствие которого товарищ Медведев начал ощущать только сейчас. Почему Берман так охотится за Светловым — это было, или казалось, совершенно понятным. Но почему Светлов выпустил из своих рук и Бермана и Буланина? Почему, вместо булавки с запиской, не

были воткнуты булавки с ядом? И как эта булавка могла попасть сюда?

Все это было совершенно непонятно. Но если он, товарищ Медведев, не смог понять какой-то таинственной силы этого машинного отделения за целых лет тридцать, то как ему понять ее сейчас? Плюнуть на все и делать так, как делает вот майор Иванов — исполняет все приказания и старается не отвечать ни за какое. Когда-то ведь уберутся из его отдела и Берман и Светлов, а там — пусть они разделываются друг с другом, как хотят.

Этот план принес товарищу Медведеву некоторое успокоение. Но не надолго.

В дверь постучали. Вошел жовиальный доктор, — все с тем же запахом одеколона, коньяку и сигар и все с тем же бегающим и готовым к услугам взглядом.

— Вы меня искали, доктор? — спросил товарищ Медведев.

Доктор изумленно поднял брови.

— Никак нет. Не искал. Мне санитар передал, что вы меня потребовали.

— Да, я хотел вас видеть. Во-первых, что-то усилились боли в руке. Во-вторых, что с генералом Буланиным?

— Руку мы посмотрим. С генералом Буланиным, я боюсь, дело безнадежное. Перелом руки и трех ребер, проломы в черепе, кажется, сотрясение мозга, большая потеря крови, а годы его уже не те. Полагаю, что до утра он доживет.

— Он в сознании?

— Никак нет. В бреду.

— Что он говорит в бреду?

— Я не очень обращал внимание. Там сидел человек от товарища Бермана и записывал. Я был слишком занят перевязкой. Что-то, кажется, о власти, медведях, почему-то несколько раз говорил о каких-то папиросах...

— О медведях? О папиросах?

— Точно так. Но, повторяю, я слушал очень невнимательно. Черепные раны требуют очень серьезного внимания. Я вызвал университетского специалиста по черепным операциям, но, я полагаю ,что это все равно безнадежно... Может быть, генерал Буланин до утра доживет, но, может быть, даже и до утра не протянет. Сердце очень плохо работает...

— Так что... — тут товарищ Медведев слегка запнулся: ему очень хотелось еще раз спросить о папиросах, но он понял, что это было бы неосторожно. — Так что... Ах, да о моей руке — что-то снова стала побаливать...

— Это, к сожалению, неизбежно. Боли еще будут возвращаться — в особенности при перемене погоды.

— Ну, что-ж, — с деланным равнодушием сказал товарищ Медведев, — придется потерпеть, — я вас больше не задерживаю.

Жовиальный доктор ушел, элегантно раскланявшись с товарищем Медведевым. Тот откинулся на подушку, в которой ему все еще мерещились отравленные булавки, и снова стал думать.

... Человек от Бермана, значит, был уже у постели раненого генерала Буланина. Значит, Берман, во-первых, сейчас же узнал о прибытии отряда и, во-вторых, имел какие-то основания предполагать, что в бреду генерал Буланин что-то может сказать. Значит, — дальше, — товарищ Берман что-то знает о „папиросах". Может случиться и так, что товарищ Берман заподозрил его, Медведева, и в слежке и в попытке выкопать Берману какую-то яму. Да, машинное отделение советской власти пронизано какими-то токами, о которых даже он, Медведев, даже и лет за тридцать своей работы не имел, как оказывается, никакого представления. Нужно все-таки пойти к Берману...

**
*

Товарищ Берман полулежал на мягком кожаном кресле, на голове у него лежал пузырь со льдом, черты лица товарища Бермана заострились и приобрели еще большее сходство с каким-то насекомым — огромным для насекомого, маленьким для человека, — но как-то одинаково чуждым и насекомому и человеку. Товарищ Медведев снова ощутил не то, чтобы страх, но что-то очень близкое к страху.

Товарищ Берман сделал скупой жест рукой, провожавший Медведева санитар пододвинул ему кресло и помог усесться.

— Достань мне папиросу и зажги спичку, — приказал товарищ Медведев санитару и только после этого обратился к Берману с полувопросом: — а можно у вас курить — на что Берман ответил очень коротким кивком головы.

Товарищ Медведев закурил папиросу, санитар ушел из комнаты, и оба собеседника остались с глазу на глаз. Некоторое время молчали оба. Медведев курил, а Берман равнодушно смотрел на струйки дыма — нужно же было на что-то смотреть?

— Итак, я полагаю, товарищ Берман, что вы уже информированы о нашем последнем провале.

Товарищ Берман молча и коротко кивнул головой.

— Я должен сознаться, товарищ Берман, что лично я... лично я... не понимаю решительно ничего.

Товарищ Берман еще раз кивнул головой, так же коротко и так же молча. Медведева этот кивок даже несколько обидел: как будто его непонимание было чем-то для Бермана само собою разумеющимся.

—Повторяю еще раз, вся эта история свалилась на меня, как снег на голову, и я ни о чем информирован не был.

Товарищ Берман еще раз кивнул головой:

— Даже и о том, что делается в вашем округе.

— Разрешите доложить — до приезда этого Светлова не делалось решительно ничего. Что-то стало делаться только с момента его высадки на станции Лысково.

— Я, товарищ Медведев, вовсе не обвиняю вас в служебной небрежности. Тем менее — в сознательной небрежности. Однако, организация существовала, само собою разумеется, и до высадки этого Светлова. И вы ее все-таки не заметили.

Товарищ Медведев пожал своим здоровым плечом:

— Как можно было заметить то, что не проявляло никаких признаков какой бы то ни было деятельности.

— А теперь, вот видите, — проявляет. Вы опрашивали учасников отряда?

— Точно так! В общем — попали в засаду. Как и следовало ожидать.

— Почему — следовало ожидать?

— За озером было, конечно, установлено наблюдение. и отряд перехватили по дорозе. Сопротивление было, конечно, совершенно невозможно. Но опять вопрос: почему они выпустили генерала Буланина?

— Почему — выпустили?

— Не стреляли. Я опрашивал: было ли у бандитов время стрелять по упавшему в речку человеку? Все говорят: время было. Стреляли? — Нет, не стреляли. А если человек попал в речку, то мог и утонуть, мог и выбраться на берег. Значит, — не хотели стрелять. А знали, кто он такой, там чуть не целое судебное заседание было.

Берман опять кивнул головой.

— Да, я тоже опросил старшину и двух солдат. Жаль, что вы этого майора Иванова домой отправили.

— Так ведь все говорят одно и то же. Генерала Буланина Светлов собирался повесить, а потом почему то дал возможность спастись.

— Кто этот человек, который выдавал себя за эмиссара Комминформа?

Товарищ Медведев изумленно поднял брови.

— А я думал ,что вы это знаете. Майор Иванов что-то, по разведочным данным, слыхал о каком-то отшельнике или ламе или знахаре, чорт его знает, который жил в пещере

и занимался всякой чертовщиной, майор Иванов полагает, что он именно и был „эмиссарием".

— Ни о каком эмиссаре я ничего не знаю. Сколько у него было денег с собой?

— Майор Иванов говорит — около двадцати тысяч английских фунтов и около ста тысяч американских долларов.

Эта цифра не произвела на товарища Бермана никакого впечатления.

— Плохо то, что документы, которые были посланы с вашим китайцем, попали в руки этой банды, — если она сумеет их расшифровать. А о каком медведе и о каких папиросах говорил в бреду генерал Буланин?

Глаза товарища Бермана как будто попрежнему следили за струйками папиросного дыма, но товарищ Медведев не столько видел, сколько чувствовал, как их взгляд сейчас сконцентрировался на лице товарища Медведева.

— Не имею никакого понятия. Товарищ Иванов предполагает, что генерал Буланин просто напросто предполагал сбежать за границу. У него был очень тяжелый платиновый портсигар. Большая ценность. Остальное генерал Буланин, повидимому, пытался извлечь из этого яко бы эмиссара...

— Так он бы бредил о портсигаре, а не о папиросах...

— Не могу знать. У меня в руках только кончики какого-то узла, а где этот узел, я и понятия не имею...

— Я еще раз повторяю, товарищ Медведев, что я не собираюсь вас в чем-либо обвинять, — в тоне товарища Бермана промелькнули кое-какие успокоительные и даже, может быть, дружественные нотки, которые заставили товарища Медведева насторожиться с головы до пят.

— По разным причинам, о которых я не имею права говорить, все это засекречено в совершенно особом порядке — вот почему вы и не знали... и не знаете. Вы не волнуйтесь — вам, да и мне, прежде всего надо стать на ноги. И в данный момент не предпринимать ничего. Мы понесли поражение. Наш противник очень силен — сильнее, чем вы думаете. В наш центр я обо всем этом уже сообщил. Новых приказаний пока не будет. Придется некоторое время переждать. Так что вы идите и отдыхайте.

Товарищ Медведев тяжело поднялся с кресла.

— Ничего в этом направлении не предпринимайте, — повторил еще раз товарищ Берман, — и никому ничего не говорите. Все дело связано с заграницей, и малейшая неосторожность может погубить...

Товарищ Берман не докончил — кого погубить? Товарищ Медведев посмотрел на своего собеседника сверху вниз

и снова подумал о машинах и о токе. Да, были люди поумнее его и, вот, погибли. Теперь ему, Медведеву, стало ясно, что Берман его подозревает в слежке и что выхода нет: или Берман съест его, Медведева, или он съест Бермана. Третьего не дано.

В МАЛИНЕ

Майор Иванов, покинув товарища Медведева, сразу направился в закрытый распределитель дома номер тринадцать. Там он почти по ценам царского времени закупил балык, икру, консервы, коньяк и прочее и с набитым портфелем, плюс еще один пакет, вышел на улицу. На улице, у входа в распределитель, он натолкнувся на товарища Чикваидзе, в руках которого был такой же портфель и такой же пакет и который стоял на тротуаре с видом явственной нерешительности. Сотоварищи по работе столкнулись почти нос к носу. Чикваидзе сказал: „извиняюсь", отступил шага на два назад и только тогда узнал Иванова.

— А, — сказал товарищ Чикваидзе, — так это вы?

— Я, — ответил товарищ Иванов.

— Вот, — горьким тоном сказал Чикваидзе. — И выпивка есть, и закуска есть, а деваться некуда.

— Почему это деваться некуда?

— Вернется, — кратко сказал товарищ Чикваидзе.

— Кто вернется?

— Стерва, кратко ответил Чикваидзе.

— Какая стерва?

— Морская корова, — пояснил товарищ Чикваидзе и, заметив, что товарищ Иванов занят какими-то иными мыслями и не совсем понимает, кто именно есть морская корова, стал пояснять дальше.

— Вот эта самая Серафима, из Лыскова. Выписалась из больницы. Вернется. Куда теперь пойду?

Товарищ Иванов только сейчас ясно понял, что и ему, собственно говоря, итти некуда: дома будет торчать востроносенькая супруга, а та, — так, по крайней мере, казалось товарищу Иванову, — стремилась всунуть свой востренький нос в самые сокровенные мысли и дела товарища Иванова. А и мысли и дела товарища Иванова были слегка запутанными.

— Гм, — сказал товарищ Иванов. Какого же ты чорта с ней связался?

И сразу понял, что вопрос был глуп — он сам, ведь, тоже связался и сам теперь не может точно ответить — на какого, собственно говоря, чорта? — Гм, — мне домой что-то тоже

итти не охота, там, вероятно, гости, а мне бы выпить, закусить, подумать и лечь спать.

— Подумать? — презрительно сказал товарищ Чикваидзе. — О чем тут думать? Деваться, вот, некуда. А эта стерва опять мебель переставит...

— Мебель? — рассеянно переспросил товарищ Иванов. — Если мебель, то еще чорт с ней. А куда бы в самом деле завалиться?

Оба собеседника стояли на троттуаре и смотрели друг на друга взаимно сочувственными взглядами.

— К Марковне, — сказал товарищ Иванов решительным тоном, — далеко, да чорт с ним, ты Марковну знаешь?

— Я тоже думал; разве удобно?

— Устроим так, что будет удобно. Мы с тобой сейчас вроде беспризорников. Пошли!

Товарищ Иванов решительно зашагал, и товарищ Чикваидзе старался от него не отставать. Прошли две-три полностью освещенных улицы, потом вступили в полосу полуосвещенных, потом пошли совершенно неосвещенные окраины, где товарищ Иванов от времени до времени дружески предупреждал товарища Чикваидзе:

— Тут яма, — осторожнее. Тут куча мусора. Тут ров. Иди за мной, след в след, иначе ноги поломаешь. —Товарищ Чикваидзе молча повиновался и старался итти след в след. Уже было почти совсем темно, и осенний сибирский ветер нес редкие, но крупные капли дождя.

Этак через полчаса очень усиленной ходьбы, собеседники очутились перед забором, за которым стоял плохо видимый в темноте, повидимому, деревянный дом. Товарищ Иванов, поковырявшись у калитки, открыл ее, а пса, который с лаем бросился было на него. отбросил ударом сапога, показывавшим его значительную тренировку в области футбола. Дверь дома приоткрылась и в ней показалась какая-то фигура, вооруженная керосиновым фонарем.

— Кого тут черти носят? — спросила фигура хриплым, но все-таки женским голосом.

— Свои, — кратко отвечал товарищ Иванов и, лягнув пса еще раз, зашагал по деревянным доскам к открытой двери. Товарищ Чикваидзе шел след в след, оглядываясь, однако, и на пса. В дверях стояла женщина, фигура которой совершенно точно определялась русской поговоркой: поперек себя толще. При ближайшем рассмотрении она оказалась бабой лет под пятьдесят, с заплывшими жиром глазками и с выражением страха во всем ее облике.

— Ничего, — сказал товарищ Иванов успокоительно, — мы не по службе. Не с ордером, а с выпивкой.

— Да мне что, да разве ж я... По мне хоть бы с ордером, а вы заходите, погода-то какая...

Баба отодвинулась в сторону, давая проход собеседникам. Товарищ Иванов стряхнул со своей шинели капли дождя, как отряхивается собака, вылезшая из воды, и сказал дружественно деловитым тоном:

— Ты вот что, Марковна: устрой нам стол и две постели на ночь. Кто сейчас у тебя?

— Никого, голубчик, нетути, как есть никого, одна я.

— Гм, — сказал товарищ Иванов, — понимаю. Так ты нас проводи, куда надо.

Баба закрыла дверь и задвинула ее деревянным засовом, пошла вперед, освещая путникам путь, и провела их в комнату, которую при свете фонаря нельзя было осмотрить толком.

— Я чичас, чичас, голубчики.

Баба влезла на стул, с него на стол, и зажгла висячую керосиновую лампу. Когда эта лампа разгорелась, товарищ Чикваидзе увидел довольно просторную комнату ,со столом посередине, с двумя широченными кроватями, со стульями и какими-то картинками на стенах. Товарищ Иванов положил на кровать свой портфель и пакет, снял шинель, отряхнул ее и повесил на какой-то гвоздь. Товарищ Чикваидзе сделал то же самое.

— А у тебя, Марковна, ничего горячего случайно нету? Закуски у нас вдоволь, а горячого нет ничего.

— Борщ есть, правда, вчерашний, со свининой, я вам, голубчики, все это в момент оборудую... Вот, чичас, скатерть и посуду, пока вы там закусывать будете, я и борщ и постели...

Залитые жиром узенькие глазки перебегали с Иванова на Чикваидзе, выражение страха сменялось выражением беспокойства, а выражение беспокойства — чем-то вроде глубокого удовлетворения.

— Это тут — малина, — пояснил товарищ Иванов товарищу Чикваидзе, — сейчас пустая...

— Какая там малина, сохрани вас Господи, меблирашка, да и все. Бывают, конечно, озорные ребята, да разве ж я разберу, неграмотная я совсем, где уж мне разобраться...

— А ты, Марковна, брось, — успокоивающе сказал товарищ Иванов, мы и тебя знаем, и твою малину знаем. И ты, и малина, нам нужны, — иначе сгнила бы ты давным давно где-нибудь на Кольгме. Так что, ты не беспокойся и не болтай языком зря, а накрывай на стол.

— Ну, вот, завсегда напраслина, сказала Марковна для приличия, и исчезла.

Собеседники молча стали разворачивать свои пакеты и раскрывать свои портфели. Марковна вернулась через несколько секунд, отодвинула в сторону принесенные деликатессы и оставшуюся свободной часть стола накрыла грязной скатерью. Потом, на скатерти появились стопки, кружки, тарелки и все прочее. Товарищ Чикваидзе достал из кармана нож со штопором, откупорил литровую бутылку водки, налил полную кружку и, не ожидая дальнейших приготовлений, выпил эту кружку почти залпом.

— Что ж ты? — укоризненно сказал товарищ Иванов. — Без закуски, на пустой желудок?

— Не могу, — мрачно ответил Чикваидзе, — все время тошнит.

— Отчего тошнит?

— От стервы, — лаконически ответил товарищ Чикваидзе.

Покончив с кружкой, товарищ Чикваидзе очень быстро и ловко открыл коробку килек, вытряхнул ее содержимое на тарелку, взял пальцами несколько штук, отправил их себе в рот, и снова налил кружку.

— Да ты погоди, чего ты торопишься? — сказал товарищ Иванов.

Чикваидзе отхлебнул на этот раз только полкружки — и тревожно посмотрел на бутылку.

— Не могу. Все еще тошнит. Только, вот — водки мало взял.

— Ну, у Марковны запас есть, ты уж не беспокойся.

Повидимому это сообщение прекратило приступы тошноты. Товарищ Чикваидзе уселся на стул и стал накладывать на тарелку всякой твари по паре.

— Ты, я знаю, смеешься, — сказал он, опорожнив остатки кружки. — А чего тут смеяться? Она, стерва, тут у меня сидит, — товарищ Чикваидзе положил ладонь на свою крепкую жилистую шею. — Хочу обратно, в Тбилиси перевестись. Не могу. Тошнит.

— Н-да, — сказал товарищ Иванов сочувственно, откашлявшись после первого глотка, — как это ты только влип?

— С пьяных глаз. А потом — Берман. Чего то ему эта стерва нужна . . .

— Была нужна, — сказал товарищ Иванов. — Была — и вся вышла.

Товарищ Чикваидзе с радостным еще недоверием отставил в сторону новую кружку.

— Так теперь, говоришь, больше не нужна?

— Не нужна, — еще раз повторил товарищ Иванов. — И потом — какое товарищу Берману дело до твоих случайных связей? Пусть себе эта Серафима или устраивается

при Бермане, или едет к себе обратно в Лысково — дом у нее там есть, хозяйство есть...

— Скандал будет, — нерешительно возразил товарищ Чикваидзе.

— А ты сделай так: когда ее не будет дома, вынеси ее вещи на площадку, а на дверь прибей записку... Ну вот вроде — „пошла ты к чортовой матери"...

Товарищ Чикваидзе посмотрел на товарища Иванова внимательно и даже пристально, как бы желая убедиться — собирается ли товарищ Иванов этим советом подвести его или не собирается. Но никакого подвоха во взорах товарища Иванова не было видно. Вид у товарища Иванова, несмотря на всю привычную деревянность лица, был усталый и раздраженный.

— Чорт его знает, — сказал товарищ Иванов, — жили бы мы как люди, пришел бы ты ко мне или я к тебе, выпили бы, закусили... А тут, вот в какой-то притон залезли, да и то еще рады.

— На заповеднике было хорошо, — мечтательно припомнил товарищ Чикваидзе — заберешься в тайгу...

— Ну, это тоже для медведя, а не для человека, напьешься в тайге, как свинья, и спишь под деревом, как медведь... Только и удовольствия...

Товарищ Чикваидзе грустно и шумно вздохнул.

— Вот все говорят, что я баран. А я, ей Богу, совсем не баран. В Грузии — я умный. А здесь? Чорт его знает, здесь. Вот навязалась баба. А ты говоришь — вещи выкинуть. У нас так не делается...

— Да и у нас так не делалось. А сейчас — что больше? Не выкинешь и вещи и Серафиму — будет она на твоей шее сидеть, чорт ее знает сколько. Да еще в какую-нибудь передрягу втянет!

Товарищ Чикваидзе вздохнул еще более грустно и еще более шумно.

— И некому научить. Человек я здесь новый. Разве я знаю?

— Никто не научит, — отрезал товарищ Иванов. — И никто не знает. Поумнее нас с тобою люди были — ты понимаешь, о ком я говорю, — и кончили в подвале. Никто не знает. Один только чорт — тот, может быть, знает...

Дверь в комнату раскрылась и Марковна внесла дымящуюся миску борща. Товарищ Иванов прервал свои жалобы.

— А ты, Марковна — стаканчик, а?

— Очення спасибо, — сказала Марковна, и сама налила себе кружку.

— Так ты говоришь, — спросил товарищ Иванов, — мы у тебя единственные постояльцы?

Марковна, глядя на товарища Иванова поверх края кружки, кивнула головой и, допив кружку, пояснила.

— Как есть — одни. Больше никого. Ваш Медведев всех разогнал. Кому охота? Разбежались кто куда. Совсем плохо. Не знаю, как и перебьюсь...

— Это ты, Марковна, брось, — успокоительно сказал товарищ Иванов. — Перебьешься. Если тебя пощупать, то и золото у тебя есть и камешки есть, и соболя есть, — брось прибедняться!

На жирном лице Марковны мелькнуло и исчезло выражение смертельного испуга.

— Да что ты, родной, какое там золото? Откуда золото? С борща этого, что-ли, золото наживешь...

— Да ты не бойся, тебя не тронут. Вот, конечно, если нас с товарищем тут зарежут — тогда уж ты не жалуйся. А так — не тронут. Ты у нас, можно сказать, как привада или прикормка. А что мы о тебе все знаем, так ты уж не беспокойся! Не была бы нужна — давно бы нашли и золото и камешки... А у тебя, может быть, соленые огурцы есть?

— Как же, как же, — обрадовалась Марковна перемене темы, — я чичас... Марковна исчезла за дверью.

— Вот тоже стерва-баба, — сказал Чикваидзе. — У нас, в Грузии, духан как духан — пьют люди, поют люди, танцуют люди. Хочу в Грузию перевестись.

— Ну, мало ли ты что хочешь? Я бы вот тоже хотел...

— А что ты бы хотел?

— Ну, разные вещи. Вот, правда, я тогда мальченкой был. Взрослые выпивали. И скатерть, и закуски, и выпивка, и еда, сидят целый вечер, разговаривают, никто никого не боится. А мы — то в притоне, то в малине, то в берлоге. Ничего не поделаешь, такая эпоха.

Об эпохе товарищ Чикваидзе выразился нелитературно. Марковна принесла тарелку соленых огурцов и предпочла исчезнуть.

— Эпоха, — презрительно сказал товарищ Чикваидзе, — а ты мне скажи, что: я один раз живу, или два раза живу?

— Надо полагать — один раз.

— Вот, торжествующе сказал товарищ Чикваидзе, — один раз, да и тот псу под хвост — разве это жизнь?

— Как на войне, — бывает, что и голову оторвет.

— Голову — это чорт с ней. Раз оторвало и кончено. А тут, вот хотя бы эта стерва. — Голос Чикваидзе стал интимно дружественным, — а ты меня, Иванов, не подведешь вот с этой стервой?

— Тут и сам себя подвести человек может. Как сказать? По моему — никакого риска нет. Берману Серафима больше не нужна, Медведев, в случае чего, за тебя заступится, а если ты ее оставишь, она ведь тебя заест.

— Заест, — покорно сознался товарищ Чикваидзе.

— Я еще подумаю, — сказал товарищ Иванов. — Устал сейчас. Да и водка в голову бросилась.

— Давай поспим, — предложил товарищ Чикваидзе и, не ожидая ответа, отодвинул на середину стола свою тарелку и прочее, положил локти на стол и голову на локти.

— Я только минут пять. Потом сразу проснусь.

Через две-три секунды товарищ Чикваидзе, действительно, спал. Товарищ Иванов докурил папиросу, пытался подумать и о Серафиме, и о самом себе, но никакие мысли в голову не лезли. Он поднялся со стула, взял с кровати свой электрический фонарик, хотел взять пистолет, но вспомнил, что пистолет отобрали таежники, а дома он еще не был и другой взять не успел. Пошарив по другой кровати, он обнаружил и положил в карман пистолет товарища Чикваидзе. Вооруженный таким образом, товарищ Иванов вышел на двор.

На дворе хлестал все тот же крупный холодный дождь, под ногами хлюпала какая-то слякоть... Электрический фонарик выхватил из тьмы лицо того самого беспризорника, который несколько часов тому назад под крик: „дяденька, дай, дай, дай папиросу", — получил от товарища Иванова и пачку папирос и таинственную записку Светлова, спрятанную в этой пачке.

— Ты тут что делаешь? — довольно глупо спросил товарищ Иванов.

Беспризорник дал непечатный, но совершенно исчерпывающий ответ.

— А Марковна говорила, — что никого у нее нет.

— Ну, мы — это не в счет. Ты не бойся, тебя не тронут, директива такая есть.

— Чья директива?

— Пахана нашего.

— А почему?

— А это дело не мое. Директива — так директива. А ты пошел вон. Не болтайся под ногами.

— Я, вот, набью тебе морду.

— Не набьешь. И пистолет свой спрячь, — захотим тебя ликвидировать, так никакой пистолет все равно не поможет.

Беспризорнику было на вид лет шестнадцать-семнадцать. Говорил он непререкаемо авторитетным тоном: за его спиной

стояла „своя бражка", и силу этой бражки товарищ Иванов знал по своему служебному опыту. Вести дальнейшую дискуссию в таком неподходящем ни для какой дискуссии месте. у товарища Иванова не было никакого желания. Да и цели не было никакой. Он плюнул и ушел. Вдогонку ему, тот же беспризорник сказал тем же авторитетным тоном:

— Пей и не бойся, никто не тронет...

Вернувшись в комнату, товарищ Иванов застал Чикваидзе все еще спящим. Товарищ Чикваидзе по мнению Иванова был хорошим парнем и вовсе не дураком — он был только новичком. Немудрено, что машина, в которой, как теперь стало выясняться, и сам товарищ Иванов понимал очень немного, была для товарища Чикваидзе и вовсе непонятной.

Товарищ Иванов снова сел за стол, отхлебнул глоток водки и закурил папиросу. Он, собственно, хотел посвятить вечер некоторым размышлениям, но размышления как-то плохо лезли в голову. Все подавляло чувство какой-то обиды: вот, не совсем же он идиот, а, как оказывается, ничего он не понимал и ничего он не достиг. Он и его жизнь оказывается, зависят не только от Медведева и Бермана, но и от Светлова и даже от этого беспризорника. Еще обиднее было ощущение того, что ему, товарищу Иванову, совершенно не на кого опереться... Вот те же таежники под командой Светлова. Тоже — „своя бражка", уж те друг друга не выдадут. Не выдадут и беспризорники. Разница, правда, есть. Светлов — это одно. Беспризорники, или точнее, бывшие беспризорники — это воры, грабители и убийцы. Однако, даже и у них есть что-то свое. Товарищ Иванов знал, что некоторые и очень высокие чины милиции и НКВД получают какие-то подарки от самых главных паханов, почему эти паханы и остаются безнаказанными, и если гибнет, — то только всякая мелочь. Правда, и чинам случается попадать в подвал. Товарищ Иванов, может быть, в первый раз в жизни ощутил чувство абсолютного одиночества. Это одиночество он чувствовал как-то и раньше, но только теперь вот этот беспризорник довел это чувство до грани сознания и обострил его почти до безнадежности. Что же делать? Ведь, собственно, даже и угла своего нет. Друзей нет. Товарищей нет. Семьи нет. Жены тоже нет — эта востроносенькая — тоже вроде Серафимы, только, вероятно, поумнее.

Товарищ Иванов никогда в своей жизни не думал о таких вещах, как человеческая душа — не приходили они в голову и сейчас. Просто — стало как-то очень тошно. Если бы он был позубастее, как, например, Медведев, тогда... А, впрочем, что тогда? То же самое. Товарищ Иванов еще

раз попытался думать, но это не выходило. Вместо мыслей, возникали мечты.

Вот хорошо бы весной нагрузить лодку провиантом, охотничьей и рыболовной снастью, инструментами и дернуть в тайгу. Тайгу он все-таки знал. Знал и то, что есть места, куда никакая власть не доберется. Соорудить себе избенку и хотя бы просто ждать. Будет какая-то война, да и еще с какими-то атомными бомбами, лучше уж переждать. Незаметно для себя, товарищ Иванов стал даже подсчитывать — сколько может поднять лодка ,сколько запасов он сможет сделать... В таком случае можно будет устроить и фальшивый ордер — потом иди и ищи! Словом, — и лодка, и избенка, и тайга начали становиться почти реальностью, обрастали всякими техническими подробностями, и к концу очередного стакана стали безусловной необходимостью — единственным выходом. Вот сволочь, этот Светлов, — мог же просто взять его с собою на заимку. Правда, откуда Светлов может знать, что у него, товарища Иванова, творится в душе? Вопрос о душе был сформулирован только в порядке обычного словоупотребления, — как поговорка. Дальше этого товарищ Иванов пойти не мог. По всей его жизненной практике такие вещи, как Бог, душа, любовь, дружба и прочее были только устарелыми и привычными оборотами речи, которые не выражали, собственно говоря, решительно ничего конкретного. Но, все-таки, было тошно. Вот, после лет двадцати службы сидит он в воровском притоне, воровски пьет водку и не знает — вот, придет он завтра „домой", а дома, может быть, ордер на арест. Как никак, сдались таежникам без единого выстрела, позволили себя разоружить — да еще и эта записка с беспризорником... Нет, уж лучше лодка и тайга. Нужно будет захватить хороший самогонный аппарат — в милиции есть целый склад конфискованых. А весной будут ягоды, осенью будет мед. Можно будет жить...

Товарищ Чикваидзе поднял голову от стола и посмотрел на Иванова слегка осоловевшими глазами.

— Хочу в Грузию — сказал он без всякого предисловия. — Там вино и солнце, тут тайга и водка. И Серафим там нет. Давай еще выпьем и пойдем спать.

Товарищу Иванову не хотелось говорить ни о солнце, ни о вине, они молча выпили еще стакана по два, потом товарищ Иванов не без труда стянул с себя сапоги, думал раздеться и дальше, — но передумал, свалился и заснул. Снилась ему таежная река, на реке лодка, нагруженная самогонными аппаратами, а в воде русалки — и все они были Серафимы Павловны. От такого зрелища товарищ Иванов проснулся, выпил еще стакан и заснул окончательно.

Серафима Павловна, наконец, выписалась из госпиталя. Или, точнее, ее выписали. Спина и прочие места еще зудели, но ран уже не было и, конечно, лежать в госпитале не было никакого смысла. Перед тем, как покинуть госпиталь, она попыталась получить аудиенцию то ли у Бермана, то ли, в худшом случае, у Медведева. И в том, и в другом ей было отказано — правда ,после каких-то справок и разговоров, и, правда, под тем объяснением, что и Берман, и Медведев больны и никого не принимают. Это все могло быть, но это все оставило в душе Серафимы Павловны осадок какой-то неуверенности.

Из госпиталя Серафиму Павловну отвезли на автомобиле, но уже не на легковом, а на санитарном. Выгрузили ее перед общежитием сотрудников НКВД, где жили и Чикваидзе, и Иванов. От долгого лежания, потери крови, душевных переживаний и прочего такого, — ноги Серафимы Павловны передвигались с большим трудом. В доме был лифт, но он не работал, вероятно, с первого же дня его основания. Серафима Павловна, останавливаясь на каждой площадке лестницы, добралась до третьего этажа. Там на площадку выходило четыре двери, из которых одна вела в квартиру товарища Чикваидзе. К неописуемому удивлению Серафимы Павловны, перед дверью товарища Чикваидзе мирно стояли ее, Серафимы Павловны, вещи: два аккуратно перевязанных бичевкой узелка, картонка, чемодан и сундучок. Это было вовсе непонятно. Подняв голову слегка вверх, Серафима Павловна увидела приколотую к двери краткую записку:

„Пошла к чортовой матери, надоела".

Записка была написана очень нетвердым почерком и подписи под ней не было. Серафима Павловна в изнеможении опустилась на ступеньку лестницы. Нет, глаза ее не обманывали: вот вещи и вот записка. Объяснение всему этому пришло не сразу, но оно пришло: напился, мерзавец, как свинья, и вот . . . Более правдоподобных объяснений Серафима Павловна не нашла. Напился — и теперь спит,как свинья. Ну, я ему покажу.

Обида и ярость удвоили силы Серафимы Павловны. Она встала на ноги и стала молотить кулаками в дверь. Некоторое время это занятие не приводило ни к каким результатам, если не считать того, что из соседних дверей повысовывались какие-то женские головы, хихикнули, позахлопывали двери, и за этими дверьми продолжался заглушенный смех и какие-то комментарии. Однако, через некоторое

время дверь все-таки приоткрылась и в щелку показалась часть лица товарища Чикваидзе.

— Чего скандалишь? Написано: пошла к чортовой матери, стерва! Надоела! У тебя в Лыскове куры твои дохнут.

Серафима Павловна попыталась налечь всей свой тяжестью на дверь, но товарищ Чикваидзе оказался то ли тяжелее, то ли сильнее: дверь снова захлопнулась и защелкнулся английский замок. Никаких иллюзий, значит, не оставалось. Были кое-какие мысли о мерзавцах мужчинах, но они в данный момент не имели никакого практического значения. Одна из дверей снова открылась, за дверью послышался какой-то суровый женский голос, обращенный куда-то во внутрь соседней квартиры, и на пороге показалась серьезная женщина лет пятидесяти. Серьезная женщина обратилась к Серафиме Павловне в очень деловом тоне:

Вы, гражданка, ваши вещики пока ко мне в колидор поставьте, дайте я вам помогу. А то, пока вы там извозчика или тачку будете искать, — их и спереть могут.

Из слов и тона серьезной женщины Серафима Павловна поняла, что та считает и „извозчика" и, следовательно, и отъезд Серафимы Павловны чем-то само собою разумеющимся. Серьезная женщина, вероятно, знала этого мерзавца Чикваидзе лучше, чем она, Серафима Павловна.

Выхода не было никакого. Тупик. Оставалось только это проклятое Лысково с его проклятыми курами. Ну, там она поправится — и тогда еще посмотрим. Горькие слезы капали из глаз Серафимы Павловны, но она последовала совету серьезной женщины, которая помогла ей перетащить вещи в коридор. Никаких дальнейших комментариев к создавшемуся мировому положению серьезная женщина больше не делала.

Серафима Павловна не без труда спустилась на улицу. Как тут найти извозчика, когда на весь город их, может быть, есть десять штук? Несколько вдали, на противоположной стороне улицы, стоял какой-то автомобиль — возле него стоял какой-то человек: может быть, тут что-нибудь выйдет?

Серафима Павловна, шатаясь от слабости, направилась к автомобилю. Человек, стоявший у автомобиля, медленно двинулся куда-то, дальше. Лицо его показалсь Серафиме Павловне как-то знакомым.

— Гражданин, товарищ, — завопила Серафима Павловна, — здесь вещи у меня на вокзал, а сама я из госпиталя, не можете ли вы . . .

Человек, стоявший у автомобиля, несколько повернуся. Да, что-то в нем было знакомое. И странное. Лоб, нос, круги под глазами, — словом, все те части лица, которые обычно не зарастают бородой и всякой прочей дрянью, носили следы старого и глубоко въевшегося загара. Все остальное было то-

же загорелым, но все-таки как-то не так. Стремительное воображение Серафимы Павловны вооружило это лицо недостающими бородой и усами, и тогда перед ней, правда, шагах еще в тридцати, предстал бывший Степаныч.

Серафима Павловна прижала руки к забившемуся сердцу: „ну, конечно, это он". Дальнейшее произошло почти автоматически: Серафима Павловна, присев на мостовую, завизжала диким голосом:

— Товарищи! Граждане! Шпиён. Ей-Богу, шпиён. Американский диверсант. Держите! Держите!

Немногочисленные прохожие исчезли, кто как мог — одни завернули за ближайшие углы улицы, другие нырнули в ближайшие подворотни. Где то, издали какой-то постовой милиционер выхватил наган и стал свистеть во всю мочь, однако, не сдвинулся с места. Кое-какие окна общежития пооткрывались — из них повыглядывали испуганные и любопытные женские лица, а из одного выглянуло и мужское лицо, вооруженное автоматом.

Лицо, вооруженное автоматом, заорало:

— Эй ты, стой, руки вверх!

Бывший Степаныч совершенно спокойно поднял руки вверх. Откуда-то раздался сухой выстрел, мужское лицо, вооруженное автоматом, бессильно свесило свою голову через подоконник. Серафима Павловна визжала во все свои легкие, но все-таки сообразила спрятаться за чугунный фонарный столб. Что-то очень похоже на тяжелую железную палку ударило ее по правому бедру, и Серафима Павловна, обнимая фонарный столб, совсем опустилась на мостовую.

В течение нескольких секунд улица опустела совершенно. Исчезли все прохожие. Исчез бывший Степаныч. Исчез его автомобиль. Только Серафима Павловна продолжала обнимать фонарный столб, теряя сознание от страха, боли, слабости и вообще от всего пережитого. Да еще где-то вдали неистово свистел милиционер. Обитатели общежития бросились к своим телефонам, вызывая дом номер тринадцать, и во всем общежитии спокойствие сохраняли только два человека: убитое лицо мужского пола, которое высунулось было из окна с автоматом в руках, и товарищ Чикваидзе, который просто спал.

После того, как в тяжком, хотя и коротком единоборстве с Серафимой Павловной ему удалось захлопнуть дверь перед самым ее носом, — уверености в окончательной победе у него все-таки не было. Он приложил ухо к двери и стал прислушиваться. Деловой голос его соседки, которую все почему-то звали просто Аграфеной, внес в его душу некоторое успокоение — уж если товарищ Аграфена говорит об извозчике, значит, победа на его, Чикваидзе, стороне. О жизненном и про-

чем опыте товарища Аграфены он был очень высокого мнения. Оторвав ухо от двери, он после короткого, но очень зрелого размышления выпил прямо из горлышка что-то около полубутылки, лег спать, закрыл голову не только одеялом, но и подушкой. Что же касается товарища Иванова, то тот предпочел остаться у Марковны, не без основания предполагая, что дома его могут ждать новые служебные распоряжения. Новые служебные распоряжения, действительно пришли, но товарища Иванова не было. Единственный источник, который мог бы указать на местопребывание товарища Иванова, спал мертвецким пьяным сном.

***

Телефонные звонки оказали свое действие. Минут через десять-пятнадцать после роковой встречи Серафимы Павловны со „шпиёном" — из-за угла показался грузовик с нарядом НКВД, остановился почти у общежития и из него посыпались и солдаты и сотрудники. У двух из них на сворках были сыскные собаки. Серафима Павловна все еще сидела в полуобморочном состоянии, судорожно обнимая фонарный столб, так как никто из общежития не рискнул высунуть носа на улицу. Услышав, что у общежития остановился грузовик, Серафима Павловна собралась с силами и открыла глаза. Прямо против ее носа оказалась раскрытая пасть сыскной собаки — Серафиме Павловне показалось, что это какое-то загробное чудовище и что вообще дела обстоят дрянь. Серафима Павловна потеряла сознание всерьез.

Старший лейтенант государственной безопасности товарищ Сорокин, стоявший во главе данного наряда, приказал внести Серафиму Павловну в дом и немедленно вызвать по телефону карету скорой помощи НКВД. В вестибюле дома он натолкнулся на неопределенное количество женщини разного возраста, которые стали говорить все сразу и, повидимому, рассказывали, что кому в голову взбрело. Из-за перил лестницы третьего этажа перегнулась деловитая товарищ Аграфена и сказала:

— Вы, товарищ Сорокин, идите прямо ко мне, я вам расскажу, тут вам только голову заморочат.

Товарищ Сорокин знал товарища Аграфену, как, впрочем, и всех в этом общежитии. Он пробился через кучку жестикулировавших женщин разного возраста и поднялся на третий этаж. На площадке третьего этажа его ждала товарищ Аграфена. Тем же деловым тоном она прежде всего сообщила, что ее сосед по площадке, товарищ Гмыр, убит пулей в голову наповал и что жена товарища Гмыра там „немного убивается". Товарищ Аграфена так и сказала: „немного убивается". Действительно, на полу у выходящего на улицу окна лежал

человек с очень аккуратно простреленной головой: от переносицы сквозь затылок. Женщина, находившаяся около убитого была, конечно, расстроена, но особенного горя не демонстрировала.

— Вот, — пояснила она товарищу Сорокину, — там был крик насчет шпиона, он высунулся с автоматом, и раз — и нету.

— Чистая работа, — хладнокровно согласился товарищ Сорокин, — а откуда были слышны выстрелы?

— Этого я не знаю, я в кухне была.

Товарищ Сорокин довольно внимательно осмотрел и убитого, и его рану, и его положение, но никаких следственных выводов сделать из всего этого не смог: высунулся человек и получил пулю в лоб. И так как было неизвестно, насколько именно он высунулся, то нельзя было установить откуда именно стреляли — даже и пулевая дыра в стенке не давала никакого ответа на этот вопрос.

Товарищ Аграфена очень коротко и очень деловито рассказала о том, что именно произошло. Товарищ Сорокин выразил желание немедленно опросить товарища Чикваидзе. Товарищ Аграфена пренебрежительно пожала руками:

— Не стоит. Сегодня утром пришел уже в полпьяна. Теперь, надо полагать, и вовсе пьян.

Тем не менее, товарищ Сорокин долго стучал и звонил в дверь Чикваидзе, которому по этому поводу снова приснилось вооруженное вторжение Серафимы Павловны, и он проснулся с чем-то вроде холодного пота на лбу. Открывать или не открывать? Но стук и звонки были очень настойчивыми, и, кроме них, с лестницы доносился гул возбужденных женских голосов.

Товарищ Чикваидзе с трудом сквозь хмель и сон сообразил, что что-то такое все-таки случилось. Проклиная все и вся, он не без труда поднялся с кровати и с еще большим трудом дополз до двери. За дверью ему опять показался призрак Серафимы Павловны. Он открыл дверь, но оставил ее держаться на цепочке и вглянул в образовавшуюся щелку. Вместо Серафимы Павловны, перед дверью стоял товарищ Сорокин.

— Ты совсем или не совсем пьян? — не без некоторого сочувствия спросил товарищ Сорокин.

— Не выспался, — уклончиво ответил товарищ Чикваидзе- — выпил и лег спать.

— Угу, — сказал товарищ Сорокин, — а ты знаешь, что твою Серафиму опять ранили?

— Несчастный я человек, — довольно неожиданно ответил товарищ Чикваидзе.

— Почему несчастный?

— Почему ее не убили? Опять на мою шею сядет!..

— Ну, это уж твое дело семейное. А товарища Гмыра — убили . . .

— Кто?

— Вот в том то и вопрос. Ты ничего не слыхал?

— Я же говорю, пьян был, спал и ничего не слыхал.

— Положим, о том, что ты пьян, ты ничего не говорил, да и без разговоров видно. Словом, ничего не слыхал?

— Ничего.

— Ну и пошел дальше спать .

Товарищ Сорокин спустился этажом ниже и долго звонил и стучал в дверь квартиры товарища Иванова, но эта квартира не проявляла никаких признаков жизни. — „Значит, нет дома, — решил товарищ Сорокин, — только, куда он мог деваться?"

Чины НКВД, рассыпавшиеся по улице, не знали, что собственно им делать. Квартал был привиллегированным. Во всех домиках, домах и особняках жили крупные работники НКВД. Почти напротив общежития был даже и особняк товарища Медведева. Лезть туда с обысками и прочим было бы непредусмотрительно. Под одним из заборов нашли две стреляных гильзы маузеровского пистолета. Место находки обозначили колышками. Товарищ Сорокин попытался что-либо узнать у Серафимы Павловны, но та была почти без сознания. Выругавшись, товарищ Сорокин зашел в ближайшую квартиру и некоторое время провел у телефона. Прибыл санитарный автомобиль, погрузили на одну из коек мертвое тело товарища Гмыра, и на другую — полумертвое тело Серафимы Павловны. Товарищ Сорокин, выйдя из общежития, приказал своим сотрудникам оставаться на месте, наблюдать за окрестностью и ждать дальнейших распоряжений. Сам он втиснулся на шофферское сиденье санитарного автомобиля, который направился к дому номер тринадцатый. От тряски на ухабах мостовой Серафима Павловна кое-как пришла в себя. Придя в себя, обнаружила прямо перед собой чье-то мертвое лицо с простреленной головой и пришла к твердому убеждению, что на этот раз она окончательно попала на тот свет. С этой мыслью Серафима Павловна снова потеряла сознание.

***

Товарищ Сорокин сидел у постели товарища Медведева и с деловитой краткостью докладывал последнему о происшествиях в общежитии и около него. Повествование об изгнании Серафимы Павловны вызвало у товарища Медведева легкий приступ веселости:

— Вот, расхрабрился наш товарищ Чикваидзе, прямо в герои Советского Союза метит . . .

Но, по мере дальнейшего изложения, веселость товарища Медведева начала иссякать. Все это получалось по меньшей

мере странно. Веселость иссякла совсем, когда дело дошло до маузеровских гильз.

— А откуда, по вашему, мог стрелять неизвестный злоумышленник, — спросил он товарища Сорокина.

— Это трудно установить, с точностью. Он мог стоять у забора — за деревом, мог сидеть на заборе и мог стрелять из-за забора.

— А забор-то чей? — спросил почему-то не без некоторого раздражения товарищ Медведев.

— Вот в том-то и дело, — ответил товарищ Сорокин, — это забор вашего особняка.

Товарищ Медведев почувствовал, — пока еще очень смутно, что дело начинает принимать какой-то очень скользкий характер. Забор его особняка? Что за всем этим может скрываться?

— А вы обследовали забор и место за забором?

— Никак нет, товарищ Медведев, без вашего разрешения это было бы не совсем удобно.

Товарищ Медведев слегка закашлялся.

— Вы сделали ошибку, товарищ Сорокин... Да, да, я понимаю, но все-таки ошибку. Сейчас же возьмите с собой следственную группу и самым тщательным образом осмотрите забор. И особняк — тоже. Там живет моя кухарка и моя... экономка. Но, может быть, их не было дома. Или спали. Перед самым забором нет никаких следов?

— Никак нет, никаких — там вымощено булыжником.

— Тэ-эк-с, — сказал товарищ Медведев, — дело, я полагаю, принимает очень запутанный характер.

— Точно так.

В дверь постучали. Вошел жовиальный доктор.

— Разрешите доложить, товарищ Медведев, — ничего особенного, так сказать, ветчина несколько прострелена, кость не задета... Правда — нервный шок, осложненный предыдущим ранением, семейной неприятностью, — но ничего мало-мальски угрожающего.

— А говорить с ней сейчас можно?

— Да, можно. Я дам ей успокаивающую инъекцию, на десять минут она придет в себя и потом заснет.

— А как генерал Буланин?

Жовиальный доктор искоса посмотрел на товарища Сорокина.

— Можете говорить. Как с ним?

— Собственно говоря — агония. Может быть, до вечера еще будет жить. Все о каких-то папиросах говорит в бреду.

— Так я сейчас к товарищу Гололобовой.

Товарищ Медведев тяжело, с помощью доктора и товарища Сорокина, поднялся на ноги. Проходя к двери он мельком взглянул на себя в зеркало. Из зеркала смотрела пожелтев-

шая, опухшая физиономия с синевой и мешками под глазами и с выражением плохо скрытого страха в этих глазах.

„Опустился, черт меня дери, сказал про себя товарищ Медведев. Нужно взять себя в руки. Нужно взять себя в руки".

Он даже и про себя не договорил о том чувстве, все больше и все ближе нависающей смертельной опасности, в какую его все глубже и глубже втягивала вся эта светловская история.

Жовиальный доктор извинился: он пройдет вперед, сделает инъекцию и потом вызовет товарища Медведева. Товарищ Медведев остался стоять в коридоре. Товарищ Сорокин сейчас же уехал продолжать свое следствие. Товарищ Медведев еще раз посмотрел на себя в зеркало, прибитое к коридорной стене, и еще раз отметил то чувство сдавленного страха, которое виднелось в его глазах. Было ли видно это чувство и другим? Нет, нужно взять себя в руки . . .

***

Серафима Павловна снова очутилась на той же койке, с которой ее выписали часа полтора тому назад. Ей что-то вспрыснули, перевязку она перенесла в полусознательном состоянии, потом доктор куда-то исчез, потом он вернулся, сделал еще одну инъекцию, от которой по телу Серафимы Павловны прошло какое-то успокоение. Укладывая в металлическую коробочку свой шприц, доктор сказал:

— А вас, товарищ Гололобова, хочет видеть товарищ Медведев, он сейчас зайдет . . .

В душе Серафимы Павловны мелькнуло что-то вроде злорадства: „Вот, только что, — и принять не хотел, сказали, что болен, а сейчас и сам сюда идет. Ох, и сволочь, — подумала Серафима Павловна. — Ох, и сволочь же, везде сволочь" . . .

Доктор открыл дверь, в которую тяжко вошел тов. Медведев, пододвинул ему стул и помог усесться. — Товарищ Медведев как бы простирал над Серафимой Павловной свою загипсованную и как бы благословляющую руку.

— Не везет вам, Серафима Павловна, — сказал он интимно дружественнм тоном . . .

— Ох, и не говорите. Прихожу — больная, домой, а этот подлец, мерзавец, негодяй выбросил мои вещи . . . — Серафима Павловна, следуя выработанному ею самой трафарету хотела было что-то сказать о похищенной невинности и об этих сволочах мужчинах, но во время удержалась.

— Ну, об этом — позже, — мягко сказал товарищ Медведев. — А что это за шпион, которого вы увидали на улице?

— Как, что за шпиён? Ваш шпиён, тот самый.

Товарищ Медведев даже откинулся назад на спинку стула, — Е г о шпиён? Да еще из-за его забора?

— Ваш, — упорно твердила Серафима Павловна, — вот тот, самый сторож, что на охоте, егерь или как его, Степанычем, кажется, звали, что в меня стрелял. Тот самый. Только рожа выбрита. Вид этакий интеллигентный на себя напустил, а там, где выбрито, — шкура как у поросенка, даром что чем-то замазал. Он самый! Мне чего врать? А когда какой-то гражданин крикнул ему из окна „руки вверх", так он и руки поднял, — ему чего, знал, что он тут не один, тут цельная банда, помяните мое слово. Счастье мое, что я еще за столб спряталась, — лежать бы мне сейчас на том свете, — это как Бог свят! Он самый!

— Но, все-таки, вы, вероятно, успели услыхать, из какого направления шли выстрелы?

— Из того же самого, из-за забора. Особняк там стоит, — такой шикарный, вот, по моему, из этого особняка. Вот, живут же люди, как люди, и особняк и все такое. А мне-то куда деваться? Спасибо еще, что соседка этого подлеца вещи мои к себе взяла, — а то куда же я, больная, раненая? . . . Извозчика не найти. А чего мне назад в Лысково ехать, что я там буду делать? — Серафима Павловна даже слегка всхлипнула.

Товарищ Медведев все яснее и яснее начинал понимать, что его положение приобретает довольно мрачный оттенок. Не будь этой проклятущей бабы, не было бы, может быть, всей этой истории с Дубиным, со Степанычем, с генералом Буланиным. Но как бы то ни было, товарищ Медведев не мог не признать, что взгляд у Серафимы Павловны, несмотря на ее совершенно очевидную глупость, пронзителен до чрезвычайности. И что ссориться с ней нет смысла.

— А вы не беспокойтесь, Серафима Павловна, — сказал он по мере возможности дружественным тоном, — в Лысково вам, действительно, возвращаться нечего. Я вас тут в штат и на паек зачислю, комнату вам дадим, постепенно подучитесь, можете стать полезным работником.

Слезы, выступившие было на глазах Серафимы Павловны, высохли мгновенно. Правда, нужно было бы еще покочевряжиться, поломаться, но как и в давнем случае с товарищем Чикваидзе в Лыскове, — события неслись слишком стремительно.

— Спасибо вам, товарищ Медведев, я уж постараюсь. И Дуньку эту самую найду.

— Какую Дуньку? — спросил в некоторой рассеянности товарищ Медведев.

— Вот ту самую, которая из Лыскова. Тут она всем делом заворачивает, это уж как Бог свят.

О святости Господа Бога товарищ Медведев спорить не стал. Не стал спорить и о Дуньке. Опираясь здоровой рукой о край кровати Серафимы Павловны, он с трудом поднялся на ноги.

— Так вы пока выздоравливайте. Придется малость полежать. А все остальное уж я устрою.

Серафима Павловна осталась одна. Бедро тупо болело, в голове шумело от инъекций, но вдали вырисовывалась какая-то светлая полоска: зачислят в штат, дадут паек и комнату. Эх, нужно было бросить эту сволочь Гололобова давным давно, когда помоложе была. А так — жизнь прошла в темном месте, в дыре, в дыре, среди каких-то мужиков . . . постепенно сознание Серафимы Павловны начало тускнеть.

***

Товарищ Медведев вышел в корридор, по рассеянности завернул не в ту сторону, потом вернулся в свою комнату . . . еще раз посмотрел в зеркало и еще раз увидел пожелтевшее, опухшее и осунувшееся лицо, и глаза затравленного зверя. Нет, с этим нужно как-то справиться . . . Товарищ Медведев, стоя, выкурил папиросу и решил отправиться к Берману. По своему опыту он знал, что опасность нужно встречать, а не ждать, пока она свалится неизвестно откуда. Опасность, конечно, нависла. Старая ненависть между ним и Берманом за это время успела как-то конкретизироваться: Берман почти открыто обвинял Медведева в том, что он, Медведев, как-то „не справился" с засевшей у него под носом организацией. А, может быть, подозревал нечто больше: соучастие в ней Медведева. Медведев подозревал самого Бермана, а история с папиросами довела взаимные подозрения до пункта, за которым должна была последовать гибель одного из них. „Но, что именно наболтал в бреду генерал Буланин?... Не повезло. Не повезло. И — еще это дурацкое ранение и сегодняшнее открытие Серафимы Павловны".

Здоровой рукой товарищ Медведев сполоснул над умывальником свое лицо, растер его жестким полотенцем и двинулся к товарищу Берману.

К его неприятному удивлению, у товарища Бермана сидел какой-то человек, лицо которого было совсем незнакомо. Это было железное лицо с резкими и неподвижными чертами, с широким лбом, крепко очерченными челюстями и с как будто рассеянным, но очень пристальным взглядом серовато-зеленых глаз — глаз змеи. Человек был крепко скроен и сидел у товарища Бермана с видом скорее хозяина, чем гостя.

Товарищ Берман обычным скупым движением руки указал на свободный стул.

— А это — товарищ Кочетков, — сказал он, — товарища же Медведева вы, конечно, знаете.

По тону товарища Бермана трудно было определить — хотел ли он представить друг другу Кочеткова и Медведева, или просто назвал эти два имени в порядке информации. Но

как бы то ни было, товарищ Медведев почувствовал нечто вроде озноба на спине.

Имя товарища Кочеткова он слышал. Впрочем, у товарища Кочеткова были и другие имена, как имя Кочеткова иногда носили и другие люди. Все они составляли так называемый штаб личной охраны товарища Сталина. Их не знал почти никто. Говорили, что их было шесть человек, говорили, что их было десять человек. От остальных смертных работников самых узловых пунктов советской власти они отличались своими удостоверениями. Эти удостоверения были отпечатаны на особой аллюминиевой бумаге — или, точнее, пластинке и начинались с того, что „предъявитель сего, такой-то, по специальному поручению генералиссимуса Союза Советских Социалистических Республик Иосифа Виссарионовича Сталина, уполномочен" . . . Полномочия были практически неограниченными.

Об этих людях, — их называли „личной шестеркой", — хотя, может быть, их было и больше шести, — даже самые высокие партийные вельможи не говорили ничего: не было „принято". Тут сказывалась та неписанная конституция всеобщего страха, которая налагала всеобщий запрет на некоторые темы и вопросы советской жизни. Были вещи, о которых знали все и о которых не смел говорить никто. Были вещи, которые знали очень немногие, но и немногие не смели говорить ничего. Нужно было делать вид, что никто об этом ничего не знал. И, что этого не существует вовсе. Правда, даже и сам Медведев, при всем своем служебном положении и служебной и партийной информации, знал об этом очень немного, — почти ничего. Знал ли Берман на много больше?

Товарищ Кочетков коротко кивнул головой товарищу Медведеву. Товарищ Медведев взял стул и уселся по другую сторону кровати. Он предпочел сделать вид, что ни о личной шестерке, ни о товарище Кочеткове, он никогда не слыхал ничего.

— Я, товарищ Берман, хотел доложить вам о новом происшествии . . . .

— Я уже знаю. При товарище Кочеткове вы, понятно, можете говорить все. Надеюсь, вы о нем слыхали? — В голосе товарища Бермана проскользнуло нечто вроде иронии.

Товарищ Медведев слегка пожал своим здоровым плечом. Вопрос носил несколько провокационный характер.

— Всякие слухи по земле ходят, товарищ Берман, — сказал он неопределенно. — И не всякие слухи мы имеем право проверять.

Ответ, видимо, понравился товарищу Кочеткову. В его зеленоватых глазах появилось нечто вроде веселости.

— В общем, товарищ Медведев, на вас свалилась, так сказать, целая полоса всяких неприятностей.

В тоне и в глазах товарища Кочеткова Медведеву показалось что-то хищное. Но, может быть, — только показалось?

— Это, товарищ Кочетков, не в первый раз. Но теперь, боюсь, все это принимает более серьезный характер, чем я предполагал. Я приказал обыскать там все: и мой особняк, — в частности.

— Правильно, — сказал товарищ Кочетков, — двое моих людей тоже там.

Товарищ Медведев снова почувствовал нечто вроде озноба в области позвоночного столба. Выходило и в самом деле плохо: товарищ Медведев был достаточно стреляным воробьем и отдавал себе достаточно ясный отчет в том, как мог Берман использовать все это почти невероятное сплетение событий. До истории с папиросами было еще неясно: имело ли для Бермана какой бы то ни было смысл это использование? Сейчас не оставалось почти никаких иллюзий: Берман что-то пронюхал, что-то заподозрил и постарается отделаться от Медведева возможно скорее.

В дверь постучали. Товарищ Кочетков хозяйским тоном сказал: „Войдите!" Вошел все тот же жовиальный доктор, на лице которого на этот раз отражалась серьезность положения.

— Разрешите доложить, товарищ Берман: генерал Буланин скончался.

Никто не сказал ни слова, но почему-то все четыре пары глаз посмотрели на коробку с папиросами, лежавшую на столике у кровати товарища Бермана. И все как-то заметили эти взгляды. Доктор продолжал стоять почти у дверей со своим стетоскопом в руке, как будто ожидая каких-то дальнейших распоряжений.

— Так-с, — скаказ товарищ Берман. — Можете итти. О дальнейшем я вам сообщу.

Жовиальный доктор сделал общий поклон и исчез. Товарищ Медведев чувствовал себя так, как если бы он очутился связанным посередине между очковой змеей с одной стороны и чем-то вроде тарантула — с другой.

— Вам обоим, товарищи, — сказал Кочетков, — нужно бы просто взять отпуск и поправиться.

Товарищ Берман промолчал. Товарищ Медведев слегка склонил голову.

— Если будет приказ, то, конечно. Лично я часть своих обязанностей все-таки могу выполнять.

Товарищ Медведев понимал прекрасно: отпуск в такой момент означает почти отставку и, кроме того, означает полную беспомощность.

Товарищ Кочетков посмотрел на него все тем же хищно-веселым взглядом.

— Нет, ни о каком приказе речи нет. Я только не думаю, чтобы товарищу Берману, в его нынешнем состоянии, было-бы

очень полезно ломать голову над какими бы то ни было проблемами . . .

— Я полагаю, — сухо сказал товарищ Берман, — что через несколько дней мы кое-что выясним.

— Я этого не полагаю, — неожиданно резко сказал товарищ Кочетков. — Валерия Михайловича Светлова считают самым опасным врагом советской власти — самым опасным в мире. Я полагаю, что основания для этого вполне достаточны. Так что вы, товарищ Берман, виновны в том, — тут голос Кочеткова снова принял какой-то ехидно веселый характер, — вы, в частности, виновны в том, что судьба вас столкнула с самым опасным человеком в мире. Вот, до сих пор и мы с ним не справились. Очень сомневаюсь в том, чтобы нам это удалось в ближайшие дни.

— Я не говорил о том, что мы справимся. Я сказал только, что мы кое-что выясним.

— А я даже и в этом сильно сомневаюсь. Посмотрим, впрочем, что даст сегодняшний осмотр . . . Думаю, что не даст ничего.

— Разрешите доложить, — сказал товарищ Медведев, — я решил зачислить товарища Гололобову в штат. Она, конечно, дура, но глаза у нее видючие . . . И, кроме того, все-таки два раза ранена.

— Ничего не имею против, — ответил товарищ Берман.

Товарищ Кочетков встал со стула.

— Я пока что займу ваш кабинет, товарищ Берман. — Значит — пока . . .

Не ожидая никакого ответа, товарищ Кочетков вышел из комнаты. Товарищ Медведев тоже встал.

— Если будут какие-нибудь распоряжения . . .

— Нет, пока никаких. Идите и отдыхайте.

Товарищ Медведев направился к двери и по дороге к ней увидел в зеркале лицо Бермана. Лицо было, как и прежде, — насекомое. Но в глазах товарищ Медведев прочел такую ненависть и такое презрение, каких он в Бермане никогда не замечал. Было ясно, что случайного отражения в зеркале товарищ Берман не предусмотрел и на какое-то мгновение он ослабил свою привычную маску и из-под нее выглянуло то, что можно было бы назвать душой товарища Бермана. Выражение ненависти не произвело на товарища Медведева ровно никакого впечатления: мало ли таких выражений видал он на своему веку? Но презрение было гораздо хуже: как будто Берман уже одержал какую-то победу, и уже наслаждается гибелью Медведева, осмелившегося вступить с ним, Берманом, в какую бы-то ни было борьбу.

Товарища Медведева снова охватило то же ощущение, которое так часто охватывало товарища Чикваидзе — ощущение полуслепого щенка, попавшего во внутренность какой-то чудо-

вищной машины, где плохо понятные, или вовсе непонятные зубчатки, шестерни, колеса, рычаги, валы и прочее вертятся с головокружительной силой и скоростью, и в которых даже он, товарищ Медведев, понимает, как оказывается, очень мало. В голове товарища Медведева мелькнула довольно странная мысль: а вдруг и „генералиссимус" тоже понимает не очень много? Может быть, весь этот аппарат живет и убивает, действует и давит, так сказать, сам по себе. Вот примерно так, как камень столкнутый с высокого обрыва, катится дальше сам по себе — попробуйте остановить? . . .

Товарищ Медведев вернулся в свою комнату и вызвал доктора Шуба. Жовиальный доктор, — как и почти всегда, казалось, только и ждал, что этого вызова — он появился моментально.

— Вы мне, доктор, вспрыскивание какое-нибудь дайте. Расклеился. Голова болит, рука болит . . .

Жовиальный доктор слегка развел руками.

— Я — сейчас. Но, конечно, товарищ Медведев, вам необходим отдых. И товарищу Берману, конечно, тоже. Может быть, ему еще больше, чем вам.

Новый намек на отдых или отпуск вернул товарища Медведева к его прежним опасениям. Правда, нельзя было предполагать, что товарищ Кочетков будет как-то делиться своими соображениями с этим вот жовиальным доктором, но ведь бывает и так: ползут, ползут какие-то слухи, намеки, предположения, а потом, оказывается, что за всеми ними стоит что-то очень реальное. Словно как-то и кем-то создается какая-то атмосфера . . . Атмосфера, в которой сейчас находился товарищ Медведев, ему очень не нравилась. Со всех сторон нагромождались какие-то неприятности, катастрофы. Его, Медведева, авторитет падал с каждым днем — даже и у его подчиненных. Прибытие Бермана, потом Буланина и вот, сейчас, Кочеткова показывало всем, что центр считает его, Медведева, по меньшей мере, недостаточно „крупным" работником для данного задания. Это понимают, конечно, все служащие дома номер тринадцатый. Понимают также и то, что неудачи последнего времени на кого-то будут свалены, — виноват ли человек или не виноват, — это никакой роли не играет. Нужно найти виновного. И товарищ Медведев с достаточной ясностью понимал, что для этой роли он годится больше, чем кто бы то ни было иной.

Доктор вернулся со шприцем и ампулами. В его лице товарищ Медведев уловил, — или ему показалось, что уловил, — то выражение, которое как-то почти автоматически окружает впадающих в опалу сановников. Никто еще ничего не знает, никто еще ничего не говорит, но как-то чувствуется: человек сорвался и теперь человека сбросят.

Инъекция вернула товарищу Медведеву некоторую часть

его обычного самообладания. Но и оно помогло мало. Да, конечно, его, Медведева, никак не информировали обо всем этом светловском деле. Значит, не нашли нужным, или возможным информировать. Значит, кто-то не доверял. Потом прислали Бермана, потом Буланина, потом Кочеткова. И все это совершенно в обход Медведева. Из них трех — Буланин уже погиб, Берман ранен, Кочетков что-то, вероятно, планирует — привез с собою каких-то „своих людей". Товарищ Медведев перелистал в своей памяти все происшествия недавнего времени, — начиная с появления Светлова на станции Лысково и кончая появлением Кочеткова в доме номер тринадцатый. Конечно, все складывалось против товарища Медведева. А тут еще и эти папиросы! Что говорил о них умирающий Буланин? Что он прокричал там, попав в осаду? В какой степени Берман мог связать разговор о папиросах с подозрениями о слежке за ним со стороны Медведева? Что-то, конечно, заподозрил. Что именно? Но что бы Берман ни заподозрил, он, постарается Медведева съесть. Если бы не эта раздробленная рука, Медведеву сейчас же нужно было бы лететь в Москву. Правда, и здесь совсем не исключалась возможность, что его арестовали бы на аэродроме.

Товарищ Медведев достал из ночного столика еще не законченную бутылку коньяку, отхлебнул глоток, закурил папиросу и почему-то стал думать, как глупо все это получилось. Партизанствуя против белой армии Колчака, — мог ли он представить себе все, что произошло в результате его, Медведева, и сотен тысяч таких Медведевых усилий и жертв? Правда, последние годы жил он барином. Правда и то, что зажирел он несколько, сидя здесь в Неелове, не ездил на поклон в Москву, как-то запустил свои старые партийные связи . . . Но все-таки, разве это жизнь? Разве за это боролись сотни тысяч Медведевых? И сколько из них сейчас осталось в живых?

Товарищ Медведев никак не страдал от избытка каких бы то ни было моральных соображений. Борьба есть борьба. Цель этой борьбы как-то постепенно-постепенно затуманилась, изменилась, — кажется, была раньше какая-то идея? А, может быть только какой-то протест? А потом — вот оно и пошло. Пост. Особняк. Право над жизнью и смертью любого из обитателей Средней Сибири. Но теперь — право жизни и смерти у Бермана или Кочеткова над ним, Медведевым. Да, если бы не рука, нужно бы в Москву.

Но Москва была утопичной. Товарищ Медведев еще раз отхлебнул из бутылки, еще раз здоровой рукой сполоснул под умывальником свое лицо и растер его полотенцем, как-то бессознательно пытаясь смыть и стереть с этого лица и с глаз выражение затаенного ужаса. Еще раз вспомнил ненавидящий взгляд Бермана, взгляд сладострастного насекомого, уже за-

пустившего свое ядовитое жало в тело своей жертвы... Нет, надо идти напролом. Борьба есть борьба.

Товарищ Медведев вышел из комнаты и, петляя по бесконечным корридорам уцелевшей части дома ном. тринадцатый, подошел к кабинету, ныне занимаемому товарищем Кочетковым. Перед кабинетом была секретарская, в которой не было никого, а у двери из секретарской в кабинет стояло двое часовых. Наличие этих часовых вызвало у товарища Медведева новый приступ страха и чего-то вроде возмущения.

— Вам — чего? — кратко спросил один из часовых.

— Моя фамилия — Медведев, мне срочно нужно видеть товарища Кочеткова.

Часовой осмотрел товарища Медведева с ног до головы. И потом, ничего не говоря, повернулся и исчез в двери. Товарищ Медведев ясно почувствовал, что в доме номер тринадцать он уже не хозяин. Хозяин кто-то другой. Может быть, даже и не Кочетков?

Часовой возвратился через несколько секунд. Открыв двери перед товарищем Медведевым, он сказал так же коротко:

— Входите.

Товарищ Медведев вошел. За столом, за которым когда-то раньше восседал он сам, Медведев, потом Берман, теперь сидел человек с железным лицом и холодно зеленоватыми глазами — товарищ Кочетков. Войдя товарищ Медведев сделал здоровой рукой жест, указывающий на два кресла, стоявшие в углу комнаты. Товарищ Кочетков, не выражая на своем лице ровно ничего, последовал этому жесту и молча сел в одно из кресел.

— Я полагаю, — сказал товарищ Медведев, — что там у стола где-то есть микрофон.

Товарищ Кочетков не ответил ничего и в его лице не было даже никакого вопроса. Он просто смотрел на товарища Медведева и ждал.

Товарищ Медведев чувствовал, что сейчас наступает, может быть, самый решающий момент его жизни.

— Если бы не мое ранение, — сказал товарищ Медведев очень тихим голосом, — я счел бы необходимым лететь в Москву для личного доклада. Очень может быть, что я ошибаюсь, и что связь с Валерием Светловым входит в высшие планы...

На железном лице не отразилось ничего. Холодно зеленоватые глаза продолжали смотреть на товарища Медведева все с тем же змеиным выражением.

— Дело заключается в двух вещах, товарищ Кочетков. Первая: у товарища Бермана была встреча с Валерием Светловым, — длилась она, вероятно, четверть часа. И — вторая: после этой встречи товарищ Берман запретил принимать какие бы то ни было репрессивные меры по отношению к заимке Еремея Дубина. Я полагал — и теперь полагаю, — что своевременно высланный отряд парашютистов мог бы захватить

на этой заимке и Валерия Светлова и кое-каких из его сообщников.

— Какая встреча? — довольно резким тоном спросил товарищ Кочетков.

Товарищ Медведев вынул из кармана свой портсигар и протянул его товарищу Кочеткову. Очень сжато он рассказал о том, как именно попали окурки папирос и обрывок записки в его руки, и что именно, по его соображениям, могло происходить на перевале. Товарищ Кочетков, взял портсигар, осмотрел, и даже обнюхал окурки, впился глазами в обрывок записки, закрыл портсигар и положил его себе в карман.

— А вы не делали дактилоскопического анализа этой записки?

— Никак нет. В данных условиях это могло бы быть неудобно. Кроме того, почерк не оставляет никакого сомнения.

На железном лице не отразилось решительно ничего. Но товарищ Медведев не даром тридцать лет варился в партийном соку, чтобы не почувствовать: товарищ Кочетков все-таки клюнул.

Ничего не говоря, товарищ Кочетков откинулся на спинку кресла, закурил папиросу, потом, как бы спохватившись, предложил другую и Медведеву. Несколько минут оба сидели в полном молчании: товарищ Медведев в ожидании дальнейших вопросов, товарищ Кочетков в каких-то размышлениях.

— Я вас, товарищ Медведев, знаю, — сказал товарищ Кочетков. — Вы, конечно, тоже знаете, что общее положение дел здесь может быть поставлено вам в вину . . .

— Прошу извинить, товарищ Кочетков. Я полагаю, что мне что-то было поставлено в вину до вот этого общего положения . . .

Товарищ Кочетков чуть-чуть поднял одну бровь . . .

— Иначе я был бы информирован заранее, — продолжал товарищ Медведев. — Возможно, просто, что центр не считал достаточной мою квалификацию . . . Возможно, конечно, и другое. Конечно, какая-то организация у меня тут под боком существовала и раньше, но мы о ней не могли знать, как не может знать угрозыск о воре, который еще не украл.

Товарищ Кочетков молчал и курил. Товарищ Медведев тоже курил и молчал.

— На каком расстоянии друг от друга они, по вашему, сидели там на перевале?

— Метрах в двух.

Товарищ Медведев почувствовал некоторое облегчение: опасность того, что Кочетков мог быть в каком-то тайном личном союзе с товарищем Берманом, казалось, отпала.

— Что вы думаете по этому поводу? — спросил товарищ Кочетков.

Товарищ Медведев пожал своим здоровым плечом.

— Для того, чтобы думать, у меня данных нет.

Товарищ Кочетков почти улыбнулся. Повидимому, медведевскую фразу он понял в несколько обобщенном значении.

— Но, — в данном случае?

— Я только о данном случае и говорю . . . У меня нет решительно никакой информации, а догадываться можно обо всем, что угодно.

— Вы не особенно обижайтесь, товарищ Медведев, всю информацию о данном случае имеют только четыре человека в СССР.

— Считая Светлова? — В интонациях товарища Медведева слышалась месть по поводу „данного случая".

— Нет, не считая Светлова. Но, может быть, и у вас есть информация, какой, например, может быть, нет у меня?

— Кроме того, что я вам доложил — никакой.

— И догадок — тоже никаких?

Товарищ Медведев еще раз пожал своим здоровым плечом . . .

— Догадки? Не знаю. Вот, например, пропажа портфеля умершего товарища Кривоносова . . .

— Расскажите . . .

— После высадки этого Светлова на станции Лысково, туда были направлены: отряд кавалерии и товарищ Кривоносов — насколько я понимаю, он был посвящен в операцию больше, чем я. Я, впрочем, не был посвящен вовсе. Полковник Кривоносов был тяжело ранен и потом умер здесь, в присутствии товарища Бермана, а его портфель исчез еще на станции Лысково, в квартире местного партийного работника, в момент ранения товарища Кривоносова. Не знаю — что все это может означать и означает ли вообще что-нибудь.

По железному лицу товарища Кочеткова не было видно, что именно он знает из всей этой истории, чего он не знает и какое впечатление производит на него ссылки на деятельность товарища Бермана.

— А вы еще подумайте, товарищ Медведев . . . Да, конечно, в такой обстановке вам в отпуск итти нельзя.

Фраза об отпуске подействовала на товарища Медведева несколько ободряюще. Здоровой рукой он полез в карман своего халата и достал оттуда аккуратно сложенный клочек бумаги:

— Вот это, товарищ Кочетков, я нашел приколотым к подушке моей койки — часа полтора тому назад.

Товарищ Кочетков довольно равнодушно взял в руки этот клочек бумаги, развернул, и даже на его непроницаемом лице выразилось нечто вроде изумления.

— На вашей подушке?

— Точно так. Ко мне прибыл майор Иванов с докладом о происшествии, я выслушал его, потом вместе с ним пошел

к бойцам, участвовавшим в экспедиции, закрыл за собою дверь на ключ, и когда вернулся — нашел вот это. Почерк, я полагаю, вам знаком.

Товарищ Кочетков поднял свои змеиные глаза от записки:

— Есть ли от вашей комнаты второй ключ?

— Точно так, имеется. Я проверил. Его никто не трогал. Нужно, конечно, произвести дактилоскопический анализ. Пока что на этой записке могут быть мои и ваши отпечатки.

Товарищ Кочетков достал из кармана портсигар с окурками и обрывком светловской записки, внимательно сверил почерка и сказал:

— Да, конечно, это тот же самый почерк. Или, во всяком случае, очень хорошая подделка. Значит — на вашей кровати и в комнате, которую заперли вы сами . . .

— Точно так.

— Радио связь у них есть, это, конечно, вы и сами знаете, — сказал раздумчиво тов. Кочетков. — Но записку нельзя передать ни по какому радио. Значит — одно из двух: или текст записки был передан по радио и записка была подделана здесь, или есть также и авиосвязь. И, кроме того, есть очень надежная агентура здесь.

— Точно так, товарищ Кочетков. Я не полагаю, чтобы этот отдел был хуже других. Или на много хуже других. Сидели мы, работали и ничего не предполагали. И — вот! Конечно, вместо булавки с запиской могли бы воткнуть и иголку с ядом. Или что-нибудь в этом роде. Я вас, товарищ Кочетков, потому и позволил себе пригласить в этот угол для беседы, потому что — чорт его знает, может быть у стола и микрофон имеется?

Товарищ Кочетков как-то автоматически оглянулся на стол.

— Вы никому еще об этой записке не говорили?

— Никак нет, никому.

— Какой круг людей мог бы иметь доступ в вашу комнату?

— Врач и санитары. Нынешний дежурный — я его спрашивал, — сидел в комнате санитаров и утверждает, что никто не брал ключа — запасной ключ висит на доске в дежурной комнате. Товарищ Медведев несколько недоуменно пожал своим здоровым плечом: — На участника какого бы то ни было заговора этот парень вовсе не похож. Но я полагал бы установить за ним самое тщательное наблюдение.

Товарищ Кочетков несколько недоверчиво поморщился:

— Да, конечно. Вопрос только в том, кто будет его вести? В Лыскове оказалось гнездо, в вашем заповеднике — другое. Здесь теперь — третье.

— И не одно, тов. Кочетков. Я — старый работник и партии и НКВД. Я понимаю очень хорошо: этот Светлов здесь больший хозяин, чем мы с вами. Он знает, что мы делаем. Может

быть, знает и что мы сейчас говорим. Вместо записки могла быть отравленная иголка или яд в графине с водой или взрывчатый снаряд — словом, убрать меня он почему-то не хочет, — как не захотел убрать и товарища Бермана. А ведь не стоило ничего!

— Вы уверены в том, что ваши наблюдения над местом предполагаемой беседы — правильны?

— Таких папирос, как у товарища Бермана, нет, вероятно, нигде больше в Союзе, а такого табаку, как у этого Светлова, — здесь в Сибири я, во всяком случае, не видел. Товарищ Берман был, конечно, так сказать, в плену — и его из этого плена почему-то выпустили. Может быть, и мы с вами тоже в плену? И нас с вами этот Светлов тоже почему-то не убирает со своей дороги?

Товарищ Кочетков пристально посмотрел на товарища Медведева и не ответил ничего.

— Я очень хорошо понимаю — меня можно рассматривать, как не справившегося . . .

— Мы пока все еще не справились . . .

— . . . Но за данный отдел отвечаю, или отвечал, все таки я. А отделом распоряжается Светлов. И моей жизнью, собственно тоже.

— Пока что, товарищ Медведев, нужно всемерно усилить охрану Нарынского научного изолятора.

— Об этом я тоже думал. Но для этого нужны военные части из Москвы.

— А ваши — недостаточно проверены?

— Полагал, что достаточно. Но может быть, что именно в проверенные части они и всаживают своих людей. Или как-то обрабатывают наших. Вы сами говорите — здесь тоже гнездо. Стоит ли брать новую охрану из этого гнезда? Я полагал бы необходимым устроить здесь негласную чистку и поставить сюда новых людей. После этой записки я, к сожалению, ничего гарантировать не могу. Если в моей комнате . . .

Товарищ Кочетков еще раз осмотрел записку и положил ее в портсигар с окурками.

— Идите пока и отдыхайте, товарищ Медведев. Мы обо всем этом еще поговорим. Вероятно, завтра . . .

Тон товарища Кочеткова не говорил ничего. Товарищ Медведев медленно и грузно поднялся со стула. А что, если товарищ Кочетков все таки находится в какой-то смычке с товарищем Берманом? Тогда он, Медведев, — пропал. Но если и не находится, — то все таки никакой гарантии за завтрашний день нет. Только сейчас товарищ Медведев поймал в самом себе постоянное ощущение какой-то вины. Вины он не чувствовал за собою решительно никакой. Но ощущение виновности было всегда — без вины виноватый. В сущности, всегда нужно было перед кем-то как-то оправдываться, на

кого-то сваливать какую-то вину, искать виновных, где их не было, и расстреливать людей, которых, совершенно ясно, расстреливать было не за что. Теперь — тоже совершенно ни за что могут расстрелять и его. Хотя бы и тот же Кочетков — не говоря уже о Бермане.

Товарищ Медведев вошел в свою комнату и прежде всего тщательно осмотрел постель. Знал, что это было глупо: если бы хотели отравить ,то уже отравили бы. Может быть, и давным давно. Но все-таки даже и глоток коньяка, извлеченного из ночного столика, казалось, имел какой-то подозрительный привкус: тоже, конечно, было глупо. Все как-то было глупо.

Товарищ Медведев сделал все-таки еще один глоток, — несмотря на подозрительный привкус, — и с трудом улегся на койку. Конечно, все это было глупо . . .

Товарищ Медведев почему-то вспомнил своего отца — тот был каким-то унтер-офицером. Узнав, что его сын действует в отрядах красных партизан, отец набил ему морду, проклял и прогнал. И прогоняя, говорил:

— Убьют, так и чорт с тобой. А если не убьют, так всю жизнь потом будешь, сволочь, каяться. И людям жизнь искалечишь и себе искалечишь.

Ну, и еще что-то в этом роде — особенно отчетливо всех этих слов товарищ Медведев не помнил. Потом как-то случайно узнал, что отец где-то и кем-то был расстрелян. Особенного впечатления на товарища Медведева это сообщение не произвело. А вот теперь выходит так, что отец все-таки будто был прав. Отец, конечно, своего особняка не имел, но имел домик — действительно свой, собственный. Конечно, козырял по начальству — но, как помнится товарищу Медведеву, не боялся решительно ничего. И водку пил, и огурцом закусывал — икры и балыка у него, правда, не было. Но зато не было ни Берманов, ни Кочетковых, ни Светловых, ни вот этого постоянного страха перед чем-то.

Товарищ Медведев даже усмехнулся, — как-то криво и даже озлобленно. И усмехнувшись, поймал самого себя на мысли о том, что если бы, например, товарищ Кочетков увидал бы эту усмешку, то могло бы получиться нехорошо: очень уж оппозиционная, должно быть, была усмешка. И в самом деле, вот, в начальство вылез. А булавок боится, и окурков боится, и Светлова боится, и Бермана боится. Правда, люди боятся и его, Медведева, да какой в этом толк? Нет, папаша был прав.

Товарищ Медведев не без труда снова достал бутылку. Обо всем этом не стоило думать. Что он, Медведев, да еще и тогдашний? Был только песчинкой в революционном урагане. Чорт с ним. Теперь нужно думать о том и только о том, как бы отправить на тот свет Бермана и остаться в живых самому — все остальные вопросы для данного момента не имели значе-

ния. Товарищ Медведев ясно понимал, что он вступил в решительный бой.

**
*

В сотнях и сотнях верст от товарища Медведева, за перевалами Алтайских хребтов, на горной тропинке, где скучилась маленькая группа людей, это так же ясно понимал и Валерий Михайлович. Отец Петр осмотрел раненого китайца, поднялся с колен и сказал:

— Ничего особенного. Контузия. Пуля скользнула. Правда, череп у этого дяди такой, что не всякая пуля пробьет. Так что мы с вами, Валерий Михайлович, увиделись снова? И, как я полагаю, снова не надолго?

Валерий Михайлович несколько вопросительно посмотрел на отца Петра. Еремей Павлович, заклеив чем-то степкину царапину, осведомился о состоянии огромного китайца. Отец Петр повторил ему свой диагноз еще раз. Еремей Павлович снял шапку и перекрестился.

— Ну, слава тебе, Господи, — жаль парня, такого здоровенного не сразу найдешь. Да и Степке нашему повезло...

— А я, Еремей Павлович, собственно, направлялся к вам — то-есть не к вам, а только по дороге. Смываться нам всем надо, — сказал отец Петр.

Еремей Павлович слегка беспомощно пожал плечами и посмотрел на Валерий Михайловича:

— А это уж дело Валерий Михайловича, скажет смываться, будем смываться.

— У меня, Валерий Михайлович, есть информация с севера и есть информация с юга. В ваши тайны я проникать не собираюсь. Но сейчас начнется — собственно, уже началось, — великое советское наступление на Китай.

— Да, я это знаю, — сказал Валерий Михайлович. — Интересно, что за документы тащил с собою этот китаец?

— Вероятно, по поводу все того же наступления. Я по-китайски читаю. Дайте, я посмотрю.

— Документы там, во вьюках. Вернемся на заимку, постараемся разобраться. Этого китайца нужно взять с собою. Теперь он будет наш. На заимке поговорим. Здесь не совсем подходящее место. Но, в общем, вы правы — нужно смываться, как вы выражаетесь. Но, вероятно — нам не в том направлении, какое планируете вы?

— А это, кто его знает, кто его знает? Может быть, наши пути и наши цели не так далеки друг от друга, как вам это кажется?

— Все это мы обсудим на заимке. Нам, как вы говорите, может быть, и нужно смываться, но, вероятно, в несколько разные стороны.

— Не знаю. Не уверен. Думаю, Валерий Михайлович, что мы вступаем, как это поется, „в последний и решительный бой". А?

— Вы, вероятно, правы, — неопределенно сказал Валерий Михайлович. — Что ж — попробуем?

— Попробуем, — ответил отец Петр.

ЯСНЫЙ ПРИЦЕЛ

— ... Все-таки некоторые вещи я вам и рассказал и предсказал. И, кажется, довольно точно ...

Отец Петр поправил хворостиной огонь костра ...

— Не буду спорить, — довольно сумрачно ответил Валерий Михайлович.

— Мы все еще на самом берегу океана, на берегу неизвестности и бесконечности. Еще только детские попытки. Но, все-таки, есть вещи, которые мы знаем твердо. Или почти твердо. . .

— ... Как наука твердо знала о существовании атома?

— Вы напрасно иронизируете. Ваша наука пошла по совершенно ложному пути. И еще неизвестно, можно ли вернуть ее на истинный.

Валерий Михайлович посмотрел как-то поверх костра. На кошмах и просто на хвойных лапах спали все участники отряда. Доносился мерный и глуховатый храп Еремея Павловича. Огромный китаец что-то стонал и бормотал в полусознании. Кони жевали овес и мокрая таежная осенняя ночь окутывала становище мягким и глухим покровом.

— Я думаю, отец Петр, что сейчас очень неудачное время для бесед на чисто философские темы.

— Вы не совсем правы .Моя беседа имеет чисто практическое значение. Я не хотел бы встречаться с отцом Паисием, и, может быть, вы могли бы это как-то уладить.

Валерий Михайлович сбоку посмотрел на отца Петра. Оба они сидели на седлах у костра и, вероятно, оба — единственные из отряда, — отдавали себе хотя бы и смутный отчет в том, чем именно грозит будущее. Будущее всего человечества.

— Я вам объясню, — сказал отец Петр, не дожидаясь вопроса Валерия Михайловича. — Отец Паисий — совершенно чудесный человек. Если бы в России было бы несколько сот таких священников, мы не имели бы революции. Но, я думаю, мы не имели и несколько десятков. Но дело в том, что отец Паисий считает меня колдуном, знахарем, еретиком и вообще чернокнижником. Говорить с ним на все эти темы у меня нет никакого желания.

— На какие темы?

— Вы сегодня очень рассеяны, Валерий Михайлович. Отец Паисий будет утверждать, что в его церковке заключается вся истина, а этого положения я оспаривать вовсе не хочу.

— Вы, кажется, собирались в Тибет? Зачем вам встречаться с отцом Паисием?

— Верно, собирался. Хотите, я сообщу вам ваш сегодняшний ход мыслей... Нет, это не телепатия, это только логика, нет ли у вас папиросы?

— Есть, трофейная, пожалуйста...

Отец Петр закурил папиросу огоньком из костра.

—Ход мыслей у вас должен быть такой. Каким-то, мне неизвестным способом, вы могли шантажировать Бермана. Медведев, по моим оккультным данным, это человек, который должен оказать вам какую-то услугу. Я не знаю, какую именно, и не знаю, окажет ли: ста процентов в наших данных все-таки нет. Теперь оба они на больничной койке. Вместо них прислали этого генерала и он, так сказать, вышел из строя, надо полагать, окончательно. Следовательно, из Москвы пришлют кого-то еще и этот кто-то будет действовать без всяких и прошлых и будущих тормазов. Вы же, имейте ввиду, без всякого умысла с вашей стороны, подставили под удар всю еремеевскую заимку. Теперь, этот генерал орал кое-что о папиросах — я еще не знаю, что это значит, нет, вы не рассказывайте, я постараюсь узнать это непосредственно — посмотрим, удастся ли. Конечно, следовало бы расстрелять весь этот красноармейский отряд, но я понимаю, я тоже не стал бы расстреливать.

— Я пока не стану рассказывать вам о папиросах, но это не имеет никакого значения — иначе я бы наших пленных все-таки расстрелял бы.

— Вот как? — отец Петр удивленно поднял брови.

— Без всякого удовольствия, но расстрелял бы.

— Н-да... „И за учителей своих — заздравный кубок подымает?" — Боюсь, что даже борьба с коммунизмом как-то заразительна.

— Не в том дело. Но если на одной чашке весов лежит два десятка жизней, а на другой, может быть, два десятка миллионов...

— Вы, Валерий Михайлович, сами этого не замечая, обрушиваете всю вашу конструкцию: „если". А если вам только кажется, что лежит? Ведь, вот, Сталину — кажется, что на одной чашке лежит сто миллионов, а на другой — бесконечность.

— Почему — бесконечность.

— Потому, что ведь Сталин строит на бесконечный ряд поколений, раз — навсегда. И вот тут-то затесывается это „если". А если нет? Тогда — совершенно напрасное кровопролитие!

— История человечества, собственно говоря, переполнена совершенно напрасными кровопролитиями. Но, я надеюсь, что пролитие крови такого человека, как например, Берман, вас не очень шокировало бы?

— Никак не шокировало бы. Я, видите ли, релятивист. И вы правы — так называемая история человечества есть почти беспрерывное и уж совершенно бессмысленное пролитие человеческой крови. Но, может быть, Сталин предполагает прекратить его одним гигантским, но не бессмысленным? Словом, вопросы: в какой мере? Может быть, и вы правы — если бы ваши пленные красноармейцы самим фактом своего существования угрожали бы жизни Еремея, — их, вероятно, следовало бы отправить на тот свет. Но это все-таки было бы очень неприятно. Но, в общем, разговор наш снова упирается в философские джунгли. Я же поднял его по очень простому поводу: я хочу предложить вам свои услуги.

Валерий Михайлович молча и вопросительно посмотрел на отца Петра.

— Конечно, — продолжал тот, — мы оба знаем друг друга очень мало, причем на моей стороне есть кое-какое преимущество: я вас знаю больше, чем вы меня.

— Это не очень трудно: я вас, собственно, вовсе не знаю.

— Так вот — позвольте вам представиться. Моя фамилия Курбатов.

— Князь?

— Теперь принято говорить — бывший. Участник ряда войн — в том числе и гражданской. В чине полковника.

— Довольно странная биография для оккультиста.

— Довольно неточное определение: я не оккультист, а исследователь метапсихических явлений. Вот тут-то мы принудительно приходим к философии: этот переход нужен для того, чтобы вы мне поверили. Дело в том, что вся ваша наука есть форменный вздор.

Отец Петр бросил докуренную папиросу в костер и посмотрел на Валерий Михайловича с видом очень серьезного вызова. Валерий Михайлович пожал плечами:

— Я наперед уже знаю: вы будете ссылаться на атомную бомбу.

— Представьте себе — нет. Наоборот. Думаю, что разложение атома для мирных целей, это хуже, чем для военных.

— А это почему? — удивился Валерий Михайлович.

— Ибо, если вы с вашей наукой ограничите человеческий рабочий день одним часом, то в течение двух-трех поколений человечество сопьется и выродится. Ибо вот вы, сейчас, гораздо менее здоровы и счастливы, чем был ваш пещерный предок: тому вовсе не хотелось сидеть в клубном кресле, курить сигару и пить коньяк. А вам хочется.

Валерий Михайлович вспомнил о своем странном сне в пещере и спорить не стал.

— Вся ваша наука направлена против всех заповедей Моисея — надеюсь, что вы этого оспаривать не будете. Против всех — от первой до десятой. Коммунизм только логический вывод . . . Так вот — мы, называйте, как хотите, оккультисты или метапсихиатры, мы пытаемся положить начало повороту. Надеюсь, вы не будете оспаривать ни гипнотизма, ни телепатии?

— Не буду, — сказал Валерий Михайлович.

— Но ваша наука, уже признавшая и гипнотизм и телепатию и еще кое-что — боится этих расплывчатых, трудно уловимых явлений, для изучения которых она, во-первых, не имеет метода и, во-вторых, не хочет иметь. Мы пошли по психологическому пути . . .

— Кто это „мы"?

— Очень небольшое количество людей, не знаю сколько, вероятно, очень немного. Кое-что выкапываем из не совсем уж мусорной кучи всяких тибетских и прочих манускриптов. Там есть, конечно, и мусор: экспериментируем сами. Нащупываем метод. Кое-чего достигли. Но дело в том, что если Сталины и Берманы успеют использовать вашу науку, то наша наверняка кончится в подвале. Все это я вам сказал к тому, чтобы вам ясен был смысл моего предложения. Я, собственно, боюсь только одного: что мы, как и вы, взялись за ум слишком поздно.

— Такая возможность, к сожалению, вполне вероятна.

— Вот видите . . . Даже о Тибете я подумал слишком поздно. Караванным способом — это очень длинный путь. Товарищи могут оказаться там раньше меня. Или не на много позже. Вообще: по моим данным они займут всю Азию.

— А, может быть, и всю Европу.

— И это не исключено. Впрочем, о Европе у меня довольно смутное представление. Но так как добраться до Европы пока у нас нет никаких шансов, то этот вопрос для данного времени не актуален. Вопрос, значит, в том, куда же нам деваться?

— Некоторые убежища у меня есть, — сказал Валерий Михайлович. — Однако, простите за вопрос: вопрос о ваших деньгах. Сумма все-таки очень уж крупная.

— Ах — это? Совершенно просто. По соседству с моей пещерой, к сожалению, уже тоже бывшей, есть золотая россыпь. То-есть, даже не россыпь. А, так сказать, колодезь: глубокая скважина. Оттуда золото можно черпать сколько угодно, вот, и черпал. Потом передавал китайским контрабандистам, говорил, что получил золото от русских старателей и собирал деньги в валюте, — как вы думаете, на что?

— Я полагаю, на нечто оккультное.

— Приблизительно верно. Хотел организовать маленькую,

но настоящую лабораторию. Или даже институт по метапсихическим исследованиям. Думаю, что тоже опоздал. Кстати, — вы знаете, что у товарищей в Москве есть тоже такой институт?

Валерий Михайлович изумленно поднял брови.

— Нет, не слыхал. Никогда не слыхал. А как же это вяжется с их диалектическим материализмом?

— Ну, это вопрос, так сказать, идейного порядка. Как то вяжется. Во всяком случае, все эти таинственные признания на всех этих таинственных процессах объясняются главным образом работами этого института: обвиняемых подвергают долгой обработке некоторыми наркотиками и гипнозом. Это, конечно, детская ступень. Но они работают и в этом направлении ... Да ... что же касается золота, то я бы вам посоветовал послать Федю, я ему дам точные указания, он найдет. Все-таки, если уж мы будем вместе в предприятии, которое, по всем разумным данным кончится для нас, все-таки, тем светом — лучше иметь чуть-чуть больше доверия, чем чуть-чуть меньше. Впрочем, на тот свет мы не так скоро попадем ... Пока же я просил бы вас не сталкивать меня с отцем Паисием.

— Вы думаете, он вас съест?

— Нет, он вообще никого не ест. Но Еремей верит ему и верит мне. Еремей глухой мужик, но очень толковый. Он верит в молебны о дожде. И в мои пророчества. Впрочем, в мои пророчества верю и я сам, повторяю, не на сто процентов. Еремей верит больше. Но он очень наблюдателен и я не хотел бы вносить в его душу раздвоения. Он знает, что отец Паисий относится ко мне скептически, но объясняет это поповской конкуренцией. Он думает, что я тоже священник.

— А вы не священник?

— Избави Бог! Как же оккультист может быть священником? Оккультист ищет, а священник обязан предполагать, что все уже найдено. Нет, это несовместимо. Да я никогда и не называл себя священником. Так, просто, стали люди звать меня отцом Петром. Правда, я и не протестовал ... Зачем? Знаете, у Горького есть такой старичок отшельник, который говорит: „большой я людям помощник ..."

— Сейчас помогать людям можно только в одном направлении. Все остальное или временно или утопично.

— Всякая помощь человеку есть временная помощь, ибо всякий человек в конце концов умирает ... Но мы несколько отклонились от темы: Итак. я вам предлагаю свое сотрудничество. Вы, вероятно, еще не забыли, что я вам говорил в моей пещере: я могу мобилизовать тысяч десяток винтовок. Они вам, вероятно, могут понадобиться ... Хорошие винтовки, таежные ... И люди верные. Сразу, правда, этого сделать нельзя, нужно какое-то время ...

Валерий Михайлович сумрачно сидел над костром и неподвижно глядел в его затухающий огонь.

— Винтовки? Да, и винтовки могут понадобиться, хотя это и сомнительно. По части винтовок на стороне товарищей такой подавляющий перевес, что десять тысяч — это капля в море. На учете эти винтовки нужно иметь. Боюсь, что вы все-таки правы: мы опоздали, потеряли темп . . .

Отец Петр пожал плечами и налил еще по чарке водки. Собеседники молча выпили и продолжали молча сидеть. Наконец, отец Петр прервал это молчание.

— На мое предложение услуг, вы, Валерий Михайлович, мне так и не ответили. Знаю, знаю . . . Я вас не тороплю, вам виднее . . .

— Вот приедем на заимку, там еще поговорим.

— Да, но для меня вопрос ставится так: оставаться ли с вами на заимке или итти куда-то дальше. Вы понимаете: куда-то дальше — все-таки, безопаснее. Но и это будет только оттяжкой. Я все-таки очень рад, что с вами встретился . . . Само собою разумеется, что ваш первый прицел — на Нарынский научный изолятор . . .

Валерий Михайлович повернул голову, посмотрел на отца Петра и не ответил ничего.

— . . . Очень может быть, — продолжал отец Петр, — что судьба всего человечества решается сейчас именно там.

— Больше, чем, „может быть".

— Я о нем кое-что знаю. Страшное дело . . . Так вы подумайте. Завтра на заимке поговорим. Там, в этом изоляторе, — ваша жена. Знаю, знаю, что это не ваш основной мотив. Но все-таки . . . Ну, поговорим завтра. Сейчас хорошо бы заснуть, но я не думаю, что это удастся . . .

ПОЧТИ СОН

. . . „И снился чудный сон Татьяне" . . . Веронике Сергеевне почему-то всегда вспоминалась эта пушкинская фраза, когда „чудный сон" каким-то нелепым и таинственным образом превращался во что-то кошмарное. Как и у многих людей, переживших слишком много, у Вероники Сергеевны были, так сказать, стандартизованные сны, которые начинались как точный и яркий, цветной и говорящий фильм, и потом складывались в кровавую фантастику.

Сон всегда начинался с яркого, солнечного, весеннего утра в южном русском городке. Институт благородных девиц, в котором обучалась Вероника Сергеевна, — тогда еще совсем девочка, — стоял почти на самой горе. Вокруг городка расстилались безбрежные степи, и с горы, как уверяли гимназисты и кадеты, можно было видеть верст за шестьдесят. Городок, —

тихий и провинциальный, утопал в зелени. Огромным кубом стоял над ним кафедральный собор, с колокольни которого, как уверяли гимназисты и кадеты, можно было видеть на сто верст. Как странно, что никто ничего не видел, даже за неделю . . .

В это веселое весеннее и солнечное утро произошла революция. С тех пор прошло много лет. Но и до сих пор Вероника Сергеевна помнила то чувство весенней радости, которое ее охватило в это весенное, веселое и солнечное утро.

Улица против института наполнилась, — как-то неожиданно быстро, — веселой, пестрой и галдящей толпой гимназистов, студентов, кадет, каких-то казачат, каких-то девушек. Над всеми ними весело и бодро реяли красные флаги, толпа пыталась что-то петь, но так как всем было так солнечно и так весело, то толпе не удалось спеть даже и марсельезы. Какие-то „делегаты" с деланно суровым видом проникли внутрь института, и „маман", шурша негодующими юбками, молча уплыла в свои внутренние покои. Институт наполнился любознательными мальчиками, которые все-таки стеснялись его суровой простоты. Наиболее сознательная часть институток уже очутилась на улице, где был организован „митинг"; что такое „митинг", об этом Вероника имела очень смутное представление, однако на этот митинг веселая толпа вынесла и ее.

Потом была еще и „демонстрация". Какой-то студент, с одной стороны, и какой-то кадет, — с другой, подхватили Веронику под руки: на улицах еще было и грязно и скользко. Оба революционера держали Веронику гораздо крепче, чем это вызывалось соображениями ее безопасности. Толпа с пением и галдежом текла по улицам, над толпой полоскались красные лоскуты, вырванные из вчера еще трехцветного знамени, временами толпа останавливалась и какие-то ораторы что-то говорили о свободе.

Только потом, много лет спустя, Вероника Сергеевна стыдливо констатировала тот факт, что для нее лично в те времена свобода означала нечто очень простое и очень привлекательное: свободу выбора платья и прически, свободу от форменных туфелек на плоских каблуках, может быть, даже свободу от института вообще. И — больше решительно ничего. Что означала „свобода" для этих раскрасневшихся мальчишек, Вероника Сергеевна, по существу, не могла понять и сейчас.

Суровые, много раз обстрелянные старики-казаки смотрели на все это с видом крайнего неодобрения. Но их никто ни о чем не спрашивал. Толпа текла дальше, и на Соборной площади был организован какой-то особенный, но тоже „митинг". На нем Вероника Сергеевна в первый раз увидела и услышала Валерия Михайловича, который, стоя на какой-то арбе, произносил какую-то вдохновенную речь. Содержания речи

Вероника Сергеевна почти не услышала, а то, что услышала, было очень весело, хотя и совершенно непонятно.

Так стояла эта веселая и разноцветная толпа и, потом, как-то странно, — как часто бывает в снах, на нее стало надвигаться что-то страшное, многолапое, кровавое. Кто-то что-то кричал, Валерий Михайлович, спрыгнув со своей арбы, оказался почему-то письменным столом, который на всех своих четырех ногах кинулся к ней, к Веронике, пытаясь спасти ее от многолапового чудовища.

Вероника Сергеевна уже знала, что теперь самое время просыпаться, что дальнейшее будет еще хуже, еще страшнее, еще кровавее. Каким-то внутренним усилием воли Вероника Сергеевна все-таки проснулась.

В окно комнаты глядел серый осенний рассвет. Комната была такой, какие бывают у сестер милосердия в очень хорошо поставленных больницах: очень чисто, очень комфортабельно и очень голо. Очень комфортабельная кровать, небольшой туалетный столик, кушетка, полка с книгами. Одна дверь вела в ванную комнату — другая в коридор. Было вероятно, около шести часов утра.

Вероника Сергеевна знала, что она находится в научном изоляторе, но не знала, в каком именно и где именно. После ареста, допросов и всего прочего, ее куда-то привезли на самолете — куда-то очень далеко. Глеб Степанович, на основании своих лабораторных данных, предполагал, что они находятся где-то на востоке средней Сибири, но даже и он не знал больше ничего. Вольнонаемные научные работники изолятора, приставленные к заключенным научным работникам, не говорили вообще ничего и все свои темы строго ограничивали служебными, то есть, тоже научными разговорами. Заключенные работники старались говорить еще меньше. Редко, очень редко, Веронике Сергеевне удавалось переброситься несколькими словами, и даже мыслями, с Глебом Степановичем, но и этого она старалась избегать.

Глеба Степановича она, как и многие другие, считала откровенно сумасшедшим человеком. Он стоял во главе научных изысканий Нарынского изолятора, и по его научным директивам работало еще никому неизвестное количество лабораторий и прочего в этом роде. У Вероники Сергеевны было смутное ощущение, что Нарынский изолятор — это узловой пункт огромной сети исследовательских учреждений и что для всех этих учреждений советская власть денег не жалеет, как не жалела она и для изолятора.

С внутренней стороны изолятор ничем не напоминал тюрьму, даже и решеток на окнах не было. Больше всего его жилая часть была похожа на очень комфортабельный дом отдыха, а в его лабораторную часть имели доступ только те люди, которым этот доступ был необходим по чисто служебным

делам. Для Вероники Сергеевны он необходим не был. Ее функции заключались в переводах всей атомной информации, которая — уже в переписанном виде — поступала в изолятор со всех стран мира. Вероника Сергеевна знала несколько иностранных языков, — и, что еще важнее, — специальную терминологию на всех этих языках. Но она понимала, что ее держат здесь не столько из-за ее научно-лингвистических данных, сколько потому, что она — жена Валерия Михайловича Светлова.

О нем, после ареста, она не знала ничего. Единственным логическим умозаключением было то, что он жив и что он на свободе — иначе ее, Веронику Сергеевну, здесь все-таки не держали-бы: это, по ее косвенным соображениям, был все-таки самый привилегированный научный изолятор СССР. И, вероятно, самый нужный. Здесь, во всяком случае, работали самые крупные научные силы России и кое-кто из заблудших пленных иностранцев. Это был очень странный, более или менее интернациональный мирок, зажатый в бетонную скорлупу гигантского здания, начисто отрезанный от всего остального мира, мирок, работавший на убийство мира.

ВОЛОС ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

В небольшой столовой — их было несколько — было светло и тепло. Кроме большого, „обеденного" стола, тут стояло еще несколько маленьких столиков. На буфетной стойке возвышалась машина для варки кофе и электрический чайник для чаю. Здесь же лежал хлеб, сыр, масло, колбаса, ветчина, печенье, фрукты и прочее в этом роде. По утрам научные работники появлялись для завтрака в разное время и обслуживали сами себя, прислуга только убирала грязную посуду. В углу столовой уютно потрескивал камин, и у камина, пододвинув к себе один из маленьких столиков, так же уютно сидел Глеб Степанович. На столике дымилась чашка кофе.

Когда Вероника Сергеевна вошла в столовую, Глеб Степанович обернулся и приветливым жестом руки предложил ей усесться рядом. Вероника Сергеевна налила себе чашку кофе и взяла с буфета несколько печений: она старалась держать диету и при этом все-таки вспоминала о том, что из каждого миллиона людей СССР только один или два человека имеет возможность питаться так, как могла бы питаться она. Над буфетной стойкой висело длинное зеркало, и Вероника Сергеевна еще раз посмотрела на себя. В зеркале отразилось уже немолодое лицо с мягкими серыми глазами в рамке светло каштановых волос. Вероника Сергеевна старалась вовсе не смотреть в зеркало, но это ей все-таки не удавалось. И каждый раз какие-то неулови-

мые черты увядания проступали все яснее и яснее. Веронике Сергеевне почему-то не очень жаль было „жизни", и смертная казнь ее не очень испугала бы. Но ей было жаль молодости. А молодость — прошла. Вероятно, вот с того, 1917 года, ее и вовсе не было. У десятков миллионов людей революция отняла жизнь. Но молодость она отняла у всех.

Вероника Сергеевна уселась в кресло рядом с Глебом Степановичем. Глеб Степанович был невысоким, но очень плотным человеком, лет за семьдесят, с черепом голым, как яйцо и с довольно жидкой бороденкой, которую он во время разговора имел привычку жевать. Поэтому его речь, очень мало связанная логически и вообще мало разборчивая фонетически, и принимала иногда совершенно непонятный характер. Его огромный мозг сузился, казалось, до острия атома. Все остальное, кроме атома, его или интересовало мало или не интересовало вовсе. Вид у него — несмотря на изолятор — был вполне благодушный и оптимистический.

Глеб Степанович контрольным взглядом осмотрел Веронику Сергеевну с ног до головы.

— Занимайтесь гимнастикой, занимайтесь гимнастикой, нужно движение, вы начинаете сереть . . .

—Занимайтесь сами.

— Мне уже не нужно. Доживу и так.

А как долго, по вашему, осталось?

Глеб Степанович как-то радостно ухмыльнулся и засунул свою бороденку в рот.

— Точно сказать не могу, зависит от еще некоторых изысканий. Но, полагаю, мне осталось жить так же долго, как и вам. С точностью одной миллиардной секунды.

— Словом, все еще собираетесь взорвать всю вселенную. Этого я не боюсь — без воли Господней и волос человеческий не может упасть . . .

— Совершенно верно: не может. Так как же без воли Господней могут упасть, так сказать, волосы, так сказать, всей вселенной? А если упадут — значит, именно на это и была воля Господня.

Глеб Степанович вынул свою бороденку изо рта и посмотрел на Веронику Сергеевну с видом нескрываемого логического превосходства. Логически Веронике Сергеевне ответить было нечего. Она только пожала плечами. Глеб Степанович в ее женском представлении казался ей существом мужского пола, у которого, однако, все мужские данные сконцентрировались вот в этом яйцевидном черепе, да и там сошли со всяких рельс. Вероника Сергеевна никогда не могла отделаться от чувства его огромного интеллектуального превосходства — и, с другой стороны, от какой-то инстинктивной, почти физической брезгливости. Кто окажется прав: усовершенствованная ма-

шина мужской логики или неуловимый логический женский инстинкт? . . .

Вы, Вероника Сергеевна, рассуждаете, простите, как девочка. Очень милая девочка. Но все таки . . . Совершенно ясно: вселенная Творцу почему-то не удалась. Технические мелочи устроены иногда замечательно. Но в общем она оказалась во зле лежащей. Кому нужно это зло? Вы говорите „смерть вселенной". Почему смерть? Смертью мы называем не небытие, а только момент перехода от бытия к небытию. В данном случае этот переход будет так молниеносно быстр — миллиардная доля секунды, что решительно никто ничего не заметит. И вы тоже. Никто, кроме меня. Потому что кнопку-то, ведь, я нажимать буду. И знать буду только я.

Вероника Сергеевна поставила свою чашку на столик.

— Вы, Глеб Степанович, витаете в эмпиреях. А языком болтаете в изоляторе. Ваши планы Москва знает не хуже, чем вы сами. От вас она возьмет то, что ей нужно — а уж потом будет ваш переход от бытия к небытию . . .

Глеб Степанович весело рассмеялся.

— Знаю, знаю, Вероника Сергеевна. Вы принимаете меня за того классического ученого, который бог в лаборатории и грудное дитя в мире. Нет, я и в мире не грудное дитя. А вселенную нужно как-то начинать сызнова. На каких-то иных основах. Без зла и без смерти. В расчетах была допущена какая-то фундаментальная ошибка. Я вот и пытаюсь ее ликвидировать. Нет, я не грудное дитя. А гимнастикой вы все таки занимайтесь. Это несколько снижает процент страдания и зла. Не на много, конечно . . . Конечно, если бы ваш супруг был здесь . . .

— Здесь? Упаси, Господи!

— Нет, не здесь, но около вас. Или вы — около него. Вам все таки было бы легче . . .

— Ждать вашей кнопки?

— Ведь все равно, Вероника Сергеевна, вы ждете. Если не кнопки, то просто „со святыми упокой". Вот только что — как вы взглянули на себя в зеркало. Констатировали тот несомненный факт, что еще одна ступень пройдена, и пройдена совершенно бесповоротно. Ошибка в самом основном исчислении.

— Какая ошибка?

— Довольно простая: всякое живое существо наделено немым и стихийным инстинктом жизни, а жизнь всякого существа кончается смертью. Всякого. Так что „кнопка" — это самый, так сказать, гуманный вариант. Миллиардная доля секунды и никаких прелиминариев — вот вроде болезни или подвала. Никакого ожидания и никаких страданий, то есть никакого зла. Только — устранение зла.

— И, потом — ничто?

— Не думаю. Не знаю. Потом будет, вероятно, что-то новое. Без ошибки в основном исчислении. Может быть — без ошибки. Но может быть, будут другие ошибки.

— Словом, вы одним нажимом кнопки хотите исправить Творца?

— Может быть, Творец хочет это исправить моим нажимом кнопки? Вселенная не удалась. Величайшая попытка ее исправить тоже не удалась.

— Вы говорите о христианстве?

— Именно . . . Зло не устранено. И даже не ослаблено. Скорее — наоборот: две тысячи лет тому назад его было, конечно, гораздо меньше. Господь Иисус Христос творил волю Пославшего Его, и я тоже творю волю Пославшего меня.

Вероника Сергеевна мельком и искоса взглянула в глаза Глеба Степановича. В этих глазах, остро, как иголка, мелькнуло и исчезло выражение явного сумасшествия. Веронике Сергеевне еще раз стало жутко.

— Мы все творим волю Пославшего нас . . . От Сталина до муравья, или от муравья до Сталина, — сказал Глеб Степанович более спокойным тоном, он, повидимому, заметил косой и испуганный взгляд Вероники Сергеевны . . . Глаза его приобрели ироническое выражение. Засунув бороду себе в рот, он продолжал:

— Знаю, знаю, многие считают меня сумасшедшим. Просто сумасшедшим. Вы, вероятно, — тоже. Это — как сказать? Так . . . Все что выходит из среднего уровня, из нормы, есть, конечно, ненормальное явление. Вы женщины, нормальнее нас, мужчин. Что есть истина и что есть сумасшествие?

Глеб Степанович еще глубже засунул бороду в рот, и его бормотанье стало мало понятным. Вероника Сергеевна слышала все это не один раз и всегда жалела о том, что не было Валерия Михайловича, который, конечно, смог бы ответить этому экспонату из музея имени Ломброзо. Глеб Степанович продолжал смотреть на огонь камина, жевать свою бороду и что то бормотать. Вероника Сергеевна устало поднялась.

— Ну, я пошла. На сегодня много работы.

Глеб Степанович не ответил.

Вероника Сергеевна прошла через несколько широких коридоров, пока не попала в свою рабочую комнату, обставленную так же, как была обставлена и ее келья: смесь монастыря, больничной палаты и комфортабельного купэ спального вагона. На окнах комнаты решеток тоже не было. Из этих окон открывался все один и тот же ландшафт: высокая недоступная стена, закамуфлированная деревьями и раскрашенная пятнами. Решетки нужны не были.

МОЛОДЕЖЬ — ВПЕРЕД!

После столкновения с отрядом товарища Иванова и ночлегом в осенней тайге, светловская группа двигалась к заимке медленно и уныло. Огромный китаец, привязанный к лошадиной спине, все еще был без сознания и время от времени глухо стонал. Еремей Павлович шагал пешком, мрачно уставясь в землю и вовсе не смотря по сторонам, для чего, впрочем, существовал Федотыч, на которого можно было положиться, как на каменную гору. Валерий Михайлович еще раз обдумывал создавшееся положение, которое казалось ему в достаточной степени пессимистическим: нужно торопиться. Командировка в Неелово генерала Буланина показывала, что Москва берется за дело всерьез. Теперь, — отец Петр был совершенно прав, — вместо генерала Буланина пришлют кого-нибудь другого, и этот кто-нибудь другой может перевернуть вверх ногами все планы Валерия Михайловича. Нужно торопиться...

Федотыч то шагал впереди группы ,то нырял в тайгу, то отставал, то догонял, от времени до времени бросая вопросительные взгляды на Валерия Михайловича. И как-то, проходя мимо, полувопросительно сказал:

— Нужно бросать заимку. Тут нас, как барсуков в норе, то ли переловят, то ли передушат.

— Это еще не окончательно известно, Федот Федотыч.

— А когда будет окончательно известно, то, может быть, будет окончательно поздно... Я этих братишек тоже знаю, шутки с ними плохи.

Валерий Михайлович пожал плечами.

— Надеюсь, что сегодня или завтра мы кое-что узнаем... более или менее окончательно...

На заимку группа приехала перед вечером и разбрелась по своим домам. Валерий Михайлович зашел проведать мистера Паркера ,которому в самых коротких выражениях сообщил в столкновении с отрядом товарища Иванова. Мистер Паркер отнесся к этому сообщению пессимистически:

—Я боюсь, что этот поселок сейчас находится под очень большой угрозой... Мне было бы неприятно, если бы из-за меня вы задержались здесь.

— Ну, вас мы можем на коня погрузить. Да и опасность не так велика. Спустить воздушный дессант можно только на озере — там стоят наши караулы, они всякий дессант перестреляют. Бросать бомбы не имеет смысла. И, кроме того, в самом крайнем случае — здесь такие погреба, что годятся для любого бомбоубежища. Но, конечно, в общем нужно менять место жительства. Мне очень не хочется срывать Еремея

Павловича и, в особенности, Дарью Андреевну с насиженного гнезда, да что поделать?...

В дверь раздался легкий стук и просунулась голова Еременя Павловича. Вид у него был нерешительный.

— Можно взойти?

Еремей Павлович „взошел" и слегка потоптавшись, уселся на табуретку.

— Все хотел вас поймать, Валерий Михайлович, потому что, как я полагаю, Дарье Андреевне нужно все сказать. Знаете, материнское сердце все равно не обманешь, а баба мучиться будет... Я уж и так и так думал... Чует она что-то, а что, не знает, вот снова меня выспрашивала.

— Вы Еремей Павлович, соберите сюда. Кого? Ну, Дарью Андреевну, Федю, Федотыча, отца Петра и... Ну, и Степку.

— А Степку-то зачем?

— Вы, Еремей Павлович, очень уж плохого о Степке мнения. Я — лучшего.

— Ну, не так уж и плохого, да пьяница парень.

— Все-таки — позовите и его.

Еремей Павлович шумно вздохнул и вышел.

— Я думаю, — сказал мистер Паркер, — что в качестве советника я гожусь меньше всего. Ваш план мне кажется исполнимым, но никаким советом я вам помочь не могу. Местные условия...

— Н-да, условия очень уж специфичны. Но именно на этом построен и весь расчет...

Степка появился в дверях первым, как будто он только и ждал что этого приглашения. Он успел помыться и причесаться, и вид у него был вполне благопристойный, даже и водкой от него не пахло. Осмотревшись кругом, он выбрал место на длинной скамейке у стены и уселся на нее с видом то ли школьника, то ли послушника.

Когда все собрались в низенкой горенке, тягостное молчание длилось долго. Все ясно понимали, что приблизились какие то решающие дни и события. Лицо Светлова было сурово и неподвижно, словно высеченное из камня. Только изредка маленькая судорога сводила его щеку.

—Вот что, друзья, начал он медленно. Мы тут — все свои. И будем говорить откровенно и прямо. Я хочу обьяснить вам создавщееся положение. Отложим на минуту мысли о своей собственной судьбе. Подумаем прежде всего о России...

После победы над Германией и Японией, Америка разоружилась и демобилизовалась. Не только в военном отношении, но и в психологическом. Для Америки теперь — СССР — „друг и союзник". Она не хочет видеть нависшей над пока еще свободным миром смертельной опасности. Штыком против Америки Советы ничего сделать не могут. Со-

веты теперь ищут „абсолютного оружия", чтобы поставить Америку на колени. Если это случится — не только вся Европа будет в руках СССР, но и бедная Россия надолго — может быть, и навсегда — останется под игом коммунистов.

Вы, вероятно, уже догадываетесь, какое оружие спешно готовит СССР: усовершенствованную атомную бомбу. Центр этих атомных исследований — Нарынский научный изолятор...

— Это там, где ваша жена сидит? — негромно спросил Еремей.

Светлов не ответил, но только щека его еще раз дернулась.

— Там, в Нарынском изоляторе — центр всех изысканий. Там находится и гениальный русский ученый — Глеб Карица...

— Ваш учитель? — тихо спросил мистер Паркер.

— Да, — глухо ответил Валерий Михайлович. — Этот Карица до войны работал в Англии над разложением атома... И я там с ним был — еще юношей... Его пригласили накануне войны в Москву на какой то научный съезд. Сам Калинин дал ему гарантии, что его выпустят обратно. Но его задержали при посадке на авион. И заставили — уж не знаю, как именно — работать на советы... К сожалению, Карица не имел английского паспорта и был, следовательно, **бывшим** русским гражданином. За него никто не вступился...

— Этот Карица — полу сумасшедший гений, кабинетный ученый. Ему, как и авио-конструктору Туполеву, сумели — как, я не знаю — внушить, что он работает для пользы и славы русского народа, и он теперь создает самое усовершенствованное атомное оружие. Если ему не помешать — советы нанесут неожиданный удар и...

Тут Еремей вздохнул так глубоко, что даже занавески на окнах метнулись в сторону. Его могучий кулак сжался.

— Я уже говорил Валерию Михайловичу, — глухо сказал он, — что этого никак нельзя допустить.

— Да, нельзя, — глухо подтвердил Светлов. — Я имею данные, что опыты в Нарынском изоляторе сильно продвинулись вперед, и что теперь можно ждать этакой пробы, „генеральной репетиции". Советы до удара по Америке хотят испробовать, так сказать, „убойность" новых бомб на каких то конц-лагерях — вероятно, на Колыме или Магадане. Там, вы знаете, работают миллионы заключенных...

Светлов замолчал и обвел невеселым взором притихших людей.

— Когда мы из-за границы пробрались в СССР, у нас был проэкт похитить результаты последних достижений На-

рынского изолятора. Но ряд событий мешает этому. Лубянка догадалась об этом, и наши планы разбиты. Как вы знаете, сюда переброшены лучшие работники НКВД — Берман, Буланин, Кочетков. Весь район на военном положении. Теперь вопрос стоит не о похищении планов, а о разрушении Нарынского изолятора, чтобы спасти не только миллионы русских людей в лагерях, но и Россию и свободный мир.

Все собравшиеся напряженно смотрели на Светлова и молчаливо ждали его слов: — какой план он предложит для выполнения такого необычайного дела.

— Это нелегко сделать, но это можно сделать и это нужно сделать... Для этого мне нужна помощь всех вас. Не скрою, что во всем этом есть немалая опасность — такие уж времена... Прежде всего нам нужно послать на линию фронта Федю и Степку.

Светлов заметил горестное выражение круглого лица Дарьи Андреевны, и губы его дрогнули.

— Нашего Федю на фронт? — переспросила она. — Моего Федюшку на фронт? На какой такой фронт?

— Фронт, Дарья Андреевна, — авторитено объяснил Степка, — это там, где дерутся.

— И... Феде придется драться?

— Нет, Дарья Андреевна, — попытался Светлов успокоить ее. — Может быть, Феде и не придется драться, но в борьбе — не без опасности.

Еремей угрюмо посмотрел на взволнованную жену.

— Что ж делать, Дарьюшка? Ведь — за Матушку-Расею! За жизнь человеческую!

Дарья Андреевна сделала какое-то словно глотательное движение, и слезы поползли по ее лицу.

— Ну что ж... если за Россию — то... что ж...

Неожиданно для всех Федя широко осклабился.

— Ведь, маманя, если нужно для Расеи... Раз нужно — так нужно! Приказывайте, Валерий Михайлович! Я готов!

Он сказал эти простые слова так весело и беззаботно, что видимое и такое понятное горе матери ушло как то в сферу „личных дел". И суровое чувство долга стало заменять естественное беспокойство в этих мужественных душах.

Еремей опять шумно вздохнул, но на этот раз словно с каким то облегчением и гордостью за сына.

— Бог поможет тебе, Федюшка! Молодец!

— И Бог поможет, и мы все поможем, — сказал уже более мягко Светлов. — Вот и Степке будет дано важное поручение.

— Это мне то? — удивленно промолвил Степка. — Ну, так что — я — ничего. Только что б не думать — этого у ме-

ня нету... А так — что ж? В жисть я не встречал таких душевных людей. Волком жил. А теперь, если я могу как то подмогнуть — в лепешку расшибусь!

— Ладно. Степушка, — ласково сказал Светлов, и глаза его как то потеплели. — Спасибо тебе и Феде — хорошие вы русские ребята... А если нам удастся не дать Советам в руки новой атомки — мы сможем сказать ,что недаром жили не белом свете!

— Значит, вы решили уничтожить этот изолятор? — тихо сказал, словно самому себе, отец Петр. — А... ваша жена?

По горлу Светлова прошел словно глоток. Но лицо его не дрогнуло и голос остался тверд.

— Это — как Бог даст! Постараемся спасти ее. Да и кое-кого еще — там у нас и „свои" люди есть!

— А, может быть, и профессора Карицу можно оттуда вытащить и... использовать? — неуверенным тоном предложил мистер Паркер.

— Да, он несомненно гений. Там, в изоляторе, и еще ценнейшие люди есть. Но при создавшихся обстоятельствах — боюсь, что это просто невыполнимо.

— Значит, всем остальным... конец? Смерть? — тихо спросил о. Паисий. — Ведь русская молодежь...

Внезапно резко вмешался Потапыч.

— Оставьте, о. Паисий! Там не русская молодежь, а советская шпана. Еще в армии есть русские ребята, ни в чем невиноватые. Я то ведь знаю, какая сволочь туда подбирается. Не приведи Бог! Чорта их жалеть? Не надо жалеть тех, кто сами жалости не имеют. Да и дело то такое!...

— Даааа, — медленно протянул Светлов. — Тут уж нужно зубы сжать и спасать того, кто достоин спасения. Нельзя забыть ведь и тех, кто в Неелове остался — нам помочь. Ведь у нас: „все за одного, один за всех". И все — за Россию... И оглядываться на потери нам нельзя.

— Бой — так бой!

— Дай Боже, Валерий Михайлович. А потом что?

— Потом здесь, в России, наше дело будет временно кончено. Все мы уйдем в другие страны, где нет НКВД, Берманов и Медведевых. Где можно жить спокойно, но не забывая и России. Такие места мы вам всем найдем. И вас не покинем. Вот и мистер Паркер...

В этот момент Степка шумно вскочил и схватил руку Паркера, которая как раз поднесла трубку ко рту.

— Вот, вот! — радостно заорал он, показывая на голубую татуировку на руке американца. — Как же это я, дубовая башка, раньше не вспомнил??? Да ведь мы же в Неелове в каталажке встречались! Только тогда вы в бороде были,

товарищ американец. Но, вот теперь я вас по руке признал. Старый, можно сказать, товарищ!

В радости Степки было столько непосредственно-детского, что все невольно засмеялись.

— И еще встретимся, благодушно сказал мистер Паркер. Как это у вас, русских, говорится; „гора с горой не встречаются, а люди?" Кто мог бы сказать, что мы с мистером Светловым встретимся в тайге? Чудеса и в наше время бывают . . .

— И еще как! — приветливо и мягко сказал о. Паисий. Если помолившись и для доброго дела . . .

Эта неожиданная выходка Степки и обмен репликами смягчили общее напряжение. Даже сумрачный Светлов как то просветлел.

— Ну, вот и ладно, друзья. Теперь каждый из вас получит точное задание. Действовать придется быстро и смело. А пока попросим о. Паисия вечерком отслужить молебен — нам помощь Божья очень нужна! . . .

ПЕРЕД РЕШАЮЩЕЙ АТАКОЙ

Выполнять задание Светлова первым отправился Федя. Дарья Андреевна, мужественно скрывая материнское горе, долго благословляла и целовала его. Федя принимал ее поцелуи, как что то мило-обязательное, но глаза его сияли от возбуждения. Вероятно, с таким же настроением он отправлялся (по секрету от матери) и на охоту на тигров.

Через несколько дней отправился в ту же сторону и Степка. Для него всякие опасности были привычными. Но на этот раз и он был доволен: к нему отовсюду тянулись дружеские руки, и он нырнул в свою родимую тайгу с ощущением героя, который пошел на смертельный риск за святое дело.

Ему была поручена предварительная разведка и наблюдение. В нужный день к нему в условленном месте должны были присоединиться Валерий Михайлович и Еремей для последних решительных приготовлений.

**
*

Жизнь на заимке словно замерла. Светлов и Паркер все время что то высчитывали и соображали. И радио не дремало — какие то сведения поступали отовсюду.

Дня через два Валерий Михайлович вышел из домика и оглянулся.

— А где теперь отец Петр?

Еремей Павлович лукаво усмехнулся и показал пальцем.

— Да вот они, наши бати ,промеж собой разговор ведут.

Светлов вспомнил опасения о. Петра, и как он хотел избежать встречи с о. Паисием. Можно было ждать, если не враждебности, то большого напряжения. А вот сидят „бати" на завалинке и о чем то оживленно и весело разговаривают...

— Что — совсем друзьями стали?

Широкое лицо Еремея расплылось в улыбке.

—Да что ж, Валерий Михайлович. Я уж думал, как бы дружбу между ними завести . . . И попробовал . . . У кого ведь слабостей нет? Ну, и сказалось — оба они любят грибы собирать и рыбу удить. Словом, о божественном не говорят, не спорят, а насчет там боровиков и налимов — целые часы беседуют . . .

Светлов невольно рассмеялся.

— Ну, и слава Богу! . . .

— Видите, видите, — воскликнул Еремей. — Гляньте только на о. Паисия! . . .

Действительно, всегда медлительный священник теперь оживленно размахивал руками и что то показывал.

— Хм, весело буркнул Еремей. Видно, показывает, как налима подсекать или где боровиков искать . . . Видите ли, дорогой Валерий Михайлович, я так думаю: отец Петр — образованный и провидец. А о. Паисий — просто душевный человек. Он нам, таежным мужикам, ближе . . . Или, так сказать: отец Петр над нами, а отец Паисий с нами . . .

Светлов с ласковым одобрением положил руку на могучее плечо Еремея, удивляясь простой примитивной его мудрости. „Блаженны чистые сердцем", вспомнились ему слова Христа . . .

— Правильно вы чувствуете, Еремей Павлович . . . Но пока там что, попросите отца Петра ко мне.

**
*

Через минуту отец Петр, как то сияя веселой улыбкой, подошел к Светлову.

— Ну как — договорились о ловле налимов?

Отец Петр даже отшатнулся с удивлением.

— Это вы откуда знаете?

— От вас ясновидением заразился, рассмеялся Светлов . .. Очень рад, что с отцом Паисием у вас „контакт". На дипломатическом языке это называется „entente cordiale". Но не об этом речь. Мне теперь нужно по радио много принимать и посылать директив. А аккумуляторы ослабели . . . Думаю, что вы с собой из пещеры взяли свою динамку?

— Конечно. Я ведь направлялся в Тибет. А как там без

радио и света жить? Ох, испорчены мы цивилизацией. Без нее никуда.

— Даааа. Что уж там!... Но я вам теперь, как инженеру, поручаю, так сказать, добыть нужный нам ток: зарядить аккумуляторы. И для вашего радио они нужны и для аппарата, снятого с авиона. Мне также нужно подготовить работу своей аппаратуры, которую я с таким трудом вывез из Москвы.

Отец Петр подумал минуту.

— Что ж — это дело техническое... Можно бы устроить ветряную мельничку или, на ручье — водяную. Но это дело длительное. Я лучше сделаю этакой велосипед, а на педали поставим местную молодежь — пусть крутят. Вот динамка и даст нам заряд для аккумуляторов. Ведь, действительно, теперь только радио нас и спасает. И новости нужно знать и директивы давать... Мы ведь ввязались в трудное дело, Валерий Михайлович!

— Дааа, медленно подтвердил Светлов. Шансов на успех маловато, но они все таки **есть**. И есть из-за **чего** рисковать... Больно было посылать Федю и Степку, но и мы ведь не в далеком штабе сидим. Наша ответственность перед Богом, свободой и Россией так велика! А в борьбе приходится часто быть и безжалостным!

Отец Петр внимательно посмотрел на суровое лицо Светлова и одобрительно качнул головой...

ИЗОЛЯЦИЯ

Нарынский научный изолятор представлял собою точно очерченный квадрат, со сторонами в 750 метров. Этот квадрат был обнесен двадцатиметровой стеной. На каждом углу стояло по караульной вышке и еще по две — на каждой стороне. Над двадцатиметровой вышиной стены подымалось еще шесть метров проволочного заграждения — в два ряда — и между этими рядами — проход для часовых. Проволочные заграждения тянулись и внизу вдоль стены. В середине квадрата возвышалось четырех-этажное здание самого изолятора, но еще три этажа уходили вглубь, в гранит, там были самые „засекреченные” лаборатории и установки, а работу всего этого комплекса знал только Глеб Степанович и, вероятно, больше никто в мире.

И заключенные и „вольнонаемные” работники научного изолятора — все жили в центральном здании: сообщение его с внешним миром было сужено до пределов самой крайней и безусловной технической необходимости. На дворе — между изолятором и стеной — был посажен сад, были

оставлены кое-какие деревья, был огород, были спортивные площадки. Советская власть имела основание заботиться о здоровьи людей, которые могли дать ей в руки самое сенсационное оружие современности.

За стеной, разбросанные в несрубленной тайге, закамуфлированные и деревьями и раскраской, стояли казармы четырех полубатальонов охраны и команды дюжины маленьких танков и шести зенитных батарей. Все это, — в километре расстояния от центра изолятора ,— было обнесено еще двумя рядами колючей проволоки, и за эту „внешнюю линию" выходить не имел право никто.

Таким образом, Нарынский научный изолятор включал в себя три концентрических круга заключенных: арестованные научные работники, вольнонаемный персонал изолятора и его вооруженная охрана. Арестованными были по существу все. Дисциплина охраны поддерживалась драконовскими мерами: только попытка перейти линию внешней охраны каралась расстрелом более или менее на месте преступления. Офицеры и солдаты охраны не имели никакого доступа в квадрат, огороженный двадцатиметровыми стенами, а обитатели этих стен не имели права покидать их гостеприимный кров. Только комендант и еще несколько человек имели право проходить сквозь единственные ворота, охранявшиеся особым караулом.

За пределами внешней линии, километрах в двух, была тщательно разглажена посадочная площадка для самолетов; в пределах линии безымянная горная речка была перегорожена плотиной и там стояла электростанция. И охрана, и „вольнонаемные", были подобраны из „особенно проверенного элемента" — их семьи где-то в Тамбове или Тифлисе получали особые пайки и привиллегии, — но, в общем и для охраны это все таки было тюрьмой. За пределами внешней линии тянулась тайга с ее дичью, и иногда медведи подходили к колючей проволоке, нюхали ее и убегали прочь: стрелять в них караул не имел права. На площади в четыре квадратных километра жило около полутора тысяч людей, и власть была все-таки озабочена тем, чтобы они не сошли с ума от скуки. Были: кино, клуб, целая серия спортивных площадок и зал, библиотека, — и все то, что как бы то ни было могло разнообразить жизнь атомных арестантов всех категорий. Однако, даже и речка с ее электростанцией была отгорожена колючей проволокой, которая в этом месте нарушала стройную симметрию квадратных построений, и даже уженье рыбы находились под запретом. Охрана не знала, что именно она охраняет, и заключенные не знали, как именно они охраняются. Система была про-

думана до мельчайших деталей. Все эти детали были очень точно известны Валерию Михайловичу.

В числе их была и такая: в расстоянии двух-трехи-пяти километров от изолятора была разбросана беспорядочная цепь „секретов". Это были ямы, тщательно закамуфлированные со всех сторон, и в ямах сидел караул: часовой и подчасок; каждый секрет имел полицейскую собаку из породы, специально выведенной для охраны порядка в коммунистическом земном раю: помесь немецкой овчарки с ее многовековой культурой и сванетской овчарки с ее львиными мускулами. Караулы в секретах сидели только днем, а ночью шатались по тропинкам, проложенным от секрета к секрету.

Во главе всего этого предприятия стоял полковник Алкнис, пожилой, жилистый латыш, с бесцветными рыбьими глазами и только с тремя страстями во всей его жизни: к тяжелой атлетике, шахматам и рыбной ловле.

Тяжелую атлетику с годами пришлось забросить. Однако полк. Алкнис всячески старался культивировать этот спорт во вверенной ему части, а вверенная ему часть состояла из специально подобранных здоровенных ребят, которых кормили на убой и которым развлекаться было нечем. Библиотека их интересовала очень мало, пропагандные фильмы и того меньше, женщин не было, за водку полагался расстрел. Ребята играли в футбол, поднимали гири, боролись, и полковник Алкнис мечтал о том, как он со специально подобранной и вытренированной командой где-то и когда-то „покажет класс". С тяжелой атлетикой было, впрочем, не очень хорошо: из всех ее весовых категорий в команде преобладали тяжеловесы. Самых легких категорий не было вовсе.

Вечерами, иногда и ночами, полковник Алкнис просиживал за решением шахматных задач и над своим участием в заочных шахматных турнирах. Раз в неделю, когда прилетал самолет и привозил и увозил почту, товарищ Алкнис передавал с ним свои очередные ответы своим невидимым и далеким противникам. Товарищ Алкнис при этом не знал, что одним из этих противников был Валерий Михайлович. Вся почта шла на Неелово, и в изолятор и из изолятора, там просматривалась, цензурировалась, сортировалась — иногда отправляла людей на тот свет.

Было плохо с рыбной ловлей. Только Алкнис и еще несколько человек имели право выходить за пределы внешней линии, но, как на грех, ни один из них не проявлял к рыбной ловле никакого пристрастия: не было ни спутников, ни конкурентов. Единственным, да и то случайным по-

путчиком полковника Алкниса в его рыболовных похождениях бывал доктор Тищенко, военный врач, заведывавший „амбулаторией" изолятора.

Доктор Тищенко был пожилой, огромный и массивный хохол, до чрезвычайности похожий на того запорожца известной репинской картины, который „регочет" над письмом султану. Делать ему в изоляторе было, собственно, нечего: охрана была подобрана из исключительно здоровых ребят, а в случае чего — из Неелова по радио вызывался самолет и отвозил больного к нееловским специалистам. Основная забота д-ра Тищенко заключалась в выписке соответствующих количеств медицинского спирта, который часто ликвидировался при ближайшем участии полковника Алкниса. Делалось это в самой строгой тайне и приводило иногда к разговору „по душам"; тогда доктор Тищенко совершенно откровенно признавался, что в изолятор он добивался попасть исключательно из за лени.

— Тут, товарищ полковник, не жизнь, а рай. И полный комфорт, и рыба, и грибы, и охота. И питание. И климат. Помирать не надо.

Впрочем. по той же лени д-р Тищенко редко занимался рыбной ловлей или собиранием грибов. Охота же была запрещена даже и для него. Играл он и в шахматы, но на много слабее полковника и только проявлял огромный интерес к шахматным задачам и, в особенности, к тем заочным турнирам, в которых участвовал комендант:

— И чего ж это вы сюды пишлы? — спрашивал он недоуменно, — давайте ваш ход, я расставлю фигуры — посмотрю.

Ходы полковника Алкниса были написаны на открытках, значимость которых полковник сильно недооценивал.

Потом доктор Тищенко усаживался в своем медицинском кабинете, расставлял шахматы и через некоторое время предъявлял товарищу Алкнису проекты ответных ходов. Почти всегда эти ходы оказывались наивными и беспомощными, и товарищ Алкнис не без внутреннего торжества доказывал это на шахматной доске. Доктор Тищенко вздыхал и грузно подымался со стула.

— Ничего, я, вот, еще год потренируюсь, буду играть не хуже вас. Или не на много хуже вас.

АТАКА НАЧИНАЕТСЯ

... Так и текла жизнь в научном изоляторе без событий и без сенсаций, равномерно тусклая и непрерывно скучная.

В один прекрасный и солнечный день эта равномерность была несколько нарушена.

Верстах в пяти от изолятора, на склоне горы, над голубым горным озером, в чаще кустарника был запрятан секрет. Из секрета было видно — как на ладони — голубое озеро и отраженные в нем разноцветные краски осеннего леса, голубой купол неба и, вдали, белые верхушки гор, покрытые снегом.

Вид был изумительный, но он никак не интересовал ни часового, ни подчаска. Один из них, скрючившись на дне ямы, курил собачью ножку (что было категорически запрещено); другой внимательно оглядывал склоны горы, но не столько из соображений охраны, сколько из за страха перед контролем. В эти места уже давным давно никто не заглядывал, и товарищ Алкнис даже предложил Неелову эти секреты совсем упразднить, но они были оставлены.

Часовой, осматривавший изумительный пейзаж без всякого художественного энтузиазма, к крайнему своему удивлению заметил человеческую фигуру, совершенно мирно шагавшую по берегу озера, почти у самой воды. Часовой достал бинокль и при его помощи установил, что фигура вооружена ружьем — вероятно, берданкой, и что у нее на спине спинной мешок и что по походке видно опытного таежника.

Смотреть пришлось почти против солнца, и дальнейших подробностей часовой установить не мог.

— Вот дурак, прошептал он... Бросай, Гришка, свою цыгарку — тут какой то идиот прется!...

Подчасок потушил окурок. Собака, лежавшая у его ног привстала, и тоже выглянула на внешний мир.

— Давай тихонько выкатываться, держи пса на сворке.

Оба солдата быстро и почти неслышно вылезли из ямы и так же быстро и неслышно пошли наперерез фигуре. Фигура шагала все столь же безмятежно, вероятно, и вовсе не подозревая, в какую запретную зону послала ее судьба.

— Сто-о-ой!

Фигура остановилась, не пытаясь даже схватиться за ружье.

— Руки вверх!

— Фигура так же равнодушно подняла руки вверх.

Часовой взял с собою собаку, подчасок отполз шагов десять в сторону, чтобы часовой не закрывал ему фигуры, и взял ее на прицел.

— Повернись спиной!

Фигура повернулась спиной. Подойдя к ней, часовой снял с ее спины берданку и поверхностно ощупал карманы и пазуху. Фигура стояла неподвижно, молча, и казалось, совершенно равнодушно. Закончив этот осмотр, часовой кликнул

подчаска. Тот подошел. Собака молча прилегла к земле, как бы готовясь к страшному прыжку в нужный момент.

— А, ну, теперь, повернись обратно.

Фигура повернулась лицом к солдатам. Она оказалась парнем лет восемнадцати-двадцати, с простодушной таежной рожей, в обычном — хотя и очень сильно рваном таежном обмундировании. Единственно, что отличало фигуру от остальных бродяг и скитальцев по тайге — это невероятно плотное сложение.

— Ты — куда? — спросил часовой.

— В тюрьму, — спокойно ответил парень.

Часовой даже обалдел от такого ответа.

— А в тюрьме тебе чего?

— Сказывают — хлеб дают. Золота я намыл — обокрали. Так вот, я в тюрьму. Теперь, сказывают, в тюрьму берут всех.

Часовой хотел было спросить — не слез ли парень с ума, но потом решил, что такого рода вопросы его не касаются.

— Ну, и чугунная твоя голова, — сказал он несколько неопределенно. Парень не ответил ничего.

— А звать тебя как?

— Федей. То есть Федором.

— А фамилия?

— Фамилия? Нету фамилии.

— То есть — как это нету фамилии?

— Нету, — сказал парень кротко. — Кабанчиком, правда, звали.

— Кто звал?

— Люди.

Часовой даже плюнул.

— Ну, там с тобою разберутся. Гришка ,сыми с него мешок и пощупай, нет ли еще чего в нем.

Гришка снял с Феди мешок и уже более тщательно ощупал голенища, откуда был извлечен обычный таежный нож, карманы, в которых не было почти ничего и, наконец, просто самого Федю, который вызвал у Гриши что-то вроде почтения:

— Ну, и медведь же ты, прости Господи!

— Брось разговаривать, — сурово сказал часовой, — там разберут. Ты, значит, ступай вперед, руки можешь опустить. И иди, куда будет сказано. А если что — пулю в спину — понимаешь?

— Понимаю, — сказал Федя смиренно. — А только вот — весной то меня выпустят?

— Там разберут, — сказал часовой сурово. — **Там** уж разберут... Ну, шагай!

Все трое двинулись. Парнишка шагал впереди — шагах

в десяти; часовой перед отходом осмотрелся кругом: нет ли тут какого либо подвоха, — но никакого подвоха не обнаружил. Странный парень, ищущий хлеба в тюрьме, шагал легко и беззаботно, и на его широкой спине не отражалось никакого беспокойства.

**
*

Комендант изолятора, полковник Алкнис, сидел над своей шахматной доской, и его бесцветные глаза, казалось, стремились проникнуть в бессмертную душу каждой шахматной фигуры. В дверь постучали. Недовольно отрывая глаза от доски, полковник Алкнис сказал: „войдите". Вошел его помощник, крепкий, молодцеватый, всегда подтянутый, старший лейтенант Кованько.

— Разрешите доложить, товарищ комендант: у нас некоторое происшествие случилось.

— Какое происшествие?

— Секрет задержал какого-то, то ли золотоискателя, то ли бродягу. Молодой парень. Лет двадцати. Он, видите ли, шел в тюрьму, потому что его обокрали, и есть ему нечего.

— Обыскали?

— Точно так, товарищ комендант. Решительно ничего.

—Ну, так что-ж? Задержать и отправить с ближайшим самолетом в Неелово.

— Слушаюсь, товарищ комендант. Но только, разрешите доложить: хорошо бы этого паренька здесь оставить.

—Зачем? Мы, товарищ старший лейтенант, должны действовать по инструкции.

— Точно так. Однако, инструкция дает вам право в исключительных случаях действовать по вашему личному усмотрению . . .

— Какой же здесь исключительный случай? — Товарищ Алкнис был очень недоволен перерывом в его шахматных размышлениях.

— Исключительный. При обыске мы этого парня раздели, конечно. Просто — ископаемое существо. Невероятной силы. Его бы подтренировать и в нашу команду. Все рекорды побьет . . .

В глазах полковника Алкниса мелькнул живой интерес.

— Ну, обычно в таких делах много преувеличивают . . .

— Никак нет, товарищ комендант. Я даже не думал, что такие люди могут водиться на современной планете . . .

— Ну, что-ж .Пойдем, посмотрим. Где он у вас?

— Пока — в караулке. Ест хлеб. Как паровая машина, ест.

— Допрашивали?

— Точно так. Что то вроде таежного беспризорника. Семьи не помнит, с детства болтался по тайге. Старатель, что-ли . . .

***

„Старатель" сидел на скамье в караулке и молча, внимательно и обережно уписывал огромную краюху хлеба, которою снабдили его солдаты. Появление полковника с его помощником не произвело на старателя никакого впечатления: он продолжал сидеть и жевать. При появлении полковника Алкниса, несколько караульных солдат, только что уважительно подшучивавщих над парнем, стали на вытяжку. Полковник Алкнис подошел к старателю и, стоя шагах в четырех от него, произвел, так сказать, глазомерную съемку.

— Н-да, — сказал он, — габарит *) у этого молодца, действительно основательный. Ты откуда?

— Я?

— Ну, да, ты. Я ведь с тобой разговариваю, а не со стенкой!

— Я? — Я из тайги. — Федя продолжал степенно жевать хлеб и на товарища коменданта обращал очень мало внимания.

— Откуда из тайги, тайга великая!

— Изо всей тайги. По всей тайге ходил.

— А родился ты где?

— Я?

— Ну, да, ты, чорт возьми!

— Неизвестно. Тоже, должно быть, в тайге.

— Ты грамотный?

— Н-не.

— А кто твои родители?

— Неизвестно. Не видал. Должно быть — были.

— А кто тебе в тюрьму посоветовал итти?

— А, так . . . Говорили люди. Старатели, то есть. Я, может, и делать что могу. Лес там рубить или что . . . — Федя запихал в рот очередной кусок хлеба и, тщательно пережевывая его, смотрел на товарища Алкниса невинно детскими глазами.

— Покажи мне твои мускулы.

— Нету, вот солдаты все отобрали.

В караулке раздался сдержанный смех.

— Ну, и дубина же ты, — не выдержал товарищ Алкнис.

— Я?

---

*) Габарит — площадь перпендикулярного сечения тела.

— Ну да ты, кто же иной?

— И так тоже люди сказывали...

Полковник Алкнис подошел к Феде вплотную и пощупал его, как лошадь: руки, плечи, грудь, спину.

— Н-да, — сказал он, обращаясь к старшему лейтенанту కованько. — Вы не очень преувеличили: действительно что то ископаемое. Ты рыбу ловить умеешь? — неожиданно спросил он Федю.

Равнодушное лицо Феди сразу оживилось.

— Я? Рыбу? Это я умею. Какую хочешь. И омуля, и хариуса, и щуку — какую хочешь. Только вот: крючки у меня украли. Вместе с золотом. Да я и без крючков могу.

— Как без крючков? Сеткой?

— Н-не. Сам крючки сделаю. Или палкой.

— Как это — палкой?

— Так, палкой, — неопределенно ответил Федя. — Камнем тоже можно. Если уж рыба есть, то я ее поймаю. Штанами тоже могу ловить.

— А ты носом не пробовал?

Иронии товарища Кованько Федя не заметил.

— Носом? А как это носом?

В караулке снова раздался сдержанный смех.

— Ну, насчет носа, — сказал полковник Алкнис, — это мы пока отставим. А бороться ты умеешь?

— Я? — снова переспросил Федя и, как бы спохватившись, ответил: — умею. Только с кем?

— Почему с кем?

— Не хочет никто.

— Ну, здесь найдутся желающие... — Полковник Алкнис постоял, как будто решаясь на что то, и потом сказал:

— Идем в спортзал. Эй, кто тут дежурный, позвать в спортзал сержанта Михайлова. Пошли.

Полковник Алкнис двинулся вперед. Остальные — за ним. Спортзал означал некоторое ослабление дисциплины и какое-то новое развлечение. В караулке, с выражением крайнего сожаления на лицах, осталось только два человека. Перед отходом Федя старательно смел ладонью со стола хлебные крошки и отправил их в рот. Старший лейтенант сказал:

— Ты это брось. Хлеба тут даже и для тебя хватит.

Очень большой, светлый и хорошо натопленный спортзал был бы „достижением" даже и для среднеевропейской столицы. Он был оборудован всем, чем полагается: гимнастическими снарядами, ковром для борьбы и мешками для бокса; сверху зал огибал балкон для бега: для охранников научного изолятора власть денег не жалела. В данный момент зал был почти пуст, и только два человека в трусиках и

в тренировочных перчатках мрачно и систематически колотили по боксерскому мячу.

Входить в зал в сапогах, собственно ,не полагалось ,но для сегодняшнего случая было сделано исключение. Полковник Алкнис подвел Федю к гиревому углу зала и показал ему на лежащую в стойке штангу.

—А, ну, вот, подними это. Сколько в ней кило? — спросил полковник, ни к кому не обращаясь.

Один из боксеров подсчитал круги на штанге.

— Так что — восемьдесят кило, товарищ начальник.

— Одной рукой можешь? — спросил Федю полковник Алкнис.

— А как это его? Не видал я таких. Одной рукой?

— Одной рукой.

Федя взял рукой штангу — прямо со стойки, взмахнул ею вверх и, смотря на Алкниса простоватыми своими глазами, нелепо спросил:

— А дальше?

— Положи обратно, — сказал полковник Алкнис.

Федя без заметного усилия положил штангу обратно в стойку. Один из боксеров символически плюнул на пол и сказал:

— Вот, тут тренируйся хоть двадцать лет, а такая дубина...

Старший лейтенант Кованько взглянул на него сурово дисциплинарным взором и обратился к Алкнису:

— А что я вам говорил, товарищ командир, такого материальца вы, вероятно, по всему Союзу больше не найдете. Его полгода потренировать, так...

— Можешь ты его по боксу тренировать? — внезапно обратился Алкнис к замолчавшему боксеру.

— Никак нет, товарищ комендант, располагаю, что ничего не выйдет. Сырой парень. Можно сказать, как корова.

Корова не произвела на Федю никакого впечатления. Он стоял равнодушным столбом и также равнодушно осматривал зал со всем его оборудованием. У полковника Алкниса вид был востороженно-задумчивый и нерешительный. Его помощник смотрел на Федю, как смотрит страстный посетитель бегов и скачек на фаворита, который должен принести ему состояние. Полковник Алкнис все о чем то думал.

— Сколько тебе лет? — спросил он Федю, повидимому, только для того, чтобы что-нибудь спросить.

— Неизвестно, — сказал Федя.

— То-есть, — как-то: неизвестно?

На этот вопрос Федя вообще не стал отвечать. Осматривал зал с его оборудованием, и товарищу Кованько каза-

лось, что, вот-вот, Федя засунет в рот свой грязный палец и станет сосать его, как сосут грудные дети.

В зал вошло человек пять солдат и во главе их сержант Михайлов, широкогрудый и подтянутый.

— Вот что, Михайлов, — сказал ему Алкнис. — Видишь этого парня?

— Так точно, товарищ комендант. Вижу.

— Ты ,вот, попробуй с ним бороться.

— Так он же, товарищ комендант, наверное не умеет.

—А мы — и посмотрим. Забирай его, катись в раздевалку и переоденься. Достань и ему какие-нибудь там трусики.

На лице товарища Михайлова выразилось презрительное недоумение, но никаких возражений не последовало.

— Ну, парень, пойдем раздеваться.

— А это зачем? — равнодушно спросил Федя.

— Бороться приказано — айда!

Оба вышли из зала. Полковник Алкнис автоматически и рассеянно достал из портсигара и закурил папиросу, что по регламенту зала запрещалось строжайшим образом. Помощник смотрел на него, как на человека, который держит в своих руках ключи судьбы. Все молчали.

Минуты через две-три Михайлов в сопровождении Феди появился в зале. Прежнего самоуверенного вида у товарища Михайлова уже не было.

— Обрубок, что и говорить, здоровый, — сказал он обращаясь в пространство, — только бороться, говорит, не знает...

— Так вот ты его и научи...

— Ну, и дитя природы, — сказал какой то солдат пообразованнее.

Федя стоял на ковре прежним равнодушным пнем и все так же осматривал зал, который, впрочем, казалось, его тоже вовсе не интересовал.

— Ты в обхват бороться умеешь? Крест на крест? — спросил полковник Алкнис.

— Пробовал, — ответил Федя равнодушно.

— Так ты постарайся поймать вот его хотя бы крест на крест и положить на спину — понимаешь?

— Это — понятно, — сказал Федя утвердительно.

— Ну, давай попробуем, — сказал Михайлов.

Федя как то нехотя попытался поймать сержанта за руки, но руки Михайлов берег, как зеницу ока. Потом с почти молниеносной быстротой Михайлов просунул свой локоть под локтевой сустав Феди, откинулся назад, на мост, так что Федя к крайнему своему изумлению взлетел на воздух, болтая

в этом воздухе своими голыми и грязными ногами. Но и всё остальное произошло и неожиданно и молниеносно.

Вероятно, еще раньше, чем темя товарища Михайлова успело коснуться ковра, Федя произвел в воздухе какое-то метательное движение ногами, оторвался от товарища Михайлова и, как только товарищ Михайлов вскочил на ноги, таким же молниеносным движением схватил его в обхват и медленно и осторожненько положил на спину. И, положив, спросил все тем же равнодушным тоном:

— А дальше?

В группе зрителей раздался сдержанный смех.

— Отпусти его, — сказал полковник Алкнис.

Федя равнодушно поднялся на ноги и по-прежнему равнодушно стал осматривать зал: люди, казалось ,его не интересовали уж вовсе.

Товарищ Михайлов, поднявшись с ковра ,имел совершенно смущенный вид и лицемерно потирал свое правое плечо.

— Плечо он мне, как будто, свихнул.

— Брось врать, — весело сказал полковник Алкнис. — Вот ты его бороться научи, так он всех мировых чемпионов переложит, а не то, что тебя...

— Парень, конечно, первобытного сложения, — интеллигентно сказал товарищ Михайлов, — только, вот, будешь его учить, а он тебе кости переломает.

— Ничего не переломает. — Ты ему объясни.

Федя стоял безмолвным монументом.

— А мылся ты давно? — спросил его полковник Алкнис.

— Я?

— Ну, конечно, ты, что это ты все якаешь, не стенке я говорю!

— Мылся, — сказал Федя уверенно.

— А когда?

Федя задумчиво почесал себе затылок.

— Да в речке. Пока тепло было. Теперь — не помоешься.

— Вот что. товарищ Михайлов, возьмите над ним шефство — потом посмотрим. Сведите его в баню и... тут полковник Алкнис приостановился, как Цезарь перед Рубиконом... — и... выдайте ему новое обмундирование. Там — посмотрим. Пошли.

В своем кабинете товарищ Алкнис осторожно отодвинул в сторону столик с шахматной доской, уселся в кресло и закурил папиросу. Вид у полковника Алкниса был задумчивый и нерешительный.

— Товарищ Алкнис, — сказал помощник Denганько, стоя перед ним и не вполне дисциплинированно размахивая руками, — товарищ Алкнис, мы, по существу, не рискуем ре-

шительно ничем. Формально вы имеете право распоряжаться по вашему усмотрению. По существу, он не вызывает решительно никакого подозрения, абсолютно никакого подозрения, совершенно никакого подозрения. Таежный медведь, и больше решительно и абсолютно ничего.

— Гм, — сказал полковник Алкнис, — а шею намылить нам могут.

— Кто? Медведев? Медведев и сам абсолютный любитель таких вещей. Медведеву мы и прямо можем сказать — вот, де, нашли этакий самородок. Потом если он, этот парень, будет выступать, так и от имени всего отдела...

— Гм, — сказал полковник Алкнис, — а деть-то его куда? В казармы нельзя. Сюда нельзя.

— И в казармы можно и сюда можно. Имеете вы право нанять для себя или для коллектива, скажем, егеря? Вот, и наняли. Таежный мужик. Что особенного?

— Особенное-то: наш изолятор — вы сами знаете. Но, конечно... Егерь, это, пожалуй, можно бы устроить...

Товарищ Кованько понял, что полковник Алкнис начинает постепенно сдавать свои позиции.

— Рыбу с ним будете ловить — пустил старший лейтенант Кованько в ход свой дополнительный козырь. — Рыбу он, вероятно, умеет ловить, как выдра... А разговорами он вам уж надоедать не будет.

Полковник Алкнис пускал в потолок кольца табачного дыма.

— Поместим его у вас тут в кухне, — она у нас все равно пустая... Я как полечу в Неелово, пощупаю там у Медведева — он парень, все таки, свой, возьму ответственность на себя — такое-то и такое-то дело...

— Ну, чорт с ним, пусть остается... Посмотрим... Вы там распорядитесь.

***

Таким образом, Федя остался при изоляторе. В кухне полковника Алкниса ему поставили кровать, на которой Федя валялся неопределенное количество времени. На паек его не записали, но изолятор имел достаточный продовольственный фонд, и Федя ел приблизительно за четверых. Солдаты внутреннего клуба относились к нему, как относятся умные дети к ручному медведю, не сидящему на цепи: существо очень забавное, но как бы оно не переломало костей. За всем этим было первобытное восхищение простых душой людей перед всякой физической силой.

Как-то утром полковник Алкнис вошел в кухню и спросил лежащего на кровати Федю:

— Идем рыбу ловить?
— Крючков нетути, — Можно конечно, и без крючков...
— Крючки у меня есть — а как это можно без крючков?
— По всякому можно. Рукой можно, палкой можно...
— Вот как? Ну, ты мне покажешь. Пошли.
— Пойдем, — великодушно согласился Федя.

Только на речке установил полковник Алкнис ту огромную дистанцию, которая отделяла его от Феди, приблизительно такую же, какая в шахматах отделяла его самого от доктора Тищенко. И только на речке понял полковник Алкнис смысл русской поговорки: на ловца и зверь бежит. Федя распоряжался в речке, как в своем кармане. Всякую рыбу он, казалось, видел на любой глубине, и если он ее увидел, то она оказывалась в его сумке. Кроме того, Федя продемонстрировал полковнику Алкнису, как можно ловить рыбу палкой: из длинной орешины сделал нечто вроде остроги и, высмотрев рыбу где-то под камнем, кошкой подползал к берегу и пронизывал рыбу этой острогой. Это был, конечно, очень занятный спорт, но полковник Алкнис после нескольких попыток подражать Феде, пришел к тому выводу, что для этого спорта нужны и федины глаза и федина рука. У полковника Алкниса не было ни того, ни другого, ему оставалось смотреть на то, как по-хозяйски Федя распоряжался с рыбой. Впрочем, кроме этого, полковник Алкнис почерпал из фединых междометий целую массу познаний, которые ему раньше и в голову не приходили, познаний, касавшихся реки и леса, рыбы и дичи. Однако, Федя никак не был назойливым или надоедливым спутником. Запас его слов был довольно точно ограничен таежными вопросами, да и этот запас Федя расходовал только в случае необходимости. Для полковника Алкниса Федя стал почти незаменимым попутчиком. Так, чем то вроде кульнурного, хорошо прирученного медведя.

***

С тем человеческим мирком, который окружал научный изолятор, Федя почти не имел никакого дела. Два-три „специалиста" обучали его борьбе, боксу, поднятию тяжестей и еще некоторым видам спорта и гимнастики. Федя во всем этом оказывал очень быстрые успехи, но никакого интереса ко всему этому не проявлял. Солдаты относились к нему с такой же добродушной насмешкой, как и полковник Алкнис, и все таки в этой насмешке было искреннее восхищение перед физической силой Феди. Только доктор Тищенко проявил несколько больший интерес, вознамерившись подвергнуть Федю медицинскому осмотру.

— Да зачем этот осмотр, — удивился полковник Алкнис, — парень здоровый, как бык...

— Не говорите. Во-первых, по инструкции я обязан осматривать всех обитателей изолятора, и, во-вторых, есть такие.. бациллоносители — сам человек здоров, как бык, а окружающих заражает.

К медицинскому осмотру Федя отнесся так же равнодушно, как и ко всему остальному. Доктор Тищенко выразил свое восхищение фединым телосложением и, закончив осмотр, похлопал Федю по спине.

— А если что-либо плохо будет — прямо ко мне.

— А что ж тут может быть плохого? — наивно изумился Федя.

— Может быть. И даже много. Так что, если что-нибудь, ты прямо ко мне, — и при этом доктор Тищенко посмотрел на Федю взором заговорщика. Потом оглянулся вокруг и шепотом добавил:

— Ты, мне верь, Федор Еремеевич Дубин!

Федя ошалело посмотрел на доктора. Тот рассмеялся и приложил палец к губам.

— Мы, брат, одно дело делаем, хотя и по разному. Иди к себе и молчи. Когда надо будет — поговорим...

***

Так Федя приспособился к научному изолятору. Его спортивные достижения росли с каждым днем, наполняя спортивную душу полковника Алкниса предчувствием сенсационных побед и рекордов. Доктор Тищенко, докладывая полковнику Алкинсу о результатах медицинского осмотра, сказал не без некоторой зависти:

— Форменный питекантроп!

Что такое питекантроп — полковник Алкинс не имел никакого понятия.

— Доисторический человек. Все в мясо ушло. Мозгов ни на копейку. Интересно, можно ли его в шахматы играть выучить? Некоторых высших обезьян, говорят, можно выучить...

Но к этой перспективе полковник Алкнис никакого интереса не проявил.

„ОСАДА ИЗОЛЯТОРА"

Верстах в двух от центра изолятора, за оградами и секретами в лесу была расчищена посадочная площадка для самолетов. Тяжелый грузовой самолет прилетал в изолятор два раза в неделю, привозил продовольствие и почту. Очень,

очень редко прилетали и улетали на нем какие-то люди — то новые заключенные или вольные работники изолятора, то какие-то чины из Неелова или даже из Москвы. Но это случалось очень редко. С момента прибытия Феди в научный изолятор самолет прилетал уже четыре раза. И никого с собою не привозил и не увозил. После четвертого раза, когда уже начало смеркаться, из хорошо прикрытой ямы под кустами, шагах в пятистах от места посадки, один за другим стали вылезать измазанные грязью люди с винтовками. Это были: Валерий Михайлович, Еремей Павлович и Степка.

— Ну, значит, Федя вполне благополучно угнездился, — сказал Валерий Михайлович. — Так что отбивать его нам не пришлось. Если с ним что-либо случится, я буду знать. Пока — пошли.

Еще верстах в двух была еще одна яма, перед которой группа остановилась.

Светлов вынул из спинного мешка какую то тяжелую металлическую коробку, запрятал ее в яму и вывел от коробки наверх тонкую проволоку в виде антенны.

— Это — передаточная станция в нашей связи и в... нашем деле... Ты, Степушка, всего этого не трогай. Твое дело — со стороны речки.

— Ну, и ладно. Все сделаю в лучшем виде, Валерий Михайлович!

— Это — ненадолго, Степка, — сказал Валерий Михайлович успокаивающим тоном, — думаю на неделю-две. Потом все равно выпадет снег, и всякие следы будут, как по печатному. Так что ты наблюдай за самолетами и держи связь с Федей. Остальное ты знаешь. И своего зарока не забывай. Мы тебе дали литр спирта не для пьянки. Будешь возвращаться, осенние ночи — тогда можешь и выпить. А пока дела не сделал — а ни-ни!

— Да что я? — возмущенно ответил Степка. — Разве-ж я?... Как сказал, так и будет!... Ни в зуб ногой! Ни синь пороха! Чтобы мне провалиться на этом самом месте!.. Разве ж я окологоголик какой? Понятиев не имею??

Еремей Павлович угрюмо молчал.

— Оставили парня, как Даниила во рву львином.

— Ну, ваш Федя не очень на пророка похож...

— Он-то не похож. Ну, а те дяди — похуже львов...

— Бог милостив, Еремей Павлович. А, кроме того, самый опасный пункт уже позади...

— И еще впереди, — сказал Еремей Павлович.

— Впереди — дело пустяковое. И зависит почти исключительно от нас самих.

— Так ты, Степка, смотри, если что-нибудь... Не подгадишь? — Еремей Павлович положил на степкино плечо свою медвежью лапу.

— Да, что вы, Еремей Павлович? Да разве-ж я... Как сказал, так будет!... А в ямах мне ночевать — не в первый раз...

— Ну, пошли, здесь не совсем место для длинных разговоров — сказал Валерий Михайлович.

Еремей Павлович раздвинул ветки кустарника и еще раз посмотрел на видневшееся вдали здание научного изолятора. Степка нырнул в свою яму, а Валерий Михайлович посмотрел с виноватым видом на широкую спину Еремея Павловича, взглядывавшегося в „ров львиный".

***

Они скрылись в кустах, и тайга опять величаво замерла. Изредка был слышен стук дятла, да любопытный бурундук, грациозно перепрыгивая через сучья, сунулся было к яме под корнями сваленного кедра. И вдруг замер. И потом молнией шарахнулся в бурелом. Из ямы доносился какой то неизвестный тайге звук — человеческого храпа...

Для Степки тайга была родным домом, а спальней — каждая уютная яма...

„ЗАОЧНЫЕ ШАХМАТЫ"

Товарищ Алкнис, комендант Нарынского изолятора, был в очень хорошем настроении. Прежде всего, его радовали успехи нового егеря — этот молодой богатырь бороться никак не мог выучиться, но гири поднимал с большой охотой. Техника борьбы ему была пока малодоступна, да и никто не хотел с ним возиться на ковре — боялись за свои кости. Но поднимание штанги было проще: силовой выжим, рывок или толчок. Эта техника прививалась, и рекорды, пока неофициальные — росли. Старлейт Кованько выписал всякие таблицы рекордов — советских и мировых, и только ахал, радостно потирая руки. Да и сам Алкинс уже мечтал о том триумфе, который ждет его тяжело-атлетическую команду (во главе с Федей) на каких либо состязаниях...

Да и с шахматами было очень занятно. За последнее время полковник получил немало вызовов на состязания по переписке и проводил много времени над шахматной доской. Доктор Тищенко всегда старался ему помочь, делал бестол-

ковые ходы, волновался, пыхтел и, в конце концов, просил разрешения брать к себе в кабинет получаемые открытки, чтобы, как он говорил, „найти лучший ход".

Он настолько увлекся этими „заочными шахматами", что умолил Алкниса позволить и ему вести игру с далекими и неизвестными противниками. Латыш снисходительно разрешал ему принимать участие и в его играх, не подозревая, что эти заочные шахматные игры могут иметь совсем иное значение.

Будучи заинтересованным в том, чтобы охранники изолятора не сходили с ума от тоски, Неелово не возражало против такой невинной забавы. И наши шахматисты пользовались правом отправлять своим неизвестным противникам специальные карточки. На этих карточках было напечатано:

„Union Internationale des Echecs"
„Всемирный Шахматный Союз".
Ваш последний ход был: ... **Ф. Е2 — Е5**
Мой ответ: ... **Т. А8 — А7.**

Больше на карточке нельзя было писать ничего. Конечно, из изолятора нельзя было давать неизвестному противнику ни своего имени, ни, тем более, адреса. Адрес был зашифрован, как шифруют адреса действующей армии во время войны. Простодушный служака, Алкнис, не подозревал, что многие ответы противников были скрытым шифром. Но доктор Тищенко знал об этом и под видом врачебных справочников имел необходимый материал для расшифровки.

НАКАНУНЕ СОБЫТИЙ

В один еще теплый осенний день у полковника появилось „раздвоение личности": как раз была получена пачка открыток от его анонимных противников и одновременно остро захотелось уйти из изолятора и уютно посидеть с молчаливым Федей на берегу речки, бездумно глядя на поплавок. В изоляторе все было спокойно, и хотелось использовать последние осенние денечки. Шахматы — не убегут!...

Тайга и уженье перевесили. Алкнис передал открытки доктору („посмотрите там на— черно — как и что!"), и скоро две фигуры прошли через внешние ворота и скрылись в лесу.

**
*

Доктор Тищенко с лихорадочным нетерпением взялся за открытки. Выбрав одну — „партия № 21" — он по справочному листику расставил шахматы в положение до получения

открытки. Там стояло: „Ваш последний ход был — Т, а2 — а7. Мой ответ: КР Д7 — Д6". Доктор пристально просмотрел запись ходов всей партии и вынул какой то справочник. Перелистав его, он бросился к медицинской энциклопедии. Просмотрев и там какую то страницу, он внезапно побледнел... И понял, что тихая и безмятежная его жизнь в изоляторе заканчивается. Толстяк доктор давно уже сидел в определенные часы за радио и напряженно слушал отрывки каких то фраз. Он, как и доктор Шуб в Неелове, знали, что где то, под спокойной поверхностью „мирной" советской жизни, кипит какая то борьба, в которой он уже давно стал на „ту сторону". Но в тиши ленивой жизни толстяк как то отбрасывал от себя мысль, что и он понадобится в этой борьбе, и что „что то" вдруг всколыхнет его мирную жизнь. И вот... Словно старые стенные часы зашипели перед боем в полночь...

Устало сев в кресло, он потянулся к маленькому шкафчику, стоявшему рядом, достал оттуда бутылку и прямо из горлышка выпил несколько глотков. Вздохнув и крякнув, он вынул из ящика пакетик с какими то пилюлями, долго, долго глядел на них и все вздыхал.

Казалось, что он колеблется. Но потом его толстое лицо, напоминавшее Тараса Бульбу, только без усов, приняло суровое выражение. Мясистые губы сомкнулись твердо и решительно. Он почему то вспомнил своих далеких предков-запорожцев (которыми он всегда гордился) и представил себе их бурную жизнь, гордые чубы, звон сабель, топот копыт на привольных степях родной Украины. Это воспоминание о смельчаках-казаках словно наэлектризировало его. Потомок рыцарей Сечи выпил опять, опять вздохнул и пробормотал: „Един раз мати родила!" Искра жажды свободы, раньше только тлевшая, вспыхнула ярче...

„Зов предков" — людей „больных свободой" — нашел отклик в его душе.

Такие люди, как Светлов, умели подбирать сотрудников!...

СТРЕЛА

У маленькой речушки расстилался замечательно соблазнительный зеленый ковер из густой травы. Первые заморозки ушли, солнышко еще грело, синее небо было так безмятежно... Товарищ Алкнис почувствовал себя „вне времени и пространства" — вдали от забот и напряжения в изо-

ляторе. „Хоть час, да мой", подумал он, и глаза его невольно стали слипаться. Федя возился у берега. устанавливая, повидимому, какие то жерлицы.

Алкнис еще раз обвел взором чудесную картину переливающейся всеми цветами осенней тайги. Ах, как хорошо! В его памяти всплыли чеканные строки Пушкина:

„Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоит, как бы хрустальный,
И лучезарны вечера" . . .

Ах, этот Пушкин! Каждому в душу влезет — даже чекисту-коммунисту . . . Старый латыш еще раз вдохнул всей грудью этот „хрустальный воздух" и умиротворенным тоном сказал Феде:

— Слышь ка. Федя. Ты там налови рыбки и потом свари уху. А я пока подремлю в прохладе. Воздух то какой!

Федя сочувственно кивнул головой и опять склонился над своими удочками. Алкнис облегченно вздохнул, вытянулся на траве и полез в походную сумку. Оттуда он вытащил бутылку с жульнической надписью:

„Tinctura Valerianae"

(подарок доктора Тищенко), глотнул из нее несколько раз, и голова его блаженно опустилась на сумку.

Эх, никаких тебе Карлов Марксов, Сталиных, партии и изолятора . . . Словно вернулись милые мальчишеские дни... И он всхрапнул так, что даже Федя оглянулся . . .

Приладив жерлицы, Федя сел в позу мыслителя Родэна и задумался. Пока, слава Богу, все шло отлично. Никто в изоляторе не заподозрил. что он сюда послан разведчиком. Только вот доктор Тищенко что то знает . . . Ну, да там видно будет. На заимке умные люди — знают, что делают. Нужно ждать . . .

Внезапно что то свистнуло в воздухе, и около ноги Феди в траву воткнулась стрела. Федя вскочил, обшаривая глазами кусты на противоположном берегу речки, но там все было тихо. Удивленный рыбак поднял стрелу — похоже было, что это стрела от самострела о. Петра. Еще так недавно двумя такими стрелами Федя ликвидировал на перевале двух пограничников . . . Присмотревшись к стреле, Федя заметил привязанную к ней бумажку. Оглянувшись на сладко храпевшего полковника, он осторожно развернул ее. Там было несколько слов, написанных крупным почерком Еремея Павловича, и какая то пилюлька. На записке стояло: „Дай коменданту выпить пилюлю. Слушай доктора".

Круглое лицо Феди сделалось озабоченным. Еще раз оглянувшись на спящего коменданта, он сунул записку в рот, прожевал ее и выплюнул в речку. К стреле живо привязал несколько камушков и забросил в омут.

***

Когда часа через два Алкнис проснулся, на костре весело кипел котелок со свежей ухой. Хозяйственный Федя пристроил к костру какую то корягу, как сиденье, и, видимо, ждал пробуждения своего начальника.

Алкнис сладко зевнул, протер глаза и одобрительно кивнул Феде головой.

Ну, и дух от твоей ухи идет! Вероятно, я от него и проснулся.

— Вот, и хорошо, товарищ комендант... Тут в сторонке ручеек есть холодный. Может, хотите помыться, да и ледяной водички стаканчик я припас. Сразу и сон пройдет, и в животе в барабан заиграют...

Алкнис улыбнулся ,выпил приготовленный ему стакан холодной воды, умылся и, густо крякнув, сел на корягу.

— Ну, Федюша — угощай... действительно, в пузе барабаны играют... Эх, и уха же у тебя!...

СТРАННАЯ БОЛЕЗНЬ

Еще часа через два Алкнис и Федя вовращались в изолятор. Федя нес порядочный мешок с пойманной рыбой. Уже смеркалось. Стало холоднее. Рыбаки уже прошли через внешнюю ограду из колючей проволоки и подходили к первым воротам. Вдруг полковник Алкнис с удивлением сказал:

— Чорт е што со мной деется — словно голова кружится. С чего бы это?

— Может, солнце нагрело? — наивно предположил Федя.

— Солнце? — фыркнул Алкинс. Непохоже! Возьми пока, Федя, мою сумку, а то мне что то тяжело...

Ворота изолятора раскрылись без формальностей — караул знал, кого ждать. Но, не доходя до ворот, Алкнис внезапно пошатнулся и медленно опустился на землю. Пока удивленные солдаты караула подбежали, Федя легко поднял тело коменданта и внес в караульное помещение.

Солдаты заметались около коменданта, но Федя решительно сказал:

— Не трожь его, ребята. Зови поскорее доктора.

Тищенко прибежал через две минуты. Тоже распорядился, чтобы никто не трогал коменданта, вызвал носилки, и Алкнис был унесен в лазарет.

Пока доктор хлопотал над бесчувственным телом коменданта, его помощник, Кованько, встревоженно расспрашивал Федю, как все это вышло. От лица Феди так и несло полной невинностью.

— Ничего я не знаю. Поспал товарищ комендант, поели мы с ним ухи и пошли обратно. А тут с ним что то и приключилось. С чего бы это — ума не приложу...

В караулку с озабоченным лицом вошел доктор Тищенко. Отозвав Кованько в сторону, он тихо сказал ему:

— У коменданта температура и бред. Дайте распоряжение, чтобы он считался в строгом карантине. Только я, да фельдшер, будем его навещать.

— Ого! А почему так строго?

— Пока не выяснится, что с ним. А теперь пришлите мне этого рыбака Федю — нужно его порасспросить, что и как.

— Да я спрашивал — он только глазами хлопает.

— Ну, все таки! Так пришлите его в мой кабинет. А завтра, вероятно, выяснится, что у коменданта. Ведь все таки странно — такой крепкий человек! И вдруг так сразу?... Так вызовите Федю...

ЕЩЕ ПИЛЮЛЯ

Федя стоял перед доктором и старшим лейтенантом бревно — бревном и отвечал невразумительными словами: комендант поспал, съел ухи, потом пошли, и он скис... Почему — кто знает?

Когда старший лейтенант Кованько, еще раз проглушав примитивные объяснения Феди, вышел распорядиться по своему гарнизону, лицо Тищенко сделалось серьезным. Он подошел ближе к Феде и шепнул ему:

— Ну, Федя Дубин. Молодец! Все идет, как надо. Еремей Павлович и Валерий Михайлович знают, что делать. Вот возьми пилюльку. Придешь в кухню, выпей с водой, только незаметно. И не бойся, если проснешься совсем больным... Нам всем отсюда пора выбираться...

Федя не проявил особого удивления. Он только сердечно протянул ему свою богатырскую руку, и Тищенко долго еще после его ухода тряс свою онемевщую руку, морщился и дружески ругался.

К ВЕЧЕРУ

Тищенко несколько раз заходил к Алкнису. Тот лежал без памяти с высокой температурой и тяжело дышал . . . Дав распоряжения фельдшеру о самом строгом карантине, Тищенко, сменив белый халат на свежий, пришел в кабинет коменданта, временно занятый Кованько.

— Ну, как там, доктор? — с беспокойством спросил заместитель коменданта.

Тищенко озабоченно покачал головой.

— Пока еще неясно, но, во всяком случае, тут что то серьезное. Теперь на нас обоих лежит немалая ответственность. Ведь, чтобы такой здоровый человек внезапно свалился —нужны причины. Я думаю, до завтра мы не будем рапортовать в Неелово. Может быть, и так все обойдется.

В эту минуту в кабинет вошел дежурный по караулу.

— Разрешите доложить, товарищ Кованько. Наш егерь Федя тоже скис. Съел три порции борща, и дурно ему стало.

— Обожрался, что ли? — насмешливо спросил Кованько.

— Помилуйте, товарищ Кованько! Да Федя и не такие порции съедал! Тут что то не то. И лицо у него, как бурак . . .

— Вот не было печали, так черти накачали! — с досадой и беспокойством выругался Тищенко. Пойду посмотрю, что с ним . . .

ЭПИДЕМИЯ

К вечеру выяснилось, что и Алкнис и Федя тяжело больны. Тищенко метался между лазаретом и своей аптекой и „недоумевал".

— Такие здоровяки! Алкнис сухой, жилистый . . . А Федя? Вот уж подлинно: „с богатырских плеч сняли голову не простой порой а . . . микробами" . . . Того, что оба они свалились от какой то неизвестной заразной болезни, Тищенко уже не скрывал.

Поздно вечером он опять вызвал Кованько.

—Вот что, дорогой мой. Тут что то не то. И страшное и таинственное . . . Помните, может быть, как в годы гражданской войны над всем миром пронеслась эпидемия какой то особенной инфлуэнцы — она тогда попросту „испанкой" звалась — из Испании к нам пожаловала. Болело ею полмиллиарда человек. Двадцать миллионов на тот свет пошло — в большинстве у нас, в СССР. Тогда у нас и сыпняк валил людей.

— Сыпняк — это я помню. Может, он и теперь появился?

Тищенко покачал головой.

— Нет, тут на сыпняк никак не похоже. Слишком эта болезнь стремительно сваливает крепких людей. Пока еще я не могу определить, что это за болезнь, но решил уже теперь провести нужные профилактические мероприятия в нашем изоляторе. Вы слыхали, может быть, про такой новый медикамент — пенисилин?

— Это не лекарство, а чудо. Против всех болезней, кроме карманной чахотки и сердечной романтики. Но у меня на наш гарнизон найдется пенисилин только в таблетках. А, конечно, инъекции — вспрыскивания — вернее. Таких ампул у меня хватит на комсостав и на нашу научную братию. Себе я уже вогнал шприц. Давайте сейчас я и вам вгоню.

Крванько поморщился ,но не протестовал. Алкнис руководил изолятором строгой рукой, и без этой руки Кованько чувствовал себя почти беспризорником. Строевую часть он мог вести легко, но тут дело касалось каких то эпидемий...

— И еще, товарищ Кованько. Завтра с утра посылайте ко мне по одному всех наших научных работников. Пусть кто либо из толковых старшин сопровождает каждого сюда ко мне... Хотя, улыбнулся он, куда тут можно сбежать?

Кованько только плечами пожал.

— Ладно, для формальности дам старшину. Мы тут, доктор, остаемся одни перед опасностью заразы. Ведь за нераспорядительность и взгреть могут. Да еще и как. Действуйте...

ВЕРОНИКА

С утра в кабинет Тищенко, не спеша, одного за другим стали приводить научных работников. Самым „трудным" оказался профессор Карица. Он просто бушевал и ругался такими словами, что даже видавший виды суровый старшина фыркал в руку.

— Какого дьявола вы прерываете налаженную работу? — кричал профессор. — Нам каждый час дорог, а тут всякие клистирные трубки работе мешают...

— Коллега профессор, умоляюще стонал Тищенко. Ведь — приказ! Ну, что вам стоит показать пример дисциплины? Вы — так сказать, светоч советской науки... Не упрямьтесь...

Глеба Степановича Тищенко все таки уломал, и дальше пошло много легче. Один за другим научные работники получали инъекцию и с раздосадованными лицами возвращались в свои лаборатории.

Очередь дошла и до Вероники Светловой. Она удивилась объяснению Тищенко, но не противилась.

Когда доктор попросил ее снять верхнюю кофту и обнажить руку, он обратился к старшине.

— А вы, товарищ, минутку подождите за дверью. Тут ведь дама . . .

Когда за солдатом закрылась дверь, Тищенко пустил в горелке сильнее струю газа, чтобы вызвать шум и, прямо глядя в лицо Веронике, тихо, но твердо сказал:

— Вот, товарищ Светлова — пилюлька. Примите ее с водой, но незаметно. Это — приказ Валерия Михайловича!

Лицо молодой женщины вспыхнуло, но она с недоверием посмотрела на доктора. Тот понимающе улыбнулся.

— Конечно, все НКВД полно провокациями. Но верьте, что Валя недалеко, и также недалеко ваше освобождение. Ваш муж поручил сказать вам несколько супружески-интимных слов — вы, как жена, их поймете. Их никто выдумать не может!

Выслушав эти несколько слов, Вероника покраснела еще сильнее ,но глаза ее зажглись надеждой и радостью. Но все это так „вдруг"!

Толстый Тищенко лукаво улыбнулся.

— Ничего, Вероника Сергеевна, мы, врачи, умеем хранить тайны и не только врачебные . . . Имейте в виду, что вы заболеете. Не бойтесь — это в плане вашего освобождения . . . Ах, как же вы нервны! — громко произнес он. — Старшина, — позвал он конвоира, — эта дама даже от укола ослабела. Если и еще ослабеет — поддержите ее под руку. Давайте следующего . . .

ЧТО ДЕЛАТЬ?

На следующий день в госпитале изолятора метались в горячке трое больных — Алкнис, Федя и Светлова. Тищенко проявлял ниагарские водопады активности, но чем дальше, тем его лицо принимало все более тревожное выражение. К счастью, через день никаких новых заболеваний не было обнаружено. Тищенко опять вызвал к себе Praванько, на которого теперь упала вся ответственность за изолятор.

— Вот что, друг, медленно сказал доктор. Пока, слава Богу, — эпидемия не увеличивается. Но трое больных то у нас есть. И что такое с ними — какая болезнь — я просто не могу решить.

— С чего бы это вдруг? — угрюмо сказал Praванько. — Что за чортова зараза к нам проникла?

— А это пока никто не скажет. Какие то микробы принесены либо по воздуху, либо птицами. Наш изолятор от ветра и ворон изолировать невозможно . . . Но я думаю, что

нам нужно наших больных послать в Неелово — там большой госпиталь.

— Ну, конечно! — радостно отозвался Praсованько. Лучше бы от всех больных поскорее избавиться. Как это Пушкин писал: „Суд наедет — отвечай ка! С ним я ввек не разберусь...” У нас, в НКВД, строго — чуть что — не досмотрел... А как это за микробами усмотреть??? Только, конечно, без разрешения Неелова я ничего сделать не могу.

— Ну, конечно... Я составлю телеграму по медицинской линии, а вы поддержите административно: мол, погрузим и отправим в лучшем виде. Да и лету то всего два-три часа... Самолет будет, кажется, послезавтра... Так зовите шифровальщика, а я тут напишу рапорт.

В НЕЕЛОВО

Доктор Шуб сидел в своем комфортабельном кабинете в здании по улице Карла Маркса 13. Взрыв и пожар пощадили эту часть здания. Было только менее удобно посещать своих „сиятельных” больных, особенно Бермана. Но и Берман и Медведев постепенно выздоравливали.

В отделе НКВД стояло какое то затишье, но чуткий нос доктора не верил этому затишью — тем более ,что он получил кое какие указания держаться настороже.

Нюх его не обманул. Рано утром ему принесли уже расшифрованную радио-грамму из Нарынского изолятора. Доктор Тищенко и заместитель Алкниса просили разрешения перевести трех больных в центральный госпиталь в Неелово. Доктор Шуб внимательно прочел еще раз радиограмму, долго думал и взялся за телефонную трубку.

— Это вы, товарищ начальник?

— Я самый. Кто тут тревожит меня? Ах, это вы, Эскулап Гиппократович? В чем дело?

— Очень важная радиограмма из Нарынского изолятора.

— Да в чем же дело?

— Не могу говорить об этом по телефону. Разрешите к вам сейчас зайти с докладом?

— Ладно, зайдите. Кстати, и мою руку посмотрите...

***

Грузно сидя в своем кресле, с рукой еще на косынке, Медведев долго и внимательно вчитывался в радиограмму...

— Вот чорт! Опять двадцать пять! Новое дело... Алкниса то я знаю. А кто там еще?

— Не могу сказать, товарищ Медведев. Видите сами — какой то „из обслуги" и „переводчица из числа з/к". Имен не указано. Видимо — мелочь.

— Ндаа... как это их угораздило?

— А, видите ли, товарищ Медведев, — страшным шопотом объяснил Шуб. Меня давно уже по медицинской линии предупреждали, что ожидается вспышка какой то таинственной сибирской бубонной чумы. Это — очень страшная и совершенно неисследованная болезнь. И доктор Тищенко вполне прав, желая отправить больных из изолятора. Сами понимаете ,изолятор имеет важное государственное значение. Если там вспыхнет такая эпидемия... Лучше отправить оттуда больных. Иначе нас по головке не погладят. Тищенко и Короанько со своей стороны нам доложили...

— Ннннндааа! Медведев потер здоровой рукой небритый подбородок. Нда... Так вы считаете, что больных нужно сюда взять?

— Разрешите говорить откровенно, товарищ Медведев? Если эта чортова эпидемия вспыхнет тут у нас — будет еще хуже. Неелово уже перенесло много неприятностей!... А ведь в нашем отделе ,то есть ,под нашим наблюдением, сколько еще и конц-лагерей с многими миллионами заключенных...

— Так что же вы предлагаете?

— По моему, лучше всего больных переотправить дальше — в Новосибирск — пусть они там сами разделываются — все таки там настоящий центр, и госпитали побольше наших.

— Так сказать, с больной головы на здоровую?

— Что ж — „своя рубашка к телу ближе", товарищ Медведев!

— Резонно. А как с охраной больных?

— Да что ж — авион сюда может быть без охраны — там будет Тищенко. А больные ведь без сознания — какая там им охрана?

— Да, конечно, в нашем отделе... Но в Новосибирск заключенных мы не можем отправить без охраны — нагорит нам за это.

— Это не так трудно и сделать, товарищ Медведев. Лучше, чтобы сюда к нам авион прибыл без охраны — меньше шансов, что кто то еще заразится. А охране на авион в Новосибирск —можно дать приказ: остаться в карантине. Если они не заболеют — вернутся к нам.

— А как с доктором Тищенко?

— Отправим тоже и его в Новосибирск. В изолятор я срочно направлю кого либо из своих коллег... Важно ведь, чтобы эта таинственная зараза у нас не распространилась. А за Новосибирск волноватся нам не обязательно...

Медведев глубоко задумался — решение было ответственное. Конечно, доктор Шуб был прав — нужно было бы избавиться от лишних забот — „баба с возу — коням легче"... Да и дело то „внутриотдельское". Медведеву осточертело быть теперь простой пешкой — все делалось помимо него, начальника отдела. Сперва эта каракатица. Берман, потом „Его Высокопревосходительство" — Буланин, а вот теперь „стальной человек", Кочетков. И все они помимо него что то лихорадочно организуют — видно, Москва сильно испугана этим чортовым Светловым... Но трое больных — пустяк...

Шуб с тревогой следил за выражением дубового лица Медведева и, заметив, что оно просветлело, облегченно, хотя и незаметно, вздохнул... Так сбылось предсказание отца Петра, что Медведев еще будет им полезен.

— Ну, что ж, доктор — вы правы. И так на нашу голову свалилось много тревог... Вы об этой радиограмме никому не докладывали? Я подразумеваю — Берману или Кочеткову?

— Как же я осмелюсь без вашего приказа? Да и это наше внутреннее местное дело. Может быть, все и так образуется. Болезнь загадочна, вот мы и отправили больных в центр. Кто может нас в этом упрекнуть?

—Правильно... Так что вы, доктор — полный молчок. И вызовите мне майора Иванова.

ТАКТИКА МАЙОРА ИВАНОВА

После всех пертурбаций последних недель майор Иванов сделался незаменимым, хотя держался по прежнему незаметно. В кабинет Медведева он вошел, как всегда, деревянным шагом с ничего не выражающим лицом.

— Садитесь, товарищ Иванов, радушно сказал Медведев. Вот, покою вам нет. Вы теперь, как говорится, прислуга за все. Все узкие места затыкаете. И неплохо... Я вас уже представил и к ордену и к повышению в чине. Скоро быть вам полковником!

Иванов молча поклонился. Лицо его оставалось мертвым.

— А теперь вот какое дело, товарищ „полу-полковник": придется вам полетать...

Медведев изложил сущность дела и поручения.

— Должен добавить, что все это опасно — не с точки зрения стрельбы, а — заразы. Но в Новосибирск больных без сопровождения мы отправить не можем. Поручаю это дело вам.

— Раз приказ — какой может быть разговор, товарищ Медведев? Что я должен сделать?

— А вот что. Когда самолет с больными приземлится, вы должны его изолировать, никого не впускать и не выпускать. Набрать горючего и сейчас же отправиться в Новосибирск. Письменный приказ я вам сейчас напишу. Что вы думаете обо всем этом?

Иванов думал несколько минут.

— Ну, что ж. Дело сложное, но все таки лучше, чем было выручать генерала Буланина. Я прошу вас, товарищ Медведев, дать мне приказ, чтобы на авионе мне все подчинялись. Долетим.

— А какую охрану вы считаете нужной?

— Тут прошу дать мне полномочия действовать, как лучше. Думаю, кроме меня, трех человек будет достаточно. Но разрешите мне лично подобрать этих трех — бестолковые все могут напортить.

— Это ,конечно. А заразиться не боитесь?

— Ну, без риска ничего не делается на нашей службе. Но я думаю — не так страшно. К больным мы прикасаться не будем — вот ведь и доктор Тищенко не заболел. А если эта чортова зараза по воздуху передается свежим людям — так я себя и охрану в газовые маски одену.

Медведев весело расхохотался.

— Молодец, товарищ Иванов! А я бы не догадался!... Валите! Через час получите все полномочия. Самолет из изолятора будет, вероятно, завтра утром — тут и лета всего часа два-три. Только вот какая неприятная история: в Новосибирске вам придется задержаться, так сказать, в карантине. А то еще привезете оттуда заразу. Как только тамошняя медчасть вас всех отпустит — Тищенко в том числе — вернетесь сюда и оденете полковничьи погоны. Давайте авансом выпьем за эти ваши погоны.

Медведев радушно налил Иванову стопку коньяку, которую тот и выпил ,не меняя выражения своего непроницаемого лица.

ПОВОРОТ НА 90 ГРАДУСОВ!

Аэродром Неелова был приведен на положение тревоги. Снабженный специальными полномочиями, Иванов строго распоряжался.

Как только небольшой самолет плавно опустился на землю, цепь солдат сейчас же окружила его. Моторная повозка подвезла несколько бидонов с горючим.

Когда дверь самолета открылась, Иванов громко скомандовал:

— Приказ начальника отдела. Никто не смеет покидать машину. Сейчас вам в баки зальют горючего, и полетим дальше.

— Это еще куда? — раздраженно спросил пилот, высунувшись в боковое окно.

— В воздухе получите приказ. Лететь недалеко...

Повторив строгий приказ никого не выпускать из самолета, Иванов ушел в караульное помещение и вышел оттуда в сопровождении трех конвоиров — все они уже были в газовых масках. Один конвоир, видимо, постарше, был с наганом. Двое — помоложе — с винтовками.

Все они вошли в машину, моторы заревели, цепь охраны разбежалась, и авион взял направление на запад.

Доктор Тищенко с любопытством и удивлением смотрел на страшные газовые маски, скрывавшие лица. Иванов заметил это и сдернул свою маску. По его знаку сделали это и конвоиры. Двое из них оказались почти мальчиками. Но третий был среднего возраста с темно-коричневым лицом. Его подозвал к себе Иванов, и подошел к пилоту.

— Где тут у вас радио? — спросил он. Тот ткнул пальцем в угол кабины.

— Вот что, Степаныч, выньте наган и не давайте никому касаться рации *).

Уйдя в большую кабину ,Иванов что то прошептал доктору Тищенко, лицо которого сразу прояснилось. Он полез в свой чемоданчик и вынул оттуда какие то ампулы. Больные по-прежнему метались в жару, но после какой то инъекции сразу стихли и заснули. Алкниса Тищенко не тронул.

Пилот с удивленным беспокойством оглядывался назад, но вел самолет на запад.

Через час полета Иванов опять подошел к пилоту. Он дал ему прочесть категорический приказ Медведева о полном подчинении. Погоны майора и властное выражение лица тоже действовали.

— Вот что, товарищ Коротков, — сухо сказал он. —Дайте сейчас же радио в Неелово. „Моторы заели. Ищу места приземлиться. Полагаю, что нахожусь в районе станции Тайга. Р. А. 12".

Пилот чекисткого авиона, небольшой коренастый человек с хмурым и злым лицом, был поражен.

— Что за дьявольщина? В чем дело?

— Секретное боевое задание. Если не выполните — пристрелю на месте.

---

*) Советское сокращение **радио-станция.**

Лица Иванова и Степаныча были жесткими и суровыми... Пожав плечами, пилот передал телеграмму.

— Теперь передайте еще одну. Опознавательные знаки — К К 42 — ,,Через два часа спустимся на озере".

Когда и эта телеграмма была передана, Иванов кратко сказал Степанычу: ,,Если теперь пилот коснется радио — стреляйте без никаких..."

Вернувшись в общую кабину, Иванов коротко приказал Ваньке и Ваське:

— Пристегните этому дяде — он указал на Алкниса, который оставался еще без сознания — парашют и в карманы суньте побольше продовольствия. Когда будете толкать его из двери — дерните это вот кольцо... А там — дальше — дело не наше.

Сильный ветер ворвался в дверь. Темное тело мелькнуло и исчезло во мраке. Степаныч стоял с револьвером в руке и не позволял пилоту даже и оглянуться.

Иванов опять подошел к ним.

— Поворот на 90 градусов к югу. Вот вам карта. Нужно сесть рано утром на это вот озеро. Понимаю, что это трудно. Риск для самолета. Но не сядете хорошо — сами же погибнете. Боевой приказ Москвы!

Растерявшийся пилот не знал, что и думать. Приходилось повиноваться. Степаныч с суровым лицом стоял рядом и взглядывал на карту и компас.

Отдав все эти распоряжения, Иванов как бы потерял свою напряженность. Подойдя к Тищенке, он тихо сказал:

— Насчет коменданта Валерий Михайлович не приказывал, но это было необходимо. Брать Алкниса с собой — очень уж опасно. Спасется ли он или нет — нам дела нет. Он был много раз начальником конц-лагерей, и на его совести тысячи жизней... Чорт с ним!... А как с вашими больными?

— Через час очухаются и будут совсем здоровы.

— Кто такая дама — я знаю. А вот что за парень? Ну, и слонище!

— А это сынишка вашего Еремея Дубина!

— Ах, вот что? — засмеялся Иванов, и его деревянное лицо в первый раз — может быть, за много месяцев — осветилось веселой улыбкой.

— Весь в папашу!... Помню, как тот в комендатуре разворачивался! Даже теперь дрожь пробирает!... Но, видно, корень у обоих хорош — крепкие русаки...

Моторы гудели спокойно и уверенно. Самолет уже пролетел над перевалами, и пилот напряженно вглядывался в туманную даль, отыскивая озеро.

Вероника открыла глаза. Она прежде всего увидела широкое веселое улыбающееся лицо Феди. Потом внимательное и вечно настороженное — Иванова. Все — чужие. Но Тищенко повернулся, и все случившееся сразу встало в ее памяти. Тищенко тоже ласково ей улыбнулся.

— Мы спускаемся к Валерию Михайловичу! — тихо сказал он.

У Вероники опять закружилась голова...

Ванька и Васька спешно приготовляли спасательные пояса.

НА ЗАИМКЕ

Царило молчаливое и тяжкое напряжение. Все было сделано, оставалось только ждать результатов. В любые планы могли ворваться неожиданные события, и нужно будет опять что то налаживать и устраивать.

Особенно тяжело было Светлову. Ему все время казалось, что он чего то не додумал, чего то не предусмотрел. И что, если случится какая либо трагедия — она будет навсегда лежать на его совести... Он то ходил неровными шагами, не отдаляясь от своего радио, то сидел в кресле мрачно насупившись. Заимщики его не тревожили вопросами. Питер-Паркер, Еремей и Потапыч понимали, какая страшная ставка поставлена Светловым. Но Дарье Андреевне и Авдотье Еремеевне казалось, что самое важное во всех этих передрягах — выручить жену Светлова. Им казалось, что напряжение этого научного работника только и зависит от тревоги за жену. И своими бабьими сердцами они „жалели" Светлова и молились за его счастье...

Маленькое оживление наступило, когда вернулся Степка. Вернулся он с торжествующим лицом — все поручения он выполнил „на ять". И впервые в жизни чувствовал, что он кому то зачем то нужен, и что он делает свое маленькое дело в большой задаче.

А потом радио запрыгали один за другим. Отец Петр распаковал и свое большое радио и тоже напряженно ловил волну за волной. И вот, наконец, радио-волны принесли долгожданные слова:

„Через два часа спустимся на озере".

Светлов вскочил, как будто им выстрелили из пушки. Хотя все было уже подготовлено, какая то лихорадка охватила заимку. Уже давно от сойотов получена была партия лошадей — за что им был отдан на растерзание тот небольшой самолет, на котором прилетели Еремей и Паркер. Со-

йоты сейчас же растащили самолет на части — в их стойбищах все пошло в дело.

Все взрослое население заимки помчалось к озеру. Там давно уже были приготовлены лодки и даже плоты. Знали, что сухопутному самолету нелегко спуститься на озеро. Может и перевернуться и сразу затонуть. Но озеро было мелкое и длинное. При опытном пилоте можно было как то спуститься, рискуя только поломкой шасси или крыла.

***

Солнце уже начинало всходить ,туман таял, когда вдали послышался шум моторов. Потом появилась черная точка. Самолет проделал два круга над озером, заметил опознавательный знак — белую стрелу — и стал снижаться... Все затаили дыхание. Колеса самолета взрыли, наконец, воду, опять оторвались от поверхности, и, резко снизив скорость самолет стал бурлить воду. Казалось, что он вот-вот перевернется ,но пилот сумел выправить машину, и только на мелкой воде одно крыло врылось в воду и сломалось. Самолет погрузился до дверей кабины и стал.

С громким ,,ура" заимщики бросились в лодки. Головная часть машины была уже почти на мели, и к ней можно было подойти вброд.

В дверях самолета показались знакомые сияющие лица...

Через полчаса мать и сестра рыдали на шее у Феди, а Светлов стоял неподвижно с прильнувшей к его груди Вероникой...

Сколько лет тягостной разлуки!... И вот теперь — словно чудо... Горло Валерия Михайловича сжималось, и он молчал, держа в объятиях жену. Заимщики деликатно отвернулись от этой пары и только заметили ,как у сурового Светлова дрожали руки, мягко гладившие плечо жены...

А та захлебывающимся голосом все шептала: ,,Валя!... Валя..!"

***

Все это казалось каким то сном ,но вставшее солнышко осветило эту реальность. Действительно, и Вероника и Федя были спасены из ада изолятора. И то, что еще предстояло впереди, всем казалось пустяком в сравнении с тем, что было и что уже ушло в прошлое.

Еремей в свою очередь прижал Федю к своей могучей груди и буркнул что то вроде ,,Молодец, Федюшка!" А Федя, догадавшись о подвиге Степки, заключил последнего

в свои объятья с такой силой, что наш старатель долго не мог свободно вздохнуть.

По распоряжению Иванова, остававшегося все время „в ясном уме и твердой памяти", пилоту завязали глаза, и все веселой гурьбой поехали на заимку.

— А как будет с самолетом? — спросил о. Петр. Еремей пренебрежительно махнул рукой.

— Пусть сойоты им владают! Крыло то ведь сломано.

— Ну, не скажите — там еще есть для нас немало ценного — одно радио чего стоит! Да и бензин...

— Ладно. Я пришлю мальцов с винтовками — пусть пока постерегут, пока вы там, отец Петр, соберетесь забрать оттуда все, что вам пригодиться может.

БЫВШИЙ ТОВАРИЩ ИВАНОВ ОБРИСОВЫВАЕТСЯ

Когда пилота сняли с разбитого аппарата, ему завязали глаза и поместили в отдельной избушке. Вечером того же дня к нему зашел майор Иванов. На нем не было уже формы и погон — он был в таежно-походном „обмундировании".

— Ну как, товарищ Коротков? — Голос всегда сухого и выдержанного Иванова был весел и жизнерадостен. Вы уж не сердитесь за повязку на глаза... Мы ведь до сих пор так и не знаем, что с вами делать!

Коротков давно уже понял, что Иванов находится в группе этих „заговорщиков". Но в самом заговоре он ничего не понимал. Мрачно глядя на Иванова, он пробурчал:

— Как же это вы, товарищ майор, в предатели попали?

— В предатели кому? — Голос Иванова был ровен и спокоен.

— Да ведь вы же член партии! А связались с этой контрреволюционной сволочью!

— А по вашему — Медведев и Берман — а повыше их — Сталин — лучше?

— Они все — вожди партии. Мы обязаны идти с ними.

— Куда?

— Бороться с капитализмом за построение социализма и мировую революцию, — не очень уверенно ответил Коротков.

Иванов весело рассмеялся.

— Бросьте, Коротков, тут полит — грамоту проповедовать. Вопрос труднее: что нам с **вами** делать?

— А где полковник Алкнис? — с нервной подозрительностью спросил пилот. — Ликвидировали?

— Не вполне. Спустили его на парашюте с запасом продовольствия.

— Это ночью то в тайгу то? И больного?

— „Лес рубят — щепки летят". Алкнис нам ни к чему. Да и болезнь у него „липовая". Очухается ... А если и нет — чорт с ним. Вы будто бы не знаете, каким зверем вел он себя в концлагерях?

— Так то — с врагами народа!

— А вы сами то, Коротков, друг народа?

Пилот растерялся.

— Я то? И верный член партии!

— И вы верите, что партия — законный вождь и друг русского народа?

— Идите вы к чорту! — рявкнул Коротков. — Я еще мальчиком был в пионерах, потом в комсомоле. Теперь — член партии. Партия дала мне образование, возвысила и обеспечила всем. И доверила машину. И вы зря будете меня уговаривать пойти на предательство! — Коротков угрюмо замолчал.

— Ладно, не будем спорить, — спокойно ответил Иванов. — Ни в рай, ни на свободу за волосы не тащат ... У нас есть вот какие возможности в отношении вас. Первая — вас просто расстрелять. Я бы так и сделал, но, к сожалению, наш профессор Светлов не любит зря проливать крови, — даже чекистской. Вторая: оставить вас здесь, а самим уйти. Но Неелово скоро обнаружит наш побег и пришлет сюда своих людей. А вы слишком много видели ... Да и имейте в виду, что вам тут не поздоровилось бы от сойотов: они ведь все „враги народа" и коммунистов очень не любят. Значит, остается последняя перспектива: взять вас с собой и на границе отпустить на все четыре стороны.

— А что я буду делать в этой дыре? — раздраженно спросил Коротков.

— Вернетесь обратно как нибудь. Нас это не касается.

Коротков угрюмо замолчал. Иванов улыбнулся.

— А там дальше — если вам повезет — доберетесь до Неелова и там ...

— А там что? — уже с явным беспокойством спросил пилот.

— Очень просто, — любезно объяснил Иванов. — Вас там сейчас же арестуют по подозрению в соучастии — со всеми вытекающими отсюда выводами и следствиями ... Семью арестуют и раньше.

Напоминание о таких „перспективах" заставило Короткова вздрогнуть.

— Я могу вам дать совет. После перехода границы один из наших „пленных", китаец Чжо-Мин, направится к себе

в Китай — куда именно, не знаю, можете сговориться с ним сами.

— И что дальше?

— А дальше — если не захотите остаться в Китае, где либо явитесь к советскому полпреду и попросите его направить вас домой. Может быть, к тому времени острота теперешних событий ослабеет, вы что либо там наврете и выкрутитесь. Дело ваше — партийное... Предпочитаете быть погонщиком и палачом рабов? Дело вашей совести — если она у вас есть... Вы, я вижу, к нам присоединяться не хотите. Так что пока посидите в этой хатке. Если попробуете шпионить — сразу же будете расстреляны.

— Товарищ Иванов...

— Я уже не „товарищ", а „господин" или, если хотите — „мистер", — резко перебил его бывший майор. — И если вам по дороге с партией, нам с вами не по дороге. И заметьте, что шутить мы не любим!...

**
*

Выйдя из избы, Иванов наткнулся на Светлова и как то ошарашенно отступил назад. Всегда суровое лицо Светлова теперь улыбалось, резкая складка, пересекавшая лоб, разгладилась, и даже его светлая курчавая бородка казалось „помолодела".

Светлов догадался о впечатлении Иванова и весело рассмеялся.

— Мы все теперь другими людьми выглядим! Удача всегда ободряет... Жаль, что вашу жену не вытащили из Неелова!

Иванов криво усмехнулся.

— Да это — не жена, а партийный довесок, „принудительный ассортимент". Думаю, что ее даже и не тронут...

— А как с пилотом?

— Говорил с ним. Не поддается — чистый большевик. Я думаю, нужно поручить его Чжо-Мину до китайской границы. А там — как хочет...

— Ну, что ж. Но я ему все таки поручение дам.

ЗАПИСКА БЕРМАНА

Пилот Коротков сидел, мрачно насупившись: вот, вляпался в чортову переделку!.. „Доказывай потом, что ты не верблюд"... При виде Светлова, за спиной которого стоял Иванов, он зло нахмурился.

— Ну, чорта еще вам от меня нужно?

— Да кое что, что нужно **вам**, товарищ Коротков.

— Называйте меня „товарищ капитан", — презрительно бросил он.

— Хорошо. Но не в том дело. Мы вас возьмем с собой до китайской границы. А там ваше дело — возвращаться самому обратно и как именно. Всем необходимым мы вас снабдим. Но, милейший капитан, если ваш Карл Маркс доведет вас до Неелова — ваше положение будет очень скользким. Так вот — я даю вам этот небольшой пакетик — в нем может заключаться ваша судьба. Надписи нет. Если хотите, можете его выбросить или сказать, что вы не знали о его содержании. Дело в том, что если этот пакетик попадет от вас в руки Бермана — дело ваше пропащее. Но если вы передадите его Медведеву — будете не только спасены, но можете и что то выиграть...

Светлов сказал все это ясным и холодным тоном. Коротков взял пакет не без колебания, а потом неожиданно спросил:

— Так это вы будете господин Светлов?

— Я самый, коротко ответил Светлов, поворачиваясь к двери.

Судорога ненависти исказила лицо советского пилота...

ВАНЬКА — ВАСЬКА

У двери, вытянувшись по солдатски, молодцовато стоял один из бывших беспризорников Лесной Пади. Иванов ему дружески улыбнулся.

— Ты кто — Ванька или Васька?

— А это все равно, весело ответил тот. Мы тута меняемся на карауле.

— Правильно, не спускай с этого чекиста глаз. Чуть что-стреляй!

— Само собой. А только позвольте спросить, тов... господин Светлов. Верно, что мы в Америку попадем? Глаза беспризорника блестели от оживления.

— Попадем, Ваня-Вася. А что?

— Ну, так, значит, мы там встретим Монтигомо, Ястребиный Коготь? И могиканов? И, может, всадника без головы? Нам Степаныч здорово об этом рассказывал.

Его собеседники весело рассмеялись.

— Постараемся, Ваня-Вася. Ты еще много чудес на своем веку увидишь. А пока сторожи крепко.

— Знамо дело! И Ванька-Васька уверенно стукнул прикладом о землю.

Светлов стал давать Иванову распоряжения о подготовке к пути и неожиданно споткнулся на полу-слове:

— Тов... майор, господин... Фу, чорт! Как будто все иностранные слова! И, дружески положив руку на плечо Иванова, он сердечным тоном сказал: Но, и в самом деле — как лучше всего вас называть?

Обычно деревянное и напряженное лицо бывшего майора просветлело.

— А просто зовите меня Василием Ивановичем. Меня уже много десятков лет так не называли. А звучит уютно... Я даже как то просто человеком себя не чувствовал. Просто часть какой то слепой машины: ни души, ни мозга, ни совести.

— Еще бы... Вы теперь впервые попали в новый мир. Выдернули мы вас, как репку из советской земли. Не жалко? Не страшно?

— Помилуйте, Валерий Михайлович! Да я весь век должен вас и Степаныча благодарить, что сделали из меня человека, а не колесико чекистской машины. Я был так счастлив вам всем помочь... Не знаю только, сгожусь ли дальше?

Светлов сердечно пожал ему руку.

— Конечно, пригодитесь! Мы ведь будем вместе. А за Россию и свободу можно бороться везде. Было бы лишь желание и смелость...

***

Когда первая радость встречи и удачно выполненного плана прошла ,на заимке „Дубино" закипела лихорадочная деятельность.

Прежде всего, Светлов собрал взрослых заимщиков и объяснил им, почему наизбежно и необходимо покинуть заимку. Майор Иванов, — который уже снял свои погоны, подтвердил, что весь этот район раньше или позже отойдет к СССР.

Потапыч сурово добавил:

— Вы, земляки, советскую власть не нюхали, а я, можно сказать, ее наскрозь знаю. Но вам всем узнать ее не желаю. Понятно, как больно покидать насиженный уголок, но даже в самой Рассее нигде покоя нет. А ежели вас тут захватят — будут считать антисоветским елементом. А это — не дай Боже!

— Не думайте, что вы одни бежите из России, — добавил Светлов. — Там, в свободном мире, есть много миллионов русских людей, которые, как говорят, „выбрали свободу". Мы пока направимся через Китай в Тибет, а там дальше —

посмотрим: „свет не клином сошелся". Деньги у нас есть — и золото и валюта — вот Еремей Павлович, вы сами знаете, накопил пудов пять золота. Да и отец Петр имеет кое что — он предоставил свои деньги на общие нужды. Где именно вы все осядете — еще трудно сказать, но мы вас не оставим.

Бородатые заимщики мрачно молчали, но понимали, что иного выхода нет. Да и они тонким чутьем таежных людей поняли, что с ними говорят искренние друзья. И только молчаливо вздыхали. Всегда бодрый Еремей стал давать распоряжения.

Тем временем оказалось ,что рация, снятая с поврежденного самолета, работает хорошо. В Неелово сейчас же дали радио-грамму:

„Вынуждены приземлиться. Аппарат поврежден. Полагаю, находимся 100 клм. северу станции Тайга. Ждем помощи. На борту все благополучно. Больные спят. Иванов, Коротков, Тищенко. Р. А. 12".

— Пусть пока нас там в тайге ищут. А мы тронемся к югу, — насмешливо буркнул о. Петр.

Еремей Павлович готовил всех к длительному путешествию. Проверялись повозки, кормили лошадей. Соседям сойотам был дан „на поток и разграбление" и второй самолет. Но Еремей сурово предупредил их, чтобы все было скрыто, когда придут сюда советчики — если что либо найдут от самолетов — пощады не ждать.

СТЕПКА ПЕРЕД РЕШЕНИЕМ

Степка впервые в жизни почувствовал, что и он тоже „член общества" — да еще и в такого общества, где не было врагов и где не нужно было быть вечно настороженным и свирепым. Жительницы заимки „взяли его на буксир", заставили хорошенько вымыться в бане и даже — не без отчаянного его сопротивления — подрезали его жесткую курчавую бородку. „Ну, теперь я совсем жених". смеялся Степка, и его даже как то не тянуло к водке. И хотя он повторял свое неизменное „в горле совсем пересохши", но охотно пил какой то вкусный мед, приготовленный Дарьей Андреевной.

К постоянной серьезной работе он был неспособен, но на его помощь никто особенно и не расчитывал. Выпросив у Светлова его „аппетическую винтовку", он показывал чудеса меткой стрельбы. Он ловко подкидывал камень величиной в кулак и разбивал его пулей в воздухе, вызывая восхищение даже метких таежников.

Когда Федотыч строго ему заметил, что патроны нужно беречь, Степка беспечно ответил:

— А для чего? Мы ведь у красноиндейцев набрали их много, боев пока не предвидится. А что ж мы — оружие и патроны в заграницу повезем?

В общем оживлении Степка чувствовал себя членом большой дружной семьи. Он всегда был одиночкой, „волком-бирюком", а теперь почувствовал, что дружная семья греет его сердце. Аристотель с его „человек — животное общественное" — с удовлетворением улыбнулся бы, видя превращение Степки в такое „общественное животное"...

***

Молчаливый Степаныч и повеселевший Потапыч принимали самое активное участие в общей подготовке. Иванов больше сидел над картами, а Светлов, Паркер и о. Петр, уединившись, все совещались о чем то. Любопытный Степка подслушал отрывки их разговоров и потом жаловался Еремею:

— Чорт его знает — как будто русский язык, а ничего не понять. И шипит там что то — вроде, как змеи. Огоньки какие то сь прыгают. А что к чему — не разберешь!..

Тот добродушно трепал его непокрытую всколоченную голову.

— И не поймешь, Степушка! Я — тоже. Там все люди умственные, образованные. Им, видно, есть о чем думать!...

Светлов назначил отъезд через два дня и объяснил, что пока будет безопаснее двигаться по ночам — такую большую группу могут заметить с самолетов. И нужно будет двигаться быстро.

Часы летели секундами, но чем ближе был срок отъезда — тем сумрачнее было лицо Степки. Какая то жалостная неуверенность чудилась в его глазах.

Наконец, он не выдержал и пошел к Светлову.

— Вот, Валерий Михайлович. Вы это, значит, все смоетесь. А я — что? —

— И вы с нами, Степа. Куда же вам деться? С нами уходит и ходя и бывший пограничник Петренко. Пойдем все вместе.

Лицо таежного старателя перекосилось, и губы дрогнули.

— Ну, я понимаю — „цыган за компанию даже повесился". Все вы такие душевные люди. Но только... что я там буду делать?

Видно было, что понятие „там" его просто пугает.

— Ну что ж, Степка — мы вас не оставим. Пристроим к делу, будете жить свободно, учиться, женитесь.

— Оооох, Валерий Михайлович — горбатого могила ис-

правит! Где уж мне такая жисть? Да и к тайге — матушке я привык — тут я „дома". А тамочки?... Страх берет. Тут все как то родное...

— Так что же вы, Степа, хотите остаться?

Степка словно проглотил какой то комок.

— Жалко мне с вами расставаться. Да ведь „там" все вместе никак не будем?

— Не будем, сурово подтвердил Светлов. Заимщиков наших устроим где либо в хорошей стране на землю. А я, с женой, мистер Паркер, Иванов, отец Петр двинемся, вероятно, в Америку. Федя будет там мировой чемпион. Туда и Ваньку и Ваську возьмем.

— Этих то шалопаев? — удивился Степка. — А зачем это?

— А пусть учатся, людьми будут!

Степка подумал.

— Что ж, это верно — а я вот неученым и останусь. Да мне это и ни к чему... Так вот, сами видите, Валерий Михайлович — мне ни с кем не по дороге. Да и тут в тайге у меня дело есть — тую насекомую сволочь...

— Бермана?

— Угу! Виданое ли дело — человека на цепочку? Ни в жисть я этого ему не забуду! „Попадется быстрая вошка на гребешок. Дай срок!"... Уж я его где нибудь подстерегу. А с вашим апетическим винтом — не уйдет он от моей пули! Да и другую сволоту...

Светлов улыбнулся.

— Ну что ж, Степа. Мою винтовку вы получите — а с ней и хороший запас патронов. Может быть, вы и правы: вас из тайги вытащить — как рыбу на берег. Ванька и Васька применятся к новой жизни, а вам трудно... Что ж делать — оставайтесь. Бог вам в помощь — только смотрите — не попадитесь!

— Это уж извините, Валерий Михайлович. Теперь я — ученый...

— Но верно и то, Степа, что вас теперь искать не будут. Будут думать, что вы с нами ушли...

— Вот и ладно... Жаль, конечно, вас всех покидать, но там я буду — „пришей кобыле хвост"... А тут — тайга матушка, мой верный Лыско, винт, самородок найду. А если в горле пересохши — разве мало коопов?

— Оооох, милый мой Степушка! Вляпаетесь опять!

— Это я то? В матушке тайге?

— Да ведь раз под Троицким попались! Второй раз не выкрутитесь.

— Это я то? — опять возмутился Степка. — А кто с боровом и с шестиколесной машиной разделался? Да со мной

и Лыско будет — задушевная животная. Вот и винт ваш апетический... Там, под Троицким, я свою бердану оставил. Ежели в горле пересохши — завсегда в какой то там кооп можно завернуть...

Решение Степки никакого удивления не вызвало. Все понимали, что эта вольная птица никогда не сможет примениться ни к постоянной работе, ни к новому миру.

Уходившие сейчас же опустошли свои карманы и передали Степке запас своих советских дензнаков. Еремей Павлович свел его к той золотой жиле, откуда заимщики набрали пять пудов золота. Отец Петр напомнил Степке о пещере, куда они сложили кое какие вещи, и дал свои указания, где там найти золото по соседству. Еремей сунул ему в спинной мешок несколько фунтов самородков, и Степка, хотя ему хотелось плакать при расставании, почувствовал себя богачом. Он решил уходить назад в тайгу после отправления всего каравана на юг.

***

Как то совсем неожиданно встал трудный вопрос: что делать с самой заимкой? Казалось бы, уходя в неизвестность с почти полными шансами никогда больше сюда не вернуться — надо было бы сжечь всю заимку с ее избами. В обсуждении этого тяжелого вопроса „приезжие друзья" деликатно не участвовали, предоставив его решению самих заимщиков. („чалдонов", как их дружески-весело называл Степка). Жители заимки — как-то без спора, без обсуждения, почти молчаливо — решили не трогать изб, которые они строили с такой любовью и где провели столько лет привольной трудовой жизни, вне „советского рая".

Светлов со своими „образованными друзьями" понял это и так же молчаливо согласился, понимая чувства этих простых, но мужественных людей.

— А решение то наших ребят — правильное, — тихо заметил Еремей. — Тут на дороге в Китай — нет, нет, а беглецы из лагерей бывали. Мало, конечно — путь то какой? — но бывали. Мы их обогревали, кормили и дальше путь указывали... Может, наша заимка и пустой даже кому из беглецов пригодится... Как знать?

„НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ, ВЛАДЫКО"...

К вечеру следующего дня все было готово к отъезду на юг, в загадочную неизвестность. Но уныния не было: этим смелым и решительным людям трудно было все расчитать,

но когда решение было принято — все страхи и сомнения расплывались, как туман.

Все были в полном здоровьи, кроме Вероники, которая после 7 лет заключения была так потрясена бурными событиями, что ослабела и слегла... Ее бережно уложили в большую повозку. Кругом были ласковые улыбающиеся лица. Толстый доктор Тищенко трогательно за ней ухаживал. Он тоже ожил после скучного прозябания в изоляторе и даже шутил, что отпустит себе запорожский „оселедець". Нечего и говорить, как она была счастлива, когда над ней склонялось улыбающееся лицо мужа!

И Вероника не знала, что именно было сном — страшный изолятор или теперешний веселый шум и движение...

**
*

Темнело все больше. Опять и опять Светлов, Паркер и отец Петр скрылись в домике и склонились над какими то вычислениями и аппаратами. Еремей Павлович не без беспокойства ждал приказа — он не понимал, почему сигнал об отправлении задерживается — а вдруг погоня?

Наконец, из домика — уже совсем пустого, вышел Светлов в походном снаряжении. О. Паисий только взглянул на него и понял.

— Ну, братцы-православные, сказал он торжественно. Теперь помолимся Господу о нашем путешествии. И хоть теперь Россия не мать, а мачеха — помолимся и об ее спасении от сил адовых!

И медленно возгласил первые слова молебна:

— Благословен Бог наш...

— „И ныне и присно и во веки веков, аминь", — тихо, но дружно подхватили заимщики. По тайге разнеслась песня — молитва людей, уходивших в неизвестность и смиренно просивших Всемогущего о спасении и удаче...

Светлов стоял неподвижно, окруженный озабоченными Паркером и о. Петром. На щеках его перекатывались какие то желваки. Глубокая морщина опять перерезала лоб. Он поминутно сверял компас и часы. В руках у него был какой то небольшой металлический ящик.

— Ну, друзья, вдруг сказал он после молитвы каким то сдавленным голосом, и слова его прервались словно судорогой. — Всем смотреть туда вот! И он протянул руку к северо-востоку.

С удивлением заимщики повернули головы в указанном направлении. Сумерки уже совсем сгустились, и только на

западе была еще полоска вечерней зари. Светлов повернул какой то рычажок в своем ящике...

И вдруг над темной линией тайги блеснула словно молния. Столб огня взметнулся к небу и расплылся багровым грибом. Все, как по команде, сняли шапки. Многие стали креститься.

А огненный столб ширился. Странный свет залил темнеющее небо. В глухом молчании оцепеневшие люди стояли и не сводили глаз с „небесного огня". И только через 2-3 минуты откуда то донеслись глухие раскаты грома. Казалось, что гремит все — и небо и земля и темная тайга. Мрачный гул пронесся и затих. Но еще долго в небе светился чудовищный гриб атомного взрыва...

Все поняли — Нарынский изолятор перестал существовать... Потом яркий свет от взрыва стал тускнеть. Неподвижные люди зашевелились, одели шапки, заговорили возбужденными голосами.

Отец Паисий стал на колени:

— „Ныне отпущаеши рабов своих, Владыко"...

Светлов, стоявший рядом, тихо вздохнул и подумал: „Ныне отпущаеши сынов своих, Россия! Но ненадолго: еще мы все придем к Тебе, Родная! И, Бог даст, поможем, как помогли вот теперь всему беззаботному человечеству!..."

... Только он, Паркер, да о. Петр, понимали, **что** произошло — свободный мир — хотя бы на время — ушел из под опасности неожиданного страшного удара со стороны СССР. Какая то передышка была дана этому беззаботному свободному миру — ценой страшных самоотверженных усилий группы смелых людей...

Светлов расправил напряженные плечи, словно с них свалилась страшная тяжесть, и звучно скомандивал:

— Ну, теперь — в путь-дорогу, друзья! С Богом!

Долго еще старые заимщики оглядывались на „родное пепелище", оставляемое в целости врагу Бога и России. Женщины не могли сдержать рыданий...

Верный Лыско, тревожно шевеля ушами, и видя, как уходят к лесу другие лошади, внезапно заржал тонко и жалобно. Ему издали лошади ответили прощальным приветом.

Несколько заимщиков, уже у края тайги, подняли на стволах винтовок свои шапки и попрощались со Степкой, неподвижно стоявшим у ворот.

Наконец, последние люди скрылись в сумерках. Тишина поползла к пустой заимке. Степка внезапно почувствовал себя осиротевшим. Он всхлыпнул, обнял шею своего верного друга и прерывающимся голосом прошептал:

— Господи! Помоги им всем!

А потом помолчал и добавил:

— И нам с тобой, Лыско, тоже... Пойдем, брат, обратно в тайгу-матушку. Она — тоже Расея...

Может, она и без меня обойдется, но мне без нее — жисть не в жисть!... Ничего!...

Конец

ОГЛАВЛЕНИЕ